

М Ә Ń Г І Л І К Е Л

KM

E PLURIBUS UNUM

**ҚҰҚЫҚ және МЕМЛЕКЕТ
ПРАВО и ГОСУДАРСТВО
LAW and STATE**

№ 1–2 (78-79), 2018

ТЕМЫ НОМЕРА:

**СИЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО
И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ**

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ**

«Уникальный опыт Казахстана, добивающегося полного устранения угрозы ядерного самоуничтожения планеты, остаётся единственным и не превзойденным в мировой истории.

Решение о закрытии Семипалатинского полигона было принято, когда мы ещё оставались частью бывшего СССР.

Пришлось одолеть мощное сопротивление союзной военно-командной машины.

На тот момент, после распада СССР, мы оказались обладателями четвертого по мощи в мире ракетно-ядерного потенциала.

На нашей территории размещались 104 межконтинентальные баллистические ракеты СС-18 («Сатана»).

На них было установлено 1400 ядерных боеголовок.

На наших аэродромах базировалось 40 стратегических бомбардировщиков ТУ-95 МС с 370-ю крылатыми ядерными ракетами.

Этот потенциал превосходил ядерные силы Франции, Великобритании и Китая, вместе взятые.

На Семипалатинском полигоне оставалась мощная научно-исследовательская инфраструктура, готовая к производству и совершенствованию ядерного оружия.

К тому же Казахстан, обладая четвертью всех мировых запасов природного урана, располагал полным циклом его обогащения, производства ядерного топлива, реакторов и установок...

Отказ от ядерного оружия и статуса ядерной державы был нашим осознанным, искренним выбором, добровольным актом, поддержанным всем народом Казахстана.

Не менее значимым было и гуманитарное измерение этого исторического решения».

Выступление Президента Казахстана Н. Назарбаева на пленарном заседании Международной конференции «Построение мира без ядерного оружия». 9 августа 2016 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: <http://www.akorda.kz/ru> (05.07.2018 г.).

«...XXI век набирает свой ход, сжимая время и расстояния...

Сегодня рождается новый тип глобальной экономики, и вместе с этим утверждаются новые принципы международных отношений. На смену господствующему последние 2-3 столетия общественному укладу приходят совершенно новые форматы и модели развития.

В то же время в динамике текущего столетия много тревожных знаков времени. Мы это наблюдаем. Противостояния между ведущими державами, гражданские войны и межэтнические конфликты, терроризм, угроза голода и эпидемий стали новой повседневной реальностью. Глобальный кризис, начавшийся 7 лет назад, никуда не делся. И перерос в гиперкризис, который с каждым днём только нарастает.

Скажу откровенно - без новых программ и законов, принятых в стране за последние 3 года, ситуация могла быть гораздо более драматичной. Это относится и к Плану Нации, и Стратегии-2050, и программе «Нурлы Жол», и программе индустриального развития, которые мы приняли.

Время быстротечно. Желание нового качественного развития – вот Главная Идея Нации на ближайшие десятилетия! В предстоящие годы я намерен консолидировать усилия общества на выполнение всех стратегических задач».

Выступление Главы государства на торжественном собрании, посвященном 25-летию Независимости Республики Казахстан. 5 декабря 2016 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: <http://www.akorda.kz/ru> (05.07.2018 г.).

ҚҰҚЫҚ және МЕМЛЕКЕТ ПРАВО и ГОСУДАРСТВО LAW and STATE

№ 1–2 (78-79), 2018

ТЕМЫ НОМЕРА:

**СИЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО
И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ**

M.S. Narikbaev atyndagi KAZGUU Universiteti. «ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ МЕМЛЕКЕТ» ҒЫЛЫМИ-АҚПАРАТТЫҚ ЖУРНАЛЫ, 1997 ж. БЕРІ ШЫҒАРЫЛАДЫ, ШЫҒУ ЖІЛІГІ – ЖЫЛЫНА 4 РЕТ.

РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕС:

У. С. Жекебаев, з.ғ.д. (тераға); Н. М. Абдиров, з.ғ.д.; С. А. Авакьян, з.ғ.д.; Ж.К. Асанов, з.ғ.к.; А. Н. Ахпанов, з.ғ.д.; Б. Ж. Әбдірайым, з.ғ.д., ҚР ҰҒА корр. мүшесі; М. Т.-М. Баймаханов, з.ғ.д., ҚР ҰҒА академигі; Б. А. Бекназаров, з.ғ.к.; В.С. Белых, з.ғ.д.; И. Ш. Борчашвили, з.ғ.д.; А. К. Даулбаев, з.ғ.к.; Н. О. Дулатбеков, з.ғ.д., ҚР ҰҒА корр. мүшесі; М. И. Жумагулов, з.ғ.д.; А. Козловски, хабиль докторы; Е. К. Кубеев, з.ғ.д.; М. Н. Марченко, з.ғ.д.; С. П. Мороз, з.ғ.д.; В. Д. Перевалов, з.ғ.д.; И. И. Рогов, з.ғ.д.; Е. Р. Россинская, з.ғ.д.; А. Х. Саидов, з.ғ.д., Өзбекстанның ҰҒА академигі; М. А. Сарсембаев, з.ғ.д.; С. С. Сартаев, з.ғ.д., ҚР ҰҒА академигі; Е. Л. Тоғжанов, с.ғ.д., з.ғ.к.; Н. Н. Түрецкий, з.ғ.д.; Р. Т. Тусупбеков, з.ғ.к.; Д. С. Чукмаитов, з.ғ.д.; А. О. Шакиров, з.ғ.к.

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА МҮШЕЛЕРІ:

С. Ф. Ударцев, з.ғ.д. (бас редактор); Е. Б. Абдрасулов, з.ғ.д.; О.С. Бектибаева, PhD; А.А. Биебаева, з.ғ.д.; Ж. Д. Бусурманов, з.ғ.д.; М. М. Дауленов, PhD; Ч. У. Джекебаев, з.ғ.к.; Н.С. Ешниязов, PhD; А. Д. Жусупов, з.ғ.д.; С. К. Идрышева, з.ғ.д.; Ж.Г. Калишева, з.ғ.д.; Т. Е. Каудыров, з.ғ.д.; К. В. Ким, з.ғ.к.; М. Ш. Қоғамов, з.ғ.д.; Ө. С. Қыстаубай, з.ғ.к., PhD; О.В. Лозовая, PhD; В. А. Малиновский, з.ғ.д.; Т. М. Нарикбаев, з.ғ.к.; З.М. Ногайбай, заң докторы; А. М. Нурмагамбетов, з.ғ.д.; Р. Т. Нуртаев, з.ғ.д.; С. Г. Пен, з.ғ.к.; С.В. Саяпин, заң докторы; Қ. Қ. Сейтенов, з.ғ.д.; Ж.Р. Темирбеков, PhD; Ш. В. Тлепина, з.ғ.д.; Р. С. Фаизова, т.ғ.к.; У. Шапак, з.ғ.д.

Университет КАЗГУУ имену М.С. Нарикбаева. НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ «ПРАВО И ГОСУДАРСТВО», ИЗДАЕТСЯ С 1997 г., ПЕРИОДИЧНОСТЬ – 4 РАЗА В ГОД.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

У. С. Жекебаев, д.ю.н. (председатель); Н. М. Абдиров, д.ю.н., член-корр. НАН РК; С. А. Авакьян, д.ю.н.; Ж.К. Асанов, к.ю.н.; А. Н. Ахпанов, д.ю.н.; М. Т.-М. Баймаханов, д.ю.н., академик НАН РК; Б. А. Бекназаров, к.ю.н.; В. С. Белых, д.ю.н.; И. Ш. Борчашвили, д.ю.н.; А. К. Даулбаев, к.ю.н.; Н. О. Дулатбеков, д.ю.н., член-корр. НАН РК; М. И. Жумагулов, д.ю.н.; А. Козловски, доктор хабиль; Е. К. Кубеев, д.ю.н.; М. Н. Марченко, д.ю.н.; С. П. Мороз, д.ю.н.; В. Д. Перевалов, д.ю.н.; И. И. Рогов, д.ю.н.; Е. Р. Россинская, д.ю.н.; А. Х. Саидов, д.ю.н., академик НАН Узбекистана; М. А. Сарсембаев, д.ю.н.; С. С. Сартаев, д.ю.н., академик НАН РК; Е. Л. Тугжанов, д. полит.н., к.ю.н.; Н. Н. Түрецкий, д.ю.н.; Р. Т. Тусупбеков, к.ю.н.; Д. С. Чукмаитов, д.ю.н.; А. О. Шакиров, к.ю.н.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. Ф. Ударцев, д.ю.н. (главный редактор); Е. Б. Абдрасулов, д.ю.н.; О.С. Бектибаева, PhD; А.А. Биебаева, к.ю.н.; Ж. Д. Бусурманов, д.ю.н.; М. М. Дауленов, PhD; Ч. У. Джекебаев, к.ю.н.; Н.С. Ешниязов, PhD; А. Д. Жусупов, д.ю.н.; С. К. Идрышева, д.ю.н.; Ж.Г. Калишева, к.ю.н.; Т. Е. Каудыров, д.ю.н.; К. В. Ким, к.ю.н.; М. Ш. Қоғамов, д.ю.н.; Ө. С. Қыстаубай, к.ю.н., PhD; О.В. Лозовая, PhD; В. А. Малиновский, д.ю.н.; Т. М. Нарикбаев, З.М. Ногайбай, доктор права; к.ю.н.; А. М. Нурмагамбетов, д.ю.н.; Р. Т. Нуртаев, д.ю.н.; С. Г. Пен, к.ю.н.; С.В. Саяпин, доктор права; К. К. Сейтенов, д.ю.н.; Ж.Р. Темирбеков, PhD; Ш. В. Тлепина, д.ю.н.; Р. С. Фаизова, к.и.н.; У. Шапак, д.ю.н.

M. Narikbayev KAZGUU University. INFORMATION SCIENTIFIC JOURNAL «LAW AND STATE», PUBLISHED SINCE 1997, FREQUENCY OF PUBLICATION - 4 TIMES A YEAR.

EDITORIAL COUNCIL:

U. S. Jekebayev, Doctor of Law (Chairman); N. M. Abdirov, Doctor of Law; B. Zh. Abdraim, Doctor of Law, corresponding member of National Academy of Science of Kazakhstan; S. A. Avakyan, Doctor of Law; Asanov Zh.K., PhD in Law; A. N. Akhpanov, Doctor of Law; M. T. Baimakhanov, Doctor of Law, academician of National Academy of Science of Republic of Kazakhstan (Almaty); B. A. Beknazarov, PhD in Law; V. S. Belyh, Doctor of Law; I. Sh. Borchashvili, Doctor of Law; D. S. Chukmaitev, Doctor of Law; A. K. Daulbayev, PhD in Law; N. O. Dulatbekov, Doctor of Law, corresponding member of National Academy of Science of Kazakhstan; M. I. Zhumagulov, Doctor of Law; A. Kozlowski, Dr. Habil; E. K. Kubeyev, Doctor of Law; M. N. Marchenko, Doctor of Law; S. P. Moroz, Doctor of Law; V. D. Perevalov, Doctor of Law; I. I. Rogov, Doctor of Law; E. R. Rossinskaya, Doctor of Law; A. H. Saidov, Doctor of Law, academician of National Academy of Science of Uzbekistan; M. A. Sarsembayev, Doctor of Law; S. S. Sartayev, Doctor of Law, academician of National Academy of Science of Republic of Kazakhstan (Almaty); E. L. Tugzhanov, Doctor of Politics, PhD in Law; N. N. Turetsky, Doctor of Law; R. T. Tussupbekov, PhD in Law; A. O. Shakirov, PhD in Law.

EDITORIAL BOARD:

S. F. Udartsev, Doctor of Law (Chief Editor); E. B. Abdrassulov, Doctor of Law; O. S. Bektibaeva, PhD in International Law; A. A. Biebaeva, PhD in Law; Zh. D. Bussurmanov, Doctor of Law; M. M. Daulenov, PhD in International Law; N. S. Eshniyazov, PhD in International Law; R. S. Faizova, PhD in International Relations; S. K. Idrysheva, Doctor of Law; Zh. G. Kalisheva, PhD in Law; T. E. Kaudyrov, Doctor of Law; K. V. Kim, PhD in Law; M. Ch. Kogamov, Doctor of Law; O. S. Kystaubai, PhD in Law; O. V. Lozovaya, PhD in International Law; V. A. Malinovskiy, Doctor of Law; T. M. Narikbayev, PhD in Law; Z. M. Nogaibay, Dr. jur.; A. M. Nurmagambetov, Doctor of Law; R. T. Nurtayev, Doctor of Law; S. G. Pen, PhD in Law; S. V. Sayapin, Dr. jur.; K. K. Seitenov, Doctor of Law; U. Sh. Shapak, Doctor of Law; Zh. R. Temirbekov, PhD in International Law; Sh. V. Tlepina, Doctor of Law; Ch. U. Zhekebayev, PhD in Law; A. D. Zhussupov, Doctor of Law.

СОДЕРЖАНИЕ

Құқық және мемлекет
Право и государство
Law and state
№ 1-2 (78-79), 2018

СИЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Ударцев С.Ф. (Астана) Сильное правовое государство и новые вызовы безопасности: вопросы теории ----- 4

Малько А.В., Затонский В.А. (Саратов, Россия) Правовая политика в сфере формирования сильного правового государства ----- 23

Мелкевик Б. (Квебек, Канада) Сильное правовое государство: как противостоять современной разрушительной авторитарности ----- 35

Темирбеков Ж.Р. (Астана) Политические права, верховенство права и экономический рост ----- 43

Понкин И.В. (Москва, Россия) Сильное государство ----- 53

Shartala N.K. (Киев, Украина) Subjects of evidence in the judicial process: comparative analysis and philosophical ----- 71

Мухаметов А. Ф. (Астана) Процесс формирования законодательного обеспечения национальной безопасности государства: а как у них? ----- 82

Утяшов Э.К. (Москва, Россия) Правовое регулирование режима военного положения в Республике Казахстан и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ ----- 98

Карипова А.Т., Омаров Е.А., Шоткин Б.Ж., Маханов Т.Г. (Астана) О проблемах в сфере рассмотрения обращений органами прокуратуры Республики Казахстан ----- 108

Нуртаев Р.Т. (Астана) О субъекте экологического уголовного правонарушения ----- 120

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Акшалова Р.Д. (Астана) Международное агентство по возобновляемой энергии как специализированная международная организация ----- 130

Гребенюк М.В. (Киев, Украина) Международно-правовой статус Исламской организации по продовольственной безопасности (ИОПБ) ----- 142

Саяпин С.В. (Алматы) Имплементация принципов международного уголовного права в уголовном законодательстве Республики Казахстан ----- 153

Батырбекова Д.С., Укин С.К. (Кустанай) Особый правовой режим в пределах города Астаны в контексте правовой системы Республики Казахстан ----- 166

Ешниязов Н.С. (Астана) Трудности перевода: о ратификации Казахстаном Протокола о праве, применитом к алиментным обязательствам 2007 г. ----- 177

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Belykh V.S. (Екатеринбург, Россия) The Institute of Insolvency (Bankruptcy) in Some Foreign Countries: Basic Elements ----- 189

Естемиров М.А. (Астана) Занды тұлғаны басқару органдарының шешімдерін даулау жөніндегі қатысушы құқығы ----- 197

Морхат П.М. (Москва, Россия) Право на результаты интеллектуальной деятельности, произведённые юнитом искусственного интеллекта: гражданско-правовые проблемы ----- 204

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Даукетова Ж. (Астана) Исследования по обычному праву казахов и институту степных судей-биев ----- 216

ИЗ ИСТОРИИ ПРАВОВОЙ НАУКИ И ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Алимжан К. (Алматы) Один из забытых. Зеликсон Элиазар Семенович (1910-1975).... 230

МАЗМҰНЫ ----- 245

CONTENTS ----- 246

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ----- 247

СИЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

С.Ф. УДАРЦЕВ,
д.ю.н., профессор,
руководитель научно-
исследовательских проектов
по вопросам правовой
политики, конституционного
законодательства и
государственного управления
Университета КАЗГЮУ им.
М.С. Нарикбаева (Астана)

В статье показано, что с учетом исторического опыта и вызовов XXI в. закономерно формирование сильного правового государства. Рассмотрены некоторые аспекты соотношения государства, политики и права с учетом принципа верховенства права. Автор отмечает, что происходящее расширение на космос деятельности государства, а также международного и национального правового регулирования, открывает новые возможности для развития, но и создает проблемы для глобальной безопасности. Это существенно повлияет на сферы государственного управления и права, наполнит теорию сильного правового государства новым содержанием и в обозримом будущем потребует включения блоков космической правовой политики в стратегические и программные документы развитых государств.

Ключевые слова: государство, право, сильное правовое государство, верховенство права, устойчивое развитие, космическая деятельность, космические войска, пространство функционирования государства, правовое регулирование использования космических ресурсов, космическая правовая политика.

Современное государство: необходимость сочетания силы и права

Развитие государственности в условиях начавшейся четвертой промышленной революции, обострившейся конкуренции стран планеты, начавшееся переформатирование глобальной политической системы, формирование цифровой финансовой системы, возможная в обозримом будущем доступность космических ресурсов для начала их освоения отдельными государствами, ТНК и другими участниками космической деятельности, может значительно изменить соотношение сил в мире к 2050 г. Это актуализирует исследование общетеоретических проблем и тенденций политического и правового развития, прогнозирования, для выявления факторов и средств, обеспечивающих относительную стабильность и предсказуемость правовой политики в стремительно меняющемся мире, содействующих укреплению гарантий собственности, личной безопасности, законности и порядка.

Роль государства и политики среди факторов как развития общества и экономического роста, так и определяющих кризис и застой, достаточно велика и от-

мечается ведущими экспертами. Так, Фрэнсис Фукуяма, констатирует, что «нестабильность экономической системы – отражение того, что является в конечном счете политическим провалом; это неспособность обеспечить эффективный регулятивный контроль как на национальном, так и на международном уровне».¹ В другом месте он замечает: «В последнее время большинство экономистов признают, что «политические институты имеют значение»: бедные страны бедны не потому, что им не хватает ресурсов, а потому, что им не хватает эффективных политических институтов».²

Нельзя не отметить еще одну закономерность. По мере исторического развития общества, для координации и объединения всей общественной деятельности, связанной с нередко противоречащими друг другу интересами социальных групп, требуется более высокий уровень организации и эффективности государственного управления, более сильное государство. Это обусловлено усложнением организации общества и стоящих перед ним задач, ростом численности населения, развитием культуры, уровнем образованности и сознания людей, ростом их свободы, формированием и активным взаимодействием институтов гражданского общества, увеличением энерговооруженности общества, изменением качества и уровня его технической, транспортной и информационной оснащенности, расширением пространства его деятельности. Совершенствование и укрепление государства выступает как одно из основных средств организации ускоренного развития и устойчивости общества и при этом поддержания динамичного порядка. Слабое и хрупкое государство не способно эффективно решать многие из этих задач и тем более весь их комплекс одновременно. Наоборот, при его попустительстве, слабости, дезорганизации, нарушении режима законности, при грубых ошибках в стратегии и тактике управления, общество может войти в глубокий кризис на длительный исторический период, оказаться отброшенным в последние ряды конкурирующих стран.

Усложнение и рост динамизма исторической среды вынуждает государства наращивать свой интеллектуальный потенциал за счет качественного роста инфраструктуры управления, аналитических служб, разработки обоснованных стратегий и прогнозов, принятия своевременных мер по снижению рисков (в том числе наступления событий «черный лебедь»³), предотвращению возможной социальной напряженности, конфликтов, кризисов, провалов в политике. Государство и его органы должны быть адаптированы к эффективной работе в условиях нарастающей неопределенности в мире.

Это предполагает совершенствование технологий управления и их научной составляющей, устранение неэффективных и излишних управленческих затрат, использование адекватных ступени исторического развития технических и информационных средств как для защиты прав и свобод человека и гражданина, так и для обеспечения

¹См.: Фукуяма, Фрэнсис. Государственный порядок: научно-популярное издание. Пер. с англ. В.Л. Гончарова. М.: Изд-во АСТ, 2015. С. 25.

²Там же. С. 35.

³См. об этом: Понкин И.В. Событие «черный лебедь» как проявление неопределенностей в государственном управлении // В кн.: Понкин И.В. Теория публичного управления / Предисл. д.ю.н., проф. А.Б. Зеленцова. М.: Буки Веди, 2017. – 728 с. – С. 475-486.

безопасности общества. Требуется значительное улучшение правового регулирования – правовых механизмов, периодическая перенастройка всей системы действующего права и его применения государственными органами. Возросшая межгосударственная конкуренция и тенденция к определенной унификации в политико-правовой сфере в эпоху глобализации, ведет к развитию институционального⁴ и законотворческого «импорта» для внедрения в развивающихся странах апробированных моделей государственного управления и правового регулирования. Актуализируется спрос на более подготовленные управленческие кадры, с обновленной системой стимулов (поощрения, наказания, контроля) их эффективной деятельности, настраивающей на служение обществу, самообучение, освоение новых информационных управленческих технологий, обновление и приобретение полезных для обозримого будущего знаний.⁵

В условиях глобализации это относится уже не к какой-то отдельной группе стран мировых лидеров, как это было в прежние века, а ко всем государствам.⁶ На новом уровне мирового исторического развития все государства планеты, как правило, переходят к более эффективному управлению динамичными социальными процессами, растущими и качественно изменяющимися ресурсами общества. Государства должны быть значительно сильнее, умнее и эффективнее. *Рост силы и качества правовой основы деятельности государств в XXI в. – объективная закономерность их развития.* В государственности к тому же, на этапе глобализации появляются вертикальные «надстройки» и горизонтальные «пристройки» для решения новых глобальных и региональных задач.⁷

⁴Об институциональном «импорте», возможности его неверных и неэффективных вариантах см.: Оборотов Ю.Н. Образы, понятие и аксиосфера государства // Общетеоретическая юриспруденция: учебный курс: учебник / под. ред. Ю.Н. Оборотова. Одесса, 2011. С. 357.

⁵См. также: Ударцев С.Ф. Сильное государство: вопросы теории // Право и государство. 2016, № 2. С. 6-14. URL: <http://km.kazguu.kz/uploads/files/1.%20%D0%A3%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%86%D0%B5%D0%B2%20%D0%A1.%D0%A4.%20%D1%81.%206-14.pdf> (21.06.2018 г.); Ударцев С.Ф. Сильное правовое государство как фактор успешного и устойчивого развития // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Конституция и модернизация общества и государства», посвященной Дню Конституции Республики Казахстан (29-30 августа 2017 г.) / Под общ. ред. И.И. Рогова, А.О. Шакирова. Астана: Издательство: «Жаркын Ко»: 2017. – 412 с. – С. 154-159.

⁶А.Д. Керимов, И.Н. Куксин справедливо пишут, что проблема слабости государств, неспособности их решить многочисленные задачи, стоящие перед обществом, – «казалось бы, сугубо внутренняя проблема в нынешних условиях с поразительной быстротой выходит за национальные рамки, приобретает гораздо более широкое, порой даже планетарное измерение, превращаясь тем самым в проблему международного масштаба. Ведь слабое государство, пораженное недугом нищеты, создает почти непреодолимые трудности для других, прежде всего соседних стран (впрочем, не только соседних, как показывает сегодня опыт Западной Европы, столкнувшейся с мощными потоками беженцев из регионов Северной Африки и Ближнего Востока), превращаясь в постоянный источник массовой иммиграции, становясь бесперебойным поставщиком несметного числа маргинализированных и криминализированных элементов». См.: Керимов А.Д. Сильное государство как определяющий фактор прогресса: монография / А.Д. Керимов, И.Н. Куксин. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 34.

⁷См. об этом подробнее: Ударцев С.Ф. Государственность в условиях глобализации: кризисные явления, адаптационная трансформация и развитие // Право и государство. № 4(61) 2013. – С. 18-23. URL: <http://km.kazguu.kz/article/75> (21.06.2018).

По мнению А.Д. Керимова и И.Н. Куксина глобализация негативно воздействует на государство, «влечет за собой его ослабление, лишает части суверенитета... В результате развития процессов глобализации на национальном уровне образуется некий властный вакуум, в который тут же устремляются многочисленные и постоянно усиливающиеся наднациональные центры влияния».⁸ Слабое государство означает также «крайнюю нестабильность, неустойчивость, шаткость положения» господствующей элиты такого государства.⁹

Сила государства, государственный порядок неизбежно так или иначе связаны с применением или возможностью применения насилия: «никакой политический порядок никогда не устранял насилие целиком; он лишь поднимает насилие на более высокий организационный уровень».¹⁰ В прошедшие века истории появлялось много сильных государств, со временем терявших свою силу и нередко использовавших ее в корыстных интересах для ограбления других народов, утверждения своего доминирования в международных отношениях, для обогащения и удовлетворения узкокорыстных интересов и амбиций правящей элиты, принудительного внедрения и поддержания определенной идеологии.

Мы говорим о силе государства, потребность в которой объективно проявляется в условиях глобализации. С учетом исторического опыта, демократического, конституционного и в целом, правового развития, эта сила государства, *базирующаяся на новой технической и технологической основе, чтобы обеспечивать устойчивость результатов ее применения, преобразований, должна быть легитимной, опирающейся на право и поддержку населения, соразмерной целям общества и верховенству права.*

Сильное правовое государство – государство, сочетающее два важных качества данного феномена, взаимно укрепляющих и уравновешивающих друг друга. В этом смысле сильное правовое государство – оптимальное и адекватное средство поддержания и стимулирования экономического развития, предупреждения упадка. При этом, правовой характер деятельности государства не должен абсолютизироваться, но не должен и недооцениваться. Обновление, реформирование законодательства для развивающегося государства объективно перманентный процесс, определяемый правовой политикой и стратегией развития. На ограниченных отрезках исторического развития меньшая скованность законодательством деятельности меняющегося государства может дать выигрыш во времени и быть более эффективной для достижения политических целей.¹¹

Известно, что сильные государства и сильных, влиятельных лидеров больше уважают внутри страны и на международной арене. Но главное, они имеют реальные

⁸Керимов А.Д. Сильное государство как определяющий фактор прогресса: монография / А.Д. Керимов, И.Н. Куксин. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 34.

⁹См.: там же. С. 25.

¹⁰Фукуяма, Фрэнсис. Угасание государственного порядка: научно-популярное издание. М.: Издательство АСТ, 2017. С. 603.

¹¹См., напр., оценку Ф. Фукуямой деятельности китайского государства: Фукуяма, Фрэнсис. Государственный порядок: научно-популярное издание. Пер. с англ. В.Л. Гончарова. М.: Изд-во АСТ, 2015. С. 24.

возможности своевременно, оперативно и эффективно решать стоящие перед обществом сложные задачи. В то же время важно, чтобы результаты их деятельности не рассыпались как сооружения из песка на берегу моря от легкого касания волн. Как свидетельствует история, надежным долговременным средством скрепления и стабилизации политических и правовых институтов, юридических норм и отношений, общественного сознания, является их легитимность и надежно работающие механизмы правового регулирования (в том числе независимый суд), соединенные с правовым воспитанием, устойчивой правовой культурой. Без правового компонента, сила государства лишается своей основы и может потерять поддержку народа – в конечном счете, источник этой силы.

Необходимость сильного правового государства – следствие исторического опыта выживания, защищенности, устойчивости и конкурентоспособности современных государств, прошедших через множество войн и различных конфликтов. Легитимная сила государства складывается, в частности, из его экономической и военной мощи, научно-технического развития, эффективности государственных органов, добросовестных и высокопрофессиональных государственных служащих, стабильного правопорядка и справедливости, единства и сплоченности народа. В настоящее время происходит корректировка сферы, масштабов, оснований и форм применения силы государства, обновляются технологии государственного управления и законодательства.

Правовое государство и законность

Что касается понятия «правовое государство», то в современной литературе обращается внимание на его связь с культурой, политикой, идеологией и задачами конкретного государства, на то, что представления о нем и процесс его созидания в разных странах различны. Наряду с традиционной для сравнительно узкого нормативистского понимания права и преимущественно статичной трактовкой законности как режима обеспечения и реализации законодательства, предлагаются и его динамичные, более широкие трактовки.¹² При этом законность и правовое государство рассматриваются как понятия, которые не следует абсолютизировать и догматизировать, как связанные с реальной развивающейся жизнью, с «живой культурой», меняющейся «практически ежедневно».¹³

Теория правового государства, все более сближающаяся в развитом варианте с теорией верховенства права, предполагает наполнение быстро стареющего, усложняющегося и перманентно обновляемого законодательства правовым содержанием

¹²«Законность» и «правовое государство» в таком случае понимаются, например, как «цивилизационные идеи, которые может использовать государственная власть для восстановления мира и покоя. Это инструмент достижения цели, а не причина, по которой от этой цели можно отказаться. В общем и целом эти понятия – функция конкретного государства, культуры, которую оно воспитывает, и практики применения». См.: Варга, Чаба. Глобальные вызовы, правовое государство и национальные интересы (Дебаты об универсализме/партикуляризме евроатлантической цивилизации) // В кн.: Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XVI Международные Лихачевские научные чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб.: СПбГУП, 2016. С. 48.

¹³Там же. С. 49.

ем, постоянное его «подтягивание» к праву, справедливости, защите прав человека в процессе законотворческой деятельности и толкования. При функционировании государственных органов необходим также учет соответствующих норм международного права, гарантирующих авторитет, устойчивость и взаимное уважение государств в системе международных отношений.

Правовое государство и сила государства дополняют и взаимно ограничивают друг друга, создавая определенные пределы возможного применения. В истории сила, как правило, доминировала и ограничивала право, порой превращая его в декоративное прикрытие произвола государства (как в тоталитарных государствах). Государство также использует законотворчество как одну из своих функций и инструмент управления и подчинения населения своей власти, для легитимации ее действий (действия на основе закона). По мере эволюции правовой системы, ее гуманизации и закрепления прав человека, право обретает все большую силу и постепенно распространяет свое влияние на все направления деятельности государства.

В процесс интеграции государства в сферу права вовлекается и развивающееся международное право (в том числе как средство воздействия на внутрисударственное право), создающее дополнительные средства глобального регулирования и ограничения произвола государства, подчиняя его императивно и на договорной основе более общим интересам. При этом международное право, как выражающее не только общие интересы всех стран, международных организаций и людей, но нередко, прежде всего, интересы группы стран-лидеров, также проходит через этапы кризисного развития и обновления.

Разумеется, право не способно полностью контролировать и определять всю деятельность государства и сферу политики в целом, тем более во всех изменяющихся региональных и глобальных ситуациях. С учетом объективного отставания законодательства от постоянно ускользающей в будущее, движущейся реальности, пробелов в законодательстве, многозначности смысла слов и фраз, используемых в юридических текстах, различия и динамики интересов субъектов права, а также неточностей в законодательстве, такое всеохватывающее формализованное тотальное правовое регулирование объективно невозможно и даже опасно. Чрезмерная жесткость правового регулирования, недостаточная его гибкость и значительное ограничение прав и свобод физических и юридических лиц, сдерживание их инициативы, экономического, научно-технического и социального творчества, могут привести к негативным последствиям в развитии страны, ослаблению ее конкурентоспособности, ухудшению позиции в мировом сообществе.

В условиях глобализации соотношение силы и права остро чувствуется и в международном праве. Прежняя система международного права, ориентированная во второй половине XX в. на примерное равновесие доминирующих сил в мире, временно сменилась однополярной, а затем – в связи с новым неустойчивым глобальным транзитом стала эволюционировать к иной модели многополярного мира. Видимо, лишь реформирование в будущем ООН может обеспечить в приоритетах международного права перевес общих интересов человечества и легитимацию нового миропорядка.

Деятельность правового государства предполагает режим законности, воспитание культуры ее соблюдения и уважения к закону, обеспечение прав и свобод

человека и гражданина. Для разрешения возможного конфликта между законом и справедливостью, пожалуй, считается классической формула Густава Радбруха: «Конфликт между справедливостью и правовой стабильностью мог бы быть разрешен в том смысле, что позитивное и облеченное властной санкцией право имеет приоритет даже тогда, когда оно по содержанию несправедливо и нецелесообразно. Исключение составляют лишь ситуации, когда действующий закон становится столь вопиюще несовместимым со справедливостью, что закон как «неправильное право» должен уступить место справедливости».¹⁴

Государство и право: некоторые черты соотношения

Возможность сочетания силы и правового характера государства требует обновленного осмысления соотношения права и государства.

В правовой доктрине англосаксонской (англо-американской) правовой семьи доминирует теория *верховенства права*, ориентированная на связь с правами человека, на *производность права от общества, а также безусловный приоритет в соотношении с государством права, создаваемого снизу, обществом – в форме обычаев и судебной практики*. В теории права стран континентальной правовой семьи в этой сфере доминирует теория *правового государства*, также предполагающая в своей развитой форме *обретение законодательством государства определенного уровня правового качества* (в отличие от формальной законности, безразличной к содержанию закона), и *наличие эффективных механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина, сдержек и противовесов властей в законодательстве, конституционного контроля, и как синтез этого – самосдерживание государства, его органов законами, правом*. Законность в деятельности государства предполагает самодисциплину, правовую культуру государственных органов, государственных служащих. В условиях глобализации и взаимопроникновения мировых правовых семей наметилось сближение доктрин правового государства и верховенства права.¹⁵

Юридический позитивизм (дальним «родственником», предшественником которого можно считать древнекитайский легизм) в тенденции сводит право к законодательству государства, подчиняя его произволу государства и отодвигая на задний план содержание законодательства, в том числе легитимируя и неправовое законодательство. Более широкая трактовка права (социологическая, психологическая, естественно-правовая, интегративная, интегральная) на первый план выдвигает необходимость правового характера законодательства, связь его содержания с принципами и основными ценностями права, правами и свободами человека, его личной безопасностью.

Германский профессор философии права Роберт Алекси справедливо обращает внимание на то, что для судьи более безопасным является сведение права к законодательству, отождествление с ним (независимо от его правового характера и спра-

¹⁴Алекси, Роберт. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) = Robert Alexy. Begriff und Geltung des Rechts; пер. с нем. – А. Лаптев, Ф. Кальшойер; В. Берманн, пред., сост.; Т. Яковлева, науч. ред. М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 33.

¹⁵Ударцев С.Ф., Темирбеков Ж.Р. Концепции “Rule of Law” (“верховенство права”) и “Rechtsstaat” (“правовое государство”): сравнительный анализ // Государство и право. 2015, май, № 5. – С. 5–16.

ведливого или несправедливого содержания). Это дает ему больше уверенности в ненаказуемости применения любого, даже крайне несправедливого закона («закон есть закон»). Более широкое понимание права, требующее от закона правового содержания и справедливости (по крайней мере минимальной), заставляет судью анализировать, сомневаться, больше думать о последствиях его действий и решений, повышает его ответственность за толкование и применение закона, за осуждение людей и назначение наказания. В этом смысле более широкое правопонимание требует более вдумчивого, системного подхода к толкованию и применению права, несет, возможно, больше хлопот и рисков для правоприменителя, но и содействует защите общества и отдельных людей от бездумного применения несправедливого закона, оберегая тем самым право и справедливость, репутацию суда и государства в глазах общества и мирового сообщества.¹⁶

Не случайно Г. Радбрух в работе «Законное неправое и надзаконное право» (1946 г.) подчеркивал, что юридический позитивизм «ответственен за извращение права при национал-социализме», так как он «своим убеждением «закон есть закон» обезоружил немецких юристов перед лицом законов с произвольным и преступным содержанием».¹⁷

Конечно, и широкое правопонимание при применении права, полностью не защищает от нарушений прав и свобод человека, а в некоторых случаях может и содействовать этим нарушениям при недобросовестном или неквалифицированном правоприменении, неспособности или нежелании правоприменителя учитывать более сложный системный состав и содержание права, или при злоупотреблении правом.

В системе государство–право важным связующим и во многом определяющим их содержание звеном, является человек, его сознание и энергия. Исторические феномены государства и права неразрывно связаны с индивидуальным, групповым и общественным сознанием, с их содержанием и эволюцией. Сознание, воля и деятельность людей наполняют жизненной силой государство, приводят его в движение, определяют направление, цели и задачи деятельности его органов, задают смысловые границы правовых норм при правотворчестве, их толковании и реализации, в том числе при правоприменении государственными органами. В этом смысле иногда справедливо говорят о «живом государстве»,¹⁸ с XX в. – о «мыслящих и институтах», еще раньше, начиная с XIX в., особенно в социологических теориях права, – о «живом праве».

В литературе обращается внимание на то, что государственному управлению высокого качества может несколько мешать жесткое следование ранее (порой много лет назад) изданному, не всегда совершенному законодательству.¹⁹ Можно предположить

¹⁶Об этом см. интересные рассуждения Р. Алекси о разной степени риска для судьи позитивистского и непозитивистского понятия права: Алекси, Роберт. Указ. соч. С. 63–64.

¹⁷См.: Radbruch G. Gesetzliches Unrecht und ubergesetzliches Recht. 1946 // Radbruch G. Rechtsphilosophie. Heidelberg, 1983. S. 352. Цит. по кн.: Михайлов А.М. Идея естественного права: история и теория. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 429.

¹⁸См., напр.: Марченко М.Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование): учебное пособие. М.: Проспект, 2015. С. 337.

¹⁹См., напр.: Фукуяма, Фрэнсис. Угасание государственного порядка... С. 597.

возникновение напряжения между строгой регламентацией и высоким качеством и результативностью государственного управления, когда принимаемые решения и деятельность государственных органов могут быть основаны на передовых технологиях, оригинальных идеях, прорывных решениях и оказаться лучше минимальных или среднестандартных установленных нормативов для их деятельности. В то же время для типичного, среднестатистического (посредственного) государственного служащего и государственного органа, их действий в обычных ситуациях, «правление закона» всегда лучше «правление людей». Но для нестандартных случаев допустимы и исключения. Известно, например, что третий президент США Томас Джефферсон превысил свои полномочия в процессе заключения с наполеоновской Францией самой крупной и выгодной для США сделки с недвижимостью, приобретая французскую колонию Луизиану в Северной Америке, из которой позже возникло несколько штатов (Наполеону были нужны деньги для войны в Европе). Т. Джефферсон был обвинен в превышении своих полномочий, но Конгресс, признав, что он весьма эффективно действовал в интересах США, снял с него обвинения.

Кроме того, формальный характер законодательства, ориентированного на многочисленные ситуации и разных людей, может оказаться нейтральным к тем политическим целям, в которых закон или его норма используются теми или иными личностями, политическими силами, борющимися за власть (особенно при их маскировке определенной риторикой). Как замечает Джон Финнис применительно к исключительным кризисным ситуациям, «в любую эпоху, когда идеал закона, законности и власти закона пользуется идеологической популярностью (т.е. признанием, не коренящимся в неизменном восприятии разумом практических принципов), злоумышляющие против общего блага регулярно будут стремиться получить и удержать власть через приверженность конституционным и вообще правовым формам, которая не становится менее «строгой» оттого, что она мотивирована тактическими соображениями, неискренна и временна. Таким образом, власть закона не обеспечивает всех аспектов общего блага, а иногда не обеспечивает даже его существа.

Ценностям, которые должны обеспечиваться властью закона и подлинным конституционным правлением, иногда лучше служит временное, но возможно, резкое отступление от закона и конституции. Поскольку в таких случаях требуется та огромная ответственность и в высшей степени осмотрительная практическая разумность, которую мы зовем государственной мудростью, нельзя сказать ничего, что могло бы стать «ключом» для распознавания подобного случая или «руководством» к действию в подобных обстоятельствах».²⁰ Мир так быстро меняется, что нестан-

²⁰Финнис, Джон. Естественное право и естественные права. Пер. с англ. В.П. Гайдамака и А.В. Панкиной. М.: Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016. С. 342. Для воспитания судей и государственных служащих, необходимо изучение не только практических методик, но и общих положений доктрины: «Исследование пределов власти закона – это исследование не только судебной методике, разработанной затем, чтобы воплощать и поддерживать власть закона, но также и «общей теории права», которая, даже когда не желает иметь никакого отношения к «идеологиям» и «ценностям», точно отражает эту методiku, а значит, поневоле и заботу о ценностях, одушевляющую и формирующую методiku. Судья, не сознающий пределов методике, достаточной в нормальные времена, будет неадекватно реагировать на аномальные проблемы» (там же.).

дартные и аномальные ситуации в XXI в. могут возникать чаще в разных странах, которые в условиях глобализации все теснее связаны с многими другими.

Право и политика. Проблема «усмотрения» в деятельности государственных органов

Ф. Фукуяма обращает внимание на то, что *моменты усмотрения*, которые остаются в регулируемой правом системе государственного управления, в деятельности и принятии решений у прокуроров и приговоров у судей, работают на снятие возможного напряжения между качественным государственным управлением и «главенством закона».²¹

Государство, его качества, а также право, его формы и особенности их применения имеют глубокие корни и обнаруживают в истории и относительную самостоятельность, и взаимозависимость, взаимообусловленность, но не абсолютную. Так, часть форм права, в том числе естественное право, своим источником имеют общество, природу человека, исторический опыт и лишь потом (но не обязательно) могут быть санкционированы государством или интегрированы в его законодательство. В то же время, хотя и действует тенденция расширения правового регулирования деятельности государства, его органов и должностных лиц, но вся деятельность государства не охватывается детальным правовым регулированием. В ряде случаев государственные органы могут, а порой и обязаны, действовать *по своему усмотрению с учетом сложившейся ситуации*, особенно в чрезвычайных обстоятельствах обеспечения безопасности и выживания отдельных лиц, общества и государства. Эта деятельность также может опираться на общие правовые предписания, допускающие в ряде случаев (например, в интересах национальной безопасности) некоторое государственное усмотрение. В этом смысле имеет место *относительное одновременное верховенство государственной власти в лице высших государственных органов в компетенции которых неизбежно присутствует возможность ограниченной свободы действия при необходимости и верховенство права*. В разных ситуациях такое соотношение может иметь определенные особенности, при этом важное значение приобретает международный аспект верховенства права, международно-правовое сдерживание и ограничение пределов произвольных действий государства.

Вопрос о сильном правовом государстве затрагивает *проблему связи политики и права*. Правовая политика имеет, по крайней мере, два взаимосвязанных основных смысла. *Первый* – это политика в сфере правового регулирования, права («политика права»),²² особенно в сфере законодательства, – *направленное политическое воздействие на все сектора сферы правового регулирования*. Это – каким быть правовому регулированию, какого должно быть его содержание, цели, общие ориентиры, этапность развития законодательства; какой должна быть правовая система в целом, ее структура, приоритеты, внутренние и внешние ориентиры; с учетом каких приоритетов и как должно применяться право в тех или иных сферах государственными

²¹См.: Фукуяма, Фрэнсис. Угасание государственного порядка... С. 597.

²²О развитии исследований правовой политики см.: Малько А.В. Теория правовой политики. Монография. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2012. С. 6-27.

органами. Современная правовая политика государства и гражданского общества в этом смысле ориентирована прежде всего на совершенствование действующего права, повышение эффективности правового регулирования, защиту прав и свобод человека и гражданина, поддержание конкурентоспособности, национальной безопасности и обороноспособности страны. *Второй смысл* – качество самой политики, ее пронизанность правовым началом, соответствие ее праву и, в частности, закону. Правовая политика в этом втором смысле предполагает правовое ограничение деятельности государственной власти, самоограничение государства, выстраивание сдержек и противовесов в системе государственных органов в соответствии с принципами и нормами права – как национального, так и международного, для достижения определенного качества самой политики (в том числе в сфере права). Данные ограничения, исключая произвол государства, переводят его деятельность в режим эффективного служения обществу и поддержания его безопасности. При этом сильное правовое государство может лучше обеспечить разработку и реализацию правовой политики.

Политика всегда ориентирована *не только на настоящее, но и на будущее, имеет стратегическую составляющую*. Выживание и развитие общества, его устойчивость в изменяющихся условиях периодически требуют корректировки и модернизации политики, системы и методов государственного управления. Выделяют, например, два основных подхода к модернизации: *либеральный*, ориентированный на расширение демократизации и более широкое привлечение населения к вопросам государственного управления, на развитие доступного образования и культуры, а также *консервативный* подход, исходящий из необходимости ориентации в государственном управлении на более подготовленную и развитую элиту, централизацию и нецелесообразность широкого вовлечения в государственное управление населения, во избежание дестабилизации и снижения компетентности управления.²³ Очевидно, в разных странах, в меняющихся исторических условиях может быть больший или меньший спрос на ту или иную идеологию и соответствующую ей политику, однако, развитие государств в XX и XXI вв. свидетельствует о необходимости сочетания обоих направлений модернизации в пропорциях, адекватных разным историческим ситуациям и решаемым задачам. Однако *разумное расширение компетентного участия граждан* в государственном управлении способно укрепить государство и его поддержку населением, является одним из незаменимых средств лечения таких временами обостряющихся болезней государственного аппарата как коррупция и бюрократизм. А эти болезни, как известно, препятствуют эффективности государственного управления и всестороннему развитию общества.

Правовая политика предполагает множество форм взаимосвязей разных уровней политики государства во всех сферах правового регулирования общественной

²³«Если либералы делают упор на наличие возможностей для населения постоянно влиять на тех, кто имеет власть (тенденция к равенству), – пишет Т.А. Яшкова, – то консерваторы акцентируют внимание на обеспечении политического порядка с помощью централизованных институтов (структурная дифференциация политической системы)». См.: Яшкова Т.А. Сравнительная политология. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2015. С. 311.

жизни (в т.ч. экономической, научно-технической, социальной, культурной и т. д.), правотворчества и конституционного контроля. Правовая политика, право, судебная система и конституционный контроль приобрели в современном обществе значительный удельный вес, превратились в важную составную часть силы правового государства.²⁴

Сила государства подпитывается через обратную связь государства с обществом во всех сферах общественной жизни и реализуется через все направления деятельности государства. Здесь важную роль играет система коммуникации и отсутствие «тромбов» в информационной системе взаимосвязи всех уровней государственной власти с гражданами, институтами гражданского общества и международными организациями. Правовая деятельность государства в этом отношении выступает как прямое или косвенное, жесткое или мягкое регулирование общественной жизни и создания необходимых условий для эффективной коммуникации с помощью правовых средств.

Государственные органы в экстренных обстоятельствах при угрозе для общества и государства имеют возможности (в том числе юридические, основанные на специальных законах со специально прописанными их полномочиями) действовать с учетом остроты ситуации, выявленных рисков, используя в разумных пределах средства и методы регулирования общественных отношений по усмотрению, с учетом плановых или ситуативных вариантов действий. В таких случаях национальное и международное право оставаясь в определенной мере контролером действий государственных органов, предоставляет им широкие возможности для реализации политических целей и задач, для адекватного реагирования на вызовы ситуации. При этом сила, которой обладает государство, хотя и контролируемая правом (в пределах, возможных для правового контроля) и усмотрение государственной власти получают *определенную автономию* на время выполнения *санкционированных правом необходимых действий*.

Государства «нового поколения»:

открывающиеся возможности и угрозы глобальной безопасности

В условиях начавшейся четвертой промышленной революции, сила и эффективность государства во многом будет связана с информационной безопасностью и овладением государственными органами информационными технологиями, совместимыми с постепенно повышающимся уровнем технической грамотности населения. Информационное общество, Интернет, социальные сети значительно расширяют права и свободы человека, но и создают новые угрозы для нарушения этих прав и национальной безопасности. Современные государства должны обеспечить не только защиту старых и новых прав человека, развивающихся в иной историче-

²⁴Учитывая юридическое макрорегулирование общественных отношений, венгерский академик Ч. Варга пишет даже о «юрискратии» в современном обществе, когда, по его мнению, «на любой законодательный акт накладывается конституционное ограничение: законы, принятые суверенными представителями народа, зависят от утверждения профессиональными юристами, которые народ не представляют. Их никто не контролирует, и они действуют в однородной и формализованной манере». См.: Варга, Чаба. Указ соч. С. 47.

ской среде, но и надежную защиту интересов и ценностей общества и государства, человечества в целом.

Искусственный интеллект, его развитие и внедрение в различные сферы общественной жизни также вызывает необходимость правового регулирования и управления новыми явлениями и решение качественно новых проблем, ранее неизвестных человечеству.²⁵ Революционными могут быть разные варианты соединения быстро развивающегося искусственного интеллекта с естественным, человеческим мозгом (или моделирование, пересаживание человеческого мозга в искусственный интеллект, или внедрение в человеческий мозг устройств, чипов, соединяющих с искусственным интеллектом и его информационной базой). Внедрение искусственного интеллекта в армии изменит качества ее личного состава и вооружения. Перспективы геной инженерии, нано-технологий и клонирования живых организмов, выращивания и пересаживания частей и органов человеческого тела также размывают прежние границы реальности и значительно расширяют и углубляют сферу правового регулирования, ставят новые вопросы перед правовой политикой государства.

Ю.В. Оборотов образы современных постиндустриальных государств в контексте сложившейся глобальной техносферы как результата всей предшествовавшей деятельности человечества, делит на несколько групп: «составляющие техносферу» (наиболее развитые страны), «претенденты на вхождение в техносферу», «необходимые техносфере как источники энергоресурсов и сырья», «замещаемые государства» (функции которых в техносфере могут выполнить другие), «безразличные (ненужные) техносфере», «враждебные техносфере» (что проявляется в их деятельности и наносимом ущербе техносфере).²⁶

Новая промышленная революция может внести значительные коррективы в сложившуюся систему техносферы, в иерархию ее субъектов и ее масштабы. Человечество стоит на пороге существенного расширения сферы экономической и иной деятельности, а в связи с этим и сферы деятельности государства и правового регулирования. Открывающиеся для человечества возможности при освоении космического пространства и предстоящей разработки его ресурсов, являются одним из главных стимулов, задающих вектор эволюции человеческой цивилизации. Космические державы с полным основанием могут составить группу государств «нового поколения». Государства, не вошедшие в эту группу стран нового уровня технологического развития и в результате не получившие доступ к ресурсам космоса, могут еще более, и, видимо, окончательно отстать.

В литературе обращалось внимание на то, что с учетом политологических и особенно геополитических наработок, для характеристики государства необходимо использовать не только понятие территории, но и пространства (что особенно актуально для государств, проводящих глобальную политику, тесно связанных с другими государствами).²⁷ Полагаем, что в связи с развитием космической деятель-

ности, *пространство функционирования государства (в том числе за пределами нашей планеты)* станет не менее важным компонентом его характеристики, чем его территория.

США, Люксембург в самые последние годы приняли законодательство о разрешении частным компаниям добывать и присваивать полезные ископаемые и иные ресурсы, добытые на космических телах, которые сами по себе в соответствии с международным правом являются достоянием человечества и не могут кем-либо присваиваться.²⁸ Очевидно, и другие страны будут вынуждены двигаться в ту же сторону в правовом регулировании и уже через 15-20 лет (если не раньше) может начаться новая «золотая лихорадка», – жесткая экономическая конкуренция за освоение и обладание неисчислимыми богатствами космоса.

В настоящее время на планете действует более 20 *космодромов* разных стран,²⁹ а также несколько космодромов мобильного базирования (на самолетах, подводных лодках, надводной платформе). В космической деятельности в той или иной форме участвуют около 130 государств. По состоянию на 2014 г. более 30 стран имели свое *национальное космическое законодательство*,³⁰ а более 50 стран мира создали *космические агентства или аналогичные им учреждения*.³¹ США поддерживают самую большую орбитальную действующую спутниковую группировку – 446 действующих искусственных спутников (1113 на орбите), Россия – 146 (1454 на орбите, с учетом спутников СССР), Китай – более 129 (140 на орбите), Япония – 70 (134 на орбите) и т.д. Всего 87 стран запускали или имели на орбите искусственные спутники Земли к 2015 г., еще 20 стран планируют такие запуски.³² В ближайшие годы ожидается запуск значительного количества спутников небольшого размера.³³

ство // Общетеоретическая юриспруденция: учебный курс: учебник / под. ред. Ю.Н. Оборотова. Одесса, 2011. С. 364-365.

²⁸См.: Попова С.М. Современные тенденции развития международного космического права // Право и государство. 2016. № 4. С. 66-71. URL: <http://km.kazguu.kz/articles/articles/view/id/343> (21.06.2018); Она же. Инициатива Люксембурга SpaceResources.Lu и возможные последствия для регулирования мирового рынка космической деятельности // Исследования космоса. 2017. № 4 (5). С. 273-285.

²⁹Подробнее см.: Ударцев С.Ф. Государство, право и космическая деятельность // В кн.: Социология права: курс лекций: в 2 т. Т. 2. / Ответственный ред. М.Н. Марченко. М.: Проспект, 2015. – 344 с. – С. 307 – 338.

³⁰Подробнее см.: Табанбаева А.С. Формирование национального законодательства о космической деятельности в зарубежных странах // Право и государство. 2017. № 3-4. С. 169-185. URL: <http://km.kazguu.kz/articles/articles/view/id/384> (21.06.2018).

³¹См.: Список космических агентств // URL: <https://ru.wikipedia.org/> (20.06.2018). О формировании и эволюции органов управления космической деятельностью в Казахстане см., напр.: Кукиева А.А. Этапы институционального развития космической деятельности Казахстана // Право и государство. 2017. № 3-4. С. 197-207. URL: <http://km.kazguu.kz/articles/articles/view/id/386> (21.06.2018).

³²См.: Искусственный спутник Земли // URL: <https://ru.wikipedia.org/> (19.06.2018).

³³Так, по сообщениям СМИ к 2022 г. Китай запустит в космос двумя частно-государственными компаниями более 700 нано- и микро- спутников двойного (военного и гражданского) назначения для ведения съемки земли в высоком разрешении. См.: Военные новости: Спутники войны — космическая гонка США и Китая // ИНОСМИ.РУ. – URL: <https://inosmi.ru/military/20180109/241143531.html> (19.06.2018).

²⁵См., напр.: Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». М.: Буки Веди, 2017. – 257 с.

²⁶См.: Оборотов Ю.Н. Образы, понятие и аксиосфера государства // Общетеоретическая юриспруденция: учебный курс: учебник / под. ред. Ю.Н. Оборотова. Одесса, 2011. С. 344-345.

²⁷См., напр.: Оборотов Ю.Н., Долматов И.В. Территория государства и государственное простран-

Как известно, в ряде стран мира появились *космические войска*. Формирование космических войск (воинских частей космического назначения) началось в СССР в 1950-х гг. **В России** в 1992 г. были созданы Военно-космические силы, которые в 2001 г. реорганизованы в самостоятельный род войск – Космические войска. С 2002 г. 4 октября (в день запуска первого искусственного спутника Земли) в России праздник – День Космических войск. С 2011 г. Космические войска вошли в состав войск Воздушно-космической обороны, а с 2015 г. – вновь воссозданы как самостоятельный род войск в составе Воздушно-космических сил.³⁴

В марте 2018 г. президент **США** Дональд Трамп заявил о возможном создании Космических войск и в июне 2018 г. поручил Пентагону приступить к формированию нового, шестого в армии США рода войск – Военно-космических сил. Об этом он сказал в ходе выступления в Национальном космическом совете.³⁵ Но еще раньше, 1 сентября 1982 г., было сформировано Космическое командование ВВС США, в составе которого в 2015 г. насчитывалось ок. 14 тыс. военных и ок. 7700 гражданских лиц.³⁶

В **КНР** после создания не без помощи СССР ядерного оружия (в 1966 г. испытана атомная бомба, а в 1967 г. – термоядерное оружие) и средств его доставки, созданы воинские части, оснащенные ракетами разной дальности действия и назначения, объединенные во Второй артиллерийский корпус, сформированный 1 июля 1966 г. В январе 2016 было объявлено о преобразовании Второго артиллерийского корпуса в ракетные войска, и о создании нового формирования – войск стратегической поддержки.³⁷

В дальнейшем, по мере освоения ресурсов космоса и расширения в связи с этим пространства деятельности государства, космическая часть вооруженных сил получит значительное развитие и со временем превратится в главную часть армии наиболее развитых стран. Это еще более увеличит их силу и влияние.

Постепенное распространение гонки вооружений на космос, разработка и производство космических видов оружия, создает новые угрозы безопасности. В этих условиях возрастает роль сильного правового национального государства, участвующего в космической деятельности и освоении богатств космоса, но особенно – *сильного правового международного сообщества*. Международное сообщество должно будет найти новый баланс императивного и диспозитивного в международном праве, жесткой и мягкой силы в международных отношениях, а также выстроить более эффективную модель политических механизмов самоуправления и управления на планете, адекватную угрозам и вызовам эпохи формирования космической цивилизации, для обеспечения глобальной безопасности и всеобщего мира, разрешения накапливающихся противоречий. Можно предположить, что с высокой степенью вероятности в ближайшие десятилетия, *миротворческие силы ООН* (или

будущего преемника этой организации) также должны будут иметь *космические подразделения* и получит развитие *космическая правовая политика* как на международном, так и национальном уровнях. В будущем *полиция, таможня, пограничный контроль, надзорные и контролирующие органы и т. д. также неизбежно обретут космическую составляющую*, возможно, сначала на международном уровне. В связи с новыми проблемами безопасности правовое регулирование космической деятельности на национальном и международном уровнях будет приобретать все большую актуальность. На новой ступени глобального исторического развития интересы человечества, проблемы его выживания и концентрации его объединенных сил для выполнения общих дел проявятся еще более отчетливо.

Таким образом, формирование сильного правового государства, все более втягивающегося в космическую деятельность – закономерность эволюции современной государственности. В условиях глобализации многие задачи, стоящие перед государством не могут быть решены, если государство не будет обладать достаточной силой, эффективно действовать в государственном управлении и в сфере международных отношений. Расширяющиеся сначала до ближнего космоса, а затем и дальше, масштабы деятельности государства и правового регулирования, сложность решаемых проблем, требуемая иная скорость и автоматизация принятия многих управленческих решений, новые формы и технологии защиты прав и свободы, а также обеспечения национальной и глобальной безопасности, новые возможности распространения информации и контроля за этим процессом в условиях формирующегося глобального общества, широкое внедрение робототехники и искусственного интеллекта во все сферы общественной жизни, включая государственное управление и правовое регулирование, появление качественно новых звеньев в государственном аппарате, перевод некоторых государственных функций в автоматический режим, – все это значительно трансформирует структуру и формы деятельности государства и его органов, приведет к повышению их технической, информационной и интеллектуальной оснащенности.

Это требует и создает возможности для появления государства с новым уровнем его силы. В то же время исторический опыт свидетельствует об опасности наращивания неконтролируемой силы государства для общества, тем более высокотехнологичной силы государств нового поколения. В современных условиях полезным для общества и социального прогресса может быть не просто сильное, а сильное правовое государство. Разработка концепции *сильного правового государства*, его формирования и развития на разных этапах глобализации, а также прежних и новых элементов в его структуре и функциях, меры соотношения силы и правового характера в деятельности государства – актуальная задача правовой науки.

Особое значение для многоплановой деятельности государства и права приобретает космическая деятельность. Не только наиболее развитые страны, но и человечество в целом выходят в космос. Космос становится сферой действия государства, политики и права – не только международного, но и национального. Это многократно умножает вызовы XXI в. для государства и права. Сочетание силы и права в государстве в этих условиях приобретает новые смысл, формы, масштабы и перспективы.

Учитывая стратегические составляющие развития и новые тенденции эволюции государства и права, в том числе и в сфере многоплановой космической деятельно-

³⁴См.: Космические войска // URL: <https://ru.wikipedia.org/> (19.06.2018).

³⁵См.: США создадут космические войска // LENTA.RU — URL: <https://lenta.ru/news/2018/06/18/spaceforce/> (19.06.2018).

³⁶Космическое командование ВВС США // URL: <https://ru.wikipedia.org/> (19.06.2018).

³⁷Ракетные войска Народно-освободительной армии Китая // URL: <https://ru.wikipedia.org/> (19.06.2018).

сти, было бы целесообразно концепцию и меры по обеспечению целенаправленного формирования элементов нового сильного правового государства, а также космическую правовую политику учесть в стратегиях и программах развития современных государств, в концепциях их правовой политики на ближайшие десятилетия.

С.Ф. Ударцев: Мықты құқықтық мемлекет және қауіпсіздіктің жаңа сын-тегеуріндері: теория мәселелері.

Мақалада тарихи тәжірибе және ХХІ ғасырдың сын-тегеуріндерін ескере отырып, мықты құқықтық мемлекеттің қалыптасуы заңды екендігі көрсетілген. Құқық үстемдігінің қағидасы ескеріле отырып, мемлекеттің, саясат пен құқықтың ара салмағының кейбір аспектілері қаралды. Автор белгілейтіндей, мемлекет қызметінің ғарышқа, сондай-ақ халықаралық және ұлттық құқықтық реттеудің таралуы даму мүмкіндіктерін құрғанымен, жаһандық қауіпсіздіктің проблемаларын тудырады. Бұл мемлекеттік басқару және құқық салаларына айтарлықтай ықпал етеді, мықты құқықтық мемлекеттің теориясын жаңа мазмұнға толтырып, болашақта ғарыш құқықтық саясаттың топтамаларын дамыған елдердің стратегиялық және бағдарламалық құжаттарына енгізуді талап етеді.

Түйін сөздер: мемлекет, құқық, мықты құқықтық мемлекет, құқық үстемдігі, орнықты даму, ғарыш қызметі, ғарыш әскерлері, мемлекеттің қызмет ету кеңістігі, ғарыш ресурстарын пайдаланудың құқықтық реттелуі, ғарыш құқықтық саясаты.

S.F. Udartsev: Strong law-based state and new security challenges: the issues of theory.

The article shows the natural consistency of formation of the strong law-based state considering historical experience and challenges of the 21st century. Some aspects of correlation between state, politics and law considering the principle of rule of law are examined. The author notes that the ongoing expansion of the state activity, as well as international and national legal regulation on space not only opens up new opportunities for development, but creates some problems for global security. It will significantly affect the areas of public administration and law, add to the theory of a strong law-based state. In the near future the sections of space legal policies will be required for inclusion into strategic documents of advanced countries.

Keywords: state, law, strong law-based state, rule of law, sustainable development, space activity, space troops, state functioning area, legal regulation of the space resources utilization, space legal politics.

Библиография:

1. Алекси, Роберт. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) = Robert Alexy. Begriff und Geltung des Rechts; пер. с нем. – А. Лаптев, Ф. Кальшойер; В. Берманн, пред., сост.; Т. Яковлева, науч. ред. М.: Инфотропик Медиа, 2011.
2. Варга, Чаба. Глобальные вызовы, правовое государство и национальные интересы (Дебаты об универсализме/партикуляризме евроатлантической цивилизации) // В кн.: Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XVI Международные

Лихачевские научные чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб.: СПбГУП, 2016.

3. Керимов А.Д. Сильное государство как определяющий фактор прогресса: монография / А.Д. Керимов, И.Н. Кукин. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.
4. Кукиева А.А. Этапы институционального развития космической деятельности Казахстана // Право и государство. 2017. № 3-4. – С. 197-207.
5. Малько А.В. Теория правовой политики. Монография. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2012.
6. Марченко М.Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование): учебное пособие. М.: Проспект, 2015.
7. Михайлов А.М. Идея естественного права: история и теория. М.: Юрлитинформ, 2010.
8. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». М.: Буки Веди, 2017. – 257 с.
9. Общетеоретическая юриспруденция: учебный курс: учебник/под. ред. Ю.Н. Оборотова. Одесса, 2011.
10. Понкин И.В. Теория публичного управления / Предисл. д.ю.н., проф. А.Б. Зеленцова. М.: Буки Веди, 2017. – 728 с.
11. Попова С.М. Современные тенденции развития международного космического права // Право и государство. 2016. № 4. – С. 66-71.
12. Попова С.М. Инициатива Люксембурга SpaceResources.Lu и возможные последствия для регулирования мирового рынка космической деятельности // Исследования космоса. 2017. № 4 (5). – С. 273-285.
13. Табанбаева А.С. Формирование национального законодательства о космической деятельности в зарубежных странах // Право и государство. 2017. № 3-4. – С. 169-185.
14. Ударцев С.Ф. Государственность в условиях глобализации: кризисные явления, адаптационная трансформация и развитие // Право и государство. № 4(61) 2013. – С. 18-23.
15. Ударцев С.Ф., Темирбеков Ж.Р. Концепции “Rule of Law” (“верховенство права”) и “Rechtsstaat” (“правовое государство”): сравнительный анализ // Государство и право. 2015, май, № 5. – С. 5–16.
16. Ударцев С.Ф. Сильное государство: вопросы теории // Право и государство. 2016, № 2. С. 6-14.
17. Финнис, Джон. Естественное право и естественные права / Пер. с англ. В.П. Гайдамака и А.В. Панкиной. М.; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016.
18. Фукуяма, Фрэнсис. Государственный порядок: научно-популярное издание. Пер. с англ. В.Л. Гончарова. М.: Изд-во АСТ, 2015.
19. Фукуяма, Фрэнсис. Угасание государственного порядка: научно-популярное издание. М.: Изд-во АСТ, 2017.
20. Яшкова Т.А. Сравнительная политология. М.: Издат.-торг. корпорация «Дашков и Ко», 2015.

References (transliterated):

1. Aleksi, Robert. Ponyatie i dejstvitel'nost' prava (otvet yuridicheskomu pozitivizmu) = Robert Alexy. Begriff und Geltung des Rechts; per. s nem. – A. Laptev, F. Kal'shojer; V. Bermann,

pred., sost.; T. Yakovleva, nauch. red. M.: Infotropik Media, 2011.

2. Varga, Chaba. Global'nye vyzovy, pravovoe gosudarstvo i nacional'nye interesy (Debaty ob universalizme/partikulyarizme evroatlanticheskoy civilizacii) // V kn.: Sovremennye global'nye vyzovy i nacional'nye interesy: XVI Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chteniya, 19–21 maya 2016 g. SPb.: SPbGUP, 2016.

3. Kerimov A.D. Sil'noe gosudarstvo kak opredelyayushchij faktor progressa: monografiya / A.D. Kerimov, I.N. Kuksin. M.: Norma: INFRA-M, 2017.

4. Kukieva A.A. Ehtapy institucional'nogo razvitiya kosmicheskoy deyatelnosti Kazahstana // Pravo i gosudarstvo. 2017. № 3-4. – S. 197-207.

5. Mal'ko A.V. Teoriya pravovoj politiki. Monografiya. M.: Izdatel'stvo «Yurlitinform», 2012.

6. Marchenko M.N. Pravovoe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo (teoretiko-pravovoe issledovanie): uchebnoe posobie. M.: Prospekt, 2015.

7. Mihajlov A.M. Ideya estestvennogo prava: istoriya i teoriya. M.: Yurlitinform, 2010.

8. Morhat P.M. Iskusstvennyj intellekt: pravovoj vzglyad: Nauchnaya monografiya / ROO «Institut gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij i prava». M.: Buki Vedi, 2017. – 257 s.

9. Obshcheteoreticheskaya yurisprudenciya: uchebnyj kurs: uchebnik / pod. red. Yu.N. Oborotova. Odessa, 2011.

10. Ponkin I.V. Teoriya publichnogo upravleniya / Predisl. d.yu.n., prof. A.B. Zelencova. M.: Buki Vedi, 2017. – 728 s.

11. Popova S.M. Sovremennye tendencii razvitiya mezhdunarodnogo kosmicheskogo prava // Pravo i gosudarstvo. 2016. № 4. – S. 66-71.

12. Popova S.M. Iniciativa Lyuksemburga SpaceResources.Lu i vozmozhnye posledstviya dlya regulirovaniya mirovogo rynka kosmicheskoy deyatelnosti // Issledovaniya kosmosa. 2017. № 4 (5). – S. 273-285.

13. Tabanbaeva A.S. Formirovanie nacional'nogo zakonodatel'stva o kosmicheskoy deyatelnosti v zarubezhnyh stranah // Pravo i gosudarstvo. 2017. № 3-4. – S. 169-185.

14. Udartsev S.F. Gosudarstvennost' v usloviyah globalizacii: krizisnye yavleniya, adaptacionnaya transformaciya i razvitie // Pravo i gosudarstvo. № 4(61) 2013. – S. 18-23.

15. Udartsev S.F., Temirbekov Zh.R. Konceptii “Rule of Law” (“verhovenstvo prava”) i “Rechtsstaat” (“pravovoe gosudarstvo”): sravnitel'nyj analiz // Gosudarstvo i pravo. 2015, maj, № 5. – S. 5–16.

16. Udartsev S.F. Sil'noe gosudarstvo: voprosy teorii // Pravo i gosudarstvo. 2016, № 2. S. 6-14.

17. Finnis, Dzhon. Estestvennoe pravo i estestvennye prava / Per. s angl. V.P. Gajdamaka i A.V. Pankinoy. M.; Chelyabinsk: IRISEHN, Socium, 2016.

18. Fukuyama, Frehnsis. Gosudarstvennyj poryadok: nauchno-populyarnoe izdanie. Per. s angl. V.L. Goncharova. M.: Izd-vo AST, 2015.

19. Fukuyama, Frehnsis. Ugasanie gosudarstvennogo poryadka: nauchno-populyarnoe izdanie. M.: Izd-vo AST, 2017.

20. Yashkova T.A. Sravnitel'naya politologiya. M.: Izdat.-torg. korporaciya «Dashkov i Ko», 2015.

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

А.В. МАЛЬКО,
директор Саратовского
филиала Института государства
и права Российской академии
наук, д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации

В статье проводится понятийно-сущностный анализ правовой политики как социальной реалии и научной категории. Обосновывается положение о том, что правовая политика – неперенный атрибут сильного государства. Изложены принципиальные основы концепции сильного демократического и правового государства, которые должны определять цели и содержание соответствующей правовой политики.

Ключевые слова: государство, сильное государство, правовая политика, правовая жизнь, правовое государство, правовое общество, демократическое государство, активизирующее государство, гражданское общество, активная личность.

Институт государства в настоящее время находится в центре внимания во всём мире. Усиление роли государства и повышение эффективности государственного регулирования во всех областях жизни стало ведущей тенденцией современности, нашедшей отражение как в официальных, экспертных оценках и высказываниях,¹ так и в научных исследованиях, которые различают сильное и слабое государство.²

© А.В. Малько, В.А. Затонский, 2018

¹ См.: Мировая экономика в XX в.: потрясающая картина достижений и серьёзных проблем // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 1. С. 14; Вступительное слово к Отчёту Президента Всемирного банка Д. Вульфенсона // Общество и экономика. 1997. № 6; Вступление в новый век: материалы международной конференции. Франция, ноябрь 1999 г. // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Сер. 2. Экономика. 2001. № 1. С. 12.

² См.: Badie B., Birnbaum P. Sociologie de l'Etat. P., 1982; Atkinson M.M., Comban W.D. Strong States and Weak States // British J. of Political Science. 1989. Vol.19, Jan. P. 47-67; Kriesi H. Lesdemocratiesoccidentals. P., 1994; Российское государство и право на рубеже тысячелетий (Все-российская научная конференция) // Государство и право. 2000. № 7. – С. 5; Топорнин Б.Н. Сильное государство – объективная потребность времени // Вопросы философии. 2001. № 7. С. 3-24; Артамонова Г.К., Анохин П.В., Ильичев В.В., Минаков И.А., Реуф В.М. «Сильное госу-

В.А. ЗАТОНСКИЙ,
доцент Поволжского
института (филиала)
Всероссийского
государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)
в г. Саратове, к.ю.н.

Государственная политика осуществляется в различных сферах жизнедеятельности общества и в этой связи может иметь разную природу и направленность. Как известно, бывает политика социальная, демографическая, экономическая, научная, национальная, религиозная, культурная, молодежная, военная, информационная, внешняя и т.п. Конечно же, во всех этих разновидностях политики, несомненно, присутствует и правовая составляющая, с помощью чего данные виды политики претворяются в жизнь (в частности, через правовые акты и иные юридические средства). Вместе с тем наряду с названными видами политики можно выделить и политику правовую, которая имеет самостоятельное значение и под которой понимается «научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности».³

Правовая политика характеризуется следующими основными признаками.

Во-первых, правовая политика – это всегда деятельность в сфере правовой жизни общества. Речь, по нашему мнению, должна идти не столько о сфере правового регулирования, сколько о значительно более широкой области, включающей в себя и право, и правовое регулирование, и правовую систему, и теневою составляющую правовой жизни. Другими словами, точнее будет сказать, что правовая политика распространяет свое влияние на правовую жизнь общества в целом, которая выступает предельно широкой категорией и содержит комплекс всех юридических явлений, включающий как позитивные, так и негативные составляющие.

Точно так же как существует своеобразная триада в экономической сфере: «экономика – экономическая система – экономическая жизнь», в нравственной сфере: «нравственность – нравственная система – нравственная жизнь», в политической сфере: «политика – политическая система – политическая жизнь», точно такая же существует и в правовой сфере: «право – правовая система – правовая жизнь». Правильно отмечается в литературе, что «общим объектом правовой политики может быть признана... правовая жизнь».⁴

Во-вторых, правовая политика – это деятельность, направленная на повышение качества правовой жизни общества, а значит и на наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, на усовершенствование права, на прогрессивное

дарство»: общая характеристика политико-правовой концепции // Мир политики и социологии. 2012. № 1. С. 27-34; Керимов А.Д. Некоторые проблемы теории сильного государства // Социодинамика. 2013. № 3. С. 1-45; Цыганков А.П. Сильное государство: теория и практика в XXI веке // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13. № 3. С. 8-18; Тихомиров Ю.А. Государство: сильное или слабое // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 2. С. 39–51; Ударцев С.Ф. Сильное государство: вопросы теории // Право и государство. 2016. № 2. С. 6-14.

³Малько А.В. Теория правовой политики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. – 328 с. – С. 42.

⁴Рудковский В.А. Правовая политика и осуществление права / под ред. Н.Н. Вопленко. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2009. С. 207.

изменение правовой системы, на соответствующее правовое развитие общества, на повышение правовой культуры граждан и должностных лиц и т.д.

Следует согласиться с мнением о том, что предназначение правовой политики – служить средством разумной и эффективной организации правовой жизни общества, инструментом правового прогресса, его воплощения из теории в реальность.⁵

В-третьих, это деятельность, выражающая отношение субъектов правовой политики к важнейшим проблемам развития правовой жизни общества, изменения и обновления ее наиболее значимых уровней, срезов, сегментов.⁶

Государство – наиболее важный и действенный субъект правовой сферы, всей общественной организации, оно формирует условия для эволюции правовой жизни, поскольку само нуждается именно в такой организации своего бытия.

Вместе с тем право и правовая жизнь оказывают обратное воздействие. Они видоизменяют государство, делают его обладателем системных качеств источника стабильности и прогресса всего общества. Выстраивая политический диалог, государство аккумулирует и выражает интересы многих субъектов правовой жизни. Наличие указанных обратных зависимостей, взаимосвязей – особый признак государства как субъекта правовой жизни. Данным качеством не обладает ни один из других субъектов.

Государство, будучи системным субъектом правовой жизни, может восприниматься и в иной интерпретации. Оно само по себе представлено системой органов, обладающих властными полномочиями, и эти органы – активные субъекты правовой жизни общества. Иначе говоря, государство в юридическом смысле представляет собой коллективное образование, состоящее из конкретных персонифицированных субъектов. Оно в реальности – субъект абстрактный, субъект второго уровня.⁷ Это означает, что качество системности государства как субъекта правовой жизни порождено задачей оптимизации функционирования правовой сферы в рамках всего общества.

В то же время общество включено в управленческий процесс, являющийся, как известно, признаком любой системы. Выходит, что управление порождает потребность в присутствии сложного, организованного, системного субъекта правовой жизни, каковым и является государство. Данное качество государства также подчеркивает его специфику в отношении организации правовой жизни.

Государство – особенный, уникальный субъект правовой жизни, непосредственно воздействующий на все ее стороны путем выработки и применения управленческого инструментария, закрепляемого в правовых актах. В более широком контексте государство выступает организатором, изначальным «движителем» всей правовой жизни общества.

⁵См.: Барсуков А.Ю. Правовой прогресс как юридическая категория: автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 11, 23.

⁶См.: Правовая жизнь современного российского общества: уровни, срезы, сегменты: монография / под ред. А.В. Малько. М.: Юрлитинформ, 2016. – 360 с.; Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики: монография / под ред. А.В. Малько. М.: Проспект, 2016. – 488 с.

⁷См.: Петров М.П. Государство как системный субъект правовой жизни // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект: монография / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 2005. С. 308.

Отсюда следует, что анализ государственного среза правовой жизни как объекта правовой политики необходимо начинать с уточнения роли государства как субъекта правовой жизни, определения его наиболее желаемых для общества качественных характеристик, которые должны быть достигнуты в ходе всесторонней модернизации российского общества. Это позволит выработать такой арсенал юридических средств, который позволит существенно повысить роль государственной правовой политики в обеспечении качества правовой жизни.

Объективной потребностью для действующих на пространстве бывшего СССР государств является сильное государство, которое (во взаимодействии с личностью, дееспособным гражданским обществом и другими субъектами государственно-правовой жизни) выступает в качестве важнейшего условия успешной социальной модернизации. Эту свою миссию государство в состоянии выполнить только в неразрывной, органической взаимосвязи с правом, которое является ядром и нормативной основой государственно-правовой жизни, её связующим и цементирующим звеном.⁸

Ключевой проблемой повышения качества российской государственной жизни, в конечном счёте, оказывается вопрос о том, насколько страна, общество вообще управляемы, какова может быть более демократичная, справедливая и как можно более эффективная модель управления ими.

Вся история человечества подтверждает, что от этого вопроса зависит слишком многое. В России, как и в Казахстане, политическая воля управляющего всегда была определяющим развитием фактором, а в условиях современной модернизации она стала критически важной для состояния всей системы. На наш взгляд, следует исходить из того, что в принципе неверно ставить вопрос об управляемости общественным развитием каким-либо индивидуальным или коллективным субъектом, фактически абстрагировавшись от того, какого качества и уровня (главным образом, профессионального и интеллектуального) эти субъекты. И, прежде всего, следует озаботиться задачей обеспечения такой системы управления, которая сама в себе содержала бы механизм эффективности (социальный, политический, правовой).

В качестве такого механизма, по мнению авторов, выступает процесс оптимального взаимодействия государства, права и личности. В своём Послании Федеральному Собранию Российской Федерации, особо подчеркнув важность обеспечения преемственности государственной политики, Президент РФ в числе главных стратегических задач назвал «формирование дееспособного гражданского общества» и «строительство эффективного государства, обеспечивающего безопасность и достойную жизнь людей».⁹

Не менее основательно в этом отношении высказался Президент Казахстана Н. Назарбаев: «Сила любой страны – в единстве ее народа. ... Все мои главные инициативы... способен запустить только мощный всенародный механизм. Тако-

⁸Подробно об этом см.: Затонский В.А. Государственно-правовая жизнь общества // Правовая жизнь современного российского общества: уровни, срезы, сегменты: монография / под ред. А.В. Малько. М.: Юрлитинформ, 2016. – 360 с. – С. 217-254.

⁹Российская газета. 2007. 27 апреля.

вым может стать нация единого будущего. Мы формируем уникальную, и до сих пор нигде не повторённую, модель единства народа».¹⁰

Поэтому главным стратегическим направлением развития современной государственно-правовой жизни является, с одной стороны, выстраивание государственно-правового механизма, способного реально обеспечивать одну из базовых основ государственного строя – положения о правах человека как высшей ценности, а с другой, – создание системы действенного воздействия граждан на государство через институты гражданского общества. Такой двуединый механизм функционирования государственно-правовой жизни находится в стадии становления. Государство эффективно лишь тогда, когда происходит взаимовлияние публичной власти и общества друг на друга. Только при этом условии может эффективно функционировать стержневой механизм развития государственно-правовой жизни – механизм взаимодействий в системе «сильное государство – дееспособное гражданское общество».

Становление сильного демократического государства является важнейшим направлением работы в области социальной модернизации, в качестве приоритетных целей которой выступают: создание механизма оптимального взаимодействия органов исполнительной власти и местного самоуправления с отдельными гражданами и с населением своей территории в целом; обеспечение каналов прямой и обратной связи в процессе решения социальных и политических задач регионов и территорий; гарантированное обеспечение конституционных прав и свобод граждан, создание условий для реализации ими своих законных интересов; решение задачи информирования населения о своей деятельности, вовлечения граждан в активное участие в управление делами общества и государства по всем сферам деятельности, а также создание каналов и механизмов общественного контроля.

В условиях высокого уровня правового конформизма и нигилизма граждан, с одной стороны, и недостаточно высокого уровня авторитета государственной власти в современном обществе, – с другой, особое значение приобретает поиск новых правил и форм взаимодействия государства и общества в интересах сохранения их целостности, а также для безопасного развития всех и каждого. Речь идёт о государстве, имеющем в своём арсенале информационную функцию, одним из важнейших направлений реализации которой является обеспечение открытости органов государственной власти для граждан, последовательное решение проблемы информационного взаимодействия органов власти как между собой (в рамках государственного аппарата), так и с гражданами. Особенно перспективным в этом плане становится «электронное управление» (e-government), то есть новая интерактивная форма взаимоотношений субъектов в области государственного управления (взаимоотношения государства с гражданами и компаниями, а также государственных органов между собой).

¹⁰Из выступления Президента Казахстана Н. Назарбаева на XXII сессии Ассамблеи народов Казахстана, 23 апреля 2015 г. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: http://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/page_219853_vystupleniya-prezidenta-kazahstana-n-nazarbaeva-na-khkhii-sessii-assamblei-naroda-kazahstana. Здесь и далее материалы из Интернета приводятся по состоянию на 15.06.2018 г.

Современный образ сильного эффективного государства – «*активизирующее государство*», *оставляющее как можно больше места для общества и гражданской активности* (прежде всего в государственно-правовой жизни), функционирующее под девизом: активизировать, а не администрировать. То, что общество может сделать не хуже или даже лучше, чем государство, оно должно делать само. Выходит, что реальное существование информационной функции государства предопределяет необходимость её чёткого правового оформления. Это позволит поднять на более высокий качественный уровень отношения между личностью и государством, создать новый порядок, тип этих отношений, который можно назвать «электронной (цифровой) демократией». Вполне может идти речь об «электронном государстве» – качественно новом уровне конституционного правового социального государства.

Многое в этом отношении сделано как в России, так и в Казахстане, где приняты «важные меры в рамках реформы по формированию подотчетного государства».¹¹ Роль государства и его властных структур в этом процессе невозможно недооценивать. Отсюда и значение реформ в области исполнительной ветви власти, той, которая в наибольшей степени выходит на пространство правового взаимодействия человека и его ассоциаций с государственным механизмом управления делами общества, которая призвана обеспечить должный уровень организации взаимодействия всех составляющих современного социума.

Из сказанного вытекает, что правовая политика является неперенным атрибутом, одним из главных сущностных признаков сильного государства и эффективно функционирующей государственности. Отсутствие (либо низкая результативность) правовой политики – признак слабого, неработоспособного государства, неэффективного государственного управления обществом. Свидетельство тому – ситуация в России и ряде других государств, сложившаяся в постсоветский период. Правовая политика как признак, атрибут сильного государства позволяет государственной власти обрести твёрдую, целенаправленную волю, преодолеть коррумпированность, оторванность от нужд народа, непредсказуемость властных действий и решений, избежать ошибочных шагов в проводимой политике. Последнее особенно важно. Ведь ошибка в политике хуже преступления, ибо последствия такой ошибки могут быть исключительно вредными и даже необратимыми.¹²

В контексте правовой жизни в качестве объекта правовой политики государство может быть определено как единственная суверенная организация политической власти определённых социальных сил, правящая обществом при помощи аппарата управления и принуждения, посредством правовых актов, а также прямого администрирования, обеспечивающая условия для граждан участвовать в формировании и осуществлении властных велений, направленных на преимущественное осуществление как общесоциальных, так и конкретных классовых,

¹¹См.: Выступление Президента Казахстана Н. Назарбаева на открытии первой сессии Парламента шестого созыва, 25 марта 2016 г. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: http://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/page_219853_vystupleniya-prezidenta-kazakhstanana-n-nazarbaeva-na-khkhii-sessii-assamblei-naroda-kazakhstanana.

¹²Подробнее см.: Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 2003. – С. 318-324.

групповых, национальных, религиозных и других интересов в пределах определённой территории.¹³

Более того, правовое измерение дает возможность не только выявить подлинную сущность государства, но и понять базовые начала его модернизации применительно к современным условиям функционирования и развития.

Специфичность правовой жизни государства и его органов проявляется в способе ее организации, в качестве которого выступает правовая политика. Посредством правовой политики государство и его органы распространяют свое влияние на правовую жизнь общества в целом, оказывают на нее упорядочивающее воздействие. В свою очередь, правовая жизнь общества является объектом государственной правовой политики, выступая одновременно истоками и сферой проявления такой политики.

В самом общем представлении сильное государство с правовой точки зрения – это, прежде всего, государство, способное, с одной стороны, создать и обеспечивать необходимые условия для строгого неукоснительного исполнения и соблюдения всеми субъектами государственно-правовой жизни предписаний юридических норм. С другой стороны, сильное государство – это государство, которое, выступая в качестве легитимного субъекта политико-правовых отношений в случае необходимости способно реально принудить отдельных субъектов к исполнению требований публичной власти.¹⁴

В качестве принципиальных основ концепции сильного государства, которые должны определять цели и содержание соответствующей правовой политики, могут быть предложены следующие позиции.

1. Государство ни в каких ситуациях, *ни при каком стечении обстоятельств не должно оставлять стихийным силам те сферы жизнедеятельности общества, которые без государственного регулирования существовать не в состоянии*. Речь идёт о дееспособности государства. Недееспособное государство – это государство, отказывающееся от исполнения имманентно присущих ему функций, уходящее (путём прекращения регулирования) из тех сфер общества, откуда уходит оно не имеет права. Такой уход государства из экономики наиболее опасен для общества, поскольку вместе с государством оттуда уходит и право, а вместе с ними – дисциплина, законность и правопорядок, а, в конечном счёте – справедливость и благополучие общества, составляющих его граждан.

Общество нельзя разгосударствить. Без сильной государственности невозможно совершить коренную модернизацию общества. Свободный рынок, частная собственность, цивилизованные формы демократии несовместимы с распушенностью и эгоистическим своеволием, разрушающими общественные реформационные процессы.

2. Сильное государство – это государство цивилизованное. Оно чётко знает своё место в системе общественных отношений, *минимальные границы и максимальные*

¹³См. подробнее: Затонский В.А. Эффективная государственность: монография / под ред. А.В. Малько. М.: Юристъ, 2006. – С. 55-63.

¹⁴См.: Артамонова Г.К., Анохин П.В., Ильичев В.В., Минаков И.А., Реуф В.М. «Сильное государство»: общая характеристика политико-правовой концепции // Мир политики и социологии. 2012. № 1. С. 28.

пределы своего вмешательства в социальные процессы, применяет все присущие государству методы регулирования, как косвенные (экономические, воспитательные, стимулирующие), так и прямые (административные, ограничивающие).

3. Вопрос о сильном государстве правомерен только в связи с личностью, с её деятельностью. Активная личность так же необходима сильному государству, как и любому гражданину – «качественное» государство. Сильное государство – это такое государство, которое *не приемлет и не допускает умаление самостоятельности личности и индивидуальных свобод*. Оно всячески поддерживает, стимулирует формирование в массовом сознании таких качеств, как личная инициатива, предприимчивость, готовность идти на риск, личная ответственность за самостоятельно принятые решения и успех или неуспех в их реализации и др.

4. В общем, самом широком смысле фактором, связующим личность и государство, является право и выстраиваемая на его основе позитивная политико-правовая активность граждан. Сильное государство – это государство, *способное создать рациональную, внутренне согласованную систему правовых норм* (право), которые стимулировали бы инициативу, активность и самоуправление граждан, повысили бы их роль в управлении государством, устанавливали общественный контроль над деятельностью органов государственной власти.

5. Сильное государство – это *демократическое правовое государство*. Концепция сильного государства абсолютно несовместима с тоталитаризмом и имманентно присущим ему авторитарным стилем управления. В условиях тоталитаризма государство не сильное, а силовое, насильственное, агрессивное, карательное. Современному обществу необходимо сильное правовое государство. Тоталитаризм и демократия – абсолютно несовместимые типы организации государственной власти, всех общественных отношений. Усиление государства в современном демократическом контексте – не есть движение к тоталитаризму. Это однозначно был бы шаг назад, регресс. Необходимо решительное движение вперёд – к сильной (но не насильственной!) государственной власти. Усиление государства может осуществляться только в рамках демократического режима. Лишь тогда оно сохранит свою социальную ценность.

6. Развитие, совершенствование демократии, правового государства – ведущий ориентир усиления российской государственности и, в то же время, – один из путей формирования гражданского общества. Гражданское общество в его «противогосударственном» понимании – это нереальная, вредная конструкция, не имеющая ничего общего с концепцией сильной государственности. Ошибочно мнение о том, что только в отдалении, обособлении от государства реализуются идеи свободы, принципы законности, коренные интересы граждан. Принцип взаимной ответственности государства и личности, при приоритете в их взаимоотношениях прав и свобод человека и гражданина – один из основных принципов сильного государства. *Гражданское общество является обязательным атрибутом, главным и незаменимым партнёром сильного государства*. Наличие дееспособного гражданского общества – один из главных критериев силы государства.

7. Дееспособность гражданского общества возникает из *активистского правосознания граждан, избавившихся полностью и навсегда от патерналистского правосознания*. Для нормального функционирования тандема «гражданское обще-

ство – государство» необходимы субъекты, отличающиеся такими качествами, как способность делать политический выбор, основанный на чувстве собственного достоинства граждан; мужество, готовность встать на защиту ценностей свободного общества; гражданская ответственность; понимание своих прав и свобод и нацеленность на их бескомпромиссное отстаивание.

8. Необходимым условием оптимального взаимодействия государства, права и личности являются *обязанности*. Без них невозможна сколько-нибудь упорядоченная жизнь, в отрыве от них не может быть ни гражданского общества, ни правового государства. Юридические обязанности скрепляют, цементируют демократию, делают её более прочной, устойчивой и жизнеспособной. Сильное государство – это такое государство, которое *в состоянии не только обеспечить признание, соблюдение и защиту прав человека, но и создать, поддерживать и совершенствовать порядок, при котором неуклонно исполняются обязанности*.

Базовыми, основополагающими, принципиальными для формирования активистского правосознания и совершенствования тем самым всей правовой жизни современного общества являются: а) обязанность уважать права и свободы, законные интересы других лиц; б) обязанность отстаивать собственное право, свой личный законный интерес, поскольку «каждый, кто защищает собственное право, тот в узких пределах его защищает право вообще».¹⁵

Качественное исполнение обязанностей является важным фактором усиления государственности. Сильное государство вовсе не заинтересовано в том, чтобы все обязанности исполнялись исключительно под воздействием принуждения, под давлением силы. Вот почему для наиболее эффективного выполнения обязанностей, в которых заинтересовано общество и государство, необходимо повысить роль механизмов государственного поощрения (стимулирования) добросовестного, инициативного исполнения гражданами юридических обязанностей.

9. Сильному государству соответствует правовое состояние не только его самого, но и всего общества. Имеет смысл использовать такое понятие, как правовое общество.

Правовое общество может быть определено как такое персонцентристское общество, в котором государство подчинено праву и в социальных отношениях жёстко ограничено им, не вправе нарушать законодательно установленные для него запреты и иные ограничения, а физические и юридические лица свободны делать всё, что не запрещено законом, имея достаточно высокую общую и политико-правовую культуру и не позволяя себе действовать анархично; это общество, в котором утверждён принцип господства права и действует оптимальный механизм взаимодействия государства, права, личности и гражданского общества.

Правовое общество можно охарактеризовать как такое состояние, которое обеспечивает всестороннее развитие страны. Страна не может считаться великой, а государство – сильным, если большинству населения живётся плохо. Высшими критериями развития страны, качества её правовой организации являются качество жизни и положение личности в обществе.

10. Сила государства, эффективность государственности определяются степе-

¹⁵Иеринг Р. Борьба за право. СПб: Изд-во «Вестника знания», 1912. – 71 с. – С. 44.

нию их «социальности». Социальное назначение современного государства состоит в его разнообразной, выстраиваемой на правовой основе широкой деятельности, направленной на организацию прежде всего тех дел, без решения которых не может функционировать современное общество. На первом месте стоит закрепление, обеспечение и защита прав и свобод человека, создание надёжных гарантий реализации гражданами своих законных интересов и повышение на этой основе позитивной активности и инициативы личности. Только при таком понимании социального назначения государства можно рассчитывать на достижение конституционно закреплённой стратегической цели государственной политики – «создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Таким образом, государство, его правовая жизнь представляется в качестве интегрирующей категории, которая упорядочивает юридическую сферу общества, выступает как гарантия правопорядка. Именно власть, выстраивающая и реализующая правовую политику, определяет внешнюю форму государства как важнейшего субъекта правовой жизни.

Думается, что как концепция сильного государства в целом, так и правовая политика в сфере его формирования вряд ли могут носить универсальный характер. Напротив, свои исходные начала они должны соотносить с национальной самобытностью, с уровнем развития институтов публичной власти в государстве, с её силой, а также с публичными интересами, коренным образом преобладающими над интересами всех других государств. Всё это полностью соответствует требованиям сильного правового государства, всё это делается для защиты прав и законных интересов граждан «нашего», «моего» государства.

А.В. Малько, В.А. Затонский: Мықты құқықтық мемлекет қалыптастыру саласындағы құқықтық саясат.

Мақалада құқықтық саясаттың әлеуметтік шындық пен ғылыми категория ретіндегі түсіндірме-танымдық талдауы жүргізіледі. Құқықтық саясат мықты мемлекеттің ажырамас атрибуты екені жөніндегі ереже негізделді. Мықты демократиялық және құқықтық мемлекеттің тұжырымдамасының қағидалық негіздері берілген, олар тиісті құқықтық саясаттың мақсаты мен мазмұнын анықтауы қажет.

Түйін сөздер: мемлекет, мықты мемлекет, құқықтық саясат, құқықтық өмір, құқықтық мемлекет, құқықтық қоғам, демократиялық мемлекет, белсендіруші мемлекет, азаматтық қоғам, белсенді тұлға.

A.V. Mal'ko, V.A. Zatonskij: Legal policy in formation a strong state of law.

The article provides the analysis of the concept of legal policy and its essence as a social realia and scientific category. The article substantiates the position that legal policy is an indispensable attribute of a strong state. The author explicates the fundamental principles of the concept of a strong democratic and rule-of-law state, which should determine the goals and the content of the relevant legal policy.

Key words: state, law, strong state, legal policy, legal life, state of law, legal society, democratic state, activating state, civil society, active person.

Библиография:

1. Артамонова Г.К., Анохин П.В., Ильичев В.В., Минаков И.А., Реуф В.М. «Сильное государство»: общая характеристика политико-правовой концепции // Мир политики и социологии. 2012. № 1. – С. 27-34.
2. Затонский В.А. Эффективная государственность: монография / под ред. А.В. Малько. М.: Юристъ, 2006. – 286 с.
3. Иеринг Р. Борьба за право. СПб: Изд-во «Вестника знания», 1912. – 71 с.
4. Керимов А.Д. Некоторые проблемы теории сильного государства // Социодинамика. 2013. № 3. – С. 1-45.
5. Малько А.В. Теория правовой политики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. – 328 с.
6. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права: монография. Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 2003. – 510 с.
7. Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект: монография / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 2005. – 528 с.
8. Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики: монография / под ред. А.В. Малько. М.: Проспект, 2016. – 488 с.
9. Правовая жизнь современного российского общества: уровни, срезы, сегменты: монография / под ред. А.В. Малько. М.: Юрлитинформ, 2016. – 360 с.
10. Рудковский В.А. Правовая политика и осуществление права / под ред. Н.Н. Вопленко. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2009. – 336 с.
11. Тихомиров Ю.А. Государство: сильное или слабое // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 2. – С. 39–51.
12. Топорнин Б.Н. Сильное государство – объективная потребность времени // Вопросы философии. 2001. № 7. – С. 3-24.
13. Ударцев С.Ф. Сильное государство: вопросы теории // Право и государство. 2016. № 2. – С. 6-14.
14. Цыганков А.П. Сильное государство: теория и практика в XXI веке // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13. № 3. – С. 8-18.

References (transliterated):

1. Artamonova G.K., Anohin P.V., Il'ichev V.V., Minakov I.A., Reuf V.M. «Sil'noe gosudarstvo»: obshchaya harakteristika politiko-pravovoj koncepcii // Mir politiki i sociologii. 2012. № 1. – S. 27-34.
2. Zatonskij V.A. Ehfektivnaya gosudarstvennost': monografiya / pod red. A.V. Mal'ko. M.: Yurist», 2006. – 286 s.
3. Iering R. Bor'ba za pravo. SPb: Izd-vo «Vestnika znaniya», 1912. – 71 s.
4. Kerimov A.D. Nekotorye problemy teorii sil'nogo gosudarstva // Sociodinamika. 2013. № 3. – S. 1-45.
5. Mal'ko A.V. Teoriya pravovoj politiki: monografiya. M.: Yurlitinform, 2012. – 328 s.
6. Matuzov N.I. Aktual'nye problemy teorii prava: monografiya. Saratov: Izd-vo Saratovskoj gos. akademii prava, 2003. – 510 s.
7. Pravovaya zhizn' v sovremennoj Rossii: teoretiko-metodologicheskij aspekt: monografiya / pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. Saratov: Izd-vo Saratovskoj gos. akademii prava, 2005. – 528 s.
8. Pravovaya zhizn' obshchestva: problemy teorii i praktiki: monografiya / pod red. A.V. Mal'ko. M.: Prospekt, 2016. – 488 s.

9. Pravovaya zhizn' sovremennoogo rossijskogo obshchestva: urovni, srezy, segmenty: monografiya / pod red. A.V. Mal'ko. M.: Yurлитinform, 2016. – 360 s.

10. Rudkovskij V.A. Pravovaya politika i osushchestvlenie prava / pod red. N.N. Voplenko. Volgograd: Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2009. – 336 s.

11. Tihomirov Yu.A. Gosudarstvo: sil'noe ili slaboe // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2016. № 2. – S. 39–51.

12. Topornin B.N. Sil'noe gosudarstvo – ob'ektivnaya potrebnost' vremeni // Voprosy filosofii. 2001. № 7. – S. 3-24.

13. Udartsev S.F. Sil'noe gosudarstvo: voprosy teorii // Pravo i gosudarstvo. 2016. № 2. – S. 6-14.

14. Cygankov A.P. Sil'noe gosudarstvo: teoriya i praktika v XXI veke // Rossiya v global'noj politike. 2015. T. 13. № 3. – S. 8-18.

ЖАҢА КІТАПТАР

Астана. 20 жылдың шежіресі. Энциклопедия. Астана қ., 2018 ж. – 556 б.

ISBN 978-601-06-5043-5

Кітапта 1998 ж. ҚР Президенті Н.Ә. Назарбаевтың Жарлығымен атауы өзгеріп, жаңа елордамыз ретінде ресми жарияланған Астана қаласының жаңа тұрпатты, сәулет келбеті айрықша шаһарға айналу жолы, қаланың әкімшілік-аумақтық құрылымы, экономикасы мен қала шаруашылығындағы әлеуеті, әлеуметтік саласы мен мәдени өмірі туралы жан-жақты мағлұмат берілген. Сонымен қатар, жеріміздің тұтастығын, еліміздің еркіндігін сақтап қалуға үлес қосқан тарихи тұлғалар, соңғы 20-25 жыл ағымында тәуелсіз Қазақстанның, оның астанасының аяғынан тік тұрып, қалыптасуына еселі еңбек еткен әр саланың майталман мамандары мен мемлекет, қоғам қайраткерлерінің өмірі мен қызметін нақты деректермен баяндайтын мақалалардың, әрқилы тарихи кезеңдер мен елорда өміріндегі елеулі уақиғалар туралы жазылған шолу материалдардың танымдық тағылымдық мәні зор.

Астана. Летопись 20-летия. Энциклопедия. Астана, 2018 г. – 528 с.

ISBN 978-601-06-5043-5

В издании представлена всесторонняя информация о многообразном пути Акмолы, получившей в 1998 году, согласно Указу Президента РК Н.А. Назарбаева, статус столицы нашей страны и преобразованной в Астану, об особом архитектурном облике города нового типа, административно-территориальной структуре, экономике и потенциале городского хозяйства, социальной сфере и культурной жизни. Вместе с тем в книге изложены познавательные материалы об исторических личностях, внесших неоценимый вклад в сохранение свободы и целостности нашей земли, а также обзорные статьи, освещающие значимые события, происходившие в столице, жизнедеятельность видных государственных, общественных деятелей и специалистов в разных сферах, которые в течение последних 20-25 лет своим достойным трудом внесли значительный вклад в становление и развитие независимого Казахстана и его столицы – Астаны.

СИЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: КАК ПРОТИВОСТОЯТЬ СОВРЕМЕННОЙ РАЗРУШИТЕЛЬНОЙ АВТОРИТАРНОСТИ²

БЪЯРН МЕЛКЕВИК,
доктор права, профессор
Университета Лавалья (Квебек,
Канада)¹

Мы все больше понимаем, что разрушительная авторитарность набирает обороты в разных формах. Социальное и культурное влияние на качество демократии поистине ошеломляет: проникновение и ассимиляция неопределенности и страха отрицает возможность расхождения во мнениях, сомнений и формирования на основе чего-либо нового и иного. Нет ничего, что более бы ущемляло достоинство человека, по сравнению со страхом восстать и принять конкретную и различимую позицию. Обязанностью каждого является индивидуальная борьба за формирование пространства для защиты от всех видов разрушительной авторитарности и обеспечения свободы, равенства и достоинства для всех. При этом в XXI веке политическая, религиозная и конфессиональная разрушительная авторитарность ставит новые задачи и перед политическими и судебными институтами. При этом в борьбе с авторитарными идеологиями, культурами и действиями основополагающим компонентом остаются качественные характеристики отдельных индивидов и их гражданская позиция.

Ключевые слова: борьба за демократию, авторитаризм, права человека, государственная террор.

Ключевые слова: борьба за демократию, авторитаризм, права человека, государственная террор.

© Бьярн Мелкевик, 2018

¹Бьярн Мелкевик (Bjarn Melkevick, Doctor in Law, Titular Professor, Laval University (Canada) - титулярный профессор университета Лавалья (Квебек, Канада).

Профессор Б. Мелкевик получил известность как выдающийся специалист в области философии и теории права, юридической методологии, сравнительного правоведения и юридической аргументации. Его авторству принадлежит более двухсот работ в области теории и философии права, международного и конституционного права, изданных на французском, испанском и русском языках. Курсы лекций, читаемые профессором Б. Мелкевиком: «Философия права», «Юридическая логика и аргументация», «Юридическая эпистемология» и др.

Только за последние восемь лет профессор Мелкевик являлся приглашенным профессором в Университете Тулона (2010-2017), Университете Боготы (2011), Университете Монпелье (2013), Университета Тулузы (2015), Университета Лиона (2015), Чили (2018).

Б. Мелкевик – с 2005 г. главный редактор книжной коллекции «Inter-Sophia» в Издательстве Университета Лавалья, Квебек; с 2000 г. соредатор, редактор книжной коллекции DIKÉ в Издательстве Университета Лавалья, Квебек. За последние пять лет активно участвовал в международных конференциях в Европе, России, Канаде, Латинской Америке, Арабских Эмиратах.

Осенью 2015 г. вышла первая книга профессора Мелкевика на русском языке «Юридическая практика и ее отражение в философии права». В январе 2017 г. на русском языке вышли работы «Марк-

Мы все больше понимаем, что разрушительная авторитарность набирает обороты в разных формах. Как таковая, она зиждется на страхах людей и их потребности подчинить свою волю структуре признания и лояльности, основанной на системе бесспорных политических, религиозных и этических верований, которые сходятся в том, чтобы исключить всех, кто является другим и виновным. Социальное и культурное влияние на качество демократии поистине ошеломляет: проникновение и ассимиляция неопределенности и страха отрицает возможность расхождения во мнениях, сомнений и формирования на основе чего-либо нового и иного.

Нет ничего более ущемляющего достоинство человека, чем страх восстать и принять конкретную и различимую позицию. Страх разлагает характер каждого человека и заставляет людей не обращать внимания на трагедии других. Разрушительная авторитарность пренебрегает всеми нами, и как таковая является борьбой, которая должна быть выиграна на уровне отдельного человека. Поэтому обязанностью каждого является индивидуальная борьба за формирование пространства для защиты от всех видов разрушительной авторитарности и обеспечение свободы, равенства и достоинства для всех.

Безусловно, в XXI веке политическая, религиозная и конфессиональная разрушительная авторитарность ставит новые задачи и перед политическими и судебными институтами. При этом, чтобы справиться с таким сложным явлением – представленным лицами, группами, движениями и политическими партиями – демократически настроенные граждане не должны полагаться исключительно на формальные институциональные политики. Сами качественные характеристики лиц являются основополагающим компонентом в борьбе с идеологиями, культурами и действиями, которые терроризируют инаковость за счет продвижения антиполитики и антидемократии.

В такой перспективе обязанностью человека становится восстание и борьба с разрушительной авторитарностью во всех ее проявлениях. Люди должны разумно и своевременно реагировать на насилие и манипуляцию, происходящие в мире, особенно в западных странах, которые это по своей сути насильственное явление долгое время обходило стороной.

Мир, в котором мы живем

Каждый из нас живет в конкретной точке мира, и хотя мы воспринимаем этот мир по-разному, наши общие интересы позволяют нам ощущать угрозы нашему общему человечеству и действовать против них. Соответственно, мы должны определять разрушительную авторитарность как угрозу нашему человечеству. Независимо от своих политических, религиозных или культурных проявлений, разрушительная авторитарность может быть побеждена только людьми, которые объединились и добросовестно трудятся во имя блага каждого человека.

сизм и философия права: случай Пашуканиса» и «Юридическая эпистемология и уже-право». Книга Бьярна Мелкевика, посвященная творчеству Юргена Хабермаса вышла в свет на русском языке в мае 2018 г. Книга профессора Б. Мелкевика, в которую войдут переводы работ разных лет, посвященных истории философии права, готовится к выходу в свет на русском языке в сентябре 2018 г. – Е.Г. Самохина.

²Перевод с английского Самохиной Екатерины Геннадьевны, к.ю.н., доцент НИУ ВШЭ СПб. (ya.samohina@gmail.com).

Одним из наиболее шокирующих явлений после 9/11 – жестокого убийства 2996 граждан в Соединенных Штатах Америки в 2001 году – стало настолько же жестокое выражение эмоций людей по всему миру, которые танцевали, пели и плевались, празднуя жестокие действия того дня. Это было похоже на всемирный шабаш ведьм, празднование порочности и зла.

Люди могут быть очень жестокими. Жестокость мужчин и женщин ранит всех нас, поражает нас и заставляет усомниться в себе и нашем мире. Что мы должны думать, во что мы должны верить, когда мы слышим слова и видим жесты мужчин и женщин, выражающих свою ненависть?³

Было крайне тяжело видеть, как люди танцуют, веселятся и аплодируют массовому убийству. Никакого сочувствия израненным телам, разорванным на куски мужчинам, женщинам и детям, которые больше не вернутся к своим семьям. Никакого сопереживания отчаявшимся и испуганным людям, надеявшимся сбежать из ада, устроенного террористами. В итоге мужчины, женщины и даже дети танцевали по всему миру, чтобы отпраздновать убийство невинных людей, они веселились и радовались, и даже требовали еще крови. Никакого сочувствия.

Происходило что-то ужасное. Как будто мир сошел с ума. Но разве мы не должны удивляться этим людям, которые обрадовались убийству невинных? Разве была причина радоваться, танцевать и праздновать массовое убийство?

Такие картины со всех уголков мира перестали транслироваться через несколько дней. Вмешалась полиция, которая запретила телевизионным компаниям снимать и собирать факты. Местные власти поняли, что такие картины оскорбляют людей по всему миру и вызывают чувство недоверия, и что необходимо прекратить этот визуальный поток и сделать вид, что этого никогда не было, что никто не видел то, что мы смогли увидеть.

Современное общество отражает людей нынешнего времени. Многие из нас живут в наших собственных социальных и культурных оболочках; отдельные индивиды, которые предпочитают больше заигрывать с Нарциссом, вместо анализа, общения и объединения с другими.

По всему миру возникает все больше людей, которые желают спрятаться в иерархических авторитарных структурах, и тех, кто мечтает исчезнуть в рамках отдельной группы, испариться в догматичном коллективе. Трудно обнаружить различие между такими выражениями политической идентичности, так как пустота эгоцентризма некоторых лиц является причиной растворения в исключительных границах других. Желание исчезнуть в группе, исчезнуть подобно отдельному и незатронутому индивиду, также служит основой понимания человеческой жестокости и разрушительной авторитарности.⁴

«Я», с которым ты живешь

Современные индивиды все больше отчуждаются от самих себя, от своих соседей, общества и человечества. Отношения между людьми опосредованы вещами, структурой, «машиной», «сервисом», системой или абстрактной договоренностью некоторого рода. Такая динамика делает людей нуждающимися, неуверенными

³Также см.: Фромм Э. Здоровое общество. СПб, 1995.

⁴Об этом см.: Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1995.

и постоянно ищущими искренность и смысл, ощущение теплоты стаи и желание быть частью общества мысли, эмоции и действия.

Наша цивилизация предлагает множество форм утешения, что помогает нам сознательно преодолевать одиночество и справляться с его отрицательными проявлениями. Во-первых, она дает нам эффективность, производительность, хорошие организации, регулярные режимы работы, организованное общество и государство благосостояния. Каждый человек должен в конечном итоге строить свою идеальную жизнь с положительным значением и здоровым наполнением, за счет семьи и дружбы, занимаясь спортом, или через эстетику или образование, среди множества прочих альтернатив. Люди должны иметь обязательство строить свои жизни, в обратном случае мы рискуем оказаться в обществе, аналогичном тому, что Олдос Хаксли представил в своей книге «О дивный новый мир» (1932).⁵ Мир, где люди были изображены как сытые, хорошо одетые и сексуально удовлетворенные, без каких-либо потребностей, даже друг в друге. Картина, в которой счастье заключается в том, чтобы веселиться и потреблять веселье!

Разве это не картина человеческого счастья сегодня? Веселиться и – если веселье заключается в удовлетворении потребления товаров и услуг – потреблять. Что касается «любви», нужно избегать этого слова и проблемы, поэтому многие предпочитают «сексуальных друзей»; цель в том, чтобы как можно меньше усложнять жизнь и адаптировать ее к потребительскому уровню: к «Я» как верховному потребителю.

Человек может сознательно превратить себя в товар. Он оценивает свои усилия как инвестиции, которые, как хочется надеяться, сформируют наивысшую возможную прибыль в отношении его социального статуса и рыночной стоимости. Такой человек становится чужим для себя самого, своих друзей, связей и общества в целом. С точки зрения интеллекта, он обнаруживает, что ни во что не верит, так как общественный хор твердит ему, что никто не прав, правды не существует, ни у кого больше нет прав говорить от имени науки, этики и общества по сравнению с кем-либо еще, и что все – это игра, в которой вы побеждаете или проигрываете. Это экзистенциальная фаза, в которой вы никогда не вырастаете, и вы – это «Я», отчужденное от других и не имеющее сильного Я как такового.

Можно сказать, что тот этап, который раньше назывался юностью, сегодня стал нормой: состояние бесцельной пустоты и ощущение потерянности без связности и общественного значения, и, безусловно, ощущение того, что все течет, все изменяется. Может ли оказаться, что мы живем в мире, в котором никто не хочет взрослеть?

Мы столкнулись с развитием новой нарциссической личности. Новый тип личности характеризуется слабостью Я, потребностью в признании, подтверждении, защите и, что более важно, невозможностью эмоционально привязываться к другим.

Сегодня наблюдается глубокая человеческая потребность в смысле, безопасности и принадлежности. На подсознательном уровне «общество», «миссия» и «вера» определяют представление фигур надежных родителей, признание человеческой уязвимости и потребность в принадлежности к стае. Среди сегодняшней молодежи

⁵Хаксли О. О дивный новый мир. М., 2015.

наблюдается явная склонность к тому, чтобы «быть самим собой», и в то же время отличаться от всех. Индивидуализм, как идеология или самопознание, не означает, что молодые люди отличаются друг от друга по параметрам исключительности или оригинальности. Подчеркивание собственной индивидуальности может означать более глубокую эмоциональную проблему, связанную с идентичностью и с потребностью в привязанности. Если «каждый» подчеркивает собственное самовыражение, то это, скорее, выделяет сходство, а не различие.⁶

Молодые люди находятся под сильным коммерческим давлением, что заставляет их брать на себя роль потребителей и клиентов и придерживаться символических значений: признаки субкультуры и выражения, которые объединяют их в рамках одной идентичности. Аналогичным же образом, в таком мире «Я» слишком часто сталкивается со слабой и неопределенной идентичностью, что требует внешней поддержки для дополнительного подтверждения. Такое давление на слабое «Я» в направлении потребности в подтверждении идентичности и оригинальности и его дальнейшее подталкивание в направлении группы, которая может дать ему то, что нужно, приводит к подчинению, конформизму и сумасшествию. Вкратце, индивид остается наедине со своей слабостью, подчинением в том смысле, что он полностью растворяется в новой странной личности, выбранной для себя, и таким образом он становится совершенно похожим на других. Это расхождение между «Я» и миром кажется полностью исчезает, как и сознательный страх одиночества и беспомощности, и рассматриваемое «Я». «Кажется», так как данное ощущение касается только «слабости Я», что индивид начинает понимать его как «беспомощность Я».

С другой стороны, слабость «Я» раскрывается за счет большей изоляции, более глубокой неуверенности, что формирует сомнения по поводу его роли во вселенной, смысла его жизни, что приводит к растущему чувству беспомощности и незначительности в качестве личности.

Если традиционное общество – о котором мы знаем из западной истории и современных разнообразных реалий – характеризуется внешней властью, слабость Я и состояние отчуждения сегодняшнего дня не могут контролировать желания, страсти и ненависть по отношению к другим. Слабость «Я» с отрицательной стороны показывает людей, которые не стали достаточно зрелыми, чтобы действовать независимо и рационально. Им нужны мифы, традиции и идолы, чтобы справиться с тем фактом, что человек одинок: никакая абсолютная власть не может обеспечить безусловное качество жизни.

Почему люди подчиняются авторитарным идеологиям, сектам и террористическим сетям? Есть неявное понимание того, что социальная структура современного общества демонстрирует повышенную сложность, фрагментацию и дифференциацию, а разрыв между индивидами есть те условия, с которыми люди не могут справиться психологически. Сложность связана с постмодернистским разрушением смысла, концепций и систем ценностей; она касается отсутствия ясных и надежных связей между преобладающими верованиями и концепциями. Прежде всего нация, как сформированное сообщество, предназначенное для объединения разного, показывает себя как несостоявшаяся и дискредитированная. Отсюда появляется

⁶Margalit A. The Decent Society. Harvard University Press, 1998.

основание выделять слабость «Я» и нарциссическое самообразование, а также озабочиться тем фактом, что в современном обществе индивидуальность находится под давлением.

Мир нарциссизма

Что происходит с динамикой, существующей между идентичностью и личностью в обществе, где индивиды не чувствуют границ и подчиняются странному сочетанию свободы и бессилия, характеризующему мир нарциссизма?

Разрушительные деспоты, особенно террористы, не хотят жить в нашем мире. Они не любят равных, которые прямо смотрят им в глаза, и не ценят свободу. Их мир – это несвобода, неравенство и нечеловечность, это разрозненный мир, где покорное рабство, подчинение и авторитарность выходят на первый план, а покорность считается добродетелью. Это мир нарциссистов, мир, в котором слабое «Я» предано внушением и манипуляцией.

Как можно манипулировать человеком, чтобы заставить его думать, чувствовать и любить то, что в нормальном психическом состоянии он бы никогда не подумал, не ощутил и не полюбил? Это зависит от человека и от качества его отношений. Содержание электронных террористических СМИ передается через личные изображения, звуки и концепции; впечатления, позволяющие стимулировать воображение, проникать в мысли и формировать отношения за счет личного, хотя и абстрактного и далекого ощущения принадлежности к группе с божественной природой, идеи и концепции которой говорят о себе как об альтернативе упадку и греховному характеру Запада. СМИ, контролируемые террористами, представляют себя в виде «жертв», «героев», «общности», взывая к базовым инстинктам человека.

За последнее время наблюдается революционное развитие электроники, отсюда растет и влияние СМИ на людей, которое зачастую превращает их в моральных зомби, заставляя принять неприемлемое. Людей заставляют верить в то, что эти мысли, ощущения и действия возникают в них самих. Но здесь мы должны спросить, что происходит с собственными мыслями и чувствами человека? Он закрыт, похищен онлайн-пропагандой, а в худшем случае перенесены в подсознательное. Это печальный процесс, так как он создает фальшивых людей с раздвоением личности, которые по многим причинам живут не по-настоящему. Эта манипуляция направлена на вывод наружу самых сильных противоречий и страхов из сознания и памяти человека, что разрушает возможность выбора и демонстрации независимого мышления, рациональности и сопереживания.

Свобода может быть неопределенной! Это не только отсутствие внешней силы и власти, она также создает и подпитывает то, что мы понимаем как моральное и личное одиночество, беспомощность и ощущение незначительности. Поэтому мы должны пересмотреть свободу и ее важность для современного человека. Мы должны понимать, что свобода – это не только фундаментальное право и демократическое преимущество, но и сложное явление, связанное с беспокойством и волнениями среди индивидуумов.

Человеческая свобода – это процесс укрепления и интеграции, осмысления общественных сил. Свобода расцветает, когда индивид формирует мышление. Если от человеческой свободы добровольно отказываются, ее заменяют добровольным

рабством; именно к таким ужасным последствиям приводит современная разрушительная авторитарность.

Иди без страха

Качество наших обязательств и общественных заявлений – это те «легкие», которые делают общество надежным для всех.

Если нам нужно дышать, что еще нужно обществу, чтобы дышать за счет наших обязательств, нашего стремления к свободе, равенству и открытости, в борьбе с сумасшествием и нетерпимостью. Энергия правовой культуры людей и защита ими своих прав и свобод – основа сильного правового государства.

Б. Мелкевик: Мықты құқықтық мемлекет: заманауи жойғыш күшке ие авторитарлыққа қалай қарсы тұруға болады.

Жойғыш күшке ие авторитарлықтың әртүрлі формаларда серпін жинақтауда екенін біз түсінудеміз. Демократия сапасына әлеуметтік және мәдени әсер ету таң қалдыруда: белгісіздік пен қорқыныштың енуі мен сіңірілуі жаңа және әртүрлі нәрселердің негізінде пікірлердің, күмәндердің және қалыптасудың айырмашылықтарын жоққа шығарады.

Адамның қадір-қасиетіне одан әрі қорқыту, бүлдіруге және нақты және көрінетін ұстанымға әсер ететін ешнәрсе жоқ. Әрбір жойғыш күшке ие авторитарлықтан қорғап, барлық адамдар үшін бостандық, теңдік және қадір-қасиетін қамтамасыз ету мақсатында кеңістік қалыптастыру үшін жеке күресу әркімнің міндеті болып табылады. Сонымен бірге ХХІ ғасырда саяси, діни және конфессиялық жойғыш күшке ие авторитарлық саяси және сот институттарының алдына жаңа міндеттер қояды. Сонымен қатар, авторитарлық идеологияға, мәдениеттерге және әрекеттерге қарсы күресте жеке тұлғалардың сапалық сипаттамалары және олардың азаматтық ұстанымы негізгі компонент болып қала береді.

Түйінді сөздер: демократия үшін күрес, авторитаризм, адам құқықтары, мемлекеттік террор.

B. Melkevik: Strong Rule of Law: To stand-up against contemporary destructive authoritarianism.

We are becoming increasingly aware that destructive authoritarianism is on the rise in many forms and shapes. The social and cultural effects on the quality of democracy are truly devastating: the infusion and assimilation of uncertainty and dread annihilates the capacity to dissent, question and build upon something new and different. Nothing violates more effectively the dignity of the human person than the fear of standing up and assuming a specific and distinguishable position. Destructive authoritarianism defies all of us, and as such it is a battle that must be won at the level of the individual. Hence, it is a personal struggle, a duty of every decent human being, to build a place against all kinds of destructive authoritarianism, and in so doing secure freedom, equality, and dignity for all. However, the quality of individuals and their civil positions remain a fundamental component in the struggle against the ideologies, discourses and actions which terrorise otherness through the promotion of anti-politics and anti-democracy.

Key words: struggle for democracy, authoritarianism, human rights, state terror.

Библиография:

1. Мелкевик В. Юридическая практика в зеркале философии права. СПб., 2015.
2. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1995.
3. Фромм Э. Здоровое общество. СПб., 1995.
4. Хаксли О. О дивный новый мир. М., 2015.
5. Melkevik B. Introduction à la philosophie du droit. Paris: Buenos Books International, 2016.
6. Melkevik B. Philosophie du droit. Volume 2. Québec/Sainte-Foy: Les Presses de l'Université Laval, collection Diké, 2014.
7. Melkevik B. Épistémologie juridique et déjà-droit. Paris: Buenos Books International, 2014.
8. Melkevik B. Philosophie du jugement juridique. Québec: Les Presses de l'Université Laval, coll. Diké, 2010.
9. Melkevik B. Habermas, droit et la démocratie deliberative. Québec: Les Presses de l'Université Laval, coll. Diké, 2010.
10. Melkevik B. Marxisme et philosophie du droit : le cas Pasukanis. Paris: Buenos Books International, coll. Politique et philosophie du droit, 2010.

References (transliterated):

1. Melkevik B. Yuridicheskaya praktika v zerkale filosofii prava. SPb., 2015.
2. Fromm Eh. Begstvo ot svobody. M., 1995.
3. Fromm Eh. Zdorovoe obshchestvo. SPb., 1995.
4. Haksli O. O divnyj novyj mir. M., 2015.
5. Melkevik B. Introduction à la philosophie du droit. Paris: Buenos Books International, 2016.
6. Melkevik B. Philosophie du droit. Volume 2. Québec/Sainte-Foy: Les Presses de l'Université Laval, collection Diké, 2014.
7. Melkevik B. Épistémologie juridique et déjà-droit. Paris: Buenos Books International, 2014.
8. Melkevik B. Philosophie du jugement juridique. Québec: Les Presses de l'Université Laval, coll. Diké, 2010.
9. Melkevik B. Habermas, droit et la démocratie deliberative. Québec: Les Presses de l'Université Laval, coll. Diké, 2010.
10. Melkevik B. Marxisme et philosophie du droit : le cas Pasukanis. Paris: Buenos Books International, coll. Politique et philosophie du droit, 2010.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА,
ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ**

Ж.Р. ТЕМИРБЕКОВ,
доктор PhD, старший
преподаватель кафедры
государственно-правовых
дисциплин Университета
КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева
(Астана)

В статье рассматривается роль и место политических прав в обеспечении верховенства права и экономического роста в условиях современного мира и Казахстана. Результаты исследований позволяют утверждать, что развитие (или не развитие) политических прав оказывает незначительное влияние на уровень верховенства права и темпа годового роста ВВП как в реалиях Казахстана, так и в более глобальном масштабе. Следовательно, несмотря на то, что сама по себе ценность политических прав бесспорна, непрерывное развитие этого института все-таки не является главной предпосылкой в процессе обеспечения верховенства права и экономического роста. Вместе с тем, существует определенная взаимосвязь между верховенством права и экономическим ростом. Таким образом, государству, которое стремится достичь высокого экономического и социального развития, следует уделять больше внимания обеспечению верховенства права.

Ключевые слова: политические права, верховенство права, экономический рост, права человека, Казахстан, годовой рост ВВП, избирательное право, рост ВВП на душу населения.

Политические права и верховенство права

Утверждение демократии сыграло важную роль в развитии Древних Афин и Древнего Рима¹ – государств, где в защите частной собственности и частного права был достигнут осязаемый прогресс. Но, в современном мире, демократия, в частности избирательное право, занимает неоднозначное место в развитии и укреплении государственности. Например, в соответствии с исследованиями, проведенными в конце XX в., уровень верховенства права, не всегда прямо пропорционален уровню избирательных прав, и наоборот. Например, согласно исследованию доктора Роберта Барро (*Robert Barro*) есть страны, где Индекс Верховенства права может быть существенно выше относительно Индекса Избирательных прав. Если взять данные за 1982 год, например, в Тайване наблюдался очень высокий уровень верховенства права – 1.00, в то время как Индекс Избирательных прав был ниже среднего – 0.33. Гонконг и Сингапур показывали также очень высокий уровень верховенства пра-

© Ж.Р. Темирбеков, 2018

¹С учетом особенностей того, что Древняя Греция и Древний Рим были рабовладельческими государствами.

ва – 1.00 при среднем Индексе Избирательных прав – 0.50. Интересно, что в Буркина Фасо, Эфиопии, Гвинее, Мьянме, Сомали зарегистрирован средний уровень верховенства права – 0.50, при том факте, что Индекс Избирательных прав являлся нулевым – 0.00. Данные за 1998 год еще нагляднее демонстрируют, насколько может быть большая разница между уровнем верховенства права и уровнем избирательных прав в отдельных странах. Например, в Бахрейне, Китае, Гамбии, Саудовской Аравии, Сирии уровень верховенства права был выше среднего – 0.83, в то же время Индекс Избирательных прав в этих странах находился на нуле – 0.00.²

В некоторых странах существует высокий Индекс Избирательных прав, в то время как Индекс Верховенства права находится на среднем уровне или даже ниже. В таких странах как Боливия и Гондурас при высоком Индексе Избирательных прав – 1.00, степень верховенства права была на уровне намного ниже среднего – 0.17. Доминиканская Республика, Греция, Южная Африка, Уругвай также демонстрировали очень высокий Индекс Избирательных прав – 1.00, но показатель соблюдения верховенства права остановился на уровне – 0.50.³

Таким образом, возможны ситуации, когда в некоторых странах при низком уровне избирательных прав, верховенство права оценивается экспертами как находящееся на хорошем уровне (Китай, Саудовская Аравия). И наоборот, существуют страны с очень развитым избирательным правом, но крайне низким, по оценкам экспертов, уровнем верховенства права (Боливия и Гондурас). Иначе говоря, есть страны с высоким уровнем избирательных прав, где выборы проходят честно и справедливо. Но при всем этом, существует низкий уровень защиты прав человека, прав собственности, но высокий – преступности и коррупции. И наоборот, есть страны с низким уровнем избирательных прав, но права человека и права собственности хорошо обеспечены, существует низкий уровень преступности и коррупции.

Если обратить внимание на соотношение между политическими правами и верховенством права в более глобальном масштабе, то из Графика 1, демонстрирующего тенденции показателей политических прав и верховенства права, становится ясно, что уровень верховенства права показывает рост, несмотря на практически параллельное снижение уровня политических прав. Другими словами, в рамках совокупности исследуемых стран⁴ уровень верховенства права растет, не взирая на то, что показатель политических прав может становиться ниже.

²См.: R. Barro. Rule of Law, Democracy and Economic Performance // 2000 Index of Economic Freedom. New York: Heritage Foundation. 1999. P. 37. В указанной работе доктор Барро в качестве источника показателя верховенства права использовал индекс агентства Political Risk Services, при расчете которого применяется шкала от 0 (минимум) до 1 (максимум). В графиках 1,2,6,7 настоящей статьи в качестве показателя верховенства права был применен индекс, рассчитываемый Всемирным Банком по шкале от 0 (минимум) до 100 (максимум).

³Там же.

⁴Графики 1 и 3 построены на основе совокупных средних показателей по следующим странам: Australia, Austria, Bangladesh, Belgium, Bulgaria, Canada, Colombia, Costa Rica, Czech Republic, Denmark, El Salvador, Finland, Germany, Greece, Honduras, Hungary, Italy, Japan, Kenya, Lithuania, Mexico, Morocco, Netherlands, Norway, Panama, Paraguay, Peru, Poland, Portugal, Romania, Singapore, Spain, Sweden, Switzerland, United Kingdom, United States, Uruguay.

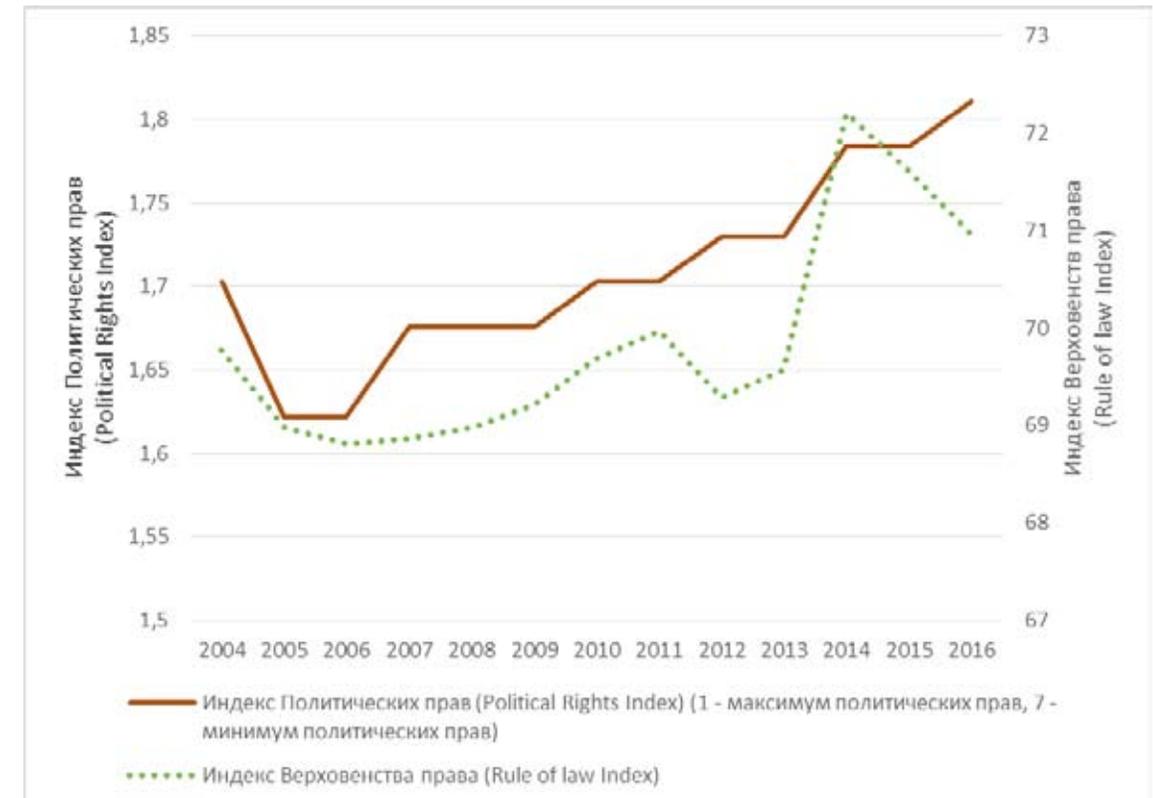

График 1. Соотношение политических прав и верховенства права⁵

Анализ соотношения политических прав и верховенства права в условиях Казахстана еще раз подтверждает вышеизложенное. Так, несмотря на отсутствие дальнейшего роста прогресса в области развития политических прав (по данным Freedom House), Казахстан делал существенные позитивные шаги по развитию верховенства права (см. График 2). В соответствии с данными, самый серьезный скачок в области верховенства права был достигнут в 2004 г. При этом, показатель политических прав за этот же период не изменился. Далее, следующий существенный прогресс в сфере верховенства права был сделан в период с 2006 по 2009 гг., когда индекс верховенства права в Казахстане поднялся более чем на 10 пунктов. Только в период между 2015-2016 гг. снижению уровня политических прав соответствует снижение уровня верховенства права. В целом, из указанного графика можно заметить, что вопреки довольно стабильному показателю политических прав, уровень верховенства права в Казахстане демонстрирует уверенный рост. Следовательно, несмотря на то, что сама по себе ценность политических прав бесспорна, непре-

⁵См.: Country and Territory Ratings and Statuses 1972-2016 (Индекс Политических прав). Freedom House. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/FIW2017_Data.zip (доступ 25.12.2017 г.); Worldwide Governance Indicators (Индекс Верховенства права). World Bank. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#reports> (25.12.2017).

менное развитие этого института все-таки не является главной непосредственной предпосылкой в процессе обеспечения верховенства права в Казахстане.

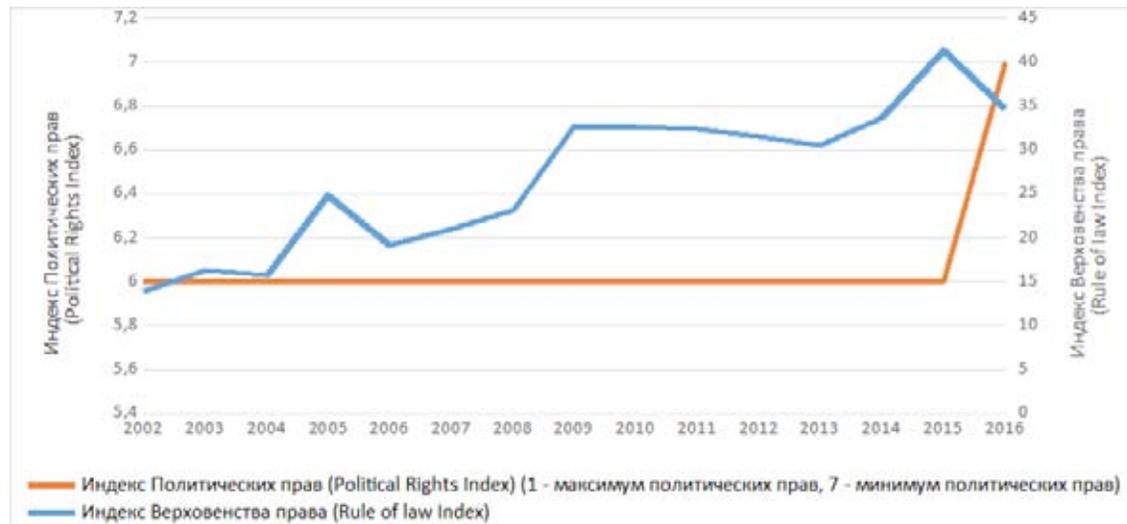

График 2. Соотношение политических прав и верховенства права в Казахстане⁶

Политические права и экономический рост

Интересный результат показывает изучение влияния уровня политических прав на экономическое развитие. Так, расчет по вычислению соотношения политических прав и темпа годового роста ВВП на основе совокупных данных 37 стран мира показывает, что несмотря на снижение уровня политических прав, темп экономического роста имеет тенденцию к повышению (см. График 3).

Кроме того, по мнению специалистов в этой области, демократия лишь в «малых дозах» положительно влияет на темп экономического роста. При уровне выше среднего, демократия может даже выступать фактором тормозящим экономическое развитие.⁷ В данном аспекте, думается, причиной тому, что повышенный уровень демократии может замедлить экономический рост, могут быть несколько факторов: во-первых, избирательный процесс как правило, требует больших средств и еще важнее – времени. Представители политической власти в стране во время выборов вынуждены на какое-то время отвлечься от решения экономических проблем и сконцентрироваться на выборах. Тогда как экономическая конъюнктура в мире меняется каждую минуту. Причем, изменения в сфере экономики произошедшие на другом конце земли, моментально сказываются на всем мире, особенно, если такие изменения произошли в странах, являющихся крупными финансовыми и промышленными центрами; во-вторых, избранные на определенный срок представители власти как правило, желают быть избранными еще на один срок, поэтому в угоду

⁶Там же.

⁷См.: R. Barro. Rule of Law, Democracy and Economic Performance // 2000 Index of Economic Freedom. New York: Heritage Foundation. 1999. P. 42.

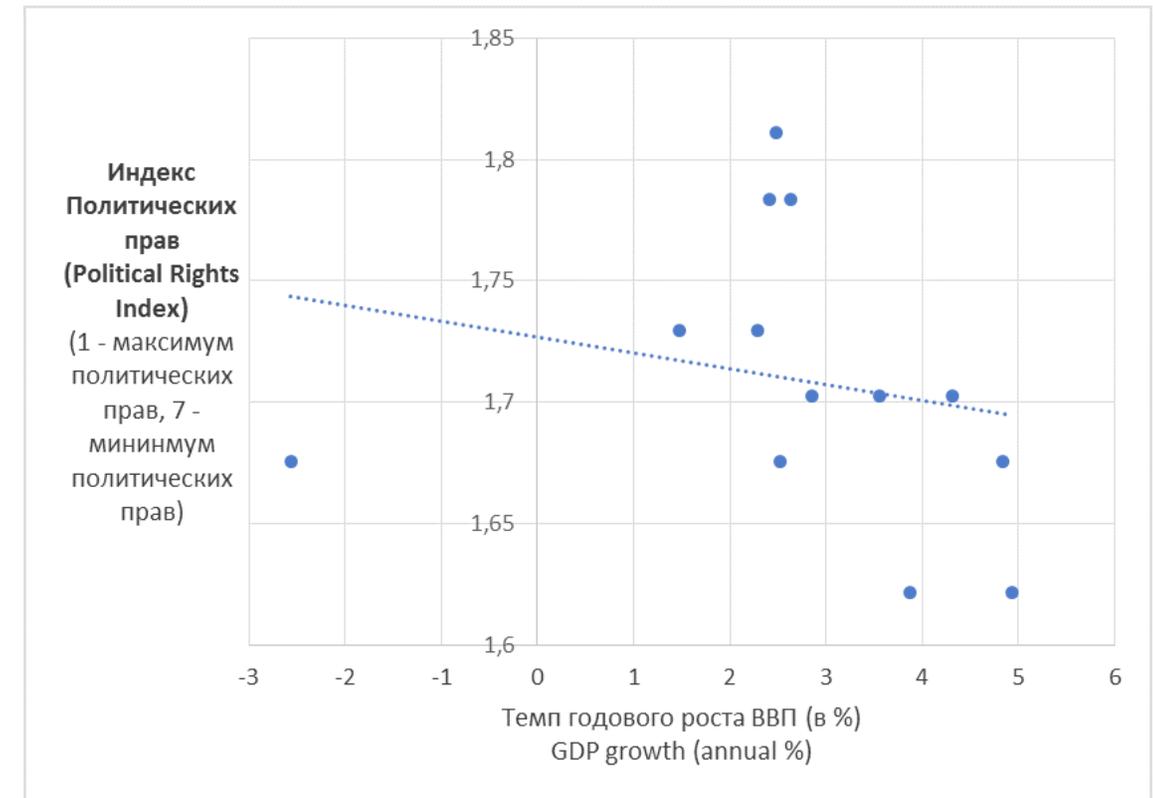

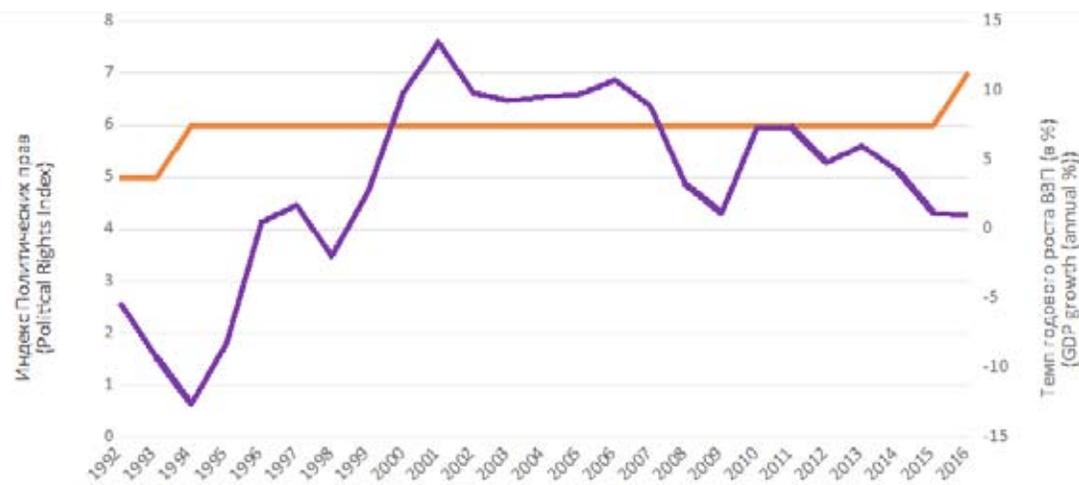
График 3. Соотношение политических прав и темпа годового роста ВВП⁸

своим избирателям ориентируются на краткосрочные результаты. В связи с этим, часто политика государства с высоким уровнем демократизации направлена часто на краткосрочный экономический результат в ущерб долгосрочному. Кроме того, предвыборные речи кандидатов во власть, как правило, пестрят обещаниями усилить социальную ответственность государства, которые приходится в случае избрания выполнять. В результате, подобные обещания могут вынудить власти увеличить налоги или уменьшить льготы для бизнеса, что в конечном счете негативно сказывается на экономическом росте; в-третьих, инвесторы, как известно, ценят стабильность. Поэтому, частая сменяемость власти, а значит и в определенной мере государственной политики (особенно это касается развивающихся стран) никак не отражается положительно на инвестиционной привлекательности страны. Особенно это важно, если государство планирует провести индустриализацию, для чего

⁸См.: Country and Territory Ratings and Statuses 1972-2016 (Индекс Политических прав). Freedom House. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/FIW2017_Data.zip (доступ 25.12.2017 г.); World Development Indicators (Темп годового роста ВВП (в %)). World Bank. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (25.12.2017). Пунктиром обозначена линия тренда.

необходимы крупные инвестиции. Ведь построение крупных заводов и фабрик начинает окупаться и приносить прибыль только по истечении десятков лет, и все это время любой инвестор хочет быть уверенным, что политический курс государства будет оставаться стабильным. Таким образом, чем выше уровень демократии в стране, тем больше влияния могут оказывать вышеуказанные факторы на темп экономического роста.

За годы своей независимости Казахстан показывает успехи не только в области верховенства права, но и в экономическом росте. Вместе с тем, одновременно Казахстан стремится к развитию политических прав. Но как влияют друг на друга политические права и экономический рост в условиях развивающегося Казахстана? В нижеприведенном графике (см. График 4) продемонстрировано соотношение уровня политических прав и темпа годового роста ВВП в Казахстане за 1992-2016 гг. В соответствии с данными, в 1993 г. наблюдается снижение как уровня политических прав, так и уровня экономического роста. Но, в 1995 г., несмотря на стабильно низкий показатель индекса политических прав, в Казахстане происходит рост экономики почти на 7%. Далее, в 1999 г. экономика выросла примерно на 5%, при том, что показатель политических прав не менялся с 1994 г. В период с 2008 по 2014 гг. наблюдается то спад, то повышение темпа экономического роста, но показатель уровня политических прав остается стабильным. Отсюда следует, что в условиях Казахстана политические права и темпы экономического роста в указанные годы между собой практически никак не взаимосвязаны.

Индекс политических прав (Political Rights Index) (1 – максимум политических прав, 7 – минимум политических прав)
Темп годового роста ВВП (в %) (GDP growth (annual %))

График 4. Соотношение политических прав и темпа годового роста ВВП в Казахстане⁹

⁹См.: Country and Territory Ratings and Statuses 1972-2016 (Индекс Политических прав). Freedom House. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/FIW2017_Data.zip (25.12.2017); World Development Indicators (Темп годового роста ВВП (в %)). World Bank. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (25.12.2017).

Верховенство права и экономический рост

Сравнивая соотношение данных о верховенстве права и темпе экономического роста, можно сделать вывод, что между ними существует положительная связь. График 5 наглядно демонстрирует это.

Что касается, взаимосвязи верховенства права и *темпа* экономического роста в условиях Казахстана, то мы получили неоднозначные данные. Так, в результате расчета соотношения верховенства права и темпа экономического роста в Казахстане (см. График 6), выясняется, что вопреки росту верховенства права, темп экономического роста за последние тринадцать лет имеет некоторую тенденцию к снижению. Как видно из указанного графика, немалую роль в таком снижении сыграл мировой финансовый кризис, разразившийся в 2008 г. Начавшаяся в 2013 г. тенденция падения цен на нефть, которая продолжается до сих пор, также негативно отразилась на темпе экономического роста Казахстана. Но, в соответствии с приведенным графиком, несмотря на замедление темпа экономического роста, уровень верховенства права в Казахстане продолжает повышаться.

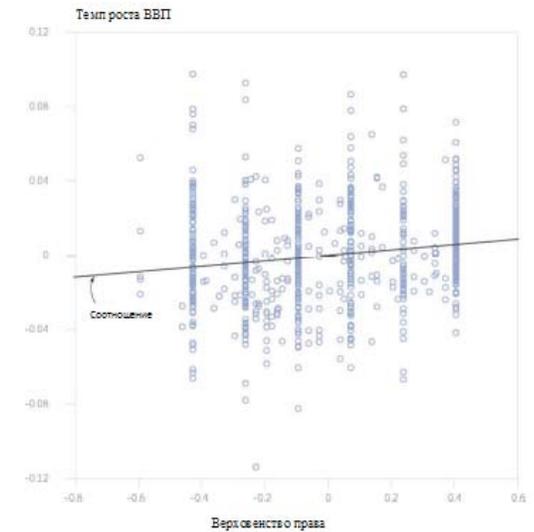

График 5. Соотношение верховенства права и темпа годового роста ВВП¹⁰

Как известно, рост ВВП на душу населения означает наличие экономического роста, в том числе повышение производительности труда. Следующий график отражает связь между верховенством права и ростом ВВП на душу населения в Казахстане в период с 2002 по 2016 гг. включительно (см. График 7). Возможно, в силу того, что верховенство права является общественно-правовым явлением и напрямую зависит от правосознания и правовой культуры людей, развитие этого института происходит в форме синусоиды. В то время, как расчет ВВП на душу населения основан на законах экономики, поэтому менее подвержен колебаниям, связанным с человеческим фактором. Вместе с тем, из указанного графика явно заметно, что синусоида роста верховенства права расположена примерно в той же плоскости, в которой находится кривая роста ВВП на душу населения. Следовательно, можно прийти к выводу, что развитие верховенства права оказывает положительное влияние на экономический рост, как в условиях Казахстана, так и в более глобальном масштабе.

¹⁰Данные относительно 80 стран. Горизонтальная ось отражает индикатор верховенства права в период с 1982 по 2005 годы. Вертикальная ось отражает темп роста ВВП на душу населения (среднее значение 12 переменных, характеризующих темп экономического роста) в период с 1965 по 2009 годы. См.: R. Barro. Democracy, Law and Order, and Economic Growth // 2013 Index of Economic Freedom. New York: Heritage Foundation. 2013. P. 51. URL: http://www.heritage.org/index/pdf/2013/book/index_2013.pdf (20.11.2017).

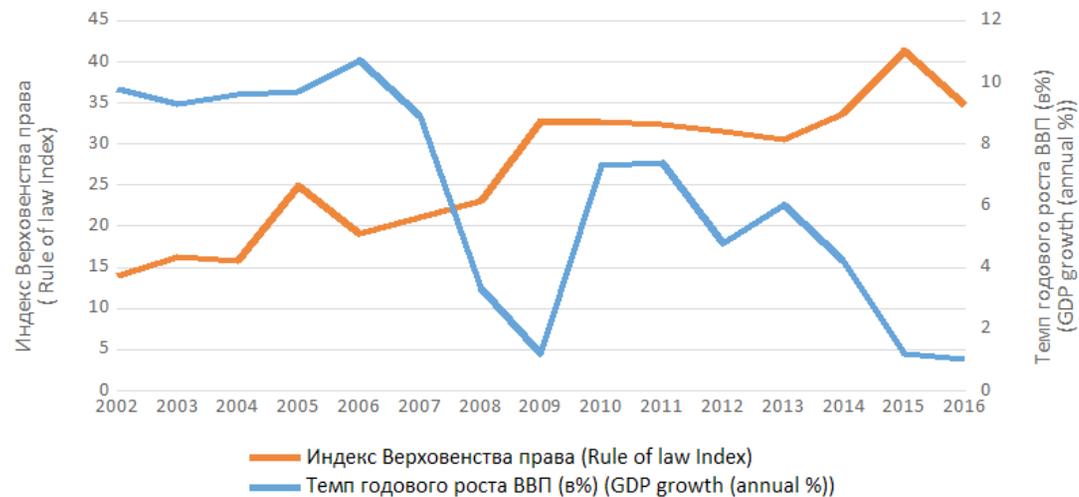

График 6. Соотношение верховенства права и темпа годового роста ВВП в Казахстане¹¹

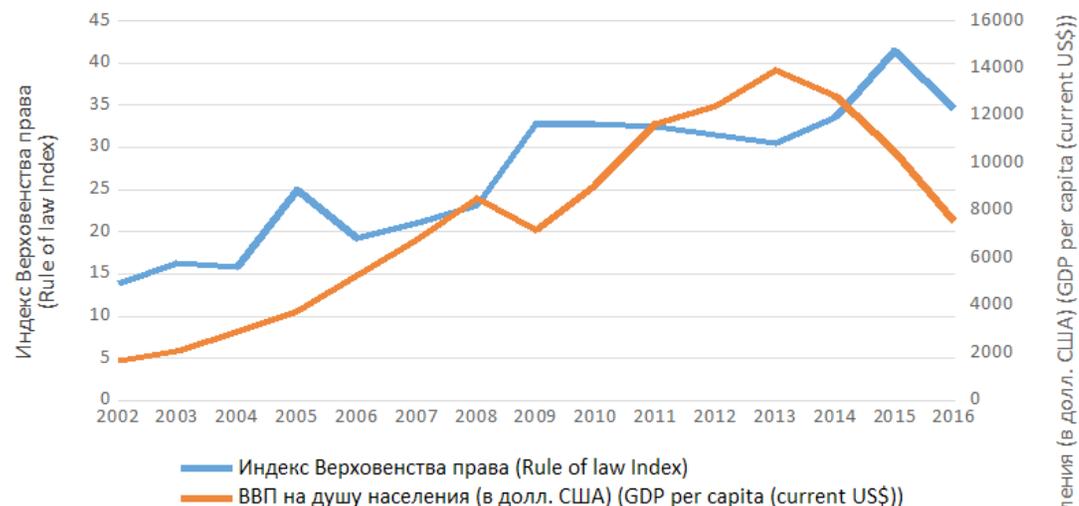

График 7. Соотношение верховенства права и роста ВВП на душу населения в Казахстане¹²

Заключение

Вышеизложенное невольно наталкивает на мысль, что в современную эпоху некоторые государства и политики переоценивают роль политических прав в деле

¹¹См.: Worldwide Governance Indicators (Индекс Верховенства права). World Bank. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#reports> (доступ 25.12.2017 г.); World Development Indicators (Темп годового роста ВВП (в %)). World Bank. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (25.12.2017).

¹²Там же.

развития верховенства права. Никто не спорит о том, что политические права есть одно из достижений человеческой цивилизации, и что к ним нужно стремиться. Но результаты исследований позволяют утверждать, что рост уровня политических прав не всегда положительно сказывается на верховенстве права и темпе годового роста ВВП.

Вместе с тем, очевидно, что существует тесная связь между верховенством права и экономическим ростом. Эти два явления, представляющие совершенно разные сферы человеческой деятельности, можно сравнить со сцепленными между собой, стоящими на подъемке верхушке холма вагонами. Если тянуть вверх за вагон «верховенства права», то за ним обязательно последует вагон «экономический рост». И наоборот, толкая на холм вагон «экономический рост», можно заставить двигаться вверх вагон «верховенства права». Если же не тянуть или не толкать ни один из этих вагонов вверх, то они могут скатиться вниз, причем вместе.

Учитывая упомянутое выше, нельзя не согласиться с доктором Барро (*Robert Barro*), который утверждает, что для развивающегося государства, находящегося в процессе формирования демократии и верховенства права – усиление демократии менее важно, чем укрепление верховенства права, которое является стимулом для экономического роста и привлечения инвестиций.¹³

Ж.Р. Темирбеков: Саяси құқықтар, құқық үстемдігі және экономикалық өсім.

Мақалада Қазақстан және қазіргі әлем жағдайында құқық үстемдігін және экономикалық өсуді қамтамасыз етуде саяси құқықтардың рөлі мен орны қарастырылады. Зерттеу нәтижесінде, Қазақстан ауқымында да, әлем ауқымында да саяси құқықтардың дамуы (немесе дамымауы) құқық үстемдігіне және ЖІӨ өсу қарқынына аз әсер етеді деп айтуға болады. Яғни, саяси құқықтардың құндылығына қарамастан, бұл институт құқық үстемдігін және экономикалық өсуді қамтамасыз ету жолында негізгі алғышарт болып табылмайды. Сонымен бірге, құқық үстемдігі және экономикалық өсу арасында белгілі байланыс бар. Жоғары экономикалық және әлеуметтік дамуға ұмтылатын мемлекет үшін құқық үстемдігін қамтамасыз етуге көбірек көңіл бөлу қажет.

Түйінді сөздер: саяси құқықтар, құқық үстемдігі, экономикалық өсу, адам құқықтары, Қазақстан, ЖІӨ жылдық өсімі, сайлау құқығы, жан басына шаққандағы ЖІӨ өсімі.

Zh. Temirbekov: Political rights, rule of law and economic growth.

The article examines the role and the place of political rights in ensuring the rule of law and economic growth in the conditions of the modern world and Kazakhstan. Results of research allow to claim that development (or not development) of political rights insignificantly influence the level of the rule of law and the rate of annual GDP growth both in realities of Kazakhstan and in more global scale. Thus, in spite of the fact that the value of political rights in itself is indisputable, indispensable development of

¹³См.: R. Barro. Rule of Law, Democracy and Economic Performance // 2000 Index of Economic Freedom. New York: Heritage Foundation. 1999. P. 47.

this institute is not the main prerequisite in process ensuring the rule of law and economic growth. At the same time, there is a certain interrelation between the rule of law and economic growth. The state which seeks to reach high economic and social development should pay more attention to ensuring the rule of law.

Keywords: political rights, rule of law, economic growth, human rights, Kazakhstan, GDP growth (annual), electoral right, GDP growth per capita.

Библиография:

1. Barro R. Rule of Law, Democracy and Economic Performance // 2000 Index of Economic Freedom. New York: Heritage Foundation. 1999.
2. R. Barro. Democracy, Law and Order, and Economic Growth // 2013 Index of Economic Freedom. New York: Heritage Foundation. 2013. P. 51. URL: http://www.heritage.org/index/pdf/2013/book/index_2013.pdf (20.11.2017).
3. Country and Territory Ratings and Statuses 1972-2016. Freedom House. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/FIW2017_Data.zip (25.12.2017).
4. Worldwide Governance Indicators. World Bank. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#reports> (25.12.2017).
5. World Development Indicators. World Bank. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (25.12.2017).

НОВЫЕ КНИГИ

Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». М.: Буки Веди, 2017. – 257 с.

ISBN 978-5-4465-1774-9

Настоящее издание посвящено теоретико-правовому научному исследованию понятия, особенностей, правовой природы, сфер применения и пределов применимости юнитов (систем, устройств) искусственного интеллекта. Рассмотрены концептуальные подходы к определению понятия искусственного интеллекта, к правовому регулированию разработки, производства, программирования, оборота, применения (задействования), функционирования, самообучения и саморазвития, прекращения жизнедеятельности (разрушения) и утилизации юнитов искусственного интеллекта. Рассмотрены концептуальные подходы к пониманию, толкованию и определению юридической ответственности за действия юнита искусственного интеллекта. Описаны особенности применения юнитов искусственного интеллекта в различных сферах с учётом их специфики. Показаны возможные польза и вред от применения искусственного интеллекта. Исследованы и показаны концептуальные подходы к обеспечению охраны и защиты прав и свобод человека в условиях применения технологий и юнитов искусственного интеллекта. Рассмотрены основные угрозы соблюдению прав человека, в том числе – прав человека на приватность, на конфиденциальность личной информации, на забвение в публичном пространстве, на общение с другим человеком. Описаны основные подходы к совершенствованию законодательства в обозначенной сфере.

СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

И.В. ПОНКИН,
д.ю.н., профессор (Академия
народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте РФ, Москва)

Статья посвящена вопросам содержания концепта сильного государства. Показано содержание научных дискуссий относительно сути этого концепта. Представлена авторская детализированная система дескриптивных существенных признаков сильного государства.

Ключевые слова: сильное государство, государство и право, публичное управление, публичное право, система публичного управления, административное право, теория публичного управления.

Слова, сказанные когда-то Г.В. Мальцевым: «Современное человечество переживает глобальный цивилизационный кризис, частью которого является наш собственный нынешний кризис, протекающий в силу ряда причин очень остро и в разрушительных формах»¹ – по-прежнему актуальны сегодня.

Современные государства сталкиваются со всё новыми и всё более сложно разрешимыми трудностями, проблемами и угрозами, подчас – фатальными. При этом недостатки государственного управления (тем более при их накоплении) могут обусловить синергетические эффекты от сопряжения набираемых негативных факторов.

Проблема «сильного государства», справедливо отмечает Ю.Н. Стариков, всегда была в центре самого пристального внимания российских государственных и общественных деятелей, чиновников и исследователей,² поскольку, по словам И.А. Ильина, «слабая власть есть своего рода роскошь, которую может себе позволить только народ, находящийся в исключительно благоприятных условиях».³ Россия просто не может себе позволить такой «роскоши» – быть слабым государством.

Риск превращения России в слабое государство (точнее – оставления ее таковым) был достаточно велик в постсоветское десятилетие. Как отмечает М. Снеговая, именно для постсоветского пространства, для стран – наследниц когда-то могуще-

© И.В. Понкин, 2018

¹Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999. – 419 с. – С. 16.

²Стариков Ю.Н. Государственная служба и служебное право: Уч. М.: Норма – Инфра-М, 2015. – 240 с. – С. 221.

³Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов. М., 1992.

ственной советской империи (включая и Россию), слабость государства оказалась особо острой, актуальной проблемой.⁴

Сегодня, как утверждают А.Д. Керимов и И.Н. Куксин, «настало время для формирования концепции сильного государства... Укореняется твердое понимание необходимости созидания сильного государства».⁵ Необходимость сильного государства, по С.Ф. Ударцеву, актуализируется в условиях планируемого исторического прорыва, ускоренного развития, требующих большего напряжения и усилий общества, его социальных и политических институтов.⁶

Тема сильного государства имеет значительный академический интерес в связи с исследованиями темы дисфункционального государства и несостоятельного государства, угроз разрушения государственности, дефектов, дисфункций, дисбалансов и провалов в государственном управлении.

Подходы к пониманию концепции сильного государства

Концепция так называемого сильного государства является достаточно популярной в последние годы в научно-исследовательской литературе,⁷ однако подходы к ее пониманию весьма существенно разнятся.

Поскольку, в принципе, государство – это «сложное противоречивое явление»,⁸ термин «сильное государство» нередко используется в самых разных значениях,

⁴Снеговая М. Познаётся в сравнении: Проклятие слабого государства // Ведомости. – 05.08.2014. № 3645.

⁵Керимов А.Д., Куксин И.Н. Критерии силы государства // Право и образование. 2016. № 6. – С. 4–16. – С. 5, 4.

⁶Ударцев С.Ф. Сильное государство: вопросы теории // Право и государство. 2016. № 2. – С. 6–14. – С. 6.

⁷Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: Аст; Хранитель, 2006. – 220 с.; Керимов А.Д. Сильное государство: ответ на вызов современной эпохи. М.: Nota Bene, 2009. – 49 с.; Керимов А.Д. Некоторые проблемы теории сильного государства // NB: Проблемы политики и общества. 2013. № 3. – С. 1–45; Ударцев С.Ф. Сильное государство: вопросы теории // Право и государство. 2016. № 2. – С. 6–14; Керимов А.Д., Куксин И.Н. Критерии силы государства // Право и образование. 2016. № 6. – С. 4–16; Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса. М.: Норма, 2017 – 96 с.; Темирбеков Ж.Р. Формирование сильного и успешного государства и новая глобальная реальность // Право и государство. 2016. № 2. – С. 33–38; Муханбедиев Е.М. Сила и успех в идеях Аристотеля о государстве // Право и государство. 2016. № 2. – С. 39–41; Каматова Д.М. Об условиях формирования сильного государства в политико-правовом учении Жан-Жака Руссо // Право и государство. 2016. № 2. – С. 42–45; Аубакирова И.У. Функциональность как признак сильного государства: теоретико-правовой аспект // Право и государство: теория и практика. 2014. № 6. – С. 6–11; Цыганков А. Сильное государство: теория и практика в 21 веке // Валдайские записки. 2015, Май. № 15; Мирошкина О.И. Концепт «сильное государство» в современных условиях политико-правовой глобализации: теоретико-правовой анализ // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. Вып. «Гуманитарные науки». 2010. № 2. – С. 303–308; Затонский В.А. Эффективная государственность / Под ред. А.В. Малько. М.: ЮристЪ, 2006. С. 96–97.

⁸Ударцев С.Ф. Сильное государство: вопросы теории // Право и государство. 2016. № 2. – С. 6–14. – С. 12.

зачастую для достижения конкретных целей того или иного исследования. Именно по этой причине исследователями все еще не был достигнут какой-либо консенсус по данному вопросу.

Некоторые авторы отождествляют сильное государство и государство эффективное.

Однако, по справедливому суждению С.Ф. Ударцева, хотя «сила государства во многом связана с эффективностью деятельности государства, ... сильное и эффективное государство – смежные, но далеко не тождественные характеристики государства».⁹

Нередко за сильное государство выдается государство-дистопия или, напротив, анархия, прикрывающая, камуфлирующая жёсткое внешнее управление. Но всё это не то, что обоснованно возможно назвать сильным государством.

«Построение сильного государства заключается в создании новых правительственных учреждений и укреплении существующих... Построение сильного государства – одна из наиболее важных проблем мирового сообщества, так как слабость и разрушение государств служит источником многих наиболее серьёзных мировых проблем», – писал Фрэнсис Фукуяма.¹⁰

Однако, как отмечал Л. фон Мизес, много государства не означает сильное государство.¹¹ И сильное государство, обоснованно отмечает С.Ф. Ударцев, – это, отнюдь, «не государство, творящее произвол».¹²

Тем не менее, возможно выделить несколько основных и наиболее популярных подходов к пониманию концепции сильного государства.

Среди них отметим следующие **подходы**:

– подход, согласно которому под сильным государством понимается государство, обладающее таким потенциалом и количеством ресурсов, которое позволяет ему получить наибольший вес на международной арене и возможности давления на другие государства;

– подход, согласно которому под сильным государством понимается государство, широко использующее методы принуждения и подавления в отношении своих граждан, сила которого заключается, в первую очередь, в способности подавлять сопротивление населения действиями властей (как правило, государство, в котором реализован антидемократический политический режим);

– подход, согласно которому под сильным государством понимается государство, в существенной степени контролирующее общество;

– подход, согласно которому под сильным государством понимается государство с сильной процветающей и устойчивой экономикой;

– подход, согласно которому под сильным государством понимается демократи-

⁹Там же. С. 8–9.

¹⁰Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: Аст; Хранитель, 2006. – 220 с.

¹¹Мизес, фон Л. Либерализм. М.: Социум, 2007. Мизес, фон Л. Бюрократия: запланированный хаос. антикапиталистическая ментальность. М.: Дело; Catallaxy, 1993.

¹²Ударцев С.Ф. Сильное государство: вопросы теории // Право и государство. 2016. № 2. – С. 6–14. – С. 12.

ческое государство с устойчивым гражданским обществом и сильной экономикой, все основные принципы которого надлежащим образом соблюдаются и обеспечиваются.

Все эти подходы, в свою очередь, можно разделить на два основных типа: односторонние и комплексные.

В настоящее время в научно-исследовательской литературе по данному вопросу обоснованно превалирует именно *комплексный подход* к пониманию сильного государства, согласно которому сила государства не может заключаться в обеспечении какого-либо одного аспекта, поскольку это не способствует устойчивости силы такого государства, и сильное государство для удержания такого своего положения должно постоянно реализовывать целый комплекс разносторонних мер.

Франк Доббин и Джон Саттон отмечают, что возможна такая ситуация, когда одно и то же государство является слабым с административно-управленческой точки зрения и при этом одновременно сильным с точки зрения качества нормативно-правового обеспечения.¹³

Согласно концепции Макса Вебера, идеальная модель сильного государства предполагает безличную власть, контролируруемую законодательством, которая осуществляет контроль над территорией и наделена монопольным правом использовать средства принуждения в отношении своих граждан. Как отмечает Сэмюэл Ларссон, помимо этих свойств, предложенных М. Вебером, исследователи также выделяют как присущие данной модели сильного государства признание его населением и на международной арене, представление таким государством и регулирование предоставления определенных услуг и распределение ресурсов, справедливое и функциональное.¹⁴

Существует т.н. «ордолиберальная» концепция сильного государства, согласно которой сильное государство стремится к построению определенного социального порядка, охране рыночной экономики, обеспечению общественного порядка, включая этические, нравственные и законодательные рамки поведения индивидов. Данная концепция не предполагает существенного вмешательства государства в общество, такое государство, в основном, содействует частной предпринимательской деятельности.¹⁵

Джон Дж. Миршаймер отмечает, что один из подходов к пониманию сильного государства предполагает, что наиболее сильное государство – это такое, которое максимизировало свою долю в мировой власти, получив ее за счет власти других государств. Так, опасаясь намерений других государств и осознавая, что

¹³Dobbin F., Sutton J.R. The strength of a weak state: The rights revolution and the rise of human resources management divisions // American Journal of Sociology. 1998, September. Vol. 104. № 2. – P. 441–476. – P. 443.

¹⁴Larsson S. Weak states? A pursuit for a weak state definition and feasible reconstruction theories / University of Lund, Institution of Political Science. URL: <https://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=1332751&fileId=1332752> – 31 p. – P. 6.

¹⁵Bonefeld W. Freedom and the Strong State: On German Ordoliberalism // New Political Economy. 2012. № 5. – P. 633–656.

они действуют в собственных интересах, государство понимает, что наилучший способ обеспечить свое выживание в таких условиях – это быть самым мощным государством.¹⁶

Вернер Бонфельд указывает, сильное государство – это государство, должным образом обеспечивающее безопасность.¹⁷

Барри Бузан предложил модель сильного государства, которая основывается на системе из трех основных элементов (если один из элементов ослаблен, то баланс между ними в целом нарушается, и государство не может считаться сильным):

– общая идея государства (наиболее абстрактный показатель, который определяет политическую идентичность государства, идея, объединяющая население такого государства);

– институциональное выражение государства (то есть вся иерархия органов публичной власти, а также соответствующие нормы и процедуры, корректно и эффективно функционирующие);

– физическая основа государства (его территория, природные и человеческие ресурсы).¹⁸

Хилтон Рут выделяет два типа сильного государства:

– сильное неограниченное государство (действующее дискреционно, не имеющее достаточных конституционных ограничений своей власти и степени своего усмотрения; такое государство является интервенционистским по своей сути, оно не способно надежно обеспечить развитие частного сектора и по определенным параметрам схоже со слабым государством; такие государства зачастую способствуют коррупции, усугубляя социальное и региональное неравенство);

– сильное ограниченное государство (такое государство способно устанавливать и обеспечивать защиту прав собственности, а также устанавливать конституционный запрет на нарушение таких прав; оно является в достаточной степени сильным не только для принятия правил, позволяющих поддерживать конкурентоспособный частный сектор, но и для предотвращения реакции на политические силы, неизбежно возникающие для монополизации доступа к рынку; сильное ограниченное государство способно поддерживать рынок и обеспечивать общество необходимыми благами).¹⁹

Развитие сильного, но ограниченного государства зависит от существования институтов, обеспечивающих для чиновников стимулы соблюдать ограничения своих полномочий.²⁰

¹⁶Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton, 2001.

¹⁷Bonefeld W. Freedom and the Strong State: On German Ordoliberalism // New Political Economy. 2012. № 5. – P. 633–656.

¹⁸Buzan B. People, States & Fear. London: Harvester Wheatsheaf, 1991; Larsson S. Weak states? A pursuit for a weak state definition and feasible reconstruction theories / University of Lund, Institution of Political Science. URL: <https://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=1332751&fileId=1332752> 31 p. – P. 5.

¹⁹Root H.L. Do Strong Governments Produce Strong Economies? // The Independent Review. 2001, Spring. Vol. 5. № 4. – P. 565–573. – P. 567–569.

²⁰Ibid. P. 569.

Критерии сильного государства

Одним из способов интерпретации понятия сильного государства является формулирование дескриптивных существенных признаков такового.

Многие исследователи определяют сильное государство как соответствующее совокупности ряда критериев.

Например, по мнению Роберта Ротберга, сильное государство можно отличить от слабого государства по степени эффективности предоставления ими ряда политических благ для населения. К этим благам данный исследователь относит неосязаемые и трудно поддающиеся количественной оценке ожидания граждан от государства, в частности, в следующих областях (к развитию каждой из которых стремится сильное государство; слабая развитость одних областей и сильная степень развитости других свидетельствует об определенной «слабости» государства):

- обеспечение безопасности (что включает в себя предотвращение внешних вторжений и проникновение на территорию государства, предотвращение потери территорий, устранение внутренних угроз для общественного порядка и социальной структуры, предотвращение преступности);
- обеспечение предсказуемых, узнаваемых и систематизированных способов разрешения споров;
- обеспечение права граждан свободно, открыто и в полной мере участвовать в политике;
- обеспечение надлежащего здравоохранения и медицинского обслуживания;
- обеспечение надлежащей системы образования и доступа к ней;
- обеспечение транспортной инфраструктуры, которая, в том числе, способствует осуществлению и развитию торговли;
- обеспечение коммуникационной инфраструктуры;
- обеспечение функционирования стабильной денежной и банковской системы;
- обеспечение надлежащих финансовых и инфраструктурных условий для того, чтобы граждане имели возможность реализовывать собственные предпринимательские цели и потенциально процветать;
- содействие развитию гражданского общества;
- обеспечение надлежащей защиты окружающей среды.²¹

Дерика Ламбрехтс полагает, что сильное государство характеризуется следующими признаками: способность управлять посредством институтов принуждения и административных институтов, способность удовлетворять потребности граждан в обеспечении их благосостояния, безопасности и развития, наличие внутренней легитимности и внешней легитимности.²²

Майкл Аткинсон и Уильям Коулмэн выделяют следующие критерии, соответствующая которым, государство может быть отнесено к сильным:

²¹Rotberg R.I. Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators // URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/Failed%20States,%20Collapsed%20States,%20Weak%20States-%20Causes%20and%20Indicators.pdf> 25 p. – P. 2–4.

²²Lambrechts D. Filling the void: Weak States and Strong Societies – A study of organised criminal groups in South Africa. URL: <http://www.inter-disciplinary.net/wp-content/uploads/2010/04/lambrechtspaper.pdf> – 15 p. – P. 1.

- отсутствие излишней децентрализации власти и четкая определенность полномочий и ответственности должностных лиц;
- долгосрочное планирование политики;
- высокая степень независимости государственных учреждений от общественных.²³

Агустина Гироди выделяет следующие критерии, которым должно соответствовать сильное государство:

- оказание равномерного административного, регуляторного и контролирующего воздействия на всю управляемую территорию;
- реализация политической власти автономно от негосударственных субъектов;
- наличие профессионализированной институционализированной государственной бюрократии для реализации государственной политики и обеспечения верховенства права.²⁴

По Роберту Ротбергу, сильное государство осуществляет всеобъемлющий контроль над своей территорией.²⁵

Согласно Сьюзан Райс и Патрику Стюарту, сильное государство эффективно выполняет свои функции в таких четырех важнейших сферах, как экономика, политика, обеспечение безопасности и обеспечение социального благосостояния. Сильное государство обладает необходимым потенциалом и надлежащим образом выполняет следующие обязанности государства: создание условий, способствующих устойчивому и справедливому экономическому росту; создание и поддержание легитимных, транспарентных и подотчетных политических институтов; обеспечение защиты населения от насильственных конфликтов; обеспечение контроля над собственной территорией; удовлетворение основных потребностей населения.²⁶

Согласно Дерике Ламбрехтс, сильное государство, в отличие от слабого, выполняет все свои основные функции. В частности, сильное государство также способно эффективно бороться с организованной преступностью (рост такой преступности свидетельствует о слабости государства).²⁷

Сильное государство, по мнению Майкла Сета, обладает существенной независимостью от влияния господствующих социальных классов и интересов, а также

²³Atkinson M.M., Coleman W.D. Strong States and Weak States: Sectoral Policy Networks in Advanced Capitalist Economies // *British Journal of Political Science*. 1989, January. Vol. 19. № 1. – P. 47–67. – P. 51.

²⁴Giraudy A. Conceptualizing State Strength: Moving Beyond Strong and Weak States // *Revista de Ciencia Política*. 2012. Vol. 32. № 3. – P. 599–611. – P. 602. URL: <http://www.scielo.cl/pdf/revcipol/v32n3/art05.pdf>.

²⁵Rotberg R.I. Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators. URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/Failed%20States,%20Collapsed%20States,%20Weak%20States-%20Causes%20and%20Indicators.pdf>. – 25 p. – P. 4.

²⁶Rice S.E., Patrick S. Index of State Weakness in the Developing World. – Washington, DC: The Brookings Institution, 2008. – 47 p. – P. 3.

²⁷Lambrechts D. Filling the void: Weak States and Strong Societies – A study of organised criminal groups in South Africa. URL: <http://www.inter-disciplinary.net/wp-content/uploads/2010/04/lambrechtspaper.pdf> – 15 p. – P. 1, 9.

обладает надлежащим образом развитой и согласованной системой органов управления и принуждения.²⁸

Эндрю Гэмбл отмечает, что свободная капиталистическая экономика может быть только в активном и сильном государстве.²⁹

По мнению Гилеля Соифера и Маттиаса фом Хау, сильное государство обладает высокими институциональными возможностями осуществлять контроль и осуществлять политический выбор на соответствующей управляемой им территории.³⁰

Очевидно, что выше приведенные линейки признаков являются весьма фрагментарными и достаточно содержательно размытыми взглядами на феномен сильного государства, не отражая в необходимой и достаточной степени его сути, его природы.

Много более удачными нам представляются линейки признаков, сформулированные А.Д. Керимовым и И.Н. Куксиным, также С.Ф. Ударцевым.

А.Д. Керимов и И.Н. Куксин выделяют следующие признаки сильного государства:³¹

- обладание государством значительным властным потенциалом;
- наличие у государства достаточно значительных собственных экономических активов, внушительной доли средств производства и в целом национального богатства страны, обладание государством экономической властью;
- реальное наличие у государства фактической монополии на использование силы;
- достаточная обширность сферы влияния государственно-властных структур;
- обладание государством властью над умами и в определенной степени властью духовной;
- наличие у государства государственной идеологии;
- наличие у власти национально-ориентированной и национально-ответственной элиты, обладающей свойством открытости к притоку новых лиц из внеэлитных слоев.

Критериальный подход к определению содержания концепции сильного государства обладает существенным недостатком.

Роберт Ротберг отмечает, что нельзя по изменению значения какого-либо отдельного показателя сделать вывод о том, что государство становится менее сильным, их необходимо оценивать все в комплексе,³² точно так же как и нельзя, судя по

²⁸Seth M.J. Strong State or Strong Society?: Educational Development in South Korea, 1961–66 // Korean Studies. 1997. Vol. 21. P. 72–95. – P. 73.

²⁹Gamble A. The free economy and the strong state: the rise of the social market economy // Socialist Register. 1979. Vol. 16. P. 1–25. – P. 5.

³⁰Soifer H., vom Hau M. Unpacking the Strength of the State: The Utility of State Infrastructural Power // Studies in Comparative International Development. 2008. Vol. 43. P. 219–230. – P. 220.

³¹Керимов А.Д., Куксин И.Н. Критерии силы государства // Право и образование. 2016. № 6. С. 4–16. – С. 5, 4.

³²Rotberg R.I. Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators. URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/Failed%20States,%20Collapsed%20States,%20Weak%20States-%20Causes%20and%20Indicators.pdf> 25 p. – P. 22.

улучшению отдельных показателей, причислить объективно слабое государство к сильным.

Согласно подходу С.Ф. Ударцева, сила государства – сложносоставная его характеристика, складывающаяся из различных элементов, их взаимодействия и динамики, поэтому величина относительная, взаимосвязанная и соотносимая с другими одновременно действующими факторами.³³

Государство с недемократическим политическим режимом – сильное государство? Зависимость силы государства от существующего политического режима

Как уже отмечалось ранее, один из сравнительно распространенных подходов к пониманию концепции сильного государства предполагает, что под таковым необходимо понимать государство, широко использующее методы принуждения в отношении своих граждан.

Возможно, благодаря тому, что, как отмечает Джонатан Саймон, исторически складывалось так, что именно насилие, принуждение играло комплексную роль в строительстве государства, в том числе, в качестве инструмента реализации государственной власти. С точки зрения такого подхода, сильное государство реализует весьма гибкую стратегию использования насилия и принуждения для легитимации государственной власти.³⁴

По мнению данного исследователя, сильное государство может пониматься как такое государство, которое использует страх перед преступностью и выразительную политику обеспечения правопорядка для укрепления своей позиции среди уязвимых рабочего класса и среднего класса.³⁵

Однако популярность данного подхода в настоящее время снижается.

Так, например, по мнению Сьюзан Райс и Патрика Стюарта, также нельзя ставить знак равенства между сильным государством и авторитарным или полуавторитарным политическим режимом, сила государства зависит скорее от его эффективности, оперативности и легитимности во всех сферах его деятельности.³⁶

При этом нельзя и однозначно говорить о существовании прямой и непосредственной зависимости между демократией и силой государства.

Георг Соренсен указывает, что хрупкое демократическое государство с правящей элитой не может быть сильным, соответственно, резкий переход от авторитарного режима к формально демократическому не создаст необходимой основы для формирования действительно сильного государства, оно может быть создано лишь

³³Ударцев С.Ф. Сильное государство: вопросы теории // Право и государство. 2016. № 2. – С. 6–14. – С. 13.

³⁴Simon J. Law's Violence, the Strong State, and the Crisis of Mass Imprisonment (for Stuart Hall) // Wake Forest Law Review. 2014. Vol. 49. – P. 649–676. – P. 655.

³⁵Ibid. P. 650.

³⁶Rice S.E., Patrick S. Index of State Weakness in the Developing World. – Washington, DC: The Brookings Institution, 2008. – 47 p. – P. 3. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/02_weak_states_index.pdf

постепенно, с расширением прав и свобод населения, созданием более прочной основы для демократии посредством укрепления гражданского общества.³⁷

Сильное государство – государство с развитой и устойчивой экономикой

Согласно М.Н. Марченко, «рыночные механизмы как «регуляторы» преимущественно экономического развития не могут успешно действовать сами по себе, а должны органически «сочетаться» с дееспособной государственной властью, с сильными национальными государственно-правовыми институтами».³⁸

Кристофер Хэммонд определяет сильное государство как богатое и развитое государство, при этом многие сильные государства находятся в Северном полушарии.³⁹

По мнению Эндрю Гэмбла, сильное и активное государство поддерживает условия, гарантирующие личную свободу, среди которых основными выступают неприкосновенность имущества, свободная конкуренция и стабильность денег.⁴⁰

Однако данный подход не является популярным.

Так, в научно-исследовательской литературе по рассматриваемой теме все же нет консенсуса относительно того, как соотносятся сильное государство и экономический рост: с одной точки зрения, сильное государство может рассматриваться как препятствие на пути экономического развития, а согласно иному подходу, сильное государство является существенно значимым условием экономического роста.⁴¹

По мнению Дэрона Асемоглу, сильное государство более склонно к введению высоких налогов и препятствованию инвестициям и предпринимательской деятельности со стороны граждан, а также реализует меры, направленные на обеспечение эффективного функционирования экономики.⁴²

Хилтон Рут указывает, что, с точки зрения экономического подхода, сильное государство, как правило, выбирает интервенционистские стратегии развития, используя, к примеру, такие меры, как импортозамещение, манипулирование рынками с помощью регуляторных инструментов.⁴³

По мнению Дэрона Асемоглу, избыточно сильное государство (как и слишком слабое) добивается, как правило, неудовлетворительных результатов в экономике.⁴⁴

³⁷Sørensen G. Democracy, authoritarianism and state strength // *The European Journal of Development Research*. 1993. Vol. 5. № 1. – P. 6–34. – P. 31.

³⁸Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М., 2008. С. 30–31.

³⁹Hammond C. Confronting Transnational Threats; Strong State Strategies of Cooperation with Weak States and Effectiveness: Master's Theses / CUNY City College. URL: http://academicworks.cuny.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1291&context=cc_etds_theses 2014. – 136 p. – P. 24.

⁴⁰Gamble A. The free economy and the strong state: the rise of the social market economy // *Socialist Register*. 1979. Vol. 16. – P. 1–25. – P. 10.

⁴¹Root H.L. Do Strong Governments Produce Strong Economies? // *The Independent Review*. 2001, Spring. Vol. 5. № 4. – P. 565–573. – P. 566.

⁴²Acemoglu D. Politics and economics in weak and strong states // *Journal of Monetary Economics*. 2005. № 52. – P. 1199–1226. – P. 1202.

⁴³Root H.L. Do Strong Governments Produce Strong Economies? // *The Independent Review*. 2001, Spring. Vol. 5. № 4. – P. 565–573. – P. 565.

⁴⁴Acemoglu D. Politics and economics in weak and strong states // *Journal of Monetary Economics*. 2005. № 52. – P. 1199–1226. – P. 1203.

Предпосылки формирования сильного государства

Как правило, для того, чтобы могло сформироваться действительно сильное устойчивое государство, должны заранее существовать определенные условия для этого.

По мнению Хакки Таша, существуют определенные предпосылки формирования сильного государства. К ним данный исследователь относит следующие:

- историческая традиция существования суверенного изолированного государства;
- существование определенных политических идей и подходов к формированию политики;
- существование определенной концепции активного государства в представлении общества;
- предшествующие культурные традиции в целом.⁴⁵

Сильное государство и общество. Сильное государство и сильное гражданское общество

Сила государства также может быть оценена посредством оценки функционирования государственного бюрократического аппарата, отношений государства с социальными акторами и уровня его воздействия на общество. Государство с высокими показателями по данным аспектам, как правило, имеет больше возможностей для установления монополии на принуждение, осуществления контроля над населением, извлечения различных ресурсов и предоставления общественных благ.⁴⁶

При этом, по мнению Ф. Муслу, в том случае, когда сила государства проявляется и демонстрируется степенью того, насколько оно проникло в общество и способно подавлять любое возникающее в нем сопротивление, возникает проблема слабого общества, что препятствует развитию демократии, развитию урбанизованного и индивидуализированного гражданского общества.⁴⁷

По мнению Джонатана Чаплина, государство становится сильнее тогда, когда питает сильное гражданское общество, состоящее из множества различных самоуправляемых организаций, обладающих высокой степенью юридической и деятельностной независимости от контроля со стороны государства. Отношения между сильным государством и сильным гражданским обществом прямо пропорциональны, а не наоборот пропорциональны. В сильном государстве, подкрепленном сильным гражданским обществом (и наоборот) имеет место обеспечение неотъемлемых личных и коллективных прав и свобод, обеспечение правового и политического пространства для существования подлинного политического плюрализма, активных политических дебатов и мирного разрешения политических разногласий,

⁴⁵Taş H. The impact of strong state tradition on the early republican reforms of secularization in Turkey (1923–1938) / *The Institute of Economics and Social Sciences of Bilkent University*. URL: <http://www.thesis.bilkent.edu.tr/0002826.pdf> 2005. ix; – 121 p. – P. 29–30.

⁴⁶Soifer H., vom Hau M. Unpacking the Strength of the State: The Utility of State Infrastructural Power // *Studies in Comparative International Development*. 2008. Vol. 43. – P. 219–230. – P. 2210.

⁴⁷Muslu F. Strong State vs. Weak Society. URL: <http://www.izu.edu.tr/Assets/Content/file/20130613-01.pdf> – 22 p. – P. 12.

свободные выборы, функционирование независимых представительных собраний. Сильное государство стремится защищать сильное гражданское общество, в которое с такой точки зрения необходимо включать семьи и домашние хозяйства и предприятия.⁴⁸

В некоторых сильных обществах существует пирамидальная структура социального контроля, и сильное государство в такой ситуации занимает вершину такой пирамиды.⁴⁹

Хилтон Рут отмечает, что некоторые стратегии, направленные на достижение позиции сильного государства, в конечном счете могут приводить к элитизму, коррупции и нерациональному использованию ресурсов.⁵⁰ К таким стратегиям можно отнести те, которые направлены на реализацию мер в отношении какого-либо одного аспекта или нескольких схожих.

Реализация таких стратегий также может приводить к трансформации сильного государства в конечном счете в слабое государство.

Сильное в одном лишь своем аспекте государство является достаточно неустойчивым.

Авторская интерпретация концепта сильного государства

Сильное государство, способное противостоять агрессивному давлению извне, – сегодня это не только государство, обладающее мощным потенциалом вооружений и сильными Вооружёнными силами, но, прежде всего, это – государство с эффективной, устойчивой и «умной» системой государственного управления, характеризующейся высокими уровнями резистентности и резильентности к линейке вызовов самому существованию современного государства. Сильное государство можно определить как устойчивое и стабильное государство, все институты и системы которого мало подвержены существенным потрясениям и трансформациям в результате воздействия различных внешних и внутренних факторов.

Согласно нашей концепции, **дескриптивными существенными признаками сильного государства являются:**

1) мощь людских ресурсов государства:

– мощный человеческий потенциал населения (с хорошими демографическими показателями конвенционально гомогенного по цивилизационному коду основного населения страны), обладающего качествами пассионарности и здоровой ригидности (невосприимчивости) к попыткам «радикально реформировать», ценностно переформатировать извне;

– наличие солидарного и сплочённого населения (даже в условиях многонационального и многоконфессионального общества) с устойчивой картиной распреде-

⁴⁸Chaplin J. Why a strong state needs a strong civil society – in the West and in China // Ethics in Brief. – 2016, Autumn. Vol. 22. № 1. – 4 p. – P. 1, 3.

⁴⁹Lambrechts D. Filling the void: Weak States and Strong Societies – A study of organised criminal groups in South Africa. URL: <http://www.inter-disciplinary.net/wp-content/uploads/2010/04/lambrechtspaper.pdf> – 15 p. – P. 3.

⁵⁰Root H.L. Do Strong Governments Produce Strong Economies? // The Independent Review. 2001, Spring. Vol. 5. № 4. – P. 565–573. – P. 565.

ления национально-культурных идентичностей и со стабильным государственно-образующим народом (как системным аттрактором);

2) поддержка власти населением, обществом, а равно действительное признание государством значения такой поддержки и ориентированность на такую поддержку, на получение и сохранение в будущем такой поддержки:

– признание населением текущей легитимности публичной власти, правящего режима;

– национальная ориентированность государства (ориентированность на интересы своего народа) и его опора на свой народ (а не на внешние силы), а для этого – нравственность, справедливость и человечность системы органов публичного управления и её функционирования;

– наличие сильного социального порядка, в том числе в части реального контроля власти со стороны общества;

3) наличие признаваемого и принимаемого населением и культивируемого и охраняемого государством устойчивого (в гомеостазисе) индигенного (а не адгерентного чуждого) цивилизационного кода своей страны, референтных ему и связанных с ним (не адгерентных и не навязанных извне) ценностно-цивилизационного фундамента государства и государственной идеологии;

4) сила собственно государства как органической надстройки (организации):

– полнота и надлежущая сила суверенитета государства (в классическом понимании суверенитета – нередуцированного, с учётом современных реалий);

– наличие сильного и устойчивого индигенного национального публичного порядка;

– должная устойчивость государства, резистентность и резильентность государства по отношению гетерономии (навязываемым чужим, чуждым правилам) иностранного или международного публичного порядка, влекущим критический ущерб национальному публичному порядку и национальным интересам, по отношению к прочим внешним и внутренним негативным, разрушительным факторам, включая резильентность по отношению к попыткам государственных переворотов, к искусственно создаваемым негативным событиям типа «чёрный лебедь» (в том числе – в условиях военного времени, преземптивной войны, гибридной войны);

– управленческая способность (административный потенциал) государства надлежущей силы, в том числе реальная и эффективная способность государства обеспечивать (в том числе восстанавливать) и реализовывать собственную монополию на применение законной силы по отношению к другим (негосударственным) субъектам в обществе (прежде всего – в целях установления, поддержания и защиты правопорядка);

– достаточной меры потенциал негэнтропийных свойств (стремления к самоупорядочению, формированию и удержанию порядка) и элаборативной (имеющей тенденцию совершенствования) операциональности системы публичной власти;

5) финансово-экономическая сила государства:

– собственная экономическая мощь государства, позволяющая противостоять олигархическому давлению, включая обладание государством значительными

имущественными активами и включая достаточно значительную долю конституционной экономики (нерыночной экономики);

– достаточной меры способности государства поддерживать свою субстантивную как жизнеспособной экономической единицы;

– наличие стабильной и сильной финансовой системы государства;

б) должный потенциал системы государственного управления надлежащих силы, эффективности и качества:

– наличие **умной** системы государственного управления;

– разумность, рациональность государственного управления;

– общесистемная интегральная эффективность и внутрисистемная поэлементная эффективность государственного и в целом публичного управления;

– способность системы государственного управления мобильно изменяться, трансформироваться, чтобы эффективно противостоять угрозам и рискам;

7) дипломатический потенциал государства надлежащей силы;

8) военный потенциал (военная мощь) государства надлежащей силы.

Вместо заключения

По С.Ф. Ударцеву, «сила государства становится все более «умной», точной и эффективной, соразмерной решаемым задачам и ситуациям».⁵¹

«Предел хитроумия – умение управлять, не применяя силы», – писал Люк де Клапье де Вовенарг.⁵² Это суждение вполне можно экстраполировать на дела государственные, и оно, отнюдь, не вступает в противоречие с концептом сильного государства.

Вопрос о содержании концепта сильного государства не только не исчерпан, но, напротив, лишь начал обсуждаться (несмотря на достаточное число публикаций по этой теме).

И.В. Понкин: Мықты мемлекет.

Бап мықты мемлекет тұжырымдамасын мазмұнына арналған. Бұл тұжырымдаманың мәні бойынша ғылыми пікірталас мазмұнын көрсетеді. Ол мықты мемлекет сипаттама маңызды ерекшеліктерінің авторлық толық жүйесін ұсынады.

Түйінді сөздер: мықты мемлекет, мемлекет және құқық, мемлекеттік басқару, бұқаралық құқық, мемлекеттік басқару жүйесі, әкімшілік құқық, мемлекеттік басқару теориясы.

I.V. Ponkin: Strong state.

The article is devoted to the content of the concept of a strong state. The article shows the content of scholarly discussions on the essence of this concept. The author presents a detailed system of descriptive essential features of a strong state.

Keywords: strong state, public administration, state and law, public law, public administration system, administrative law, public administration theory.

⁵¹Ударцев С.Ф. Сильное государство: вопросы теории // Право и государство. 2016. № 2. С. 6–14. – С. 10.

⁵²Цит. по: Афоризмы – гению бизнеса. Харьков: Фолио, 2006. С. 121.

Библиография:

1. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999. – 419 с. – С. 16.
2. Стариков Ю.Н. Государственная служба и служебное право: Уч. М.: Норма – Инфра-М, 2015. – 240 с. – С. 221.
3. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов. М., 1992.
4. Снеговая М. Познаётся в сравнении: Проклятие слабого государства // Ведомости. – 05.08.2014. № 3645.
5. Ударцев С.Ф. Сильное государство: вопросы теории // Право и государство. 2016. № 2. – С. 6–14.
6. Керимов А.Д. Сильное государство: ответ на вызов современной эпохи. М.: Nota Bene, 2009. – 49 с.
7. Керимов А.Д. Некоторые проблемы теории сильного государства // NB: Проблемы политики и общества. 2013. № 3. – С. 1–45.
8. Керимов А.Д., Куксин И.Н. Критерии силы государства // Право и образование. 2016. № 6. С. 4–16.
9. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ; Хранитель, 2006. – 220 с.
10. Темиргалиев Ж.Р. Формирование сильного и успешного государства и новая глобальная реальность // Право и государство. 2016. № 2. – С. 33–38.
11. Муханбедиев Е.М. Сила и успех в идеях Аристотеля о государстве // Право и государство. 2016. № 2. – С. 39–41.
12. Каматова Д.М. Об условиях формирования сильного государства в политико-правовом учении Жан-Жака Руссо // Право и государство. 2016. № 2. – С. 42–45.
13. Аубакирова И.У. Функциональность как признак сильного государства: теоретико-правовой аспект // Право и государство: теория и практика. 2014. № 6. – С. 6–11.
14. Цыганков А. Сильное государство: теория и практика в 21 веке // Валдайские записки. 2015, Май. № 15.
15. Мирошкина О.И. Концепт «сильное государство» в современных условиях политико-правовой глобализации: теоретико-правовой анализ // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. Выпуск «Гуманитарные науки». 2010. № 2. – С. 303–308.
16. Затонский В.А. Эффективная государственность / Под ред. А.В. Малько. М.: ЮристЪ, 2006.
17. Мизес, фон Л. Либерализм. М.: Социум, 2007.
18. Мизес, фон Л. Бюрократия: запланированный хаос. антикапиталистическая ментальность. М.: Дело; Catallaxy, 1993.
19. Dobbin F., Sutton J.R. The strength of a weak state: The rights revolution and the rise of human resources management divisions // American Journal of Sociology. 1998, September. Vol. 104. № 2. – P. 441–476. – P. 443.
20. Bonefeld W. Freedom and the Strong State: On German Ordoliberalism // New Political Economy. 2012. № 5. – P. 633–656.
21. Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton, 2001.
22. Lambrechts D. Filling the void: Weak States and Strong Societies – A study of organised criminal groups in South Africa. URL: <http://www.inter-disciplinary.net/wp-content/>

uploads/2010/04/lambrechtspaper.pdf – 15 p. – P. 1.

23. Rice S.E., Patrick S. Index of State Weakness in the Developing World. – Washington, DC: The Brookings Institution, 2008. – 47 p. – P. 3.

24. Seth M.J. Strong State or Strong Society?: Educational Development in South Korea, 1961–66 // Korean Studies. 1997. Vol. 21. – P. 72–95. – P. 73.

25. Gamble A. The free economy and the strong state: the rise of the social market economy // Socialist Register. 1979. Vol. 16. – P. 1–25. – P. 5.

26. Soifer H., vom Hau M. Unpacking the Strength of the State: The Utility of State Infrastructural Power // Studies in Comparative International Development. 2008. Vol. 43. – P. 219–230. – P. 220.

27. Simon J. Law's Violence, the Strong State, and the Crisis of Mass Imprisonment (for Stuart Hall) // Wake Forest Law Review. 2014. Vol. 49. – P. 649–676. – P. 655.

28. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М., 2008. – С. 30–31.

29. Hammond C. Confronting Transnational Threats; Strong State Strategies of Cooperation with Weak States and Effectiveness: Master's Theses / CUNY City College. URL: http://academicworks.cuny.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1291&context=cc_etds_theses 2014. – 136 p. – P. 24.

30. Gamble A. The free economy and the strong state: the rise of the social market economy // Socialist Register. 1979. Vol. 16. – P. 1–25. – P. 10.

31. Acemoglu D. Politics and economics in weak and strong states // Journal of Monetary Economics. 2005. № 52. – P. 1199–1226. – P. 1203.

32. Taş H. The impact of strong state tradition on the early republican reforms of secularization in Turkey (1923–1938) / The Institute of Economics and Social Sciences of Bilkent University. URL: <http://www.thesis.bilkent.edu.tr/0002826.pdf> 2005. ix; – 121 p. – P. 29–30.

33. Chaplin J. Why a strong state needs a strong civil society – in the West and in China // Ethics in Brief. 2016, Autumn. Vol. 22. № 1. – 4 p. – P. 1, 3.

References (transliterated):

1. Mal'cev G.V. Ponimanie prava. Podhody i problemy. M.: Prometej, 1999. – 419 s. – S. 16.
2. Starilov Yu.N. Gosudarstvennaya sluzhba i sluzhebnoe pravo: Uch. M.: Norma – Infra-M, 2015. – 240 s. – S. 221.
3. Il'in I.A. Nashi zadachi. Istoricheskaya sud'ba i budushchee Rossii. Stat'i 1948–1954 godov. M., 1992.
4. Snegovaya M. Poznayotsya v sravnenii: Proklyatie slabogo gosudarstva // Vedomosti. – 05.08.2014. № 3645.
5. Udartsev S.F. Sil'noe gosudarstvo: voprosy teorii // Pravo i gosudarstvo. 2016. № 2. – S. 6–14.
6. Kerimov A.D. Sil'noe gosudarstvo: otvet na vyzov sovremennoj ehpoхи. M.: Nota Bene, 2009. – 49 s.
7. Kerimov A.D. Nekotorye problemy teorii sil'nogo gosudarstva // NB: Problemy politiki i obshchestva. 2013. № 3. – S. 1–45.
8. Kerimov A.D., Kuksin I.N. Kriterii sily gosudarstva // Pravo i obrazovanie. 2016. № 6. – S. 4–16.

9. Fukuyama F. Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoj poryadok v XXI veke. M.: AST; Hranitel', 2006. – 220 s.

10. Temirbekov Zh.R. Formirovanie sil'nogo i uspeshnogo gosudarstva i novaya global'naya real'nost' // Pravo i gosudarstvo. 2016. № 2. – S. 33–38.

11. Muhanbediev E.M. Sila i uspekh v ideyah Aristotelya o gosudarstve // Pravo i gosudarstvo. 2016. № 2. – S. 39–41.

12. Kamatova D.M. Ob usloviyah formirovaniya sil'nogo gosudarstva v politiko-pravovom uchenii Zhan-Zhaka Russo // Pravo i gosudarstvo. 2016. № 2. – S. 42–45.

13. Aubakirova I.U. Funkcional'nost' kak priznak sil'nogo gosudarstva: teoretiko-pravovoj aspekt // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2014. № 6. – S. 6–11.

14. Cygankov A. Sil'noe gosudarstvo: teoriya i praktika v 21 veke // Valdajskie zapiski. 2015, Maj. № 15.

15. Miroshkina O.I. Koncept «sil'noe gosudarstvo» v sovremennykh usloviyah politiko-pravovoj globalizacii: teoretiko-pravovoj analiz // Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova. Vypusk «Gumanitarnye nauki». 2010. № 2. – S. 303–308.

16. Zatonskij V.A. Ehfektivnaya gosudarstvennost' / Pod red. A.V. Mal'ko. M.: Yurist, 2006.

17. Mizes, fon L. Liberalizm. M.: Socium, 2007.

18. Mizes, fon L. Byurokратиya: zaplanirovannyj haos. antikapitalisticheskaya mental'nost'. M.: Delo; Catallaxy, 1993.

19. Dobbin F., Sutton J.R. The strength of a weak state: The rights revolution and the rise of human resources management divisions // American Journal of Sociology. – 1998, September. Vol. 104. – № 2. P. 441–476. – P. 443.

20. Bonefeld W. Freedom and the Strong State: On German Ordoliberalism // New Political Economy. 2012. № 5. – P. 633–656.

21. Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton, 2001.

22. Lambrechts D. Filling the void: Weak States and Strong Societies – A study of organised criminal groups in South Africa. URL: <http://www.inter-disciplinary.net/wp-content/uploads/2010/04/lambrechtspaper.pdf> – 15 p. – P. 1.

23. Rice S.E., Patrick S. Index of State Weakness in the Developing World. – Washington, DC: The Brookings Institution, 2008. – 47 p. – P. 3.

24. Seth M.J. Strong State or Strong Society?: Educational Development in South Korea, 1961–66 // Korean Studies. 1997. Vol. 21. – P. 72–95. – P. 73.

25. Gamble A. The free economy and the strong state: the rise of the social market economy // Socialist Register. 1979. Vol. 16. – P. 1–25. – P. 5.

26. Soifer H., vom Hau M. Unpacking the Strength of the State: The Utility of State Infrastructural Power // Studies in Comparative International Development. 2008. Vol. 43. – P. 219–230. – P. 220.

27. Simon J. Law's Violence, the Strong State, and the Crisis of Mass Imprisonment (for Stuart Hall) // Wake Forest Law Review. 2014. Vol. 49. – P. 649–676. – P. 655.

28. Marchenko M.N. Gosudarstvo i pravo v usloviyah globalizacii. M., 2008. – S. 30–31.

29. Hammond C. Confronting Transnational Threats; Strong State Strategies of Cooperation with Weak States and Effectiveness: Master's Theses / CUNY City College. URL: http://academicworks.cuny.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1291&context=cc_etds_theses 2014. – 136 p. – P. 24.

30. Gamble A. The free economy and the strong state: the rise of the social market economy // Socialist Register. 1979. Vol. 16. – P. 1–25. – P. 10.

31. Acemoglu D. Politics and economics in weak and strong states // Journal of Monetary Economics. 2005. № 52. – P. 1199–1226. – P. 1203.

32. Taş H. The impact of strong state tradition on the early republican reforms of secularization in Turkey (1923–1938) / The Institute of Economics and Social Sciences of Bilkent University. URL: <http://www.thesis.bilkent.edu.tr/0002826.pdf> 2005. ix; – 121 p. – P. 29–30.

33. Chaplin J. Why a strong state needs a strong civil society – in the West and in China // Ethics in Brief. 2016, Autumn. Vol. 22. № 1. – 4 p. – P. 1, 3.

НОВЫЕ КНИГИ

Понкин И.В. Теория публичного управления: Учебник для магистратуры и программ Master of Public Administration / Предисловие д.ю.н., проф. А.Б. Зеленцова/ Институт государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ. М.: Буки Веди, 2017. – 728 с.

ISBN 978-5-4465-1569-1

Учебник включает 3 части, 21 главу, содержит систематизированное изложение материала. В издании раскрыты ключевые теоретические вопросы и актуальные проблемы тематического горизонта правового обеспечения, проектирования и реализации публичного (государственного и муниципального) управления. Изложено содержание референтных правовых актов и документов, показаны существующие научные концепции и подходы, содержание научных дискуссий. Законодательство приведено по состоянию на август 2017 года. Цитаты из иностранных источников, если не указано иное, приведены в переводах автора. Рекомендуемая литература – по тексту параграфов в сносках. В учебнике намеренно минимизирован объём приводимых референтных излагаемому материалу иллюстративных примеров из практики. Уровень изложения материала – повышенной сложности.

Издание предназначено для магистрантов и слушателей программ Master of Public Administration, для аспирантов и докторантов, юристов, экономистов, управленцев, руководителей и служащих органов государственного и муниципального управления, а также для всех, кто интересуется этим кругом вопросов.

SUBJECTS OF EVIDENCE IN THE JUDICIAL PROCESS: COMPARATIVE ANALYSIS AND PHILOSOPHICAL

N.K. SHAPTALA,
Doctor of Law, Judge of
the Constitutional Court
of Ukraine (Kiev, Ukraine)¹

The article is devoted to the study of evidence and proof in the constitutional litigation. The author conducts a comparative study of foreign and domestic legislation, which regulates the procedure for the adoption, evaluation and use of evidence in legal proceedings of various types of procedural law and, based on its results, offers its original approach to understanding the philosophical and legal meaning of the problem under study.

Key words: proof, evidence, legislation constitutionality, subject of proof, subject of evidence, litigation.

In the legal literature, the problems as associated with the function in goof the institutions of constitutional judicial control, were in vest gated by many domestic scientists, in particular: O.B. Bandura, Yu.V. Baulin, V.F. Boyko, V.D. Bryntsev, Yu.M. Groshevy, N.L. Drozdovych, A.Ya. Dubinsky, V.M. Kampo, N.I.

© N.K. Shaptala, 2018

Shaptala Natalia Konstantinovna – Judge of the Constitutional Court of Ukraine. She was born on April 18, 1959 in Donetsk. Labor activity began in 1976 at various enterprises in Donetsk. After graduating from the law faculty of the Altai State University in 1987, she worked as an intern trainee in the prosecutor's office, an assistant to the prosecutor of the Leninsky district of Donetsk, an instructor of the Leninsky district party committee, an assistant to the prosecutor of Donetsk, a senior assistant to the prosecutor of the Donetsk region. From 1996 to 2006 – a judge of the Leninsky District Court of Donetsk, a judge of the Court of Appeal of Donetsk region. During 2006-2010 – the judge, the first deputy chairperson of the Donetsk Administrative Court of Appeal, and since September 2010 – the judge of the Constitutional Court of Ukraine. Specialist in the field of administrative, criminal and tax law, has a number of scientific publications on these issues. Co-author of the textbook «Constitutional Law of Ukraine», scientific and practical comments to the Budget and Tax Codes of Ukraine. Candidate of Juridical Sciences.

Шапталла Наталья Константиновна – Украина Конституциялық Сотының судьясы. 1959 жылы 18 сәуірде Донецк қаласында дүниеге келген. Еңбек қызметі 1976 жылы Донецктегі түрлі кәсіпорындарда басталды. 1987 жылы бітіргеннен кейін, Алтай мемлекеттік университетінің заң факультеті, прокуратурада стажер ретінде Донецк, Ленин аудандық партия комитетінің, Донецк, Донецк облысында аға прокурорының көмекшісі қаласының прокурорының орынбасары нұсқаушысы Ленин ауданының прокурорының көмекшісі болып жұмыс істеді. 1996 жылдан 2006 жылға дейін – Судья Донецк облысының Апелляциялық сот Донецк судьясы Ленин аудандық сотының. 2006 жылы – 2010 жыл – судья, Апелляциялық Донецк әкімшілік сотының төрағасының бірінші орынбасары, 2010 жылдың қыркүйек айынан – Украина Конституциялық сотының судьясы. Әкімшілік, қылмыстық және салық құқық саласының маманы, осы мәселелер бойынша ғылыми еңбектер бар. оқулығының «Украина Конституциялық заңы» бірлескен авторы, бюджет және Украина Салық кодексіне ғылыми-практикалық

Klymenko, A.F.Koni, V.O. Konovalova, M.V. Kostysky, N.V. Kostyska-Kushakova, V.T. Maljarenko, O.M. Myronenko, M.M. Miheenko, B.M. Poshva, P.M. Rabinovych, V.V. Rechytsky, A.O. Selivanov, M.I. Siry, A.A. Stryzhak, V.M. Shapoval, V.Yu. Shepitko and many others.

However, despite a large number of publications and scientific works, certain topical issues, in particular, regarding the identification of subjects of evidence in the judicial constitutional process, are still left unexplored, which to a certain extent results in the existence of conflicts and signs of legal uncertainty in the regulations of the law that regulates activity of constitutional jurisdiction as an important element of the national mechanism for the protection of the rights and fundamental freedoms of the individual.

The theoretical basis of the research is the works of domestic and foreign scientists in the field of constitutional law, acts of domestic and foreign law.

The purpose and tasks of the research are:

Definition of the philosophical and legal content, characteristic features and classification of subjects of evidence in the constitutional court process, understanding their role in the theory and practice of constitutional justice.

Presenting main material

Subjects of argumentation in the legal court process are its participants, who are empowered by procedural law to exercise within the framework of procedural relations the activity consisting in collecting, examining and evaluating evidence in order to distinguish and establish the circumstances that are relevant for establishing the truth in a particular case. In this case, as F.Fatkullin correctly observed, “the proof reaches its goal only in cases of the correct definition of the subject of evidence, its boundaries and subjects”.²

One should also agree with S. Vasyliiev, in the opinion of which, “in judicial proof, which covers the procedural activity of all subjects of the process, despite the fact that their functions in proving are different, organically combines the two equal sides: mental and practical are organically. “The correct evaluation of the facts on a decision on the case,” he continues, “is the result of procedural activities of not only the court but also other persons involved in the case. Another approach leads to an underestimation of

түсініктемелер. Заң ғылымдарының кандидаты.

Шаптала Наталья Константиновна – судья Конституционного Суда Украины. Родилась 18 апреля 1959 г. в гор. Донецке. После окончания в 1987 г. юридического факультета Алтайского государственного университета, работала на должностях стажера прокуратуры, помощника прокурора Ленинского района г. Донецка, инструктора Ленинского райкома партии, помощника прокурора г. Донецка, старшего помощника прокурора Донецкой обл. В 1996-2006 гг. – судья Ленинского районного суда г. Донецка, судья Апелляционного суда Донецкой области. В 2006-2010 гг. – судья, первый заместитель председателя Донецкого апелляционного административного суда, а с сентября 2010 г. – судья Конституционного Суда Украины. Специалист в области административного, уголовного и налогового права, имеет ряд научных публикаций по этим вопросам. Соавтор учебного пособия «Конституционное право Украины», научно-практических комментариев к Бюджетному и Налоговому кодексам Украины. Кандидат юридических наук.

²Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань: Изд-во Казан, ун-та, 1976. С. 7.

the role of the persons involved in the case, in the process of forming by the judges of the correct conclusions about the legal qualification of the facts and the essence of the case. Establishing actual factual circumstances of a case is a duty of the court, the implementation of which is facilitated by the active activity of all other subjects of proof.³ Consequently, judicial evidence is a form of knowledge, which includes the activities of the court, the persons involved in the case, their representatives”⁴

According to T. Sakhnova, the subjects of evidence “can be divided into leading subjects (court), persons directly interested in the results of the case, that is, the subjects -consumers of the results of the process and their representatives, and other subjects involved in the process of proof (witnesses, experts, translators).⁵

Approximately such a scheme is applied in the special literature for division of subjects of evidence in litigation in the domestic courts of general jurisdiction and some international courts.

Thus, the subjects of judicial evidence in a civil proceeding are the court, the persons involved in the case, and other process participants who have a material and legal procedural interest in resolving the case and who, in accordance with their procedural rights and obligations carry out actions that are relevant for the resolution of a civil case.

According to M. Strogovych, the subjects of criminal-procedural evidence include the participants of the process, which perform the procedural function (prosecution, defence or decision of the case). Such subjects, in his opinion, are: the court, the prosecutor, the body of inquiry, the accused, the defender, the victim.⁶

Example:

– according to the Criminal Procedure Law of the Republic of Latvia: «subjects of evidence are all those involved in the criminal process, in which this Law imposes a duty or gives them the right to make evidences» (Article 126.1);⁷

– in accordance with Art. 132 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Turkmenistan:

Evidence is the collection, study, evaluation and use of evidence in order to establish the circumstances relevant for a legitimate, justified and just settlement of the case (Part 1);

The obligation to prove the existence of the grounds for criminal responsibility and the guilty of the defendant lies with the state prosecutor (Part 2).⁸

³It is a matter of court proceedings in matters falling within the competence of courts of general jurisdiction (author's note).

⁴Васильев С.В. Цивільний процес України – Навчальний посібник. Харьков: Эспада, 2010. С. 204-205.

⁵Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 112.

⁶Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса в 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 203.

⁷Уголовно-процессуальный закон Республики Латвия. Закон, принятый Сеймом 21 апреля 2005 года (обнародованный Президентом государства 11 мая 2005 года (с изменениями, внесенными по состоянию на 28 сентября 2005 года) URL: http://www.pravo.lv/likumi/29_upz.html (2018, травень, 09).

⁸Уголовный процессуальный кодекс Туркменистана URL: https://www.unodc.org/res/cld/document/tkm/turkmenistan-code-of-criminal-procedure_html/Turkmenistan_Code_of_Criminal_Procedure.pdf (2018, квітень, 27).

The subjects of evidence in the domestic administrative process in accordance with the Code of Administrative Proceedings of Ukraine are:

- 1) An administrative court (Articles 17-20);
- 2) The parties – the plaintiff and defendant, third parties (Article 47);
- 3) Representatives of the parties and third persons, bodies and persons who have been granted the right to protect the rights, freedoms and interests of other persons in court (Articles 47, 56, 60);
- 4) Witness, expert, specialist, translator (Article 62).⁹

The subjects of judicial proofing in the economic process are: the court, the persons involved in the case, and other participants in the process, which have a material and legal interest in resolving the case and which, in accordance with their procedural rights and obligations carry out actions that are of importance for the resolution of an economic matter. The main subject of evidence in the economic process is the court of first instance. The court resolves all issues arising in the course of judicial proof, directly examines the evidence submitted by other entities, verifies the truthfulness of the data provided as evidence, and as a result of their assessment, establishes the factual circumstances that are relevant for the correct resolution of the case.¹⁰

As a rule, such trials are of a competitive character, which, in the words of V. Trubnykov, consists in the principled possibility for the parties to be “informed about all available evidence or fixed comments and have the opportunity to comment on them, to submit any comments, and the duty of the court is to consider them”.¹¹ At the same time, the evidence to support arguments must be submitted by the parties, the court does not collect evidence on its own initiative.

Example:

– According to the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan: «... the court investigates the cases and evidence presented in the manner provided by this Code. The court has no right, on its own initiative, to collect additional evidence in order to eliminate the incompleteness of the pre-trial investigation (Part 1, Article 24).¹²

– In accordance with Art. 15 of the Civil Procedural Code of the Republic of Kazakhstan:

The civil process is conducted on the basis of competition and equality of the parties. The parties involved in the civil process have equal opportunities to defend their position (part 1);

The parties choose their position, methods and means of defending it independently and independently of the court and other persons involved in the case in the course of civil proceedings (part 2);

⁹Кодекс адміністративного судочинства України (Редакція від 05.05.2018) // Відомості Верховної Ради України, 2005, № 35-36, № 37, ст. 446.

¹⁰Поняття доказування в господарському процесі. Поняття і види судових доказів URL: <https://studfiles.net/preview/5704087/page:2>. (2018, квітень, 30).

¹¹Трубникова Т. В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации / Т. В. Трубникова. Томск: Изд-во Томск. ун-та. – С. 118–130.

¹²Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852#pos=0;0 (2018Ю березень,01).

The court is completely exempted from collecting evidence on its own initiative in order to establish the actual circumstances of the case, but after motivated party petition it helps to obtain the necessary materials in accordance with the procedure established by this Code (part 3).¹³

This understanding of competition has also been reflected in some judgments of the European Court of Human Rights (ECHR), which state that “the right to a competitive prosecution provides both the prosecution and the defence of the opportunity to read evidence provided by the other party”.¹⁴

At the same time, there are exceptions in domestic law and international judicial practice, in particular, as Y. Orlov notes, - unlike civil justice, in an administrative court does not exclude the possibility of a court to verify information provided by entities, including collecting evidence on its own initiative, if he has doubts about the reliability of these circumstances and the voluntary nature of their recognition. In administrative proceedings, such a rule is justified by the principle of official clarification of circumstances in a case that does not fit into fully adversarial civil proceedings.¹⁵

The International Commercial Arbitration Court (Tribunal) in the course of the trial generally gives priority to documentary evidence and generally accepts all documents submitted by the parties, but it also has the right to request additional evidence at its own discretion. If necessary, the tribunal or parties to express their views on technical issues or other issues requiring special expertise may be called by experts, but the tribunal is not bound by their views.¹⁶

As Professor of Law at the University of New Jersey (USA) V. Stan notes, the parties can provide evidence that a court must consider or neglect. Their arguments, as well as evidence from other sources that the court can use to supplement and accumulated knowledge, vary in different court systems. In some countries, for example, the parties can only make a proposal for the involvement of witnesses, and the court decides the expediency of their engagement. There is also no global rule for defining such concepts as “law”, “fact” and “evidence”.¹⁷

Recently, the concept, proposed in its time by A. Belkin, becomes more and more widely used, according to which the court’s duty to consider the evidence provided by the parties, so to say, “exclude” it from the list of subjects of evidence in the court proceeding.

¹³Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053#pos=0;0 (2017, грудень, 12).

¹⁴Рабінович П., Ратушна Б. Загальнотеоретичні проблеми права на належне доказування в українському судочинстві (у світлі практики Страсбурзького суду) // Вісник Національної академії правових наук України. № 3 (78) 2014. С. 8.

¹⁵Основы теории доказательств в уголовном процессе: Науч.-практ. гособие. М.: Проспект, 2000. С. 45.

¹⁶Admissibility and Presentation of Evidence in International Commercial Arbitration. Barrister of England and Wales Senior Partner at G. C. Economou & Associates URL: <http://www.greeklawdigest.gr/topics/judicial-system/item/208-admissibility-and-presentation-of-evidence-in-international-commercial-arbitration> (2018, may, 14).

¹⁷Stern William B. Foreign Law in the Courts: Judicial Notice and Proof. California Law Review, March 1957. P. 23.

“The court,” he writes, “stands over the parties in the process, he judges, and does not prove, it belongs only to the stage of judicial investigation, the function of research and assessment of evidence provided by the parties. However, the realization of this function does not mean participation in the proof, because the court should not collect evidence, that is, to form an evidential basis”¹⁸

Y. Kovalenko and P. Lupinskaya hold a similar position, which states, “the diversity of views on this issue is based on the same understanding of evidence only as an activity limited to verifying the truth, the correctness of the thesis being put forward. From these positions it is argued that the court recognizes and proves the parties».¹⁹

This concept, of course, has the right to life, however, regarding the definition of subjects of evidence in a constitutional court proceeding is completely inappropriate, based in particular on such.

First, the process in the CCU is not competing, therefore, as stated, the persons involved in it, according to the law, have the status of not “parties”, which is obligatory in the contest process, but “participants”. At the same time, the struggle in this process is excluded when considering all categories of issues, the solution of which relates to the powers of the CCU, and not just the interpretation, according to T. Gabrieva, in which “the peculiarity of cases on the interpretation of the Constitution lies in the fact that there is practically no confrontation between the various parties, but there is a common desire of the participants in the process to find out the content of the constitutional norm”²⁰

In our opinion, the false definition of the constitutional court process is competing, as stated by N. Raikova,²¹ A. Kalmanov,²² M. Jaborov,²³ Yu. Kurochtin²⁴ and others, is that they contend with the constitutional principles and extend its effect to litigation in all branches of law.

Instead, in accordance with the Constitution of Ukraine, competition is not attributed to constitutional principles, but to the principles of the administration of justice by courts of general jurisdiction (Article 129.2.3). Instead, the activity of the CCU, which according to the current version of the Fundamental Law of Ukraine does not belong to the system of domestic justice, is based on the principles: the rule of law, independence, collegiality,

¹⁸Белкин А. Р. Теория доказывания. М.: Норма, 1999. С. 26.

¹⁹Коваленко Є.Г. Теорія доказів у кримінальному процесі України: Підручник. К.: Юрінком Інтер, 2006. С. 328.

²⁰Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. М.: Юрист, 1998. С. 134.

²¹Райкова Н.С. Принцип состязательности и равноправия сторон в конституционном судопроизводстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. – С. 16 – 21.

²²Калманова А. С. Состязательность и равноправие сторон – принципы конституционного судопроизводства URL: <http://jurnal.org/articles/2014/uri62.html> (2018, квітень, 29).

²³Жамборов М. С. Особенности принципа состязательности в конституционном судопроизводстве по законодательству России и США // Административное и муниципальное право», 2013, № 1. – С. 12 – 15.

²⁴Курохтин Ю. А. Осуществление принципа состязательности в российском конституционном судопроизводстве: практика и пути оптимизации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2001. № 2 (46). – С. 100 – 108.

transparency, reasonableness and binding decisions and conclusions adopted by it “(Art. 147.2), and not based on competition, equality of rights of the parties, etc., which is inherent in courts of general jurisdiction.

«Judicial constitutional control,» J. Ovsepyan rightly observes, “was little connected with the investigation of the actual facts of the case, proof of their completeness and reliability”²⁵

In general, it is worth agreeing. However, it should be noted that the functions of judicial constitutional review are not subject to investigation of the actual circumstances of the case, nor a judicial decision in this case, its legality, completeness and probative. His powers include only the resolution of the question of the constitutionality of laws and other legal acts applied by the court and other authorities.

At the same time, the body of constitutional jurisdiction exercising this control is not only not connected with the information provided by participants in the judicial constitutional process, but also uses it at its own discretion and has the authority, if necessary, to obtain evidence on its own initiative, but not by conducting investigative actions and not taking over the functions of the courts of general jurisdiction.

Secondly, the epistemological component of evidence in the trial is to apply axiological and ontological methods in order to know the circumstances that constitute the subject of evidence, and functional – in working with evidence: their collection, study, evaluation and use. Of all these elements, both epistemological and functional, evidence in the constitutional court process to the powers of its participants is only the provision of evidence. Execution of evidence in its entirety is the exclusive prerogative of the CCU and is carried out by its working bodies in order to achieve the final result - the adoption of a reasoned decision in a case, in the order and amount established by law.

«Unlike other courts,» notes M. Kostytsky in this regard, «the burden of proof lies with the CCU, and not on the subjects of the right to a constitutional petition and appeal (or a constitutional complaint)²⁶ or other participants in the process”²⁷.

At the same time, proceeding from the content of the provisions of the Law on the Code of Civil Procedure and its Rules, the procedure for evidence in the constitutional court proceeding consists of mandatory stages, each of which the function of proof is implemented by a body designated by them by the CCU:

The Secretariat – at the stage of proof of the admissibility of the materials provided to the Court;

Judge-Rapporteur on the case, the panel of judges, and in some cases the Senate or the Grand Chamber – at the stage of proving the possibility of opening constitutional proceedings in the case;

The Senate or the Grand Chamber – at the stages of evidence in the process of reviewing the case on the merits and taking decisions on issues raised in the constitutional petition, appeal or complaint.

²⁵Овсепян Ж. И. Система высших органов государственной власти в России (диалектика конституционно-правовых основ с начала XX по начало XXI в.). Ростов н/Д, 2006. С. 480.

²⁶Author's note).

²⁷Костицький М. Доказування в конституційному судовому процесі // Вісник Конституційного Суду України № 4–5/2011. С. 163.

Third, since the subjects of the right to a constitutional petition, appeal or complaint and other participants in the constitutional court process (experts, experts, witnesses, etc.) do not have the legislative power to participate in the study, evaluation and use of evidence, their status in this process should be defined as “the subjects of Providing Evidence”.

Conclusions

1. Litigation in courts of general jurisdiction tends to be of a competitive nature, the features of which, in particular, are the presence of the parties and the fundamental possibility for them to be informed of all available evidence or fixed observations and to be able to comment, makes any comments, and the duty of the court – to consider them. At the same time, the evidence to support their arguments must be submitted by the parties, and the court, in general, does not collect evidence on its own initiative.

2. At the same time, there are exceptions to this rule in national law and international judicial practice, in particular, unlike civil justice, in an administrative court, the court may, if necessary, verify and supplement the evidence provided by business entities.

3. Judicial constitutional control does not investigate the actual circumstances of the case and the judicial decision made in this case, its legality, completeness and proof. Its powers include solely the resolution of the question of the constitutionality of laws and other legal acts applied by the court or other authorities.

Moreover, the body of constitutional jurisdiction not only is not connected with the information provided by participants in the judicial constitutional process, but also uses it at its own discretion and has the authority, if necessary, to obtain evidence on its own initiative, but not by conducting investigative actions and not taking over the functions of courts of general jurisdiction.

4. The procedure for evidence in a constitutional court proceeding consists of mandatory stages, for each of which the function of proof is realized by a body determined by the CCU:

The Secretariat – at the stage of proof of the admissibility of the materials provided to the Court;

Judge-Rapporteur on the case, the panel of judges, and in some cases the Senate or the Grand Chamber – at the stage of proving the possibility of opening constitutional proceedings in the case;

The Senate or the Grand Chamber – at the stages of evidence in the process of reviewing the case on the merits and taking decisions on issues raised in the constitutional petition, appeal or complaint.

5. Since the subjects of the right to a constitutional petition, appeal or complaint and other participants in the constitutional court process (experts, specialists, witnesses, etc.) are not authorized by the legislator to participate in the study, evaluation and use of evidence, their status in this process should be defined as «subjects of providing evidence».

Н.К. Шаптала: Сот үдерісіндегі дәлелдеу субъектілері: салыстырмалы талдау және философиялық-құқықтық өлшемдер.

Мақала конституциялық сот ісін жүргізу барысында дәлелдемелер мен дәлелдерді зерттеуге арналған. Автор процедуралық құқықтың әртүрлі түрлеріндегі сот ісін жүргізу барысында дәлелдемелерді қабылдау, бағалау және қолдану тәртібін

реттейтін шетелдік және ұлттық заңнамалардың салыстырмалы зерттеуін жүргізеді және оның нәтижелеріне сүйене отырып, зерттелетін мәселенің философиялық және құқықтық мағынасын түсінуге өзіндік көзқарас ұсынады.

Түйінді сөздер: дәлелдемелер, дәлелдеу, заңдардың конституциялылығы, дәлелдеу субъектісі, дәлелдемелерді ұсынатын субъекті, сот ісін жүргізу.

Н.К. Шаптала: Субъекты доказывания в судебном процессе: сравнительный анализ и философско-правовые измерения.

Статья посвящена исследованию доказательств и доказывания в конституционном судебном процессе. Автор проводит сравнительное исследование зарубежного и отечественного законодательства, которым регламентирована процедура принятия, оценки и использования доказательств в судебных процессах различных видов процессуального права и, основываясь на его результатах, предлагает свой оригинальный подход к пониманию философско-правового смысла исследуемой проблемы.

Ключевые слова: доказательство, доказывание, законодательство конституционность, субъект доказывания, субъект представления доказательств, судебный процесс.

Библиография:

1. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань: Изд-во Казан, ун-та, 1976. – 206 с.
2. Васильев С.В. Цивільний процес України – Навчальний посібник. Харьков: Эспада, 2010. – 688 с.
3. Сахнова Т.В. Курс гражданського процесса: теоретические начала и основне институты. М.: Волтерс Клувер, 2008. – 696 с.
4. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса в 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 1968. – 468 с.
5. Трубникова Т.В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2011. – С. 118-130.
6. Рабінович П., Ратушна Б. Загальнотеоретичні проблеми права на належне доказування в українському судочинстві (у світлі практики Страсбурзького суду) // Вісник Національної академії правових наук України № 3 (78), 2014. С. 7-19.
7. Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пособие / Ю.К. Орлов. М.: Проспект, 2000. – 138 с.
8. Stern William B. Foreign Lawinthe Courts: Judicial Notice and Proof // California Law Review, March 1957. – P. 23-48.
9. Белкин А.Р. Теория доказывания. М.: Норма, 1999. – 429 с.
10. Коваленко Є.Г. Теорія доказів у кримінальному процесі України: Підручник. К.: Юрінком Інтер, 2006. – 632 с.
11. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. М.: Юрист, 1998. – 245 с.
12. Райкова Н.С. Принцип состязательности и равноправия сторон в конституционном судопроизводстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 2. – С. 16-21.

13. Калманова А.С. Состязательность и равноправие сторон – принципы конституционного судопроизводства: [электронный ресурс]. – URL: <http://jurnal.org/articles/2014/uri62.html>.

14. Жамборов М.С. Особенности принципа состязательности в конституционном судопроизводстве по законодательству России и США // Административное и муниципальное право», 2013. № 1. – С. 12 – 15.

15. Курохтин Ю.А. Осуществление принципа состязательности в российском конституционном судопроизводстве: практика и пути оптимизации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2001. № 2 (46). – С. 100 – 108.

16. Овсепян Ж.И. Система высших органов государственной власти в России (диалектика конституционно-правовых основ с начала XX по начало XXI в.). Ростов н/Д, 2006. – 592 с.

17. Костицкий М. Доказування в конституційному судовому процесі // Вісник Конституційного Суду України № 4–5/2011. – С. 158 – 163.

References (transliterated):

1. Fatkullin F.N. *Obschie problemi protsessualnogo dokazyvaniya*. Kazan: Izd-voKazan, un-ta, 1976. – 206 s.

2. Vasyliiev S.V. *Tsyvilnyi protses Ukrainy – Navchalnyi posibnyk*. Kharkov: Эспادا, 2010. – 688 s.

3. Sahnova T.V. *Kurs grazhdanskogo protsessa: teoreticheskie nachala i osnovnyie institutyi*. M.: Volters Kluver, 2008. – 696 s.

4. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugovolnogo protsessa v 2-ht. T. 1*. M.: Nauka, 1968. – 468 s.

5. Trubnikova T.V. *Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratelstvo: pravovyye pozitsii Evropeyskogo suda po pravam cheloveka i ih realizatsiya v ugovolnom protsesse Rossiyskoy Federatsii*. Tomsk : Izd-vo Tomsk. un-ta, 2011. – S. 118–130.

6. Rabinovych P., Ratushna B. *Zahalnoteoretychni problemy prava na nalezhne dokazyvannia v ukrainskomu sudochynstvi (u svitli praktyky Strasburzkooho sudu) // Visnyk Natsionalnoi akademii pravovykh nauk Ukrainy № 3 (78) 2014. – S. 7–19.*

7. *Osnovy teorii dokazatelstv v ugovolnom protsesse: Nauch.-prakt. posobie / Yu.K.Orlov*. M.: Prospekt, 2000. – 138 s.

8. Stern William B. *Foreign Law in the Courts: Judicial Notice and Proof // California Law Review, March 1957. – P. 23–48.*

9. Belkin A.R. *Teoriya dokazyvaniya*. M.: Norma, 1999. – 429 s.

10. Kovalenko Ye.H. *Teoriia dokaziv u kryminalnomu protsesi Ukrainy: Pidruchnyk*. K.: Iurinkom Inter, 2006. – 632 s.

11. Habrieva T.Ya. *Tolkovanie Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: teoriya i praktika*. M.: Yurist, 1998. – 245 s.

12. Raykova N.S. *Printsip sostyazatelnosti i ravnopraviya storon v konstitutsionnom sudoproizvodstve // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie, 2006. № 2. – S. 16 – 21.*

13. Kalmanova A.S. *Sostyazatelnost i ravnopravie storon – printsipy konstitutsionnogo sudoproizvodstva: [elektronniy resurs]*. URL: <http://jurnal.org/articles/2014/uri62.html>.

14. Zhamborov M.S. *Osobennosti printsipa sostyazatelnosti v konstitutsionnom sudoproizvodstve po zakonodatelstvu Rossii i SShA // Administrativnoe i munitsipalnoe pravo», 2013. № 1. – S. 12 – 15.*

15. Kurohtin Yu.A. *Osuschestvlenie printsipa sostyazatelnosti v rossiys komkonstitutsionnom sudoproizvodstve: praktika i puti optimizatsii // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki, 2001. № 2 (46) – S. 100-108.*

16. Ovsepyan Zh.I. *Sistema vyisshih organov gosudarstvennoy vlastiv Rossii (dialektika konstitutsionno-pravovyih osnov s nachala XX po nachalo XXI v.)*. Rostovn/D, 2006. – 592 s.

17. Kostytskyi M. *Dokazuvannia v konstytutsiinomu sudovomu protsesi // Visnyk Konstitucijnogo Sudu Ukraïni № 4–5/2011. – S. 158-163.*

НОВЫЕ КНИГИ

Исаков Владимир Борисович, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ. Правовая аналитика: учеб. пособие. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 384 с.; ил.

ISBN 978-5-91768-648-6 (Норма)
ISBN 978-5-16-011172-8 (ИНФРА-М, print)
ISBN 978-5-16-103262-6 (ИНФРА-М, online)

В учебном пособии раскрыты понятие аналитики, содержание интеллектуальных технологий юридической деятельности, определена роль ряда научных дисциплин, прежде всего философии, социологии, психологии, управленческой науки, логики, экономической науки, математики, информатики, в осуществлении правовой аналитической деятельности. Показаны возможности использования системного анализа для исследования правовых, социально-политических и экономических процессов, организации систем управления. Раскрыты особенности русской аналитической школы. Рассмотрен комплекс вопросов, связанных с методологией, организацией и технологиями правовой информационно-аналитической работы. Даны материалы, посвященные методам и приемам эффективной организации мыслительной деятельности как в учебной, так и в профессиональной работе юриста.

Для студентов старших курсов и слушателей магистратуры, а также для специалистов в области правовой аналитики.

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА: А КАК У НИХ?

А. Ф. МУХАМЕТОВ, к.ю.н., доцент кафедры профессор Академии управления, безопасности и специальных программ Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева, к.воен.н. (Астана)

В статье анализируются зарубежный опыт законодательного обеспечения национальной безопасности в контексте формирования сильного государства. В том числе, рассматриваются предпосылки, процессы и тенденции формирования и обеспечения национальной безопасности на примерах США, России, Китая, Германии, Франции, Израиля и Узбекистана.

Ключевые слова: государство, сильное государство, безопасность, национальная безопасность, безопасность государства, обеспечение безопасности, угрозы безопасности, национальные интересы.

В Казахстане господствуют мир и стабильность, а вопросам обеспечения безопасности уделяется пристальное внимание со стороны руководства страны. 2017 год ознаменовался принятием новой казахстанской Военной доктрины. Это плод масштабного осмысления геополитической и геостратегической ситуации и системообразующий документ, реализующий Конституцию и законы в сфере

безопасности Казахстана. Доктриной очерчены тренды действие системы государственного управления при обеспечении безопасности в военной сфере.¹

Развитие системы национальной безопасности – это один из важнейших факторов совершенствования механизма управления государством, так как способствует формированию сильного государства. Как отмечает профессор С.Ф. Ударцев в статье «Сильное государство: вопросы теории», «необходимость сильного государства актуализируется в условиях планируемого исторического прорыва, ускоренного развития, требующих большого напряжения и усилий общества, его социальных и политических институтов».² Речь идет о реализации задачи Президента по вхождению Казахстана в 30-ку наиболее развитых государств, для чего важно быть сильным и обеспечить безопасные условия для мирного и динамичного созидательного труда сограждан.

© А. Ф. Мухаметов, 2018

¹Указ Президента Республики Казахстан «Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан» от 29 сентября 2017 г. // URL: <https://mod.gov.kz/rus/dokumenty/ukazy/?cid=0&gid=4208>. (22.11.2017).

²Ударцев С.Ф. Сильное государство: вопросы теории // Право и государство. № 2 (71), Астана, 2016. С. 6-14.

Какие понятия лежат в основе политики сильного государства по обеспечению безопасности? Каким образом эта многогранная и проблемная сфера формируется за рубежом? Каковы мировые тенденции в сфере обеспечения национальной безопасности? Эти вопросы затрагивает данная статья в контексте научного вектора «Сильное правовое государство».

Законом РК «О национальной безопасности» дается определение: «Национальная безопасность – это состояние защищенности национальных интересов Республики Казахстан от реальных и потенциальных угроз, обеспечивающее динамическое развитие человека и гражданина, общества и государства».³ Наряду с понятием «безопасность» в этой дефиниции фигурируют «национальные интересы» и «угрозы». Тут кстати вспомнить слова великих. Казахский поэт и философ А. Кунанбаев (1845-1904) говорил: «Ничтожнейший из людей тот, кто не имеет стремления», а один из основателей немецкой классической философии Г. Гегель (1770-1831) писал, что «отсутствие интереса есть духовная или физическая смерть». Император Наполеон I (1769-1821), заложивший основы современного французского государства, высказывался радикальнее: «Есть два рычага, которыми можно двигать людей: страх и личный интерес».

Государство, как и человек, без интересов – мертво.

В РК под национальными интересами понимается «совокупность политических, экономических, социальных и других потребностей Казахстана, от реализации которых зависит способность государства обеспечивать защиту и развитие конституционных прав человека и гражданина, ценностей казахстанского общества, основополагающих государственных институтов».⁴

Не принижая значения других, в рамках формирования сильного правового государства необходимо выделить такие интересы Казахстана, как обеспечение прав и свобод человека и гражданина; исполнение законов и поддержание правопорядка; общественное согласие и политическая стабильность в стране; патриотизм и единство народа Казахстана; незыблемость конституционного строя РК, в т.ч. независимости, унитарности и президентской формы правления, целостности, неприкосновенности государственной границы и неотчуждаемости территории страны; устойчивое функционирование государственных институтов, повышение эффективности их деятельности; обеспечение боевой и мобилизационной готовности Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований; обеспечение оснащенности вооружением и военной техникой и развитие отечественных субъектов ОПК, в полной мере обеспечивающее военную безопасность и другие.

В Законе «О национальной безопасности» сформулированы основные угрозы национальной безопасности РК. Их конгломерат позволяет госорганам принимать и корректировать свой курс в обеспечении национальной безопасности. При этом спектр угроз имеет тенденцию к некоторому расширению.⁵ Это: снижение уровня

³Закон РК «О национальной безопасности РК» № 527-IV от 6 января 2012 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.07.2017 г.) // URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=31106860 (22.11.2017).

⁴См.: там же.

⁵Подробнее см.: Мухаметов А.Ф. Классификация, типологизация и характер военных конфликтов: современные взгляды. Астана: МО РК, Научный сборник АО «Центр военно-стратегических исследований», 2011. С. 48-58.

законности и правопорядка; неконтролируемая миграция; обострение социальной и политической обстановки, выражающееся в межнациональных и межконфессиональных конфликтах, массовых беспорядках; деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя, в том числе действия, посягающие на унитарность РК, целостность, неприкосновенность, неотчуждаемость её территории, безопасность охраняемых лиц; терроризм, экстремизм и сепаратизм в любых их формах и проявлениях; снижение устойчивости финансовой системы; сокращение производства, снижение качества, конкурентоспособности, экспортного, транзитного потенциала и доступности продукции и товаров, сокращение поставок из других государств продукции и товаров, не производимых в РК; снижение уровня обороноспособности страны, угроза неприкосновенности государственной границы и применения силы в отношении РК, агрессия против нее, а также некоторые другие угрозы.

Рассматривая сферу безопасности государства, мы должны помнить о безопасности международной, как обязательном её факторе и индикаторе. Если «безопасность национальная» – это «состояние защищенности...», то «безопасность международная» – это не состояние, а система отношений. Политология трактует международную безопасность именно как «систему международных отношений, основанную на соблюдении всеми государствами общепризнанных принципов и норм международного права, исключающую решение спорных вопросов с помощью силы или угрозы».⁶ Неотъемлемой частью международной безопасности является механизм коллективной безопасности, закрепленный Уставом ООН.⁷ Все это поможет яснее понять политику и идеологию в сфере обеспечения безопасности отдельных стран.

США. Концепция национальной безопасности США – это идеология управления рисками для защиты интересов государства, а регулярно (раз в 4 года) обновляемая стратегия – это официальное резюме в сфере национальной безопасности, включающее в себя, во-первых, главные интересы, которые, по словам М. Олбрайт, неизменны 200 лет и состоят в безопасности, процветании и свободе американцев; во-вторых, роль США на данном этапе (интересы США в понимании конкретного президента); в-третьих, цели, реализуемые администрацией президента, госструктурами, группами влияния, бизнеса и НПО – субъектами национальной безопасности США.⁸

Среди особых факторов политики безопасности США необходимо выделить: 1) степень реальности внешней угрозы; 2) реальная роль президента в политике; 3) активность межпартийного противоборства.

⁶Глобалистика. Энциклопедия, Москва, 2006 // URL: http://www.globalistika.ru/Globalistika/p_rgs1.htm (23.01.2018).

⁷Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 года, Сан-Франциско // URL: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-v/> (22.11.2017).

⁸NATIONAL SECURITY STRATEGY. Полный текст Стратегии национальной безопасности США 14-02-2015, 09:38 | Политика / Статьи о политике | разместил: Редакция ОКО ПЛАНЕТЫ // URL: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/271399-polnyy-tekst-strategii-nacionalnoy-bezopasnosti-ssha.html> (06.11.2017).

Чем сильнее внешняя угроза, тем процесс формирования политики безопасности делается более централизованным и управляется президентом, жестко соответствуя национальным интересам. Группы влияния и конгресс отходят на второй план, а СМИ занимают сторону президента. Если угроза слабая, то процесс выработки стратегии безопасности делается малоуправляемым и децентрализуется, в него вмешиваются и конгресс, и группы влияния, и СМИ. Разнобой формируемых в этот момент версий стратегии связан с оглядкой конгрессменов на интересы избирателей и финансовых групп, полезных конкретному члену конгресса. Свою роль играют и цикличность развития социума США, и примат частного или общественного интереса.

На политику безопасности США влияет межпартийная борьба. Высокий её накал понижает риски, на какие могла бы пойти власть, поставив под удар национальные интересы, и позволяет избежать рискованных шагов во внешней политике. Затихшие межпартийной борьбы делает рискованные шаги вероятными. Например, согласие демократов и республиканцев привело к войнам в Корее, Вьетнаме, к одобрению расширения НАТО.

Партию демократов США отличает либерализм, в т.ч. в экономике и социальной сфере. Голосуют за них, как правило, ученые, журналисты, юристы, фермеры, еврейские организации, эмигранты первого-второго поколений. И в командах президентов-«демократов» много юристов, ученых, конгрессменов, например, З. Бжезинский, М. Олбрайт, С. Тэлботт и др. В решении проблем безопасности «демократы» ориентируются больше на желаемый результат, чем на конкретные средства. Приоритет отдается праву, а не военным методам.⁹ Например, о порядке и итогах применения армии США особо не задумывались в ходе корейской, вьетнамской и балканской компаний.

Если президент выбран от республиканцев, то управлять безопасностью США обычно приходят лидеры бизнеса, известные международники и бывшие генералы, в т.ч. Г. Киссинджер, А. Хейг, К. Пауэлл и др. Республиканцев отличают реализм, национальные интересы с внешним, а не внутренним приоритетом, культ силы, содействие союзников и избрание стратегии, цели которой могут быть реализованы.

При низком уровне угроз и слабой межпартийной борьбе процесс нахождения приоритетов страны захлестывает бюрократия, что приводит к длительной увязке главных национальных целей в Белом доме.

Документ, в котором президент излагает для населения США и мировой обществу цели национальной и международной безопасности и методику их реализации, оформляется как Стратегия национальной безопасности США. Впервые такая Стратегия была издана администрацией Р. Никсона. Законом Голдуотера-Николса в 1986 г. подготовка Стратегии объявлена обязательной.¹⁰ Она имеет тра-

⁹Бжезинский, Збигнев. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) / Пер. О. Ю. Уральской. М.: Междунар. отношения, 1998. ISBN 5-7133-0967-3 (22.11.2017).

¹⁰James R. Locher. Victory on the Potomac: The Goldwater–Nichols Act Unifies the Pentagon. Texas A & M University Press, 2002. – 524 p. // URL: <https://doc4web.ru/istoriya/zakon-golduoteranikolsa.html> (20.11.2017).

диционно декларативный характер, насыщена дипломатично обтекаемыми формулами и хотя для широкого круга читателей не открывает ряд вопросов реальной политики США, но вместе с другими концептами («Обзор ядерной политики», «Стратегия кибербезопасности», «4-летний обзор военной политики», «Обзор подхода к ПРО») даёт весьма целостное представление о новизне и преемственности в приоритетах политического истеблишмента США.

Традиционно сфера национальной безопасности очерчивалась поведением США на международной арене, в основном это были аспекты внешней и военной политики. Экономика и внутренняя политика в её контексте обычно не рассматривались, за исключением «Стратегии внутренней безопасности» Дж. Буша-мл. Сегодня же «Стратегия НБ США» объединяет внешние и внутренние аспекты, вбирая в себя и безопасность, и экономическое процветание, и упрочение миропорядка, и продвижение «универсальных ценностей» под контролем США.¹¹ Эта Стратегия, как и предыдущие, сохранила глобальный курс на укрепление лидерства США. Среди новаций – тенденция интеграции главных инструментов глобального могущества США, как то: разведка, дипломатия, экономические рычаги, военная сила и инструменты внутренней безопасности. Глобализм Америки материализуется в дипломатическом давлении и военно-силовом присутствии. Свежий пример: в Центральной Азии активный прессинг США ощущается Россией в сотрудничестве с РУз. Об этом весной 2017 г. заявил в Госдуме замдиректора Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству В. Дрожжов.¹²

В «Стратегии НБ США» отображён и системный кризис в США, влекущий «перегрев» при единоличном контроле над миропорядком. «Ни одна страна не может в одиночку нести такую ответственность» трижды упоминается в документе – странно для глобальной сверхдержавы, не правда ли?

Россия. С финалом «холодной войны» мировой порядок, объяснявший практически все конфликты, исчез. Осталась диффузия, в которой стала прорисовываться трехмерная реальность, мир пошёл по пути глобализации всех сфер, события отличаются динамизмом и взаимозависимостью, предметом глобальной конкуренции стали ценности и модели развития. В РФ понимают, что верхний уровень этой реальности занимают крупные державы и их союзы. На втором уровне – региональные державы. «Подвальный этаж» этой международной системы образуют распавшиеся государства, националистические и религиозные движения, крупные наркокартели и незаконные вооруженные формирования. Националистическая и религиозная конфронтация, оружие массового поражения и терроризм, – каждый из этих элементов опасен, зачастую являя причину кризисов. Если же эти элементы соединяются, то возникает новая стратегическая угроза.

Что этому противопоставляет Россия?

Главный девиз формирования законодательного обеспечения национальной безопас-

¹¹NATIONAL SECURITY STRATEGY... // URL: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/271399-polnyytekst-strategii-nacionalnoy-bezopasnosti-ssha.html> (06.11.2017).

¹²США пытаются помешать военно-техническим связям России и Узбекистана. 06.04.2017. Информационный сайт Национальная безопасность России, США и других стран мира: новости, события, проблемы, угрозы, концепции, стратегии // URL: <http://nationalsafety.ru/n178703> (20.01.2017).

ности государства российского «Россия – Великая Страна!» И точка. В этом, пожалуй, состоит эксклюзивность идеологии формирования законодательного обеспечения безопасности России. Поэтому российские устремления и документы в сфере национальной безопасности, как правило, имеют традиционно и очень централизованный, долгосрочный, глобально-региональный характер. Они практически не зависят от каких-либо парламентских и партийных установок или межпартийной борьбы, а ответственность за их подготовку и, особенно, за реализацию, в итоге лежит на одних плечах – на личности президента. Поэтому и пересматриваются они не так часто, как, например, в США. В 1997 г. утверждена Концепция национальной безопасности РФ, она обновлена в 2000 г. (начало первого президентства В. Путина), а в мае 2009 г. заменена на новую «Стратегию НБ РФ – 2020», крайняя её редакция состоялась в январе 2016 г.

«Стратегии НБ РФ – 2020» отводится роль мобилизующего фактора экономики, роста качества жизни и обеспечения стабильности в обществе, обороны, госбезопасности и правопорядка, конкурентоспособности и престижа России. Если в прошлой Стратегии давалось, по сути, два её определения – как системы приоритетов и мер, и как документа планирования, то «Стратегия НБ РФ – 2020» есть базовый документ, определяющий национальные интересы, стратегические цели, задачи и меры внутренней и внешней политики. Стратегия НБ является основой для реализации госполитики РФ и базируется на таких долгосрочных национальных интересах как: 1) развитие демократии и гражданского общества, повышение конкурентоспособности экономики; 2) обеспечение незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета РФ; 3) превращение России в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и партнёрства в условиях многополярного мира.¹³

Задачей укрепления национальной обороны – логичного для России первого приоритета Стратегии – назван переход к качественно новому облику армии с сохранением потенциала стратегических ядерных сил. Ориентир – США, они открыто названы как сила, препятствующая развитию РФ, а НАТО – угроза национальной безопасности. Этот посыл нивелируется в конце документа, где говорится о заинтересованности России в партнерстве с США и Европой, особенно в экономике. Внимание уделено и взаимодействию в форматах РИК, БРИК, ШОС, ОДКБ.

Стратегия производит впечатление комплексного и передового документа, в котором помимо обороны, государственной и общественной безопасности, представлены концепты роста качества жизни граждан, науки, технологий и образования, здравоохранения, культуры, экологии и природопользования, и они логично увязаны с трендами экономического роста. Вместе с тем, по мнению экспертов из РФ, «Стратегия НБ РФ – 2020» закрепила лишь приверженность прежнему курсу, который мало отвечает интересам безопасности РФ и представляет собой попытку манипуляции сознанием: и ожидания населения удовлетворить, и ничего для этого не изменять.¹⁴

¹³Центр научной политической мысли и идеологии. Стратегии национальной безопасности России и США: сравнение // URL: <http://rusrand.ru/events/strategii-natsionalnoj-bezopasnosti-rossii-i-ssha-sravnenie>, 4.03.2015 (23.10.2017).

¹⁴Шишкина Н.И. Новая Стратегия национальной безопасности. 18.01.2016 // URL: <http://rusrand.ru/analytics/novaya-strategiya-nacionalnoy-bezopasnosti> (22.09.2017).

Китай. Госструктуры, ответственные за безопасность КНР, в своей деятельности опираются на глубоко продуманные принципы, основанные на конфуцианской философии и изложенные в законе КНР «О национальной безопасности».¹⁵ Это: законность; системность и комплексность; приоритет превентивных мер; централизация политики в сфере НБ; персональная ответственность центрального руководства в области НБ; совершенствование стратегии НБ; международное сотрудничество при обеспечении НБ.¹⁶

Со времён Мао Цзэдуна ключевую роль в этом процессе играет Коммунистическая партия (КПК), проводящая централизованную политику обеспечения безопасности Китая. Так, в ноябре 2013 г. пленум ЦК КПК принял решение о создании Комитета государственной безопасности, задача которого – контроль силовых структур (полиция, народно-освободительная армия Китая, вооружённая полиция), а также МИД. КГБ КНР подотчётен Политбюро ЦК КПК и несет ответственность за решения и координацию работы в области национальной безопасности, что, в сущности, реализует такой принцип как централизация политики в сфере НБ.

Реализация принципа совершенствования стратегии НБ заключена в так называемой Белой книге, последнее издание которой под названием «Национальная оборона КНР» было представлено Госсоветом в мае 2015 г. Её содержание включает такие главы, как ситуация в сфере безопасности; стратегические задачи НОАК; стратегия активной обороны; развитие военных сил; военная подготовка; сотрудничество в сфере безопасности.

Следуя принципам международного права, Конституция КНР гарантирует права и свободы человека и гражданина. Целями обеспечения безопасности объявлены защита конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, суверенитета, независимости и территориальной целостности КНР, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности. Законность как принцип обеспечения безопасности проявляется в соблюдении субъектами права законодательства в сфере безопасности Китая.

Принцип «системность и комплексность обеспечения НБ» реализуется через закон КНР «О национальной безопасности» сообразно социально-экономическому потенциалу в рамках единого планирования мер в области внутренней и внешней безопасности, территориальной защиты, традиционной и нетрадиционной безопасности, личной и коллективной безопасности.

Принцип приоритета превентивных мер в целях национальной безопасности реализуется через административное принуждение. Его действенность подтверждается тем, что вся активность КНР в сфере безопасности (в т.ч. законотворческая) – это профилактика действий, опасных для общества. Китай постоянно развивает систему мер по профилактике и пресечению экстремизма, терроризма и иных по-

¹⁵О национальной безопасности: Закон КНР (принят на 15-й сессии Постоянного комитета ВСНП КНР двенадцатого созыва 1 июля 2015 г., обнародован Указом Председателя КНР 01.07.2015 г. № 29) / пер. Манцурова А.Ю. // URL: <http://www.mps.gov.cn> (13.09.2017).

¹⁶Манцуров А.Ю. Принципы обеспечения национальной безопасности в Китайской Народной Республике // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. LXVI междунар. науч.-практ. конф. № 10(60). Новосибирск: СибАК, 2016 // URL: <https://sibac.info/conf/law/lxvi/60286> (13.09.2017).

сягательств на права и свободы человека, собственность, правопорядок и конституционный строй. К примеру, такие нормы и меры предусмотрены в законах КНР «О борьбе с терроризмом» от 27 декабря 2015 г., «О контрразведке» от 1 ноября 2014 г.¹⁷

Принцип международного сотрудничества реализуется Китаем через политику, основанную на взаимном доверии и равенстве, взаимной выгоде и сбалансированных отношениях с зарубежными правительствами и международными структурами в области безопасности.

Таким образом, работа органов безопасности КНР выстроена на принципах, в зависимости от следования которым находятся безопасность и прогресс КНР, её защита угроз, а их законодательное закрепление позволило КНР гармонизировать процесс обеспечения безопасности страны.

Германия. В июне 2016 г. Минобороны Германии опубликовало «Белую книгу-2016 германской политики безопасности и будущего бундесвера». В соответствии с ней ФРГ в сфере безопасности проводит прагматичную политику, ведущая роль в которой отводится армии: «Оборонная политика Германии – это деятельность, направленная на обеспечение безопасности в рамках внешней политики и политики безопасности страны. Вооружённые силы – это существенная часть внешней политики и политики безопасности, нацеленной на избежание и ликвидацию кризисов и конфликтов».¹⁸ Это закреплено конституцией, по букве которой бундесвер предназначен для обороны Германии и её союзников; применения в рамках коллективной безопасности; поддержания режима чрезвычайного положения в стране; оказания служебного содействия, к примеру, погранохране или полиции; борьбы со стихийными или экологическими бедствиями. Де-юре применение армии вне страны не рассматривается. Но эти нормы могут быть интерпретированы с учётом неизбежности обеспечения безопасности граждан ФРГ, и активное применение бундесвера за рубежом будет обоснованно.

Документы по оборонной политике ФРГ определяют, что «оборона – это предотвращение конфликтов, преодоление кризисов международными усилиями», доказывают расширение спектра угроз и фиксируют тезис о глобальном обеспечении безопасности ФРГ с возможным применением армии. Это аргументируется тем, что вызовы для ФРГ имеют комплексный характер, как то: международный терроризм; распространение ОМУ и средств доставки; конфликты в Европе и в её близи; информационная борьба. Власти Германии выступают за упрочение европейской безопасности через расширение НАТО и ЕС, что позволит удерживать кризисы на удалении от Европы, последовательно преодолевая негативные черты глобализации.¹⁹

Одним из тезисов оборонной политики ФРГ является то, что «ни одно государство современности не может своими силами обеспечить для себя мир, безопас-

¹⁷См.: там же.

¹⁸«Белая книга-2016»: Германия признает многополярность мира и выбирает антироссийский полюс. Аналитическая редакция EADaily. 20 июля 2016 // URL: <https://eadaily.com/ru/news/2016/07/20/belaya-kniga-2016-germaniya-priznaet-mnogopolyarnost-mira-i-vybiraet-antirossiyskiy-polyus> (02.11.2017).

¹⁹См.: там же.

ность и благополучие», поэтому принципами политики безопасности ФРГ являются, во-первых, «совместное обеспечение безопасности» (согласование с партнёрами усилий по обеспечению собственной безопасности); во-вторых, «превентивность» (выявление кризисов на ранних фазах, их профилактика не силовыми методами); в-третьих, «широкая безопасность» (интеграция политических, экономических, экологических, культурных и иных частей безопасности). При этом признается, что «безопасность не гарантируется преимущественно или исключительно военными мерами».

На базе анализа угроз и принципах политики безопасности сформулированы интересы ФРГ в области безопасности: 1) упрочение трансатлантической кооперации (главным образом – с США²⁰); 2) активность ФРГ в ОБСЕ и ООН; 3) рост потенциала безопасности ЕС для упрочения стабильности в Европе.

Эти интересы, как и реалии политики безопасности, воздействуют на требования к армии, на её состав и структуру. Поэтому доктринальными документами предусматривается, что бундесвер может применяться только совместно с союзниками под эгидой ООН, ЕС, НАТО (исключение составляют эвакуация и спасение людей). Обоснование широкого спектра применения армии, в т.ч. за рубежом и без согласия мирового сообщества, подводит основу под подготовку мнения граждан ФРГ о применении бундесвера по всему свету, что указывает на стремление Германии в клуб великих держав и освобождение от комплекса вины и униженной нации. Де-факто армия ФРГ позиционируется как политический инструмент, гарантирующий безопасность граждан и нейтрализацию вызовов, которые могут возникнуть перед ФРГ, а рассмотренные положения обусловят по-немецки пунктуальное трансформирование бундесвера из «армии защиты» в «армию применения».

Франция. Ориентиром обеспечения безопасности Франции (ФР) является формула Шарля де Голля: «Франция лишь в том случае является подлинной Францией, если она стоит в первых рядах», что объясняет её претензию на глобальные роли, в том числе и в качестве третейского судьи между ведущими и развивающимися странами. Франция никогда не рвалась к гегемонии и не старалась стать безусловным глобальным лидером, как Япония, Германия или США. Обеспечение своей безопасности ФР рассматривает через баланс центров силы в многополярном мироустройстве. Этим обусловлена французская приверженность к гибкой политике и отказ от двусторонних союзов в пользу многосторонних.

Силовые рычаги рассматриваются Францией как базис политики безопасности. Это объясняет обособленность от НАТО при её обеспечении и продвижение национальной ядерной политики. Франция позиционируется и как континентальная, и как морская держава с выходом и к Средиземноморью (далее – к Северной Африке и Ближнему Востоку), и к Атлантике, что предвосхитило тройственность геополитики Франции и неизбежность её участия в европейских и мировых процессах, в которых руководство ФР апеллирует к «ответственности» за свои «подмандатные» территории и поддержке развития бывших колоний. Среди объяснений глобальных

²⁰Рюттингер М. Süddeutsche Zeitung: Рациональные отношения ФРГ и США // DW. – URL: <http://dw.de/p/18snm> (06.11.2017).

амбиций ФР – и её постоянное членство в СБ ООН, и ядерный статус.²¹ В целом Франция видит себя лидером в регионе и «ограничителем appetitов» Великобритании, США, Германии и России, а идеология её политики безопасности – непрерывность, интервенционность и последовательность.²²

Особенность процесса формирования законодательного обеспечения безопасности ФР состоит в особом статусе главы государства. Это закреплено конституцией 1958 г., в соответствии с которой президент ФР есть «гарант национальной независимости, территориальной целостности, соблюдения соглашений Сообщества и договоров», и глава вооруженных сил. Президенту предоставляется и ряд эксклюзивных прав в условиях, когда «независимость нации, целостность территории или реализация международных договоров оказываются под серьезной и непосредственной угрозой». Он имеет решающий голос при формулировании концептуальных трендов обеспечения безопасности. При формировании реализующих программ в сфере национальной безопасности президент ФР опирается только на своих советников. Участие других органов исполнительной власти Франции в рассмотрении аспектов национальной безопасности меньше.

Премьер-министр и правительство в плане безопасности располагают рамочным административным потенциалом, в т.ч., Генеральный секретариат национальной обороны, подчиненный непосредственно премьер-министру и отвечающий за межведомственную координацию вопросов безопасности.

Участие представительских органов власти и партий в формировании политики национальной безопасности ограничено конституцией. Во ФР сложилась практика превалирования исполнительной ветви власти над законодательной, что сводит к нулю фактор межпартийной борьбы при формулировании направлений обеспечения безопасности страны. Поэтому разногласия по вопросам национальной безопасности между фракциями Национального собрания ФР, как правило, отсутствуют.

Израиль. Краеугольными камнями государства Израиль в сфере безопасности являются: а) Израиль – это национальное государство еврейского народа; б) урегулирование с Палестиной возможно только в рамках баланса; в) без лояльности [к Израилю] нет гражданства [Израиля].²³ Это многое объясняет и в поведении страны на международной арене, и в формировании законодательного обеспечения безопасности Израиля.

На самом высоком уровне заявляется, что создание государства Израиль после 2000-летнего изгнания – это чудо, не имеющее аналогов в истории. Какими бы горячими ни были споры между течениями сионизма, социалистами и ревизионистами

²¹Ватэнейб, Лиза. Стратегия Франции: официальный документ. Пер. Медведева Дмитрия Андреевича. 28-09-2013 // URL: <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/340/strategiya-franczii-2013-oficialnyj-dokument-4742> (22.09.2017).

²²Односталко М.А. Современная французская политика национальной безопасности. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. I. С. 143-145 // URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2015/10-1/33.html>. (22.10.2017).

²³Государственная политика и безопасность государства Израиль // URL: <http://ndi.org.il/>. (22.09.2017).

стами, у них было согласие в одном – признании безусловного права еврейского народа на государство. Что в других развитых странах посчитали бы неуместным говорить и документировать – исключительность одного-единственного народа – в Израиле полагается за норму. Приоритетом еврейского характера государства руководствовались его основатели, поэтому и принят Закон о возвращении, распространяющийся исключительно на евреев. История Израиля учит: причиной бед народа были его же распри, поэтому целостность земли «Эрец-Исраэль» или национальное единство – абсолютны. Израиль, ни при каких обстоятельствах, не поступится ими, т.к. утрата единства равносильна катастрофе народа.

В Кнессете осознают, что страна находится в постоянном трехмерном конфликте: с арабскими странами, палестинцами и арабами, живущими в Израиле. И те, и другие, и третьи, и сам Израиль, находятся в перманентном процессе развития – политического, технологического и т.д. В этой связи Стратегия безопасности государства Израиля постоянно совершенствуется, чтобы соответствовать угрозам на Ближнем Востоке. Основы этой стратегии заложил первый премьер-министр Д. Бен-Гурион еще в 1950-е гг. учётом того, что асимметрия между Израилем и его противниками – арабскими странами, не позволит добиться полной победы, и Израиль должен стремиться к меньшим, но множественным боевым успехам, с тем, чтобы арабы смирились с фактом существования Израиля. Это определяет логику документа, который основан на принципах сдерживания, раннего предупреждения и военного превосходства. В 2006 г. комиссия Д. Меридора, интегрировала в стратегию и четвертый принцип – оборону.

На конференции Э. Ротшильда, состоявшейся в июне 2014 г., было предложено включить в стратегию безопасности еще четыре принципа: 1) предотвращение и преимущественные закупки; 2) союз с США; 3) региональные союзы; 4) адаптация.²⁴ Рассмотрим их более внимательно. Первый относится к политике, уже принятой Израилем. Речь идет о применении всех наличных средств для упреждения применения неконвенционального оружия – от нападений с помощью ракет, которые немецкие ученые помогали создавать Египту в 1960-е гг. до атаки на иракский ядерный реактор в 1981 г. и авианалетов на сирийские объекты, которые Израиль не всегда признавал, но проводил (с одобрения США). В их числе и удар по ядерному объекту в Сирии в 2007 г. и авиаудары по транспортам с оружием для «Хизбаллы» в течение последних лет.

Связка «Израиль-США» – ключевой идеологический аспект стратегии безопасности. Этот принцип – «самый важный актив в сфере политики и безопасности, которым Израиль располагает в международной сфере».²⁵

В сферы, где Израиль должен культивировать как формальные, так и неформальные региональные союзы, включены: мирная инициатива Лиги арабских государств – как основа для регионального взаимодействия со странами Персидского залива; активизация связей с востоком Африки, где есть христиане (Кения, Уганда,

²⁴Стратегия национальной безопасности Израиля нуждается в обновлении. 8 июня 2014. Источник: www.mignews.com // URL: <http://madan.org.il/ru/news/strategiya-nacionalnoy-bezopasnosti-izrailya-nuzhdaetsya-v-obnovlenii> (22.09.2017).

²⁵Там же.

Эфиопия, Южный Судан); расширение контактов со странами Средиземноморья (Греция, Кипр, Балканы).

Последний принцип – «адаптация» – образовался как ответ на «арабскую весну», стартовавшую в Тунисе в декабре 2010 г. и приведшую к перевороту порядка в регионе. В контексте безопасности Израиль должен обладать «образовательным механизмом и инструментами принятия решений в течение короткого времени, что позволит минимизировать риски».

Узбекистан. Что означает для Узбекистана безопасность? После «холодной войны» главную угрозу всеобщей безопасности стали нести сепаратизм, этнические и региональные конфликты. В каждом регионе вопросы безопасности далеко не абстрактны, у каждого есть свои источники угроз и факторы защиты. Законом «Об основах государственной независимости», принятым на заре независимости РУз 31 августа 1991 г., определено, что «границы государства, его территория неделимы и неприкосновенны. РУз ни к кому не предъявляет никаких территориальных претензий».²⁶ В 1995 г. при Президенте РУз был создан орган, занимающийся обеспечением безопасности страны, – Служба национальной безопасности РУз, а в августе 1997 г. был принят Закон «О концепции национальной безопасности РУз». В книге «Узбекистан на пороге XXI века» Каримов И.А. подчеркнул, что из-за событий в Афганистане и Таджикистане «Узбекистан оказался прифронтовым государством», безопасность которого – требование жизни.²⁷

Концепция безопасности РУз носит регионально-национальный характер и исходит из принципов взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности государств, неприкосновенности и нерушимости госграниц; мирного разрешения вопросов; равноправного и взаимовыгодного сотрудничества; невмешательства во внутренние дела сопредельных стран. Узбекистан придерживается и такого важного для региональной безопасности принципа, как принцип неделимости безопасности. Руководство РУз подчеркивало, что безопасность – не имеет границ. «Мы убеждаемся в том, что есть такое понятие – «неразрывность безопасности». Безопасность России – это наша безопасность, стабильность России – это наша стабильность», – заявлял И. Каримов ещё в 1997 г. Время доказало его правоту, Ташкент ранее других осознал опасность религиозного экстремизма, то есть то, к чему Москва пришла только в 1999 г., а Запад – после 11 сентября 2001 г.

Региональные конфликты, религиозный экстремизм и фундаментализм, великодержавный шовинизм и агрессивный национализм, этнические и межнациональные противоречия, коррупция и преступность, местничество и клановые отношения, экологические проблемы – в XXI веке составляют основу угроз безопасности Узбекистана. Первые религиозные радикалы появились в Узбекистане на рубеже 1990-х гг. Тогда проявились такие течения, как «Акромиды» (создатель муллы Акром), «Адолат», «Ислом лашкарлари», «Нур», «Таблих», «Хизбут тахрир» и др.

²⁶Концепция национальной безопасности Узбекистана. 12.10.2004 // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1097526480> (17.10.2017).

²⁷Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угроза безопасности, условия стабильности и гарантии прогресса. Ташкент, 1997. С. 45-46 // URL: http://www.test-uz.ru/history_test_view.php?id=196 (17.10.2017).

Действовали они в Ферганской долине и в Ташкенте. В декабре 1991 г. в Намангане, в феврале 1999 г. и августе 2004 г. в Ташкенте экстремисты провели теракты. В трагедиях были погибшие и раненые.²⁸ Правительство знало об этих организациях, принимало должные меры безопасности, что в разы снизило возможные жертвы. Это демонстрирует, что в фокусе обеспечения национальной безопасности РУз помимо основных её принципов лежит внимательный мониторинг и углубленный анализ угроз безопасности.

Еще один очаг угроз – Узбекистан находится в окружении соседей, обремененных этническими, экономическими, демографическими и иными проблемами, в т.ч. такой узел нестабильности всей Центральной Азии как Афганистан. По взглядам РУз региональные конфликты нередко превращаются в источники таких вызовов, как терроризм и насилие, наркобизнес, незаконная торговля оружием, массовые нарушения прав человека. Особое внимание РУз обращает на проблемы экологической и ядерной безопасности и продвигает объявление Центрально-азиатского региона безъядерной зоной. Эти тренды сближают страну с большинством членов мирового сообщества.

В РУз полагают, что страна расположена в регионе, в котором отлаженной системы коллективной безопасности нет, и это – причина угроз. Такая позиция стала одним из толчков к выходу Узбекистана из Организации Договора о коллективной безопасности. По мнению И. Каримова, нормальной «практикой международных отношений должно быть предусмотрено право каждой суверенной страны, исходя из собственных национальных интересов, определять степень своего участия в тех или иных международных структурах и коллективных договорах безопасности с целью обеспечения собственной независимости и стабильности».²⁹ Глава Узбекистана Ш. Мерзиёев уже сделал шаги, направленные на укрепление добрососедских отношений с партнёрами по региону, но в сфере безопасности РУз продолжает идти в прежнем фарватере.

Заключение

Политические послы, механизмы выработки политики безопасности разных государств и сами стратегии являют собой контрастные процессы и документы и по алгоритмам подготовки, и по стилистике, и по содержанию. Попытка прямого технического сравнения их между собой по качеству, полноте и адекватности вызовам вряд ли могла бы привести к корректным выводам, полезным с точки зрения получения универсальных правил по формированию законодательного обеспечения национальной безопасности. Поэтому важнее выделить общие смысловые тренды, которые могут быть применены в процессе совершенствования законодательного обеспечения национальной безопасности Казахстана, движущегося по пути развития сильного правового государства. В основе законодательного обеспечения безопасности большинства государств лежат политика и идеология, экономика и

²⁸Узбекистан: вопросы обеспечения национальной безопасности // URL: http://testhistory.ru/history.php?id=his_5_93. (17.10.2017).

²⁹Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угроза безопасности, условия стабильности и гарантии прогресса. Ташкент, 1997 // URL: http://www.test-uz.ru/history_test_view.php?id=196 (17.10.2017).

научно-технологический потенциал,³⁰ заставляющие ту или иную страну позиционировать себя на мировой арене соответствующим образом, а также заявлять перед своим народом о своей успешности. Средняя продолжительность жизни на Земле в 1990-2016 гг. выросла почти на 6 лет (в КНР – на 7,7 лет, в Израиле – на 6 лет, в США – на 3,7 года, в РФ – на 1 год). С точки зрения эффективности мер, принимаемых государствами в сфере обеспечения своей безопасности, цифры весьма показательны. Статистика – упряма и наталкивает на критический подход при анализе процессов законодательного обеспечения национальной безопасности в разных странах. Однако, задумываясь над нормами права в сфере безопасности, в концепциях и стратегиях, каждая страна ставит перед собой ряд вопросов.

Эти типичные вопросы предлагаются вашему вниманию:

Каковы реальные и потенциальные риски и угрозы безопасности?

Насколько критично геополитическое и геостратегическое окружение, и каким образом государство ощущает себя в этом пространстве?

Какие интересы имеет конкретное государство в регионе, в мире?

Что из этих интересов в приоритете, а чем можно пожертвовать?

Каково количество и качество населения и техники?

Каков транспортный потенциал, в т.ч., выход к морям и океанам?

Значителен ли мобилизационный потенциал?

Обладает государство ядерным или другим сильнейшим оружием и высокими технологиями, развитой промышленностью или нет?

Насколько открыто государство для сотрудничества?

Что приемлемо: доминирование или партнерство или...?

Способны ли народ и экономика выдерживать длительное напряжение, обеспечивая национальную безопасность, или нет? Достаточно ли средств?

В наши дни в сфере обеспечения безопасности отдельного государства превалирует международно-интеграционный подход. У всех членов мирового сообщества, включая США, КНР, РФ и других, есть понимание невозможности в одиночку обеспечить свою безопасность, поэтому задаваясь вопросами, во всех странах одновременно стараются дать на них правильные ответы. В этой связи особенно актуальны слова Н.А. Назарбаева «Сегодня всему миру и каждому государству важно найти ответы на мощные глобальные и внутренние вызовы».³¹

А.Ф. Мухаметов: Мемлекеттің ұлттық қауіпсіздігінің заңнамалық қолдауын қалыптастыру үдерісі: оларда қалай?

Ұлттық қауіпсіздікті заңнамалық қамтамасыз етудің сыртқы идеологиялары мықты мемлекеттің қалыптасуы контекстінде, оның ішінде алғышарттар, үдерістер мен үрдістер қарастырылады.

Түйінді сөздер: мемлекет, мықты мемлекет, қауіпсіздік, ұлттық қауіпсіздік,

³⁰Подробнее см.: Мухаметов А.Ф. Цикл статей по теории безопасности // БАҒДАР, № 4, 2012, БАҒДАР, №№ 1, 3, 4 2013. ISSN 2306-7357.

³¹Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Социально-экономическая модернизация - главный вектор развития Казахстана» (27 января 2012 года) // URL: <http://www.zakon.kz/4470440-poslanie-prezidenta-respubliki.html> (22.11.2017).

мемлекеттік қауіпсіздік, қауіпсіздікті қамтамасыз ету, қауіпсіздік қатерлері, ұлттық мүдделер.

A. Mukhametov: The process of provision of the legislation for national security of a state: international experience?

Foreign ideologies of legislative ensuring of national security in the context of the formation of a strong state, including prerequisites, processes and trends are considered.

Keywords: state, strong state, security, national security, state security, security provision, security threats, national interests.

Библиография:

1. Баранов Н.А. Политика национальной безопасности ведущих стран. 19 июня 2016. URL: <http://nicbar.ru/politology/study/kurs-osnovy-mezhdunarodnoj-bezopasnosti/217-lektsiya-3-politika-natsionalnoj-bezopasnosti-vedushchikh-stran>.
2. Даль В.Н. Толковый словарь русского языка. Слово. М., 2009.
3. Ударцев С.Ф. Сильное государство: вопросы теории // Право и государство. № 2 (71), 2016.
4. Мухаметов А.Ф. Цикл статей по теории безопасности, БАГДАР, № 4, 2012; БАГДАР, №№ 1, 3, 4 2013. ISSN 2306-7357.
5. Мухаметов А.Ф. Классификация, типологизация и характер военных конфликтов: современные взгляды (научная статья). Астана: МО РК, Научный сборник АО «Центр военно-стратегических исследований», 2011.
6. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угроза безопасности, условия стабильности и гарантии прогресса. Ташкент, 1997. 17.10.2017. URL: http://www.test-uz.ru/history_test_view.php?id=196.
7. Манцуров А.Ю. Принципы обеспечения национальной безопасности в Китайской Народной Республике // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. LXVI междунар. науч.-практ. конф. № 10(60). Новосибирск: СибАК, 2016. URL: <https://sibac.info/conf/law/lxvi/60286>.
8. Ватэнейб, Лиза. Стратегия Франции: официальный документ. Пер. Медведева Дмитрия Андреевича. 28-09-2013. URL: <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/340/strategiya-franczii-2013-oficialnyj-dokument-4742>.
9. Односталко М.А. Современная французская политика национальной безопасности. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. No 10 (60): в 3-х ч. Ч. I. С. 143-145. ISSN 1997-292X. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2015/10-1/33.html>.
10. Бжезинский, Збигнев. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) / Пер. О.Ю. Уральской. М.: Междунар. отношения, 1998. ISBN 5-7133-0967-3.
11. Шишкина Н.И. Новая Стратегия национальной безопасности. 18.01.2016. URL: <http://rusrand.ru/analytics/novaya-strategiya-nacionalnoy-bezopasnosti>.
12. Семущин Дм. Новая стратегия безопасности Германии: «агрессивная» и «без табу». 06.05.2015 // URL: <http://www.regnum.ru>; <http://www.belvpo.com/ru/51955.html>.
13. Ареева М.В. Информационная безопасность Германии и партнерство с США. URL: <http://www.scienceforum.ru/2014/575/2294>.

14. Рюттингер М. Süddeutsche Zeitung: Рациональные отношения ФРГ и США // DW. – URL: <http://dw.de/p/18snm>.

15. James R. Locher; Victory on the Potomac: The Goldwater–Nichols Act Unifies the Pentagon. Texas A & M University Press, 2002. 524 pp. ISBN 1-58544-187-2. URL: <https://doc4web.ru/istoriya/zakon-golduoteranikolsa.html>.

References (transliterated):

1. Baranov N.A. Politika nacional'noj bezopasnosti vedushchih stran. 19 iyunya 2016. URL: <http://nicbar.ru/politology/study/kurs-osnovy-mezhdunarodnoj-bezopasnosti/217-lektsiya-3-politika-natsionalnoj-bezopasnosti-vedushchikh-stran>.
2. Dal' V.N. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. Slovo. M., 2009.
3. Udartsev S.F. Sil'noe gosudarstvo: voprosy teorii // Pravo i gosudarstvo. № 2 (71), 2016.
4. Muhametov A.F. Cikel statej po teorii bezopasnosti, BAGDAR, № 4, 2012; BAGDAR, №№ 1, 3, 4 2013. ISSN 2306-7357.
5. Muhametov A.F. Klassifikaciya, tipologizaciya i harakter voennyh konfliktov: sovremennye vzglyady (nauchnaya stat'ya). Astana: MOR K, Nauchnyj sbornik AO «Centr voenno-strategicheskikh issledovanij», 2011.
6. Karimov I.A. Uzbekistan na poroge XXI veka: ugroza bezopasnosti, usloviya stabil'nosti i garantii progressa. Tashkent, 1997. 17.10.2017. URL: http://www.test-uz.ru/history_test_view.php?id=196.
7. Mancurov A.Yu. Principy obespecheniya nacional'noj bezopasnosti v Kitajskoj Narodnoj Respublike // Voprosy sovremennoj yurisprudencii: sb. st. po mater. LXVI mezhduar. nauch.-prakt. konf. № 10(60). Novosibirsk: SibAK, 2016. URL: <https://sibac.info/conf/law/lxvi/60286>.
8. Vatehnejb, Liza. Strategiya Francii: oficial'nyj dokument. Per. Medvedeva Dmitriya Andreevicha. 28-09-2013. URL: <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/340/strategiya-franczii-2013-oficialnyj-dokument-4742>.
9. Odnostalko M.A. Sovremennaya francuzskaya politika nacional'noj bezopasnosti. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. No 10 (60): v 3-h ch. Ch. I. С. 143-145. ISSN 1997-292X. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2015/10-1/33.html>.
10. Bzhezinskij, Zbignej. Velikaya shahmatnaya doska (Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy) / Per. O.Yu. Ural'skoj. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1998. ISBN 5-7133-0967-3.
11. Shishkina N.I. Novaya Strategiya nacional'noj bezopasnosti. 18.01.2016. URL: <http://rusrand.ru/analytics/novaya-strategiya-nacionalnoy-bezopasnosti>.
12. Semushin Dm. Novaya strategiya bezopasnosti Germanii: «agressivnaya» i «bez tabu». 06.05.2015 // URL: <http://www.regnum.ru>; <http://www.belvpo.com/ru/51955.html>.
13. Areeva M.V. Informacionnaya bezopasnost' Germanii i partnerstvo s SShA. URL: <http://www.scienceforum.ru/2014/575/2294>.
14. Ryuttinger M. Süddeutsche Zeitung: Racional'nye otnosheniya FRG i SShA // DW. – URL: <http://dw.de/p/18snm>.
15. James R. Locher; Victory on the Potomac: The Goldwater–Nichols Act Unifies the Pentagon. Texas A & M University Press, 2002. 524 pp. ISBN 1-58544-187-2. URL: <https://doc4web.ru/istoriya/zakon-golduoteranikolsa.html>.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕЖИМА ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Э.К. УТЯШОВ,
к.ю.н., доцент кафедры
теории права, государства и
судебной власти Российского
государственного университета
правосудия, г. Москва, Россия

Целью исследования является поиск общего и особенного в содержании режима военного положения, выявление общих оснований, пробелов и коллизий. Выявлена относительная неопределенность оснований его введения, предопределяющая свободу усмотрения, сформулирована необходимость сохранения баланса частного и публичного права.

Ключевые слова: неопределенность оснований введения, усмотрение, коллизии и пробелы режима военного положения, основополагающие принципы права, баланс частного и публичного права.

Правовое регулирование общественных отношений двух республик характеризуется значительным сходством используемых правовых средств, таких как источники (форм) права, принципов права, правовой идеологии, историей формирования и становления, общностью методов и приемов юридической техники и т.д. Оба государства связывают совместное участие во многих межгосударственных объединениях в настоящем. Россия и Казахстан являются членами ОДКБ – Договора о коллективной безопасности,¹ целями которого, являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов. Их участие в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), общность позиций и взглядов на происходящие события и явления, лишь подчеркивает существующие между ними отношения стратегического партнерства. Приверженность общим целям нашла свое закрепление в «Договоре между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о военно-техническом сотрудничестве» от 24 декабря 2013 г.,² «Договоре между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о военном сотрудничестве» от 28 марта 1994 г.,³ в которых отражены стремление к объединению усилий и согласованность действий в обеспечении надежной совместной обороны в рамках общего военно-стратегического пространства.

© Э.К. Утяшов, 2018

¹Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года. Организация Договора о коллективной безопасности. URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=124 (9.01.2018).

²Бюллетень международных договоров. 2015. № 10. С. 41-46.

³Бюллетень международных договоров. 1995. № 2

В связи с изложенным представляется актуальным анализ содержания законодательства обоих государств о военном положении с целью выявления общих оснований, принципов, правовых норм, методов его регулирования, перечня первоочередных мероприятий, проводимых государствами в условиях отражения возможной вооруженной агрессии против них. Подобное исследование даст возможность правоотворческим и правоприменительным органам государственной власти добиться не только одномоментности, но и согласованности действий по осуществлению правовых, организационных, политических и военных мер, направленных на сохранение своего суверенитета и отражение возможной военной угрозы со стороны агрессора. Необходимо уяснить содержание тех юридических фактов, которые являются основаниями введения военного положения, так как понятие юридического факта призвано выразить существование реальных, жизненных обстоятельств, которые имеют значение для приведения в действие норм права о военном положении. Решение любого юридического вопроса предполагает, с одной стороны, точный анализ правовой нормы и выяснение того, какие факты предусмотрены нормой в качестве юридических; с другой стороны – тщательный анализ фактических обстоятельств дела и установление того, действительно ли наступили факты, предусмотренные нормой права.

С практической точки зрения осуществление режима военного положения в значительной степени зависит от деятельности правоприменительных органов, направленной, в том числе, и на уяснение гипотезы, подлежащей применению нормы права. Поэтому, с точки зрения правоприменения, необходимы точные и полные знания о юридических фактах – основаниях введения военного положения, их особенностях, разновидностях, составах. Юридические факты – та область действия права, где правовые нормы непосредственно соприкасаются с жизнью, с конкретной действительностью. А это, существенно важно для понимания фактической стороны правоотношений в условиях военного положения.

Подобный анализ целесообразно начать с оснований введения подобного режима. Президент, в соответствии с п. 17 ст. 44 Конституции Республики Казахстан⁴ «в случае агрессии против Республики либо непосредственной внешней угрозы ее безопасности вводит на всей территории Республики или в отдельных ее местностях военное положение, объявляет частичную или общую мобилизацию и незамедлительно информирует об этом Парламент Республики». Под агрессией в ст. 1 Закона Республики Казахстан «О военном положении» от 5 марта 2003 г.⁵ понимается – применение вооруженной силы иностранным государством (группой либо коалицией государств) против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости Республики Казахстан, или воздействие на нее каким-либо другим образом, не совместимым с Уставом Организации Объединенных Наций.

Актом агрессии признается любое из следующих действий независимо от объявления войны:

– вторжение, нападение вооруженных сил иностранного государства на террито-

⁴Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1996 г., № 4, ст. 217.

⁵Ведомости Парламента Республики Казахстан, 2003 г., № 4, ст. 22.

рию Республики Казахстан, любая аннексия территории Республики Казахстан или ее части с применением вооруженной силы;

– бомбардировка территории Республики Казахстан или применение любого оружия иностранным государством против Республики Казахстан;

– блокада портов или берегов Республики Казахстан вооруженными силами иностранного государства;

– нападение вооруженных сил иностранного государства на Вооруженные Силы, другие войска и воинские формирования Республики Казахстан, судно торгового мореплавания или гражданской авиации Республики Казахстан;

– применение вооруженных сил иностранного государства, находящихся на территории Республики Казахстан по международному договору, в нарушение условий, предусмотренных в международном договоре, или любое продолжение их пребывания на территории Республики Казахстан по прекращении действия международного договора;

– действие государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим государством для совершения акта агрессии против Республики Казахстан;

– засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против Республики Казахстан, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам;

– иные действия иностранных государств, направленные против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости Республики Казахстан, а также акты, определенные Советом Безопасности Организации Объединенных Наций как представляющие собой агрессию согласно положениям Устава Организации Объединенных Наций.

Точно такие же основания предусмотрены в ч. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона 2002г. «О военном положении»⁶ в Российской Федерации. Законодатели обоих государств дословно имплементировали понятие «агрессии» из одноименной Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314 (XXIX) от 14.12.1974.⁷

Другим основанием введения военного положения в Республике Казахстан является факт «непосредственной внешней угрозы ее безопасности». В п. 7 ст. 1 Закона «О военном положении» дается его разъяснение, как угрозы неприкосновенности государственной границы и применения силы в отношении Республики Казахстан, а также разведывательная, террористическая, диверсионная и иная, направленная на нанесение ущерба национальной безопасности Казахстана деятельность специальных служб и организаций иностранных государств, а также отдельных лиц.

В соответствии с ч. 3 ст. 3 ФКЗ «О военном положении», вторым основанием введения режима военного положения в Российской Федерации является непосредственная угроза агрессии, которая понимается как «...действия иностранного государства (группы государств), совершенные в нарушение Устава ООН, общепризнанных принципов и норм международного права и непосредственно указы-

вающие на подготовку к совершению акта агрессии против Российской Федерации, включая объявление войны Российской Федерации».

При сравнительном анализе вторых оснований введения режима военного положения обращает на себя внимание, что казахстанские законодатели попытались конкретизировать категорию правовой неопределенности в гипотезе нормы права – «непосредственной внешней угрозы ее безопасности», перечислив те юридические факты, которые предусматриваются в понимании этого основания, хотя тоже недостаточно исчерпывающе, допустив широкое толкование, в части слов: «а также разведывательная, террористическая, диверсионная и иная, направленная на нанесение ущерба национальной безопасности Казахстана деятельность специальных служб и организаций иностранных государств, а также отдельных лиц». Использование российским законодателем оценочного понятия – «непосредственная угроза агрессии», характеризуется правовой неопределенностью, не обладающей достаточно ясным содержанием и объемом, также является примером правовой неопределенности. Таким образом, использование относительно неопределенных норм призвано обобщить в себе лишь типичные признаки правозначимых явлений с расчетом на то, что в процессе применения их содержание раскроют сами субъекты (правоприменители) с учетом особенностей конкретных ситуаций. Следовательно, оценивать действия, указывающие на подготовку к агрессии или непосредственную внешнюю угрозу, предстоит соответственно Президентам России и Казахстана, а также парламентариям этих государств.

Наличие в таких действиях некоторой свободы усмотрения может привести к отсутствию единообразия в толковании и в применении норм режима военного положения. Закон в силу своего абстрактного характера может опосредовать лишь родовые и видовые особенности общественных отношений. Индивидуальные же характеристики конкретного отношения нередко оказываются неочевидными с позиции всеобщей нормы, что предполагает необходимость индивидуальной оценки «непосредственной угрозы агрессии» или «непосредственной внешней угрозы ее безопасности», а в этой ситуации все очень субъективно.

Большинство правовых предписаний изначально нацелены регламентировать общественные отношения с исчерпывающей конкретностью и полнотой. Конкретность их содержания определяется характером общественных отношений и целью регулирования. Однако, когда нормы права устанавливаются с «опережением», т. е. до возникновения общественных отношений, на которые они рассчитаны, подобное «жесткое» регулирование не всегда целесообразно и часто объективно невозможно, что приводит к диспозитивности и свободе усмотрения правоприменителя, исходя из принципа целесообразности. Очевидно, что чем шире круг отношений, охватываемых нормой права, тем более обобщенным, отвлеченным и неопределенным становится ее содержание. В том числе и этим объясняется наличие неопределенности в содержании правовых норм режима военного положения.

Относительно определенные нормы права рассчитаны по своей природе на усмотрение правоприменителя. Ю.А. Тихомиров в связи с этим справедливо отмечает, что в правовых нормах закреплены легальные основы и границы усмотрения. Происходит это с помощью формул «или – или», «в пределах», «санкции от и до»

⁶Собрание законодательства Российской Федерации. 2002 г. № 5. Ст. 375. 6.

⁷Международное публичное право: Сборник документов. Т. 2. М., 1996. С. 3.

и др.⁸ Таким образом, относительно определенные нормы права, устанавливающие границы возможных вариантов решений, описание определенных условий (временных границ, наступления определенных обстоятельств и др.), позволяют правоприменителю разрешать сложную ситуацию, используя собственное усмотрение. Такого плана техника правового регулирования представляется оптимальной, справедливой и эффективной при достижении ее целей, в том числе при осуществлении режима военного положения.⁹

Другой особенностью осуществления режима военного положения, с которой неизбежно столкнутся органы государственной власти, включая органы военного управления, являются пробелы законодательства. Пробелы в законодательстве нежелательны, однако объективно они возможны и неизбежны. Причины их появления многообразны. Никакой орган государства, никакой гений или современный компьютер не сможет смоделировать и спрогнозировать все возможные ситуации в сфере общественных отношений, могущих возникнуть в условиях военного положения, особенно связанных с фактической агрессией или нападением, а, следовательно, выразить и закрепить их в нормах права. Именно поэтому нигде в мире никогда не было и нет беспробельного, идеального права, адекватно отражающего действительность. Насколько детально и полно нужно регулировать общественные отношения режима военного положения? Какую свободу предоставить правоприменителю в этих условиях? Более детальная правотворческая деятельность, направленная на дальнейшую конкретизацию прогнозного правового регулирования, с одной стороны, позволила бы уменьшить возможность злоупотребления правом, с другой стороны, привела бы к появлению значительного количества относительно «мертвых» норм, рассчитанных на возможное развитие общественных отношений в условиях военного положения. Создание такого массива нормативных правовых актов непродуктивно, как минимум по следующим причинам: они не будут успевать за изменениями действующего законодательства и общественных отношений, в связи с чем будут «устаревать», порождать правовые коллизии и пробелы; сковывать инициативу адресатов правовых норм; запутывать и затруднять принятие решений, при динамично меняющейся обстановке; порождать бюрократизм в ходе осуществления управленческой деятельности; необходимости систематизации всего этого правового массива, в форме кодификации или консолидации.

Подготовка проектов модельных нормативных правовых актов, в которых излагался бы некий алгоритм запрограммированных действий в условиях режима военного положения, видится неэффективным в силу того, что их нормы также будут нуждаться в конкретизации, изменениях и дополнениях с учетом возможного, непрогнозируемого развития общественных отношений, вызванных динамикой международной обстановки, тенденциями в осуществлении политического режима, текущего состояния законодательства, экономики, транспорта, общественного настроения и многими другими факторами.¹⁰

⁸Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М., 2008.

⁹Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. М., 2014.

¹⁰Утяшов Э.К. Принципы права и правовые режимы: на примере правового режима военного положения // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 4. С. 38–50.

Возможным решением части вопросов, в том числе пробелов, возникающих в правовом регулировании режима военного положения, представляется *применение основополагающих принципов права*. Использование принципов права как самостоятельной формы разработано в доктрине интегративного правопонимания. Они могли бы способствовать предсказуемой правотворческой деятельности, стабильной и единообразной правоприменительной практике, оперативному и эффективному разрешению конкретных ситуаций, возникающих, в том числе, в условиях правового режима военного положения. Основополагающие принципы характеризуются высоким уровнем обобщения, фундаментальностью, стабильностью, возможностью их осуществления во всех сферах общественных отношений, подлежащих правовому регулированию, объективным характером и самодостаточностью.¹¹ Они выражаются, как правило, в максимально общих и универсальных нормативных предписаниях и будут выступать своего рода императивом для деятельности правотворческих и правоприменительных органов, реализующих правовой режим военного положения.

Основополагающие принципы права могли бы выполнять ряд важнейших функций в исследуемых условиях. Первая, связана с воздействием на систему юридических норм, обеспечивающим их непротиворечивость и согласованность. Вся правотворческая деятельность, нормативные предписания должны логически вытекать из содержания принципов и точно им соответствовать. Это позволит осуществлять правовое регулирование на основе обобщения наиболее существенного, типичного, выражающего содержание правового режима военного положения в Казахстане и в России. Вторая функция заключается в том, что основополагающие принципы могут применяться напрямую, так как являются самостоятельной формой права и занимают в иерархии форм международного и внутригосударственного права ведущее место. Такое решение освобождает правоприменителя – органы государственной власти и военного управления от поиска юридических норм, которые могут и не существовать в данный момент времени (при пробелах в законодательстве), а остальные субъекты правоотношений этого режима будут иметь возможность реализовать содержание этих принципов, не прибегая к применению иных норм. Третья функция основополагающих принципов в условиях правового режима военного положения связана с тем, что они будут выступать объединяющим началом, регулирующим наиболее типичные сферы частного и публичного права, обеспечивать их сбалансированность, лежать в основе принимаемых компромиссных решений между интересами государства, членов общества и их объединениями. Таким образом, необходимо ориентировать государственные органы, органы военного управления на применение основополагающих (общепризнанных) принципов права в их практической деятельности по осуществлению режима военного положения.

Дефектом правового регулирования режима военного положения в обоих государствах являются коллизии. Причины их появления разнообразны. Применительно к режиму военного положения они обусловлены, с одной стороны, действующим законодательством, ориентированным на международные стандарты, общепризнанные нормы и

¹¹Ершов В.В. О формах права в Союзном государстве. Выступление на семинаре при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России по вопросам строительства Союзного государства: Дальнейшая гармонизация законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации. URL: <https://gjur.ru/?mod=iconfs&id=97> (18.06.2015).

принципы права, отражающие идеи правового государства, верховенство права, незабываемость прав человека. А с другой стороны необходимостью сохранения своего суверенитета и защиты от агрессора, что невозможно осуществить без определенных ограничений. Причиной появления коллизий является несогласованность правового регулирования, осуществляемого различными органами государственной власти, компетенция и полномочия которых могут пересекаться при наличии относительно определенных норм права. Даже в мирное время обнаруживаются коллизии в законодательстве, применимом к условиям режима военного положения. Например, ст. 20 Конституции Казахстана и ст. 29 Конституции России содержат запрет на цензуру.

В то же время п. 18 ст. 6 Закона «О военном положении» предусматривает создание органов военной цензуры, под которой законодатель понимает «систему государственного контроля за содержанием сообщений и материалов, подготовленных для размещения в средствах массовой информации, сетях электросвязи, а также за содержанием почтовых отправлений, устанавливаемая на период военного положения». При том, что перечень материалов, не подлежащих огласке, не предусмотрен. Подобную коллизию можно обнаружить и в Российской Федерации, где на конституционном уровне установлен запрет на цензуру, а п. 15 ст. 7 ФКЗ «О военном положении» предусматривает создание органов цензуры. Подобные коллизии нуждаются в разрешении до наступления фактических обстоятельств введения исследуемого режима.

Необходимо предусмотреть разрешение коллизий или способов их преодоления в сфере определения границ частного и публичного права. Режим военного положения относится к сфере публичного права, в котором в первую очередь доминируют интересы государства, применяются императивные методы, господствуют ограничения и запреты, действуют карательные санкции. Значит ли это, что сфера частного права полностью игнорируется и не должна защищаться в условиях исследуемого режима? В условиях рыночных отношений, формирования частной собственности, признаваемой за гражданами и организациями, свободе предпринимательских отношений появляется и сфера частного права. Ее основная формула выражена в ст. 1 Конституции Казахстана: «...высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы» и в ст. 6: «в Республике Казахстан признаются и равным образом защищаются государственная и частная собственность». Эти же положения нашли свое закрепление в ст. ст. 2 и 8 Конституции России.

Признание частного права позволяет определить сферы общественной жизни, вмешательство в которые со стороны государства является недопустимым, устанавливает границы личной свободы и частной инициативы, сдерживает неограниченное стремление государства к нормотворчеству. Следовательно, в условиях военного положения частная собственность не только граждан, но и юридических лиц должна быть защищена. Частная сфера включает в себя не только собственность, но и другие сферы общественных отношений, которые в условиях военного положения практически не защищены.

К примеру, может ли государство изъять, национализировать либо провести реквизицию чужой (иностранной) собственности, находящейся на его территории в целях обороны страны? Как быть с вопросами международной интеграции и кооперации, ведь многие составляющие военной продукции, особенно в высокотехнологичной сфере производятся за рубежом? С большей долей вероятности введение военного положения

вызовет экономический кризис и ряд предприятий могут оказаться убыточными, а это приведет к росту безработицы и росту социальной напряженности, что крайне невыгодно любому государству. Каким образом в условиях режима военного положения повысить эффективность труда? Законодательство обеих республик предусмотрело возможность введения мер по изменению режима трудовой деятельности. Предусматриваются ли изменения в одностороннем порядке условий трудового договора, связанных с увеличением продолжительности рабочего времени, введением обязательных сверхурочных работ и недопустимостью увольнения по инициативе работника? Будет ли объявляться мораторий по обязательственным правоотношениям, например, кредитам, ипотеке и другим схожим отношениям в частной сфере? Будет ли возмещаться труд тех граждан, которые в соответствии с законодательством обоих государств привлекаются к выполнению обязанностей по работам для нужд обороны, ликвидации последствий боевых действий, восстановлению разрушенных объектов, борьбе с пожарами, эпидемиями и вступивших в специальные формирования? Вступит ли это в противоречие с интересами работодателя, кто компенсирует ему понесенные убытки в связи с простым? Или эти работы будут осуществляться бесплатно?

Споры о допустимости вмешательства государства в частную сферу при определенных условиях можно разделить на два лагеря. Одни ученые ссылаются на мнение Е.А. Лукашевой, считавшей опасным (особенно для нашего общества) нередко возникающее убеждение, что в экстремальных условиях преодоление трудностей возможно лишь на пути «завинчивания гаек», ограничения демократии, «замораживания прав человека».¹²

Доводы другой стороны основаны на ст. 15 «Конвенции о защите прав человека и основных свобод», которая допускает возможность в случае войны или иных чрезвычайных обстоятельств, угрожающих жизни нации, принимать меры в отступление от Конвенции, однако только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств, при условии, что такие меры не противоречат другим ее обязательствам по международному праву.¹³

Компромисс между указанными диаметрально противоположными взглядами можно сформулировать в виде необходимости разумного, взвешенного сочетания объективной целесообразности и предельной достаточности мер государственного ограничения прав и свобод граждан в условиях военного положения, которые при этом не должны противоречить нормам международного права, основополагающим принципам права и духу Конституций.

Исходя из этого, можно сформулировать принцип соразмерности ограничения прав, который предполагает, что законодательное ограничение частной сферы не должно быть чрезмерным, тем самым определяя пределы «вторжения» в сферу частных отношений при различных возможных вариантах развития военного конфликта. Основное содержание данного принципа представляет собой «недопустимость осуществления правового регулирования, которое посягало бы на само существование того или иного права, приводило бы к утрате его реального содержания.

¹²Лукашева Е.А. Кризисная ситуация в советском обществе и права человека. М., 1991.

¹³Собрание законодательства РФ. 08.01.2001, № 2, ст. 163.

Публичные интересы могут оправдывать правовые ограничения только тогда, когда они не ограничивают пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм». ¹⁴ Одним из критериев баланса и соразмерности ограничения прав в частной сфере является вопрос об определении объема сил и средств, необходимых государству для отражения агрессии. Необходимо предусмотреть типы ограничительных мер прав в различных условиях вооруженного конфликта: в условиях войны – мобилизация экономики, в том числе частного сектора производства; в условиях вооруженного конфликта – сфера частых отношений не затрагивалась бы.

Проведенное исследование правового регулирования режима военного положения имело целью проанализировать содержание законодательства обоих государств о военном положении с целью выявления общих оснований, принципов, особенностей правовых норм, методов его регулирования и позволило сделать *следующие выводы*.

Анализ содержания законодательства обоих государств оценивается общей тождественностью закрепленных в них оснований введения режима военного положения, характеризуется использованием относительно определенных норм права, оценочных и абстрактных понятий, таких как «непосредственная внешняя угроза безопасности», «угроза агрессии» и других.

Некоторая свобода усмотрения органами государственной власти, обусловленная необходимостью индивидуальной оценки неопределенных норм права, может привести к различному толкованию и, соответственно, их применению в режиме военного положения.

Наличие пробелов в законодательстве о военном положении, обусловленное невозможностью прогнозирования всех общественных отношений, возникающих в условиях военного положения, предполагает использование основополагающих принципов права. Имеющиеся коллизии в законодательстве, касающиеся, в том числе, баланса публичного и частного права необходимо разрешить с помощью принципа соразмерности ограничения прав в частной сфере путем определения объема сил и средств, необходимых государству для отражения агрессии или угрозы агрессии, непосредственной внешней угрозы безопасности в зависимости от уровня и масштаба военного конфликта.

Решение сформулированных вопросов позволит органам государственной власти государств добиться согласованности действий по осуществлению правовых, организационных, политических и военных мер, направленных на сохранение своего суверенитета и отражение возможной военной агрессии с сохранением баланса прав и свобод человека.

Э.К. Утяшов: Қазақстан Республикасында және Ресей Федерациясында әскери ережелер режимін құқықтық реттеу: салыстырмалы-құқықтық талдау.

Әскери ереже режимінің мазмұнындағы жалпы және ерекшелерді іздеу, жалпы негіздер, олқылықтар мен коллизияларды анықтау зерттеудің мақсаты болып табылады. Оны енгізуге негізделген салыстырмалы белгісіздік анықталды, ол өз қалауы бойынша анықталады, жеке және жария құқық теңгерімін сақтау қажеттілігі тұжырымдалады.

¹⁴Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики. М., 2004.

Түйінді сөздер: енгізу негіздерінің белгісіздегі, әскери ереже режимінің олқылықтары мен коллизиялары, құқықтың іргелі қағидалары, жеке және жария құқықтың балансы.

E.K. Utashov: Legal regulation of martial law in the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation: comparative-legal analysis.

The aim of the research is to find commonalities and differences in the content of the regime of martial law through identifying common grounds, gaps and conflicts. The relative uncertainty of the grounds of its introduction was identified, that predetermines the discretion articulated the need to preserve the balance of private and public law.

Keywords: justification the introduction of uncertainty, discretion, conflicts and gaps of the regime of martial law, fundamental principles of law, the balance of private and public law.

Библиография:

- 1 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3314 (XXIX) от 14.12.1974 Определение агрессии. Международное публичное право: Сборник документов. Т. 2. М., 1996. С. 3.
- 2 Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. М., 2014.
- 3 Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики. М., 2004.
- 4 Ершов В.В. О формах права в Союзном государстве. Выступление на семинаре при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России по вопросам строительства Союзного государства: Дальнейшая гармонизация законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации. 18.06.2015. URL: <https://rgup.ru/?mod=iconfs&id=97>.
- 5 Лукашева Е.А. Кризисная ситуация в советском обществе и права человека. М., 1991.
- 6 Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М., 2008.
- 7 Утяшов Э.К. Принципы права и правовые режимы: на примере правового режима военного положения // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 4. С. 38–50.
- 8 Дубовцев Г.Ф. Приоритеты в сфере обеспечения военной безопасности Республики Казахстан // Право и государство. № 3 (64) 2014. С. 42-46.

References (transliterated):

- 1 Rezolyuciya General'noj Assamblei OON 3314 (XXIX) ot 14.12.1974 Opredelenie agressii. Mezhdunarodnoe publichnoe pravo: Sbornik dokumentov. T. 2. M., 1996. S. 3.
- 2 Vlasenko N.A. Razumnost' i opredelennost' v pravovom regulirovanii. M., 2014.
- 3 Gadzhiev G.A. Konstitucionnye principy rynochnoj ehkonomiki. M., 2004.
- 4 Ershov V.V. O formah prava v Soyuznom gosudarstve. Vystuplenie na seminare pri Parlamentskom Sobranii Soyuz Belarusi i Rossii po voprosam stroitel'stva Soyuznogo gosudarstva: Dal'nejshaya garmonizaciya zakonodatel'stva Respubliki Belarusi i Rossijskoj Federacii. 18.06.2015. URL: <https://rgup.ru/?mod=iconfs&id=97>.
- 5 Lukasheva E.A. Krizisnaya situaciya v sovetskom obshchestve i prava cheloveka. M., 1991.
- 6 Tihomirov Yu.A. Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika. M., 2008.
- 7 Utyashov Eh.K. Principy prava i pravovye rezhimy: na primere pravovogo rezhima voennogo polozheniya // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2016. № 4. S. 38–50.
- 8 Dubovcev G.F. Prioritety v sfere obespecheniya voennoj bezopasnosti Respubliki Kazahstan // Pravo i gosudarstvo. № 3 (64) 2014. S. 42-46.

А.Т. КАРИПОВА, к.ю.н.
научные сотрудники Межведомственного НИИ Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре РК, г. Астана

Е.А. ОМАРОВ, PhD

Б.Ж. ШОТКИН

Т.Г. МАХАНОВ

О ПРОБЛЕМАХ В СФЕРЕ РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В статье представлены результаты апробации авторской Методики анализа ситуации в сфере рассмотрения обращений. В работе описаны системные нарушения учета и регистрации обращений, установлена неравномерная нагрузка прокуроров по их разрешению. В итоге авторы предлагают усовершенствовать законодательство, регламентирующее организацию работы с обращениями граждан.

Ключевые слова: обращения, досудебное расследование, регистрация, учет, рассмотрение, разрешение, дубликаты, нагрузка, законодательство, оптимизация.

Прокуратура в пределах, установленных законом, осуществляет защиту и восстановление прав и свобод человека и гражданина, законных интересов юридических лиц, общества и государства.¹

В связи с этим органы прокуратуры большое внимание уделяют обращениям граждан, поднимаемым ими проблемам.

Основными правовыми актами в сфере рассмотрения обращений являются Законы:² «Об административных процедурах» (далее – Закон об адмпроцедурах)³ и «О порядке

© А.Т. Карипова, Е.А. Омаров, Б.Ж. Шоткин, 2018

¹Ст. 4 Закона Республики Казахстан от 30 июня 2017 года № 81-VI «О прокуратуре» // URL: <http://adilet.zan.kz/rus>. Нормативно-правовые акты приводятся по состоянию на 9.08.2018 г.

²Закон Республики Казахстан от 27 ноября 2000 года № 107 «Об административных процедурах»; Закон Республики Казахстан от 12 января 2007 года № 221 «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц» // URL: <http://adilet.zan.kz/rus>.

³В соответствии с ч. 1 ст. 1 Закона от 27 ноября 2000 года № 107 «Об административных процедурах», процедуры рассмотрения обращений граждан по реализации их прав, а также процедуры административной защиты прав и законных интересов граждан относятся к административным процедурам // URL: <http://adilet.zan.kz/rus>.

рассмотрения обращений физических и юридических лиц» (далее – Закон об обращениях).

Производными:⁴ Правила документирования и управления документацией в органах, ведомствах, учреждениях и организации образования прокуратуры Республики Казахстан; Правила учета обращений физических и юридических лиц; Инструкция по заполнению форм электронных информационных учетных документов и формированию статистического отчета формы № 8 «О работе прокурора по рассмотрению обращений, праворазъяснительной работе и надзору за применением законодательства о порядке рассмотрения обращений».

Анализ указанных законов выявил дублирование норм порядка 50%. По сути, на основании ч. 1 ст. 27 Закона «О правовых актах»⁵ отдельные нормы Закона об адмпроцедурах подлежат признанию утратившими силу, поскольку Закон об обращениях поглощал их. Однако на основании ч. 1 ст. 24 Закона об адмпроцедурах его положения являются базовыми для разработки и принятия НПА, регламентирующих отдельные виды административных процедур.⁶

Подобного дублирования в других странах СНГ не выявлено. Действует либо законы «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц» или законы «Об административных процедурах».

К примеру, в Туркменистане был принят Закон «Об административных процедурах», который вступил в силу с 1 января 2018 года, при этом утратил силу Закон «Об обращениях граждан и порядке их рассмотрения».

В России действует только Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц», проект Федерального Закона «Об административных процедурах» отклонили в 2004 году.

Вышеуказанное свидетельствует о необходимости исключения дублирования правовых актов. Более того, в виду разработки Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан целесообразно поставить вопрос об утрате вышеуказанных законов и внести соответствующие предложения в проект кодекса.

На сегодня изменен процесс оборота обращений, сокращена многозвенная процедура рассмотрения. В связи с этим за последний год число жалоб сократилось на 23 % (с 341977 до 264161).

⁴Правила документирования и управления документацией в органах, ведомствах, учреждениях и организации образования прокуратуры Республики Казахстан, утвержденные приказом Генерального Прокурора Республики Казахстан № 50 от 12.04.2018 г. // URL: <http://prokuror.gov.kz/rus>; Правила учета обращений физических и юридических лиц, утвержденные приказом Генерального Прокурора Республики Казахстан от 18 декабря 2015 года № 147 // URL: <http://prokuror.gov.kz/rus/dokumenty/prikazy-generalnogo-prokurora/ob-utverzhenii-pravil-ucheta-obrashcheniy-fizicheskikh-i>; Инструкция по заполнению форм электронных информационных учетных документов и формированию статистического отчета формы № 8 «О работе прокурора по рассмотрению обращений, праворазъяснительной работе и надзору за применением законодательства о порядке рассмотрения обращений», утвержденные приказом Генерального Прокурора Республики Казахстан от 25 декабря 2015 года № 153 // URL: <http://prokuror.gov.kz/rus/dokumenty/prikazy-generalnogo-prokurora/ob-utverzhenii-statisticheskogo-otcheta-formy-no-8-o-rabote>.

⁵Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V «О правовых актах» // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/>.

⁶В ст.2 Закона об обращениях Закон об адмпроцедурах не указан как базовый.

Как показывает наш анализ, основную массу заявителей составляют участники уголовного и гражданского процесса – обвиняемые, осужденные, адвокаты, защитники, потерпевшие, истец либо ответчик, их представители. Наименьшую долю составляют различные предприятия и госорганы.

Спектр вопросов, поднимаемых заявителями в обращениях, широк: более 40% составляют жалобы на акты и действия (бездействие) органов уголовного преследования, 30% заявлений касаются социально-экономической сферы, 10% – это жалобы на законность судебных актов и на их неисполнение».⁷

Для оптимизации рассматриваемой процессуальной деятельности Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан разработала Методику анализа ситуации в сфере рассмотрения обращений. Основная цель: установление возможных нарушений при рассмотрении обращений физических и юридических лиц.

В рамках апробации проанализировано состояние регистрации, учета и рассмотрения обращений физических лиц на досудебной стадии уголовного процесса за 2017 год.

В 2017 году поступило в прокуратуру 264161 обращений, по линии досудебной стадии уголовного процесса – 43,3%. Из них 89,9% – обращения физических лиц.

ТАБЛИЦА 1 – ОБОРОТ ОБРАЩЕНИЙ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ПО ВОПРОСАМ ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ЗА 2017 ГОД

Поступило обращений по досудебной стадии		Рассмотрено обращений по вопросам досудебной стадии				Направлены в нижестоящие и др. прокуратуры	В производстве	Остаток на начало отчетного периода
всего	из них от физ. лиц	всего	разрешено	направлено в др. ведомства	оставлено без рассматр.			
114411	102825	82655	51516	28709	2430	20170	409	1622

Удельный вес обращений данной категории составляет – 38,9%. Каждое 5-е обращение дважды учитывалось в отчетной форме (это обращения, в дальнейшем направляемые в нижестоящие и другие прокуратуры), что увеличило оборот на 19,2%.

Таким образом, официальная отчетность не отражает реальную ситуацию. Действующая система регистрации и учета обращений искусственно завышает объем поступивших обращений в органы прокуратуры. Фактически 83064 обращений (82655 рассмотрено, 409 – в производстве) поступило в органы прокуратуры в 2017 году по линии досудебного расследования.

По результатам анализа установлены нарушения норм законодательства о порядке рассмотрения обращений физических лиц: регистрация дубликатов и повторных обращений как первичных; нарушения требований заполнения карточек учета; факты необоснованных продлений и оставления обращений без рассмотрения.

⁷Илияс Ж. Рассмотрение обращений – важная функция правозащитной деятельности прокуратуры. 20.04.2016 г. // Электронный ресурс: <https://www.zakon.kz/4788250-rassmotrenie-obrashhenijj-vazhnaja.html>.

В результате использования Методики Академии установлено, что органами прокуратуры в 2017 году рассмотрено 82 655 обращений, поступивших от 48 531 физических лиц по вопросам досудебной стадии.

Важно отметить, что реальное число обратившихся лиц меньше по причине регистрации в системе одного и того же лица разными способами: полностью или с указанием фамилии и инициалов, на казахском или русском языках. Система учитывает их как обращения разных лиц. Технически невозможно точно определить количество заявителей.

Как следствие, повторные и дубликаты их обращений зарегистрированы в качестве первичных.

Указанные недостатки не позволяют с максимальной достоверностью сформировать сведения о кратности обращений конкретных лиц в органы прокуратуры.

Вместе с тем регламентированный порядок позволяет заявителю одновременно направлять обращения в областные, центральные аппараты, вышестоящие органы, порой, исключая нижестоящие инстанции.

Отсутствие правовых ограничений влечет перенаправление обращений в нижестоящую прокуратуру, повторное их рассмотрение, неоправданную трату трудовых ресурсов, что существенно искажает статистику.

Положительной практикой по снижению количества повторных обращений, полагаем, является требование о приобщении к заявлению ответа нижестоящего государственного органа.

Выявлены 40 лиц, обратившихся в органы прокуратуры от 30 до 231 раз и более – 2,7 % от рассмотренных обращений (2229 из 82655). Например, за 2017 год житель г. Жанаозен Мангыстауской области гражданин А. в органы прокуратуры направил около 3 тыс. обращений идентичных по содержанию: 2581 – учтены как дубликаты, а 231 – как поступившие впервые.

Причина сложившейся ситуации: регистраторами игнорируются требования инструкции, регламентирующей заполнение форм электронных информационных учетных документов.⁸ В частности, некорректно заполняются анкетные данные.

ТАБЛИЦА 2 – КРАТНОСТЬ ОБРАЩЕНИЙ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ПО ВОПРОСАМ ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ЗА 2017 ГОД

Показатели	Всего	Обратились 1 раз		Обратились 2 и более раз	
		ед.	%	ед.	%
Количество лиц	48531	35874	74	12657	26
Количество обращений	82655	35874	43,4	46781	56,6

⁸Инструкция по заполнению форм электронных информационных учетных документов и формированию статистического отчета формы №8 «О работе прокурора по рассмотрению обращений, правозащитной работе и надзору за применением законодательства о порядке рассмотрения обращений», утвержденная приказом Генерального Прокурора Республики Казахстан от 25.12.2015 г. № 153.

При регистрации обращений неотъемлемым реквизитом является заполнение ИИН, который не указан в 72,2% случаях.

Согласно ч. 2 ст. 6 Закона об обращениях обязательными реквизитами обращения физического лица являются: фамилия, имя, ИИН, почтовый адрес; желательным – отчество заявителя. В случае отсутствия личных данных, почтового адреса обращение считается анонимным (п. 2 ст. 1 Закона об обращениях).

Не всегда соблюдается требование Правил учета обращений⁹ о необходимости проверки обращений на предмет повторности либо дублирования (копии). Из установленного числа заявителей только 74 % лиц обратились 1 раз – 43,4 % от рассмотренных обращений. 56,6 % обращений направили 26 % лиц, т.е. каждый четвертый – обратился 2 и более раз (в среднем – 3,7), т.е. каждого 4-го не удовлетворяет разрешение первого обращения.

В случае соблюдения установленных требований процесс рассмотрения обращений будет оптимизирован до 40 %, что существенно снизит количество рассмотренных обращений; повлияет на рост количества выявленных дубликатов; повысит достоверность отчетности.

Нецелесообразное отвлечение ресурсов происходит при рассмотрении обращений невменяемых лиц. К примеру, за 2017 год выявлено 9 обращений лиц, состоящих на учете с диагнозом «параноидная шизофрения».

Отсутствие доступа к базам данных психоневрологическим диспансерам не позволяет вовремя выявить лиц недееспособных или ограничено дееспособных. В случае сомнений о психическом состоянии лица прокуроры, как правило, направляют запросы психоневрологическим диспансерам, затрачивают время на переписку. Решением данного вопроса является включение в систему сведений о лицах, состоящих на учете в психдиспансерах (с ежегодным обновлением). При рассмотрении их неоднократных обращений учитывать этот фактор.

На основании вышеизложенного причинами многократности обращений являются: неудовлетворенность ответом прокуроров при первичном рассмотрении; правовая возможность заявителя направлять одно и то же обращение во все органы без предоставления ответов (разъяснений) нижестоящих инстанций, уполномоченных органов; в отдельных случаях – психические отклонения заявителей.

«Одной из причин необоснованного обращения физических лиц в органы прокуратуры является недостаточное знание действующего законодательства и компетенции тех либо иных органов государственной власти. Поэтому своевременно поданная жалоба в тот орган, который правомочен разрешать указанные заявителем вопросы, является залогом скорейшего разрешения проблемы.

Подробные сведения о порядке подачи обращений изложены в справочнике «100 советов прокурора», разработанного Генеральной прокуратурой Республики Казахстан. Он размещен на официальном сайте и на портале, также предусмотрена возможность бесплатного скачивания в виде мобильных приложений для смартфонов».¹⁰

⁹Правила учета обращений физических и юридических лиц, утвержденные приказом Генерального Прокурора Республики Казахстан от 18.12.2015 года № 147.

¹⁰Джумашева И. Обращения граждан – на повестке дня. 15.03.2017 г. // Электронный ресурс: <http://bko.prokuror.kz/rus/novosti/stati/obrashcheniya-grazhdan-na-povestke-dnya>.

Исследовательской группой рассчитаны трудозатраты на рассмотрение повторных обращений и дубликатов, которые учтены как первичные. По минимальным расчетам на рассмотрение одного обращения задействованы 3 лица, затрачивается от 1 часа 15 минут: регистратор – инспектор по делопроизводству, заполняющий карточку, руководитель подразделения, а также исполнитель (в 2017 году 245 рабочих дней при пятидневке и 40-часовой рабочей неделе).

Полагаем, что на рассмотрение 46 781 обращения было затрачено минимум 58476, 2 часов рабочего времени. Данные расчеты произведены без учета времени, затрачиваемого на истребование дела, согласование, участие других лиц и иные действия. В случае отсутствия повторных обращений на процесс рассмотрения было бы потрачено в 3,7 раза меньше времени – 15821 часов.

Указанный метод расчета затрат на рассмотрение обращения целесообразно использовать при реализации права субъектов, должностных лиц обращаться в суд о взыскании расходов, понесенных в связи с проверкой обращений, содержащих заведомо ложные сведения (п. 2 ч. 1 ст. 13 Закона «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц»).

Реализация механизма по взысканию расходов, понесенных на рассмотрение систематически направляемых необоснованных обращений (три и более раза в течение года) в одну и ту же организацию от одного и того же заявителя, а также обращений, содержащих заведомо ложные сведения, обеспечит снижение их количества, а также возмещение расходов государства.

На качество и срок рассмотрения обращений граждан влияет и нагрузка прокурора. В связи с этим рассчитана средняя нагрузка по разрешению обращений по линии досудебной стадии.

На разрешение 51516 обращений было задействовано 2207 сотрудников органов прокуратуры. 6,1 % сотрудников разрешили за год 36,8 % обращений, каждый – более 100 обращений. 8,7 % сотрудников – 25,8 % обращений, каждый – более 50 не менее ста обращений. 12,4 % сотрудников – 18,2 % обращений, каждый – не более 24 обращений. В среднем за год сотрудником разрешается 23,3 обращения.

ТАБЛИЦА 3 – НАГРУЗКА ПРОКУРОРОВ ПО РАЗРЕШЕНИЮ ОБРАЩЕНИЙ ПО ЛИНИИ ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ

Показатели	Разрешили	Разрешили более 100 обращений		Разрешили 51-100 обращений		Разрешили 25-50 обращений		Разрешили не более 24 обращений	
		ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
сотрудники	2207	135	6,1	191	8,7	273	12,4	1607	72,8
обращения	51516	18981	36,8	13293	25,8	9376	18,2	9866	19,2

Таким образом, 62,6 % обращений разрешают 14,8 % сотрудников, отдельные из них отработали около 300 обращений.

При этом «степень удовлетворенности заявителей» ответами прокуроров по линии досудебного расследования в 2017 году – 74 %, 35 874 из 48531 обратились один раз, без направления повторных обращений.

Соответственно количество обращений не влияет на качество их разрешения.

Построение новой логической схемы движения обращений, соответствующее законодательное закрепление позволит снизить нагрузку сотрудников на – 40 %.

В 2017 году из рассмотренных обращений оставлено без разрешения – 2,9% (2430 из 82655).

Законом об обращениях предусмотрено 4 основания оставления обращения без разрешения: анонимность (п. 1 ч. 1 ст. 5); без сути вопроса (п. 2 ч. 1 ст. 5); при отсутствии рекомендаций, требований, ходатайств, просьб (ч. 2 ст. 10); в повторных обращениях не приводятся новые доводы или вновь открывшиеся обстоятельства (ч. 1 ст. 11).

При этом в ст. 11 Закона не предусмотрено в качестве основания для прекращения рассмотрения заявления – поступление ходатайства об оставлении обращения без рассмотрения, предусмотрено лишь право в ст. 14.

На практике такие обращения списывают по другим основаниям. В связи с изложенным требуется внести дополнения в ч. 1 ст. 11 Закона в части прекращения рассмотрения обращений в случае наличия ходатайства об оставлении обращения без рассмотрения, за исключением случаев, предусмотренных уголовно-процессуальным, налоговым и таможенным законодательством Республики Казахстан.

Соответственно предлагаем внести еще изменение в ч. 7 ст. 14¹¹ указанного Закона в части исключения случаев, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, когда обращения содержат признаки уголовного правонарушения, относящегося к делам частного и лично-публичного характера (ст. 32 УПК РК). Поскольку данное обращение подлежит регистрации в Едином реестре досудебных расследований, в последующем заявитель может ходатайствовать о прекращении уголовного дела, а не о рассмотрении обращения.

Опыт зарубежных стран свидетельствует о высоком уровне общественного контроля за государственной деятельностью, в том числе порядком рассмотрения обращений: непосредственное участие граждан в процессе рассмотрения, особый порядок рассмотрения коллективных обращений и отдельных категорий граждан.

Закон Украины «Об обращении граждан»¹² распространяется не только на государственные органы и учреждения (в Казахстане только на государственные органы, п. 5 ст. 1 Закона), но также на предприятия и организации независимо от форм собственности, которые обязаны рассмотреть и сообщить гражданину результаты рассмотрения его обращения (ст. 14).

Особый интерес вызывают отдельные права гражданина при рассмотрении заявления или жалобы, предусмотренные в ст. 18. В частности, присутствовать при рассмотрении заявления или жалобы. И, как следствие, возникает обязанность субъектов приглашать гражданина (при наличии просьбы) на заседание соответствующего органа, который рассматривает его заявление или жалобу (ст. 19).

¹¹Предусмотрено право заявителя обратиться с ходатайством о прекращении рассмотрения обращения, за исключением случаев, предусмотренных налоговым и таможенным законодательством.

¹²Закон Украины от 2 октября 1996 года № 47 «Об обращении граждан» // URL: http://kodeksy.com.ua/ka/ob_obrashhenijah_grazhdan/statja-1.htm.

Существенным преимуществом является возможность пользоваться услугами адвоката или представителя трудового коллектива, организации, которая осуществляет правозащитную функцию, оформив это полномочие в установленном законом порядке.

В качестве обязанности субъектов, рассматривающих обращение, предусмотрено обеспечение восстановления нарушенных прав, реальное выполнение принятых решений (подразумевается, что если они удовлетворили заявление, то обязаны обеспечить его исполнение), а также принятие мер по возмещению материального ущерба, если они были нанесены гражданину в результате ущемления его прав или законных интересов.

Результаты изучения законодательного акта позволили выявить положительный опыт Украины в регламентации особой формы коллективного обращения – электронная петиция, для которой предусмотрен специфичный порядок представления и рассмотрения (ст. 23-1). Электронная петиция, адресованная Президенту Украины, Верховной Раде Украины, Кабинету Министров Украины, рассматривается при условии сбора в ее поддержку не менее 25000 подписей граждан в течение не более трех месяцев со дня опубликования петиции.

Несомненным плюсом является рассмотрение жалоб Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда, инвалидов Великой Отечественной войны первыми руководителями государственных органов, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций лично.

В Законе Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц»¹³ есть норма, позволяющая судить об эффективности результатов рассмотрения обращения. В ст. 14 Закона предусмотрено: «письменные обращения считаются рассмотренными по существу, если рассмотрены все изложенные в них вопросы, приняты надлежащие меры по защите, обеспечению реализации, восстановлению прав, свобод и (или) законных интересов заявителей и им направлены письменные ответы».

Более детально регламентирован порядок взыскания расходов, понесенных в связи с рассмотрением систематически направляемых (три и более раза в течение года) необоснованных обращений в одну и ту же организацию от одного и того же заявителя, а также обращений, содержащих заведомо ложные сведения. В качестве расходов предусмотрены следующие суммы: подлежащие выплате экспертам и другим специалистам, привлекаемым к рассмотрению обращений, почтовые расходы, расходы, связанные с выездом на место рассмотрения обращения, и другие расходы, за исключением оплаты рабочего времени работников, рассматривающих обращения, могут быть взысканы с заявителей в судебном порядке (ст. 19).

Особое внимание уделяется коллективным обращениям (более 30 заявителей), которые подлежат рассмотрению с выездом на место, если иное не вытекает из этих обращений (ст. 22).

Закон Кыргызской Республики «О порядке рассмотрения обращений граждан»¹⁴ предусматривает требование об уведомлении заявителя, обратившегося с электрон-

¹³Закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 года № 300-3 «Об обращениях граждан и юридических лиц» // URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11100300>.

¹⁴Закон Кыргызской Республики от 4 мая 2007 года № 67 «О порядке рассмотрения обращений граждан» // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202100>.

ным заявлением, посредством электронного сообщения-уведомления о принятии его обращения к рассмотрению с указанием даты и времени поступления, присвоенного входящего номера и соответствующих справочных телефонов или об отказе в рассмотрении с обоснованием причин отказа (ч. 4 ст. 6-1).

Существенным отличием, направленным на обеспечение полноты и объективности рассмотрения обращения является право должностного лица, получившего электронное обращение, уточнять суть обращения путем электронной переписки или по телефону, указанному в обращении (ч. 5 ст. 6-1). В случае если текст обращения не поддается прочтению, то лицо, рассматривающее данное обращение, приглашает заявителя (если фамилия и почтовый адрес заявителя поддаются прочтению) для уточнения и выяснения сути и доводов обращения. И только в случае если не удастся связаться с заявителем, дальнейшее рассмотрение обращения прекращается, о чем сообщается заявителю в письменной форме (ч. 6 ст. 9).

Одной из норм, направленной на обеспечение доступности, является право граждан обращаться на государственном, официальном или любом другом языке народов Кыргызстана.

В качестве положительного примера можно указать обязанность должностного лица не прекращать рассмотрение заявления гражданина, при его просьбе оставить его без рассмотрения, в случаях, когда в обращении содержатся сведения о нарушении прав, свобод и (или) законных интересов других граждан (п. 9 ст. 9).

Широко регламентированы основания и механизм возмещения расходов, понесенных гражданином в связи с неправомерным отказом государственного органа, органа местного самоуправления или должностного лица в рассмотрении обращения. В частности, в случае предоставления необоснованного ответа или недостоверной информации с государственного органа, органа местного самоуправления или должностного лица расходы могут быть взысканы по решению суда.

В Южной Корее действует программа «OPEN» (<http://gov.seoul.go.kr>) – свободная платформа, позволяющая в реальном времени гражданину узнать зарегистрировано ли его заявление, исполнителя, когда ожидается ответ, а также причины неудовлетворения обращений. Программа «OPEN» представляет возможности осуществлять социальный контроль за своевременным рассмотрением заявлений, отслеживать и предупреждать любые задержки в этом процессе, порядок ввода данных, а также выявлять злоупотребления со стороны должностных лиц.

В каждом отраслевом Министерстве Великобритании имеются собственные ведомственные нормативные акты, регламентирующие порядок подачи, а также сроки обращений и жалоб на действия работников нижестоящих структур. На официальных сайтах Министерств размещены руководства (правила) по направлению обращений. Срок ответа на обращение составляет до 8 недель.

В случае неудовлетворения либо задержки ответа на обращение, информация направляется уже в единый централизованный орган («Правовой Омбудсмен» – состоит из ряда экспертов во всех областях жизнедеятельности общества и государства) для рассмотрения жалоб. Порядок рассмотрения обращения аппаратом Правового Омбудсмана регулируется законом «О правовых услугах».

Граждане Сингапура вправе обращаться в органы власти по всем вопросам сфер деятельности государства и общества. Органы власти обязаны предоставить

информацию бесплатно по требованию обративших лиц. Административные штрафы накладываются на должностное лицо за: неправомерный отказ в предоставлении, несвоевременное предоставление, предоставление гражданину заведомо недостоверной информации.

В США существуют следующие платформы, посредством которых граждане и юридические лица могут обратиться в госучреждения:

– система онлайн-петиции Белого дома, запущенная в 2011 году, позволяет пользователям поднимать любые волнующие их вопросы. После получения первоначальных 150 подписей, петиции публикуются на официальном вебсайте Белого дома. И если в течение последующих 30 дней петиция наберет 100 тыс. подписей, Белый дом обязуется изучить ее и официально ответить заявителю в течение 60 дней;

– портал электронного правительства США содержит полную информацию о федеральных и местных органах власти, их электронных адресах. Портал является своего рода «отправной точкой», откуда можно определить нужное ведомство для направления запроса либо обращения.

Рассмотрениями обращений физических и юридических лиц в Греции занимаются различные ведомства (прокуратура, полиция, налоговая служба, таможенная служба, соответствующие структуры в ряде министерств), существуют также ряд организаций, занимающихся данной работой по конкретным направлениям.

Если в течение 3-х месяцев с момента подачи заявления, соответствующим органом не дан заявителю ответ, то считается, что в удовлетворении заявления отказано (молчаливый отказ), при этом заявитель имеет право обратиться в суд.

На основании зарубежного анализа опыта полагаем необходимым в Законе об обращениях предусмотреть особый порядок рассмотрения коллективных обращений (электронные петиции по опыту Украины и США, выезд к заявителям по опыту Республики Беларусь), обращений отдельных категорий населения (например, Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда, ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны и др.).

Также необходимо внести изменения в ст. 15 Закона об обращениях по обязанностям субъектов и должностных лиц. При удовлетворении обращения предусмотреть обязанность по обеспечению восстановления нарушенных прав, реальному выполнению принятых решений, а также принятию мер по возмещению ущерба, в том числе наступившего в результате неправомерного отказа госоргана, должностного лица в рассмотрении обращений, предоставлении необоснованного ответа или недостоверной информации (опыт Украины, Республики Беларусь).

Обеспечение полноты и объективности рассмотрения обращения может быть достигнуто посредством возложения обязанности на должностное лицо, получившее обращение, уточнять его суть путем электронной переписки, по телефону или приглашения на беседу. И только в случае если не удастся связаться с заявителем, дальнейшее рассмотрение обращения прекращать, о чем сообщать заявителю в письменной форме (по опыту Кыргызской Республики).

При наличии электронного адреса или мобильного телефона заявителя, предусмотреть функцию в информационной системе по автоматическому уведомлению

заявителя о ходе рассмотрения и движения обращения: номер и дата регистрации, ФИО и контактный телефон исполнителя, продление, истребование материалов и т.д. (на примере «Судебного кабинета ВС», а также по опыту Южной Кореи, Кыргызской Республики).

Использование цифровых роботов (чат-ботов) позволит на этапе регистрации выявлять автоматически повторные обращения и дубликаты. Упростит процесс регистрации обращений интеграция платформы с базами Национального удостоверяющего центра (pki.gov.kz) для определения ФИО по ИИН. Оптимизирует процессную деятельность внесение изменений в законодательство, регламентирующее порядок обращения, в части предъявления требований к формам и содержанию обращения. Необходимо также нормативно закрепить требование в части приобщения ответа нижестоящих инстанций (к обращениям, адресованным вышестоящим должностным лицам или государственным органам). Это исключит неоправданную трату трудовых ресурсов по перенаправлению обращений (на примере ст. 152 ГПК, зарубежного опыта).

Введение такого индикатора как «степень удовлетворенности заявителей» в деятельность прокуратуры усилит ответственность по даче исчерпывающих ответов, снизит уровень повторных обращений и дубликатов, обеспечит рациональное использование трудовых ресурсов.

Указанные рекомендации повысят уровень открытости и доступности для населения, обеспечат всестороннее и качественное рассмотрение обращений, что является важной составной частью правозащитной функции органов прокуратуры.

А.Т. Карипова, Е.А. Омаров, Б.Ж. Шоткин, Т.Г. Маханов: Қазақстан Республикасы прокуратура органдарының өтініштерді қарау саласындағы мәселелері туралы.

Мақалада өтініштерді қарау саласындағы жай-күйлерді талдаудың авторлық Әдістемесін апробациялау нәтижелері ұсынылған. Бұл жұмыста өтініштерді есепке алу мен тіркеудің жүйелі бұзушылықтары сипатталған, оларды қарау бойынша прокурорлардың біркелкі емес жүктемесі анықталған. Қорыта келе, авторлар азаматтар өтінішімен байланысты жұмыстарды ұйымдастыруды регламенттейтін заңнаманы жетілдіруді ұсынады.

Түйін сөздер: өтініш, сотқа дейінгі тергеп-тексеру, тіркеу, есепке алу, қарау, шешу, көшірме, жүктеме, шығындар, заңнама, оңтайландыру.

A.T. Karipova, E.A. Omarov, B.Zh. Shotkin, T.G. Makhanov: Appeals reviewing problems by the Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan.

The results of testing the author's Method of analysis of the situation in the sphere of handling appeals are represented in the article. Systemic violations of registration, uneven workload distribution among prosecutors were identified. As a result, the authors propose to improve the legislation that regulates the processes of considering complaints and petitions from the citizens.

Keywords: appeals, pre-trial investigation, registration, accounting, consideration, authorization, duplicates, burden, legislation, optimization.

Библиография:

1. Старилов Ю.Н. Модернизация Российского государства и улучшение качества административно-правового регулирования в области защиты прав и свобод человека и гражданина // Право и государство. № 2 (59) 2013. – С. 64-70.
2. Обращения граждан: организация и порядок рассмотрения (сборник нормативных актов) / под общ. ред. д.ю.н. М.А. Миронова. М.: изд-во «Известия», 2008. – 600 с.
3. Илияс Ж. Рассмотрение обращений – важная функция правозащитной деятельности прокуратуры. 20.04.2016 г. // Электронный ресурс: <https://www.zakon.kz/4788250-rassmotrenie-obrashhenij-vazhnaja.html>.
4. Джумашева И. Обращения граждан – на повестке дня. 15.03.2017 г. // URL: <http://bko.prokuror.kz/rus/novosti/stati/obrashcheniya-grazhdan-na-povestke-dnya>.
5. Лапина И., Соусь С. Как сделать работу с обращениями граждан более эффективной? 2013 г. // URL: http://sympa-by.eu/sites/default/files/library/policy_paper_citizens_inquiries_bipart.pdf.

References (transliterated):

1. Starilov Yu.N. Modernizaciya Rossijskogo gosudarstva i uluchshenie kachestva administrativno-pravovogo regulirovaniya v oblasti zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina // Pravo i gosudarstvo. № 2 (59) 2013. – S. 64-70.
2. Obrashcheniya grazhdan: organizaciya i poryadok rassmotreniya (sbornik normativnyh aktov) / pod obshch. red. d.yu.n. M.A. Mironova. M.: izd-vo «Izvestiya», 2008. – 600 s.
3. Iliyas Zh. Rassmotrenie obrashchenij – vazhnaya funkciya pravozashchitnoj deyatelnosti prokuratury. 20.04.2016 g. // Ehlektronnyj resurs: <https://www.zakon.kz/4788250-rassmotrenie-obrashhenij-vazhnaja.html>.
4. Dzhumasheva I. Obrashcheniya grazhdan – na povestke dnya. 15.03.2017 g. // URL: <http://bko.prokuror.kz/rus/novosti/stati/obrashcheniya-grazhdan-na-povestke-dnya>.
5. Lapina I., Sous' S. Kak sdelat' rabotu s obrashcheniyami grazhdan bolee ehffektivnoj? 2013 g. // URL: http://sympa-by.eu/sites/default/files/library/policy_paper_citizens_inquiries_bipart.pdf.

НОВЫЕ КНИГИ

Шваб, Клаус. Четвертая промышленная революция: [перевод с английского]. Москва: Издательство «Эксмо», 2018. — 288 с.
ISBN 978-5-699-98379-7

Мы стоим у истоков революции, которая фундаментально изменит то, как мы живем, работаем и общаемся друг с другом. По масштабу, объему и сложности четвертая промышленная революция не имеет аналогов во всем предыдущем опыте человечества. Нам предстоит увидеть ошеломляющие технологические прорывы в самом широком спектре областей, включая искусственный интеллект, роботизацию, автомобили-роботы, трехмерную печать, нанотехнологии, биотехнологии и многое другое.

Клаус Шваб, основатель и бессменный президент Всемирного экономического форума в Давосе, написал руководство, которое призвано помочь сориентироваться в происходящих изменениях и извлечь из этого максимум выгоды. Эта книга для тех, кто интересуется нашим общим будущим и кто твердо намерен использовать возможности революционных изменений, чтобы изменить мир к лучшему.

О СУБЪЕКТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Р.Т. НУРТАЕВ,
профессор кафедры уголовного,
уголовно-исполнительного
права и криминологии
Университета КАЗГЮУ им.
М.С. Нарикбаева, д.ю.н.,
профессор (Астана)

В статье рассмотрены отдельные аспекты, связанные с характеристикой уголовно-правовой природы субъекта экологического уголовного правонарушения. Характеристика субъекта экологического уголовного правонарушения в рамках разработки теории и реализации практических мер воздействия на уголовно наказуемые экологические правонарушения представляет одно из важных направлений построения государством современной уголовной политики в организации противодействия уголовным правонарушениям, посягающим на нормальное функционирование окружающей природной среды. Для правильного разрешения вопроса о признании того или иного лица субъектом экологического уголовного правонарушения необходимо подробное выяснение особенностей сферы деятельности этого лица с акцентом внимания на раскрытие официально определенного круга обязанностей и компетенции этого лица. Актуальным представляется установление в действующем уголовном законодательстве ответственности юридических лиц посредством внесения соответствующих новелл в Общую и Особенную части Уголовного кодекса.

Ключевые слова: субъект; экологическое уголовное правонарушение; ответственность; деятельность; юридическое лицо; уголовное право; уголовный закон; уголовный кодекс; уголовная ответственность юридических лиц.

Характеристика субъективных элементов и признаков экологических уголовных правонарушений в рамках теории и практических мер воздействия на экологические общественно опасные деяния представляет одно из важных направлений построения государством современной уголовной политики в организации противодействия уголовно наказуемым деяниям, посягающим на окружающую природную среду.

Разработка вопросов, связанных с характеристикой субъектов отдельных уголовных правонарушений основывается, как правило, на началах общего определения субъекта уголовного правонарушения. В свою очередь, использование общего определения субъекта уголовного правонарушения открывает возможности для правильной характеристики специфических особенностей специального субъекта уголовного правонарушения.

Уместным будет отметить, что в доктрине уголовного права в рамках раскрытия понятия субъекта уголовного правонарушения особняком выделяется понятие

специального субъекта. Поэтому для квалификации отдельно взятого уголовного правонарушения по признакам субъекта необходимо обращаться как к общему определению этого элемента состава уголовно наказуемого деяния, так и при возникновении необходимости приходится обращаться к рекомендациям, характеризующим специального субъекта.

С точки зрения общего определения, субъектом уголовного правонарушения может быть признано лицо, виновное в совершении общественно опасного деяния (уголовного правонарушения), «способное и обязанное в соответствии с уголовным законодательством нести за него уголовную ответственность».¹

То есть субъектом уголовного правонарушения является «лишь лицо, способное сознавать характер своих действий. Насколько при этом реально достигнутое соответствует желаемому и планировавшемуся, – это другой вопрос, ответ на который определен многими элементами субъективного (уровень развития индивида, характер имеющихся у него средств и орудий, его знания, способности и т.п.) и объективного (характеристика физической и социальной среды, в которой приходится действовать преступнику, в частности, эффективность профилактической деятельности правоохранительных органов) порядка».²

Общие признаки субъекта уголовного правонарушения не раскрываются в диспозициях норм Особенной части УК, поскольку они свойственны всем составам уголовных правонарушений. Признаки специального субъекта конкретного уголовного правонарушения бывают «либо прямо названы (или описаны) в диспозиции соответствующей нормы, либо устанавливаются путем толкования».³

Если обратиться к характеристике субъекта экологического уголовного правонарушения, то логично прежде всего отметить определенные особенности этой категории лиц. В литературе указывается, что в круг субъектов экологических уголовных правонарушений входят «как любые лица (например: незаконная охота), так и специальные субъекты, т.е. лица, на которых возложена обязанность по соблюдению соответствующих экологических норм и правил (например, нарушение ветеринарных правил или правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений)».⁴

То есть субъектом экологических уголовных правонарушений признается человек, обладающий признаками общего и специального субъекта. Обычно это лицо, на которое соответствующими, чаще всего специальными юридическими нормами, возложены обязанности по соблюдению порядка и принятию мер, направленных на недопущение вредного воздействия на окружающую среду, на безопасную эксплуатацию стационарных и передвижных установок, сооружений и иных объектов.⁵

Нужно также отметить, что субъектами рассматриваемых уголовных правонарушений признаются как должностные, так и недолжностные лица. «Это могут быть

¹Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник. М.: Проспект, 2015. С. 205.

²Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 65.

³Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении. М.: «Зерцало», 2002. С. 291-292.

⁴Уголовное право Республики Казахстан. Особенная часть в 2 т. Т. 2. Алматы, 2017. С. 236.

⁵Кузнецова О.Н. Проблемы квалификации преступного загрязнения окружающей среды // Право и политика. М., 2010, № 3. С. 499.

люди, обладающие определенными знаниями и профессией, например, водитель, перевозящий груз с опасными веществами, кладовщик, авиатор, член экипажа морского судна и др.»⁶

Если вопрос касается признания субъектом экологического уголовного правонарушения должностного лица, то необходимо обращаться к положениям, раскрывающим понятие должностного лица. Под ним согласно пункту 26 статьи 3 Уголовного кодекса Республики Казахстан имеется в виду «лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления».

«Под специальными полномочиями следует понимать предоставление лицу, не занимающему штатной должности, выполнение определенных организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей».⁷

В литературе указывается на то обстоятельство, что при характеристике ряда составов экологических уголовных правонарушений предполагается выяснение признаков специального субъекта, хотя в диспозициях норм об этом не упоминается. В частности методом логического толкования норм обосновывается наличие признаков специального субъекта уголовного правонарушения в составах, предусмотренных: ст. 325. Нарушение экологических требований при обращении с экологически потенциально опасными химическими или биологическими веществами; ст. 326. Нарушение экологических требований при обращении с микробиологическими или другими биологическими агентами или токсинами; ст. 327. Нарушение ветеринарных правил или правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений; ст. 329. Загрязнение атмосферы; ст. 330. Загрязнение морской среды; ст. 331. Нарушение законодательства о континентальном шельфе Республики Казахстан и исключительной экономической зоне Республики Казахстан; ст. 332. Порча земли; ст. 333. Нарушение правил охраны и использования недр; ст. 334. Самовольное пользование недрами; ст. 338. Нарушение правил охраны животного мира; ст. 343. Непринятие мер по ликвидации последствий экологического загрязнения – УК РК.⁸

В соответствии с пунктом 2 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 18 июня 2004 г. № 1 «О применении судами законодательства об ответственности за некоторые экологические преступления» субъектами экологических преступлений могут признаваться любые физические лица. Включая сюда уполномоченных на выполнение государственных функций и приравненных к ним лиц, должностных лиц, а также лиц, занимающих ответственные государственные должности и лиц, выполняющих управленческие функции в государственных и негосударственных, коммерческих или некоммерческих организациях. Если в диспозиции уголовно-правовой нормы совершение виновным деяния с использованием

своего служебного положения предусмотрено в качестве квалифицирующего признака экологического уголовного правонарушения, то ответственность должна наступать только по статье (части статьи) УК, предусматривающей ответственность за экологические уголовные правонарушения.⁹

В контексте взаимосвязи с изложенными выше положениями вопросы уточнения признаков специального субъекта в диспозициях приведенных выше норм, предусматривающих ответственность за отдельные экологические уголовные правонарушения, представляются значимыми как для развития теории, так и для совершенствования и оптимизации практики ведения борьбы с экологическими уголовными правонарушениями.

С точки зрения развития теории уголовного права приложение усилий к уточнению специального субъекта по отдельным категориям уголовных правонарушений представляет повышенную актуальность в связи с констатированным в доктрине уголовного права принципиальным положением, согласно которого субъект уголовного правонарушения не является неким абстрактным юридическим понятием, существующим вне времени и пространства. Субъект уголовного правонарушения – это человек, живущий и совершивший уголовно наказуемое деяние в процессе функционирования общественных отношений, находясь «в обществе других людей».¹⁰

Следовательно, при характеристике специального субъекта уголовного правонарушения нужно принимать во внимание специфику общественных отношений, в которых находится лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние. А поскольку основу общественных отношений составляет деятельность человека, то выяснение специфики общественных отношений в событиях отдельных уголовных правонарушений предполагается целесообразным строить на основе принятия во внимание сферы деятельности лица. Поэтому разработку вопросов специального субъекта экологического уголовного правонарушения правомерным было бы осуществлять посредством выяснения конкретно определенной сферы предметно-практической деятельности лица.

В психологической науке деятельность рассматривается как активное взаимодействие человека с окружающей действительностью, «в ходе которого живое существо выступает как субъект, целенаправленно воздействующий на объект и удовлетворяющий таким образом свои потребности.

Основным видом человеческой деятельности, сыгравшим решающую роль в происхождении и развитии физических и духовных свойств человека, является труд. С трудом генетически связаны другие виды человеческой деятельности (игра, учение и т.д.). На основе труда в ходе социально-исторического развития возникает труд умственный как особая, общественно необходимая теоретическая деятельность».¹¹

Следовательно, для правильного разрешения вопроса о признании того или иного лица специальным субъектом экологического уголовного правонарушения не-

⁶Там же.

⁷Орымбаев Р.О. Специальный субъект преступления. Алма-Ата: «Наука», 1977. С. 89-90.

⁸Умирбаева З.А. Особенности специального субъекта в составах экологических преступлений // Наука и жизнь Казахстана. 2010, № 3. С. 18-20.

⁹Сборник Нормативных постановлений Пленума Верховного Суда Республики Казахстан (1968 – 2013). Алматы: Норма, 2014. С. 309-310.

¹⁰Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961. С. 12.

¹¹Большой психологический словарь. М.: АСТ, 2009. С. 166.

обходимо детализированное выяснение особенностей сферы деятельности этого лица с акцентом внимания на выяснение официально определенного круга обязанностей, компетенции и полномочий. С поиском, скажем, ответа на вопрос: входило ли в круг его обязанностей обеспечение экологической безопасности? И если в результате детализированного выяснения специфики деятельности указанного лица будет установлено, что одно из направлений его деятельности включает в себя обязанность осуществления контроля за соблюдением экологической безопасности на определенном участке функционирования общественных отношений, то можно ставить вопрос о признании его субъектом экологического уголовного правонарушения.

Как известно, закономерностью жизненной действительности является процесс постоянного развития общественных отношений, нуждающийся соответственно и во внесении коррективов в их регламентацию нормами действующего законодательства, включая и нормы уголовного права, устанавливающие ответственность за различные общественно опасные отклоняющиеся поведенческие акты. «Отклоняющееся поведение, – пишет профессор Я.И. Гишинский, – может быть позитивным, ломающим устаревшие нормы и объективно способствующим прогрессу (социальное творчество) и негативным, объективно препятствующим развитию или существованию (социальная патология). При этом любое отклоняющееся поведение – элемент культуры (как способа жизнедеятельности), оно нормировано и осуществляется вполне определенными способами, в определенных формах. Культура есть средство (технология) отклоняющегося поведения, а отклоняющееся поведение – средство изменения (прогресса и регресса) культуры».¹²

Распространение рыночных отношений привело к масштабным изменениям во всех сферах функционирования нашего государства и общества, включая сюда и область культуры как средства (технологии) отклоняющегося поведения, выступающего в качестве движущего фактора внесения изменений в культуру в сторону прогресса или регресса. Если конкретизировать прогрессивные и регрессивные начала наблюдающихся жизненных процессов, то уместным будет отметить, что становление на путь рыночных преобразований наряду с позитивными изменениями в жизнь нашего общества инициировало и ряд отрицательных явлений. Так, с установлением рыночных отношений сформировалась и получила широкомасштабное распространение деятельность юридических лиц, которая наряду с положительными изменениями концентрирует в себе определенные вредоносные заряды, представляющие в совокупности опасность для общества.

В юридической доктрине деяния, концентрирующие в себе опасные заряды для окружающих, рассматриваются в качестве антисоциальных поведенческих актов, за совершение которых виновных следует привлекать к ответственности. Поэтому, принимая во внимание то обстоятельство, что отдельные деяния юридических лиц содержат в себе признаки общественной опасности, вполне справедливым представляется постановка вопроса о криминализации такого рода деяний на основе признания наличия общественной опасности в качестве обязательного признака уголовно наказуемого деяния. Именно наличие признака общественной опасности

¹²Гишинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб, 2004. С. 15.

«позволяет противиться произволу законодателя, имеющего иногда обыкновение весьма произвольно определять, что преступно и наказуемо. Законодатель должен всегда найти и обосновать основание криминализации того или иного деяния, показать его общественную опасность. То есть мы должны убрать всякий налет субъективизма из процесса криминализации, отделить меры объективные от мер субъективных».¹³

В Казахстане проблему уголовной ответственности юридических лиц впервые поставил один из патриархов юридической науки профессор У.С. Джекебаев. Обосновывая назревшую необходимость установления уголовной ответственности юридических лиц, профессор У.С. Джекебаев пишет: «Уголовный закон должен связывать преступления, совершенные юридическими лицами, не только с совершением самого действия (бездействия), но и с наступлением тяжких последствий (гибель людей, падеж скота, значительная недостача товаров и материальных ценностей).

Ответственность юридических лиц должна возникать только при условии, что существует причинная связь между причиненным ущербом (тяжкими последствиями) и антиобщественным и противоправным поведением юридических лиц».¹⁴

В ответ на возражения оппонентов, выступающих против криминализации ответственности юридических лиц, профессор У.С. Джекебаев, ссылаясь на выводы профессора С.Г. Келиной, формулирует свою позицию, которая сводится к положениям о том, что упразднение юридического лица в гражданско-правовом порядке приводит лишь к изменению комплекса мер имущественного характера (для обеспечения расчетов с лицами, работавшими по трудовому договору, кредиторами и другими лицами) и не имеет характера достаточно полной сатисфакции за совершенное юридическим лицом общественно опасное деяние. Поскольку штраф, применяемый к юридическому лицу в рамках уголовного права, существенно отличается от штрафа в гражданском праве. Во-первых, он может быть назначен лицу за уголовное правонарушение. Во-вторых, его принудительно-восстановительное воздействие на осужденного существенно выше. И, наконец, штраф как один из видов уголовного наказания «влечет за собой судимость (теория стигмы оказывает значительное влияние на практику противостояния преступности)».¹⁵

Профессор А.В. Наумов указывает на то обстоятельство, что проблема уголовной ответственности юридических лиц остается дискуссионной. Обращаясь к американскому опыту, он отмечает, что вначале (на стыке прошлого и нынешнего веков) ответственность юридических лиц была установлена «в сфере хозяйственного уголовного права для борьбы с преступной деятельностью синдикатов и трестов. Разумеется, в этом случае соответствующая корпорация, признаваемая виновной, не лишалась свободы, а приговаривалась к штрафу. Позднее в уголовном законодательстве США была предусмотрена уголовная ответственность общественных организаций, также наказываемых штрафом в рамках уголовного процесса. Наша правовая теория безапелляционно квалифицировала такие уголовно-правовые уста-

¹³Философия уголовного права. СПб. Изд. «Юрид. центр пресс», 2004. С. 51.

¹⁴Джекебаев У.С. Юридическое лицо как субъект преступления // Зангер, 2011, № 4. С. 50.

¹⁵Там же. С. 50-51.

новления как антидемократические, вызванные кризисом буржуазной законности. Однако в этот идеологический спор вмешались экологические проблемы, серьезно воспринятые в нашей стране лишь после Чернобыля.

Запад (особенно Европа) опережал нас как в понимании экологической проблемы в целом, так и в способах правового реагирования на нее. Уголовно-правовые санкции, применяемые за эти преступления, призваны были сделать экономически невыгодным занятие экологически вредной производственной или иной деятельностью для всех работников соответствующего предприятия, а не только для его хозяина и управленческого персонала. ... В 1978 г. Европейский комитет по проблемам преступности Совета Европы рекомендовал законодателям европейских государств встать на путь признания юридических лиц субъектами уголовной ответственности за экологические преступления. Эта рекомендация уже реализована в законодательстве ряда европейских стран (например, Англии и Франции). Такая же рекомендация содержится и в решениях периодически проводимых Конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (в том числе и Каирского 1996 г.)¹⁶

С.Б. Айсин, обосновывая необходимость признания юридического лица субъектом преступления, считает правомерным учитывать в обязательном порядке следующие свойственные ему признаки:

- «— организация должна обладать правами юридического лица;
- юридическое лицо должно быть зарегистрировано в органах юстиции Республики Казахстан либо в уполномоченном на то учреждении иностранного государства;
- юридическое лицо не должно относиться к государственным учреждениям».¹⁷

Подробно изучив проблему уголовной ответственности юридических лиц и считая актуальным признание их субъектами уголовного правонарушения, З.А. Умирбаева констатирует следующие, заслуживающие повышенного внимания, выводы и предложения:

В части первой статьи 14 УК следует указать на ответственность юридического лица, за исключением государственного органа.

«дополнить ст.14 УК РК ч.3, ч.4 и примечанием следующего содержания:

3. Юридическое лицо подлежит уголовной ответственности за преступления, указанные в примечании настоящей статьи, причинившие вред либо создавшие угрозу причинения вреда личности, обществу или государству, которые были совершены в интересах организации с санкции, одобрения органа или лица, осуществляющего функции управления юридическим лицом.

4. Уголовная ответственность юридического лица не исключает уголовной ответственности физических лиц, равно как привлечение к уголовной ответственности физического лица не исключает уголовной ответственности юридического лица».

¹⁶Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 344-346.

¹⁷Айсин С.Б. Юридическое лицо как субъект преступления: введение в теорию. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. Астана, 2007. С. 8.

В примечании к статье 14 УК З.А. Умирбаева предлагает установить ответственность юридических лиц за экологические преступления. В оговорке к этому примечанию констатирует вывод о том, что помимо предлагаемых составов экологических преступлений перечень деяний, за которые следовало бы установить ответственность юридических лиц, может быть расширен за счет включения других составов уголовных правонарушений.

В комплексе основных видов наказаний юридического лица целесообразно предусмотреть штраф, ликвидацию юридического лица; дополнительными наказаниями следовало бы установить конфискацию имущества, лишение права заниматься определенной деятельностью.¹⁸

Солидаризируясь с мнениями сторонников криминализации ответственности юридических лиц, справедливым представляется внести определенные дополнения и изменения в Общую и Особенную части действующего уголовного законодательства нашей республики. В отдельных нормах Общей части УК РК можно было бы сформулировать меры ответственности юридических лиц посредством внесения определенных поправок.

1. Так, часть первую ст.15 УК РК целесообразно изложить в следующей новой редакции:

Уголовной ответственности подлежит вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения уголовного правонарушения шестнадцатилетнего возраста, а также юридическое лицо.

2. Кроме того, статью 15 УК РК перспективным было бы дополнить новой частью 5 в следующем изложении:

Деяние, совершенное юридическим лицом, признается уголовным правонарушением только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса.

Конечно же, к юридическому лицу невозможно применить такие меры наказания, как лишение или ограничение свободы. Как показывает опыт зарубежных стран по назначению мер наказания в отношении юридических лиц, распространенным является наложение штрафов на виновных. К примеру, актуальным и перспективным представляется предусмотреть штрафы за совершение юридическими лицами таких опасных деяний, как любые формы оказания пособничества терроризму, экстремизму, деятельности различных организованных преступных формирований, коррупционным деяниям. Повышенную актуальность представляет установление уголовной ответственности юридических лиц за экологические, экономические уголовные правонарушения и за другие опасные деяния.

В составах экологических уголовных правонарушений уголовную ответственность юридических лиц представляется целесообразным предусмотреть прежде всего за деяния, сконструированные по признакам составов поставления в опасность. Так, в текстах статей 324. Нарушение экологических требований к хозяйственной или иной деятельности; 325. Нарушение экологических требований при обращении с экологически потенциально опасными химическими или био-

¹⁸Умирбаева З.А. Проблемы определения субъекта экологических преступлений // Правовая реформа в Казахстане, 2012, № 1 (57). С. 76.

логическими веществами; 326. Нарушение экологических требований при обращении с микробиологическими или другими биологическими агентами или токсинами УК РК – следовало бы также соответственно за факты поставления в опасность наступления вредоносных последствий предусмотреть привлечение к ответственности юридических лиц в случаях угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, гибели животного и растительного мира.

Р.Т. Нуртаев: Экологиялық қылмыстық құқық бұзушылық субъектісі туралы.

Мақалада экологиялық қылмыстық құқық бұзушылық субъектісінің қылмыстық-құқықтық табиғатының сипаттамасымен байланысты жекелеген мәселелер қарастырылады. Қылмыстық жазалануға жататын экологиялық қылмыстық құқық бұзушылықтарға ықпал етудің теориясын қалыптастыру және оны іс жүзіне асыру аясында экологиялық қылмыстық құқық бұзушылық субъектісінің сипаттамасы қоршаған табиғи ортаның қалыпты хал-ахуалына қатер төндіретін қылмыстық құқық бұзушылықтарға қарсы іс-қимылдарды ұйымдастырудағы мемлекеттің заманауи қылмыстық саясатын жасақтаудың маңызды бір бағыты болып табылады. Белгілі бір субъектіні экологиялық қылмыстық құқық бұзушылықтың субъектісі ретінде дұрыс тану үшін осы тұлғаның ресми айқындалған міндеттерінің және құзіреттерінің ауқымына көңіл аударып, оның қызмет саласының ерекшеліктерін тыңғылықты анықтау қажет. Қылмыстық кодекстің Жалпы және Ерекше бөліктеріне тиісті нормаларды енгізе отырып, заңды тұлғалардың жауаптылығын қылмыстық заңнамада ресми бекіту де бүгінгі күні өзектілікке ие болып отыр.

Түйінді сөздер: субъект; экологиялық қылмыстық құқық бұзушылық; жауаптылық; қызмет; заңды тұлға; қылмыстық заңнама.

R.T. Nurtaev: About the subject of environmental offense.

The article certain considers some aspects related to the characterization of the criminal legal nature of the subject of an environmental offense. The characterization of the subject of an environmental offense within the framework of the development of the theory and the implementation of practical measures of influence on criminally punishable environmental offenses is one of the important directions of the state building a modern criminal policy in organizing counteraction to criminal offenses that encroach on the normal functioning of the environment. In order to properly resolve the issue of recognizing a person as a subject of an environmental criminal offense, it is necessary to find out in detail the specifics of the person's sphere of activity with an emphasis on disclosing the officially defined terms of reference and the competence of that person. It is important to establish the responsibility of legal entities in the current criminal legislation by introducing relevant stories in the General and Special Part of the Criminal Code.

Keywords: subject; environmental criminal offense; responsibility: activity; entity; the criminal law.

Библиография:

1. Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник. М.: Проспект, 2015. – 608 с.
2. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении. М.: «Зерцало», 2002. – 624 с.
3. Уголовное право Республики Казахстан. Особенная часть в 2 т. Т. 2. Алматы, 2017. – 540 с.
4. Орымбаев Р.О. Специальный субъект преступления. Алма-Ата: «Наука», 1977. – 155 с.
5. Гилинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб., 2004. – 322 с.
6. Философия уголовного права. СПб.: Изд. «Юрид. центр пресс», 2004. – 348 с.
7. Наумов А.В. Российское уголовное право. Кур лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2008. – 736 с.
8. Наумов А.В. Уголовная ответственность юридических лиц (доктринальные и правотворческие аспекты) // Право и государство. 2017. № 1-2. – С. 106-118.

References (transliterated):

1. Rossijskoe ugovnoe pravo: v 2 t. T. 1. Obshchaya chast': uchebnik. M.: Prospekt, 2015. – 608 s.
2. Kurs ugovnogo prava. Obshchaya chast'. T. 1. Uchenie o prestupenii. M.: «Zercalo», 2002. – 624 s.
3. Uголовное право Respubliki Kazahstan. Osobennaya chast' v 2 t. T. 2. Almaty, 2017. – 540 s.
4. Orymbaev R.O. Special'nyj sub»ekt prestupleniya. Alma-Ata: «Nauka», 1977. – 155 s.
5. Gilinskij Ya.I. Deviantnost', prestupnost', social'nyj kontrol'. SPb., 2004. – 322 s.
6. Filosofiya ugovnogo prava. SPb.: Izd. «Yurid. centr press», 2004. – 348 s.
7. Naumov A.V. Rossijskoe ugovnoe pravo. Kur lekcij: v 3 t. T. 1. Obshchaya chast'. M.: Volters Kluver, 2008. – 736 s.
8. Naumov A.V. Uголовная ответственность yuridicheskikh lic (doktrinal'nye i pravotvorcheskie aspekty) // Pravo i gosudarstvo. 2017. № 1-2. – S. 106-118.

МЕЖДУНАРОДНОЕ АГЕНТСТВО ПО ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГИИ КАК СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Р.Д. АКШАЛОВА,
докторант кафедры
международного права
Евразийского национального
университета им. Л.Н. Гумилева
(Астана)

В статье подробно рассматриваются история создания, цель, задачи, основные направления деятельности, структура, рабочая программа Международного агентства по возобновляемой энергии как основного международного институционального механизма в области возобновляемой энергетики. Автор также исследует современные инициативы и проекты, реализуемые сегодня в целях поддержки и распространения возобновляемых источников энергии.

Ключевые слова: возобновляемая энергия, Международное агентство по возобновляемой энергии, возобновляемые источники энергии, Глобальный геотермальный альянс, коридор чистой энергии, Коалиция действий ИРЕНА.

Глобальная энергетическая система вступает в период беспрецедентных перемен. Необходимость создания устойчивой, доступной, безопасной и всеобъемлющей энергетической системы для поддержки глобального роста приобрела ярко выраженную актуальность и непосредственность.

В связи с быстрым и повсеместным развитием возобновляемой энергетики, встает остро вопрос их регулирования на универсальном уровне.¹ Прежде, все вопросы, касаемые возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ), обсуждались в рамках Организации Объединенных Наций (далее – ООН). Со временем государства-участники пришли к единогласному решению о создании универсального институционального механизма, который регулировал бы вопросы использования и поддержки ВИЭ. Так было учреждено Международное агентство по возобновляемой энергии (далее – ИРЕНА) в Бонне 26 января 2009 г. по инициативе Федеративной Республики Германия (далее – ФРГ) и активной поддержке Испании и Дании.²

Впервые идея создания ИРЕНА появилась на Конференции ООН по новым и возобновляемым источникам энергии,³ которая проходила с 10 по 21 августа 1981 г.

© Р.Д. Акшалова, 2018

¹ Солнцев А.М., Симонян А.С. Международное сотрудничество в сфере использования возобновляемых источников энергии // Энергетическое право. 2011, № 1. С. 43-46.

² Байсакалова М.Н. Международно-правовое регулирование ВИЭ и роль ИРЕНА (Международное агентство по возобновляемой энергии) // Инновационная наука. 2015, № 8. С. 110-112.

³ Доклад конференции ООН по новым и возобновляемым источникам энергии. Найроби, 19-21 августа 1981. Нью-Йорк: ООН, 1981.

в городе Найроби (Кения).⁴ В дальнейшем она обсуждалась на Всемирном саммите устойчивого развития в 2002 г. в Йоханнесбурге, Международной конференции возобновляемой энергии в 2004 г. в Бонне и в 2005 г. в Пекине.

Заключительная резолюция Боннской конференции включала поддержку создания ИРЕНА при поддержке Международного парламентского форума по ВИЭ. Во время первой подготовительной конференции (Берлин, 10-11 апреля 2008 г.) была проведена встреча «Инициативы ИРЕНА», на которой 170 представителей из 60 государств выразили свою общую поддержку в скорейшем создании ИРЕНА в связи с ростом спроса на энергию и проблем изменения климата и определили главную цель создания ИРЕНА – образование первой межправительственной организацией, занимающейся продвижением ВИЭ.⁵

В период с 30 июня по 1 июля 2008 г. в Берлине были проведены два подготовительных семинара, на которых рассмотрели учредительный договор ИРЕНА (устав ИРЕНА), механизмы финансирования и план первоначальной рабочей программы. На заключительной подготовительной конференции, которая проходила 23-24 октября в том числе в Мадриде, более 150 представителей из 51 государства согласовали проект Устава ИРЕНА, финансирование, критерии и процедуры для выбора Временного Генерального директора и промежуточной штаб-квартиры и планирование начального этапа работы ИРЕНА.

На учредительной конференции ИРЕНА (Бонн, 26 января 2009 г.) правительства во всем мире ясно заявили о своей приверженности изменению глобальной энергетической парадигмы, 75 государств подписали Устав. На следующий день была создана подготовительная комиссия, которая действовала в качестве временного институционального органа до ратификации Устава ИРЕНА. Она сыграла ключевую роль в подготовке институциональных структур для этой новой межправительственной организации и добилась дальнейшего прогресса в осуществлении решений, принятых на итоговой подготовительной конференции. В период с 2009 по 2011 год проводились пять сессий подготовительной комиссии: первая сессия проходила в Бонне, 26 января 2009 г., вторая – в Шарм-эль-Шейхе, Египет, 29-30 июня 2009 г., последние три сессии в избранной для размещения временной штаб-квартиры Абу-Даби, ОАЭ, 17 января 2010 г., 24-25 октября 2010 г., 3 апреля 2011 г. Временным Генеральным директором была назначена гражданка Франции Элен Пелосс.

8 июля 2010 г. Устав ИРЕНА вступил в силу, после чего началась подготовка к первой Ассамблее ИРЕНА. 4 апреля 2011 г. была распущена подготовительная комиссия, и ИРЕНА начала свою деятельность.⁶

⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций A/RES/36/193 от 17 декабря 1981 г. «Конференция Организации Объединенных Наций по новым и возобновляемым источникам энергии» // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/413/09/IMG/NR041309.pdf?OpenElement> (30.04.2018).

⁵ International Renewable Energy Agency. History // URL: <http://www.irena.org/history> (30.04.2018 г.)

⁶ Долгий путь к IRENA. От идеи до учреждения Международного агентства по возобновляемой энергии. Сборник документов 1990-2009 годы / Под ред. Всемир. совета по возобновляемой энергии (WCRE), Европ. ассоц. возобновляемых источников энергии (EUROSOLAR). Перевод с англ. М.: Издательство «Журнал «Экология и жизнь», 2010. – 152 с.

Первоочередной целью ИРЕНА является ускорение темпов широкого и устойчивого использования возобновляемых источников энергии во всем мире.⁷ Она будет проводиться в жизнь посредством выполнения следующих задач: предоставление рекомендаций по выработке политики, стимулирование международной дискуссии о политике в области ВИЭ и ее рамочных условий; совершенствование передачи знаний и технологий, организация мероприятий по повышению потенциала, включая подготовку и обучение; предоставление рекомендаций о финансировании деятельности, связанной с ВИЭ; стимулирование и поддержка исследовательской работы; предоставление информации о разработке и применении национальных и международных технических стандартов по использованию ВИЭ.⁸ Кроме того, целями ИРЕНА являются предоставление достоверной информации, в том числе аналитической о ВИЭ; консультирование и поддержка стран в их национальных и региональных усилиях; содействие экономическим, социальным и экологическим преимуществам ВИЭ; разработка совместных партнерских связей для трансформации энергии.⁹

ИРЕНА в своей деятельности стремится стать лидером в сфере усовершенствования и дальнейшего развития возобновляемой энергетики, а также будет являться платформой для обмена и развития знаний в сфере ВИЭ.¹⁰ Государства-члены обязуются развивать идею внедрения ВИЭ в своей национальной политике, а также поощрять сотрудничество и переход к устойчивому и безопасному энергоснабжению.¹¹ ИРЕНА выступает в качестве центра обмена информацией, касающейся всех видов ВИЭ, данных относительно технологических разработок, а также мер по повышению энергоэффективности.¹²

Структура ИРЕНА состоит из Ассамблеи, Совета и Секретариата. Первые два органа могут создавать вспомогательные органы, необходимые для осуществления

⁷Белоцкий С.Д. ИРЕНА и ИТЭР как регуляторы межгосударственных отношений в сфере альтернативной энергетики // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2012, № 4. – С. 242-252.

⁸Устав Международного Агентства по возобновляемой энергии от 26 января 2009 г. URL: http://www.irena.org/documents/uploadDocuments/Statute/Statute_RU.pdf (10.05.2018).

⁹Шмаков С.С. ИРЕНА как новая форма взаимодействия государств в сфере использования возобновляемых источников энергии // Материалы Международной научно-практической конференции «Современное международное право и научно-технический прогресс», кафедра МП РУДН и кафедра МП ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, 8 декабря 2011 г. – С. 100-103.

¹⁰Акшалова Р.Д. Перспективы развития международно-правового регулирования возобновляемых источников энергии // Перспективы развития права. Сборник материалов международной научной конференции, 22 января 2017. Вильнюс: Университет Казимераса Симонавичуса, 2017. – С. 270-277.

¹¹Солнцев А.М. Международное агентство по возобновляемым источникам энергии (ИРЕНА) в системе международного энергетического сотрудничества // Альтернативна енергетика і енергетична безпека в міжнародному і національному праві: Збірка матеріалів Міжнародної наукової конференції «Роль міжнародного права в розвитку екологічної альтернативи сучасній енергетиці» (Київ, 25 квітня 2012). Киев: Феникс, 2012. – С. 211-218.

¹²Пономарева О.В. Внеорганизационные институциональные формы сотрудничества государств в сфере энергетики // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Москва, 9-10 апреля 2010 г. Часть II. М.: РУДН, 2011. – С. 189-194.

их функций. В качестве примера таких органов могут служить Фонд по содействию участия развивающихся стран, целью которого является решение финансовых проблем участия наименее развитых стран в деятельности ИРЕНА, финансовый комитет, правовой комитет, политический стратегический комитет.¹³ Ассамблея – высший орган ИРЕНА, состоящий из одного представителя от всех членов Агентства, проводящий ежегодно очередные сессии. В полномочия Ассамблеи входят: обсуждение любого вопроса в рамках Устава, принятие решений и вынесение рекомендаций любому органу ИРЕНА, вынесение рекомендаций членам по их запросу, предложения вопросов для рассмотрения Советом, запрашивание отчетов других органов по любому вопросу, относящемуся к работе Агентства. Совет состоит из нефиксированного числа членов от 11 до 21, соответствующему 1/3 членов ИРЕНА, при условии равного географического распределения, выбирающихся на два года Совет рассматривает и представляет Ассамблее проекты рабочей программы, бюджета, ежегодного отчета и других отчетов, подготовленных Секретариатом, заключает договоры или соглашения с государствами, международными организациями и агентствами от имени ИРЕНА, принимает решения относительно круга и срока полномочий созданных им вспомогательных органов.¹⁴ Секретариат содействует Ассамблее, Совету и их вспомогательным органам в исполнении их функций. Секретариат состоит из Генерального директора, возглавляющего его и являющегося главным административным должностным лицом, и штата. Главными функциями являются подготовка проектов рабочей программы, бюджета, ежегодного отчета и других отчетов, исполнение рабочей программы ИРЕНА и его решений, осуществление административной и технической поддержки деятельности всех органов. На сегодняшний день Генеральным директором ИРЕНА является Аднан З. Амин.

Постоянной штаб-квартирой ИРЕНА был избран город Абу-Даби (ОАЭ).¹⁵ Центр инноваций и технологий ИРЕНА находится в Бонне (ФРГ) и возглавляется на настоящий момент Дольфом Гилленом.

ИРЕНА осуществляет свою деятельность на основе ежегодных рабочих программ, подготовленных Секретариатом. Также ИРЕНА может осуществлять проекты, которые иницируют и финансируют государства-члены, при условии наличия нематериальных ресурсов Агентства.¹⁶ Программный цикл 2018-2019 гг. направлен на укрепление места Агентства как эффективного международного инструмента в глобальной энергетической и институциональной среде, основывается на предоставлении знаний и консультаций в области ВИЭ и отвечает потребностям разноо-

¹³Белоцкий С.Д. Формирование институционального механизма международно-правового регулирования экологически ориентированной (альтернативной) энергетики // Российский юридический журнал. 2013, № 4. – С. 34-40.

¹⁴Устав Международного Агентства по возобновляемым источникам энергии от 26 января 2009 г. // URL: http://www.irena.org/documents/uploadDocuments/Statute/Statute_RU.pdf (11.05.2018).

¹⁵IRENA Decision A/1/DC/11 on the permanent seat of the Agency, 16 August 2011 г. // URL: <http://www.irena.org/institutionaldocuments?session=7d05d98cd5e34120aa9d3a4a6dae1174> (12.05.2018).

¹⁶Устав Международного Агентства по возобновляемым источникам энергии от 26 января 2009 г. // URL: http://www.irena.org/documents/uploadDocuments/Statute/Statute_RU.pdf (11.05.2018).

бразного глобального членского состава Агентства. Рабочая программа и бюджет на 2018-2019 гг. подкрепляются тремя руководящими принципами: 1) постоянный акцент на бизнес-обосновании ВИЭ необходим для повышения инвестиционной привлекательности в развитие ВИЭ; 2) максимальное использование возможности объединения усилий ИРЕНА, чтобы поощрять взаимную передачу знаний и опыта в интересах его членства; 3) Фокусирование на дальнейшем укреплении эффективности и результативности ИРЕНА посредством стратегических партнерских отношений.¹⁷

ИРЕНА предоставляет уникальные условия для международного сотрудничества, в которых участвуют 156 государств-членов и 25 государств, находящихся в процессе присоединения.¹⁸ Сочетание знаний, опыта и разнообразия в рамках членства в ИРЕНА обещает открыть новые широкие возможности, все время меняя контуры существующей энергетической системы. В связи с этим 13 января 2018 г. Ассамблея ИРЕНА приняла решение о принятии Среднесрочной стратегии на 2018-2022 годы, в которой государства-члены ставят новую цель Агентства играть ведущую роль в преобразовании глобальной энергетической системы.¹⁹

По мнению некоторых зарубежных исследователей, ИРЕНА является специфической очень инклюзивной международной организацией, которая не предъявляет требований к своим членам, не налагает на них юридические обязательства, является очень гибкой, особенно с климатическими вопросами. Также Ютта Урпилайнен, Ван де Грааф Т. выделяют три механизма, посредством которых ИРЕНА может способствовать глобальному распространению ВИЭ: путем предложения ценных эпистемологических услуг для его государств-членов, выступая в качестве координационного центра для ВИЭ в разрозненных глобальных институциональных условиях и путем мобилизации других международных организаций в целях содействия использованию ВИЭ.²⁰

Благодаря отсутствию финансирования проектов, ИРЕНА способна выстраивать политический консенсус, содействовать унификации политики в сфере возобновляемой энергии и снижать системные риски управления. ИРЕНА не обещает больших возможностей в сфере международного сотрудничества, ее мандат является выполнимым, содержит в основном технические задачи, не способные стать осно-

¹⁷Work Programme and Budget for 2018-2019. Report A/8/4 of the IRENA Director-General. Eighth session of the Assembly. 14 January 2018 г. // URL: <http://www.irena.org/institutionaldocuments?page=3> (15.05.2018).

¹⁸International Renewable Energy Agency. Growth in IRENA Membership // URL: <http://www.irena.org/irenamembership#collapse8One> (10.05.2018).

¹⁹IRENA Decision A/8/DC/2 on the Medium-term Strategy 2018-2022, 13 January 2018 г. // URL: <http://www.irena.org/institutionaldocuments?session=19cf4663fcff4c3b9a099355911ec83a&page=1> (13.05.2018).

²⁰Urpelainen J., Van de Graaf T. The International Renewable Energy Agency: A Success Story in Institutional Innovation? // *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics*. 2015, Vol. 15. No. 2. P. 159–177.

²¹Ланьшина Т.А., Баринаева В.А. Глобальное управление в сфере возобновляемой энергетики: международные тенденции и Россия // *Вестник международных организаций*. 2017, Т. 12., № 1. С. 110–126.

вой для серьезных разногласий.²¹ Более того, создание ИРЕНА послужило толчком для других международных институциональных механизмов изменить свое отношение к ВИЭ²² или расширить свои сферы деятельности, включив в свои повестки вопросы использования ВИЭ и изменение климата.²³ Расширение сферы деятельности произошло у Международного Энергетического агентства, которое увеличило свое сотрудничество с Конференцией Рамочной Конвенции ООН по изменению климата и ИРЕНА по вопросам изменения климата и переходу к низкоуглеродной экономике.²⁴

В настоящее время ИРЕНА работает над следующими инициативами:

1) Коридор чистой энергии ИРЕНА – направлен на преобразование энергетического ландшафта путем перехода от вчерашних углеродных технологий к будущим устойчивым энергетическим системам. Предусматривает широкие региональные инициативы путем содействия трансграничной торговле чистой, коренной и рентабельной возобновляемой энергией. Его цели заключаются в поддержке внедрения благоприятных рамок, которые привлекают своевременные и достаточные финансовые ресурсы; выявлять и разрабатывать экономически эффективные варианты использования возобновляемой энергии; и поощрять надежную интеграцию более высоких долей ВИЭ в системы электроснабжения. Охватываются четыре субрегиона: Восточная, Южная, Западная Африки и Центральная Америка.²⁵

2) Коалиция ради действий. В январе 2014 г. ИРЕНА и 35 ведущих государств в области ВИЭ со всего мира совместно создали Коалицию ради действий для содействия более широкому и быстрому внедрению технологий использования ВИЭ. Сегодня Коалиция насчитывает 55 членов, включая частные компании, отраслевые ассоциации, международные организации, научно-исследовательские институты и гражданское общество. Коалиция в первую очередь направлена на содействие более широкому и более быстрому поглощению технологий использования ВИЭ за счет улучшения понимания общественностью преимуществ и выгод. Обеспечение полного доверия общественности к технологиям в области ВИЭ стало ключевым фактором быстрого отслеживания их развертывания, что имеет жизненно важное значение для достижения устойчивого энергетического будущего.²⁶ На Седьмой Министерской встрече по чистой энергии в 2016, международное сообщество лидеров высокого уровня, включая ИРЕНА, презентовали Кампанию по Корпоративному финансированию ВИЭ. В рамках этой кампании и при поддержке Коалиции ради действий ИРЕНА разрабатывает первый глобальный справочный индекс по корпоративному финансированию ВИЭ – Оценочный доклад произведенной воз-

²²Sybillie Roehrkasten. *Global Governance on Renewable Energy: Contrasting the Ideas of the German and the Brazilian Governments*. Potsdam, Germany: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2015. – 306 p.

²³Van de Graaf T. *Obsolete or Resurgent? The International Energy Agency in a Changing Global Landscape* // *Energy Policy*. 2012, Vol. 48. – P. 233–241.

²⁴Heubaum H., Biermann F. *Integrating Global Energy and Climate Governance: The Changing Role of the International Energy Agency* // *Energy Policy*. 2015, Vol. 87. – P. 229–239.

²⁵Clean Energy Corridor. *International Renewable Energy Agency* // URL: <http://www.irena.org/cleanenergycorridors> (15.05.2018 г.).

²⁶IRENA Coalition for Action // URL: <http://coalition.irena.org/> (15.05.2018).

обновляемой энергии (REmade Indexreport). В докладе будут освещены последние тенденции корпоративного финансирования, одобрены компании, финансирующие ВИЭ, даются рекомендации по дальнейшему росту.²⁷

3) Глобальный Геотермальный Альянс (далее – ГГА) служит платформой для диалога, сотрудничества и скоординированных действий между геотермальной индустрией, политиками и заинтересованными сторонами во всем мире. Как указано в Совместном коммюнике о Глобальном геотермальном альянсе, ГГА является коалицией действий по увеличению использования геотермальной энергии как в производстве электроэнергии, так и в прямом использовании тепла.²⁸ ГГА был создан, чтобы способствовать созданию благоприятных условий для привлечения инвестиций в геотермальную энергию; оказывать индивидуальную поддержку регионам и странам с потенциалом геотермального рынка; содействовать обмену знаниями и опытом между основными заинтересованными сторонами в системе ценностей геотермальной энергии; выявлять и продвигать модели совместного использования и смягчения рисков, чтобы привлекать частные инвестиции и интегрировать геотермальные объекты на энергетические рынки; помогать упростить информационно-пропагандистские усилия, направленные на повышение геотермальной энергии в глобальных дискуссиях в области энергетики и климата.²⁹ В мае 2016 г. был одобрен План действий ГГА, предусматривающий: а) оценку ресурсов и рынков; б) оценку потребностей и препятствий; в) стимулирование структуры; г) глобальную геотермальную сеть.³⁰

4) Парламентская сеть. ИРЕНА наращивает взаимодействие с членами парламента во всем мире, распространяет достоверную и актуальную информацию, создает активную сеть чемпионов по ВИЭ и содействует обмену информацией и передовым опытом. Парламентарии могут оказывать общественную поддержку разрыванию ВИЭ. В рамках парламентской сети ИРЕНА издает периодический краткий обзор ВИЭ (*The REview for Parliamentarians*) для парламентариев с целью обмена последними знаниями, опытом и передовыми методами использования социально-экономических выгод в области ВИЭ и по конкретным смежным темам, таким как доступ к энергии или изменение климата. Возможности парламентской сети ИРЕНА расширены проведением Форумом законодателей ИРЕНА, который представляет уникальную возможность для законодателей со всего мира взаимодействовать с экспертами и обмениваться передовым опытом друг с другом по вопросам ВИЭ, а также с другими важными заинтересованными сторонами в целях инициирования диалога между государственным и частным секторами в отношении возможностей развития рынков возобновляемой энергии во всем мире и

²⁷Remade Index. IRENA Coalition for Action // URL: <http://coalition.irena.org/HOME/RemadeIndex> (15.05.2018).

²⁸Joint Communiqué on the Global Geothermal Alliance. December 2015 // URL: http://www.irena.org/EventDocs/GGA%20Joint%20Communique_COP21.pdf (15.05.2018).

²⁹Global Geothermal Alliance. International Renewable Energy Agency // URL: <http://www.globalgeothermalalliance.org/> (15.05.2018).

³⁰Global Geothermal Alliance Action Plan, May 2016 г. // URL: <http://www.globalgeothermalalliance.org/-/media/Files/IRENA/GGA/Action-Plan/GGA-Action-Plan---FINAL-May.pdf?la=en&hash=B1D1C3250BD45953B4BA5AD7A9C1E49BAAAED7BA> (16.05.2018).

проблем, с которыми сталкивается частный сектор.

5) Дорожная карта возобновляемой энергии (*IRENA's REmap*) определяет потенциал для стран, регионов и мира по расширению использования ВИЭ, оценивает потенциал возобновляемой энергии. В Дорожной карте основное внимание уделяется не только технологиям возобновляемой энергии, но и технологическим вариантам в области отопления, охлаждения и транспорта. Она фокусируется на возможных технологических путях и оценивает множество других показателей, в том числе: затраты на технологии, сектор и систему; инвестиционные потребности; внешние эффекты, связанные с загрязнением воздуха и климатом; выбросы углекислого газа; и экономические показатели, такие как занятость и экономический рост. Основываясь на этих результатах, ориентированных на страны, Дорожная карта возобновляемой энергии предоставляет информацию политикам и лицам, принимающим решения, в тех областях, в которых необходимы действия.³¹

6) Оценка готовности к возобновляемым источникам энергии (*The Renewables Readiness Assessment*) является всеобъемлющим инструментом оценки пригодности условий в разных странах для разработки и внедрения ВИЭ наряду с действиями, необходимыми для улучшения этих условий, определяет краткосрочные и среднесрочные действия для быстрого увеличения использования ВИЭ. Страны, стремящиеся к расширению использования ВИЭ, руководствуются докладом «Оценка готовности к возобновляемым источникам энергии: проект для действий», в котором описывается процесс, разработанный для государств-членов ИРЕНА, чтобы помочь им оценить состояние и перспективы развертывания ВИЭ на национальном уровне, определить проблемы, требующие неотложного внимания или продвижения по службе, и определить конкретные действия. Процесс оценки охватывает пять основных тем: национальная энергетическая политика и стратегия; институты и рынки; ресурсы и технологии; создание бизнес-модели; и потенциал, необходимый для расширения использования ВИЭ.³²

7) Инициатива Маяков Малых Островных Развивающихся Государств поддерживает разработку глобальных рамок для перехода энергии на острова. Была создана с целью к 2020 году обеспечить, чтобы все участвующие острова разрабатывали дорожные карты по возобновляемым источникам энергии, мобилизовали 500 миллионов долларов США, развернули 120 МВт ВИЭ. Инициатива способствует скоординированной поддержке островов в целях преобразования их энергетических систем с преобладанием ископаемого топлива в ВИЭ посредством партнерских отношений с государственными, частными, межправительственными и неправительственными организациями – заинтересованными сторонами. ИРЕНА координирует эту инициативу и облегчает несколько мероприятий, которые объединяют острова и партнеров для поддержки всех оперативных шагов в области перехода к ВИЭ, от оценки ресурсов и планирования до поддержки разработки проектов.³³

ИРЕНА разработало крупный проект веб-платформу Глобальный атлас для

³¹IRENA's REmap – Renewable Energy Roadmaps // URL: <http://www.irena.org/remap> (17.05.2018 г.).

³²The Renewables Readiness Assessment. International Renewable Energy Agency // URL: <http://www.irena.org/rtra> (18.05.2018).

³³SIDS Lighthouses. International Renewable Energy Agency // URL: <http://islands.irena.org/> (18.05.2018).

ВИЭ, которая позволяет находить карты ВИЭ для местоположения по всему миру. Он направлен на устранение разрыва между странами, которые имеют доступ к необходимым данным и экспертным знаниям для оценки потенциала развертывания ВИЭ в своих странах и тех, которые не имеют этих элементов. За последние 6 лет инициатива объединила более 50 высококвалифицированных международных исследовательских институтов для обмена более 2000 карт возобновляемой энергии на этой единой и последовательной платформе, охватывающей солнечную, ветровую, биоэнергетическую, геотермальную и морскую энергию.

Необходимо также заметить, что проекты в области ВИЭ сталкиваются с проблемами на институциональном, политическом и нормативном уровне, а также на уровне рынка и проектов. Существует также понимание высокотехнологичного риска, громоздких административных процедур, недостаточной прозрачности в проектном цикле, а также ограниченного доступа к институциональным и коммерческим финансовым инструментам. Поэтому необходимо надлежащее планирование проектов с ВИЭ, чему способствуют многие инициативы и проекты ИРЕНА.

Кроме того, ИРЕНА играет важную роль в достижении Цели 7 Устойчивого развития для всех – Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех.³⁴ В рамках данной Цели предполагается к 2030 году значительно увеличить долю энергии из ВИЭ в мировом энергетическом балансе, а также активизировать международное сотрудничество в целях облегчения доступа к исследованиям и технологиям в области экологически чистой энергетики, включая возобновляемую энергетику.³⁵ Вдобавок ИРЕНА принимает активное участие в содействии реализации расширения использования новых и возобновляемых источников энергии применительно ко всем источникам энергии в рамках отсчета Десятилетия устойчивой энергетики для всех ООН в период 2014–2024 годы.³⁶

Невозможно не отметить также ежегодное проведение Международного энергетического форума-выставки «World Future Energy Summit», которая представляет собой глобальную отраслевую платформу, объединяющую бизнес и инновации в области энергетики, чистых технологий и эффективности для устойчивого будущего.

На основании вышеизложенного, можно прийти к выводу, что ИРЕНА с момента создания ведет очень активную работу по распространению и поддержке ВИЭ. Все

³⁴Акшалова Р.Д. Цели в области устойчивого развития и возобновляемые источники энергии: международно-правовые аспекты // Актуальные проблемы современного международного права: материалы XV Международного конгресса «Блищенковские чтения»: в 3 ч. / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Н.Н. Емельянова. Москва, 22 апреля 2017 г. М.: РУДН, 2018. – С. 10-19.

³⁵Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., принятая Резолюцией A/RES/70/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement> (23.05.2018).

³⁶Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций A/RES/67/215 от 21 декабря 2012 г. «Содействие расширению использования новых и возобновляемых источников энергии» // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/491/52/PDF/N1249152.pdf?OpenElement> (23.05.2018).

инициативы ИРЕНА невозможно охватить в рамках одной научной публикации, однако мы постарались охватить большую часть всех проектов ИРЕНА на сегодняшний день. Конечно, нам хотелось бы видеть ИРЕНА как сильный международный институциональный механизм, который бы смог в рамках своей компетенции заключать многосторонние международные договоры, направленные на правовое регулирование использования ВИЭ всеми государствами. Однако большинство стран только встает на путь перехода к возобновляемой энергетике и, соответственно, принятие такого универсального документа еще не целесообразно.

На наш взгляд, ИРЕНА через современные инициативы и проекты достигает свои первоначальные цели. Посредством усиления связей и увеличения количества проектов возможно упрочение отношений и сотрудничества с другими международными универсальными и региональными организациями для достижения Целей в области устойчивого развития и выполнения Среднесрочной стратегии Агентства на 2018-2022 годы. Мы верим, что ИРЕНА справится с новой целью – играть ведущую роль в преобразовании глобальной энергетической системы, но только при всеобщей поддержке государств-участников и всего международного сообщества в целом.

Р.Д. Акшалова: Жаңартылатын энергия көздері жөніндегі халықаралық агенттік мамандандырылған халықаралық ұйым ретінде.

Бұл мақалада Жаңартылатын энергия көздері саласындағы негізгі халықаралық институционалдық тетік ретінде жаңартылатын энергия көздері жөніндегі халықаралық агенттіктің құрылуы, мақсаттары, міндеттері, негізгі қызметі, құрылымы, жұмыс бағдарламасы туралы баяндалады. Автор жаңартылатын энергия көздерін қолдауға және таратуға бағытталған бүгінгі бастамалар мен жобаларды қарастырады.

Түйінді сөздер: жаңартылатын энергия көздері, Халықаралық жаңартылатын энергетика агенттігі, жаңартылатын энергия көздері, Фаламдық геотермальды альянс, таза энергетикалық коридор, IRENA әрекеттер коалициясы.

R.D. Akshalova: International Renewable Energy Agency as a specialized international organization.

This article examines in detail the history of creation, purpose, objectives, main activities, structure and work program of the International Renewable Energy Agency as the main international institutional mechanism in the field of renewable energy. The author also explores contemporary initiatives and projects carried out today in order to support and distribution of renewable energy sources.

Key words: renewable energy, International Renewable Energy Agency, renewable energy sources, Global Geothermal Alliance, Clean Energy Corridor, IRENA Coalition for Action.

Библиография:

1. Солнцев А.М., Симонян А.С. Международное сотрудничество в сфере использования возобновляемых источников энергии // Энергетическое право. 2011, № 1. – С. 43-46.
2. Байсакалова М.Н. Международно-правовое регулирование ВИЭ и роль ИРЕНА (Меж-

дународное агентство по возобновляемой энергии) // *Инновационная наука*. 2015, № 8. – С. 110-112.

3. Белоцкий С.Д. ИРЕНА и ИТЭР как регуляторы межгосударственных отношений в сфере альтернативной энергетики // *Вестник РУДН. Серия Юридические науки*. 2012, № 4. – С. 242-252.

4. Шмаков С.С. ИРЕНА как новая форма взаимодействия государств в сфере использования возобновляемых источников энергии // *Материалы Международной научно-практической конференции «Современное международное право и научно-технический прогресс»*. Кафедра МП РУДН и кафедра МП ЕНУ имени Л. Н. Гумилева, 8 декабря 2011 г. С. 100-103.

5. Акшалова Р.Д. Перспективы развития международно-правового регулирования возобновляемых источников энергии // *Перспективы развития права. Сборник материалов международной научной конференции*, 22 января 2017. Вильнюс: Университет Казимераса Симонавичуса, 2017. – С. 270-277.

6. Солнцев А.М. Международное агентство по возобновляемым источникам энергии (ИРЕНА) в системе международного энергетического сотрудничества // *Альтернативна енергетика і енергетична безпека в міжнародному і національному праві: Збірка матеріалів Міжнародної наукової конференції «Роль міжнародного права в розвитку екологічної альтернативи сучасній енергетиці»* (Київ, 25 квітня 2012). Київ: Фенікс, 2012. – С. 211-218.

7. Пономарева О.В. Внеорганизационные институциональные формы сотрудничества государств в сфере энергетики // *Актуальные проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции*. Москва, 9-10 апреля 2010 г. Часть II. М.: РУДН, 2011. – С. 189-194.

8. Белоцкий С.Д. Формирование институционального механизма международно-правового регулирования экологически ориентированной (альтернативной) энергетики // *Российский юридический журнал*. 2013, № 4. – С. 34-40.

9. Urpelainen J., Van de Graaf T. The International Renewable Energy Agency: A Success Story in Institutional Innovation? // *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics*. 2015, Vol. 15. No. 2. – P. 159-177.

10. Ланьшина Т.А., Барина В.А. Глобальное управление в сфере возобновляемой энергетики: международные тенденции и Россия // *Вестник международных организаций*. 2017, Т. 12., № 1. – С. 110-126.

11. Sybille Roehrkasten. Global Governance on Renewable Energy: Contrasting the Ideas of the German and the Brazilian Governments. Potsdam, Germany: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2015. – 306 p.

12. Van de Graaf T. Obsolete or Resurgent? The International Energy Agency in a Changing Global Landscape // *Energy Policy*. – 2012, Vol. 48. – P. 233-241.

13. Heubaum H., Biermann F. Integrating Global Energy and Climate Governance: The Changing Role of the International Energy Agency // *Energy Policy*. 2015, Vol. 87. – P. 229-239.

14. Акшалова Р.Д. Цели в области устойчивого развития и возобновляемые источники энергии: международно-правовые аспекты // *Актуальные проблемы современного международного права: материалы XV Международного конгресса «Блищенковские чтения»: в 3 ч. /отв. ред. А.Х. Абашидзе, Н.Н. Емельянова*. Москва, 22 апреля 2017 г. Часть II. М.: РУДН, 2018. – С. 10-19.

References (transliterated):

1. Solncev A.M., Simonjan A.S. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v sfere ispol'zovanija vozobnovljaemyh istochnikov jenerгии // *Jenergeticheskoe pravo*. 2011, № 1. – S. 43-46.

2. Bajsakalova M.N. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie VIJe irol' IRENA (Mezhdunarodnoe agentstvo po vozobnovljaemoj jenerгии) // *Innovacionnaja nauka*. 2015, № 8. – S. 110-112.

3. Belockij S.D. IRENA i ITJeR kak reguljatory mezhgosudarstvennyh otnoshenij v sfere al'ternativnoj jenergetiki // *Vestnik RUDN. Serija Juridicheskie nauki*. 2012, № 4. – S. 242-252.

4. Shmakov S.S. IRENA kak novaja forma vzaimodejstvija gosudarstv v sfere ispol'zovanija vozobnovljaemyh istochnikov jenerгии // *Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo i nauchno-tehnicheskij progress»*, kafedra MP RUDN i kafedra MP ENU imeni L. N. Gumileva, 8 dekabrja 2011 g. – S. 100-103

5. Akshalova R.D. Perspektivy razvitija mezhdunarodno-pravovogo regulirovanija vozobnovljaemyh istochnikov jenerгии // *Perspektivy razvitija prava. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 22 janvarja 2017*. Vil'njus: Universitet Kazimerasa Simonavichusa, 2017. – С. 270-277.

6. Solncev A.M. Mezhdunarodnoe agentstvo po vozobnovljaemym istochnikam jenerгии (IRENA) v sisteme mezhdunarodnogo jenergeticheskogo sotrudnichestva // *Al'ternativna energetika i energetichna bezpeka v mizhnarodnomu i nacional'nomu pravi: Zbirka materialiv Mizhnarodnoї naukoї konferencii «Rol' mizhnarodnogo prava v rozvitku ekologichnoї al'ternativi suchasnj energetici»* (Kiiv, 25 kvitnja 2012). Kiev: Feniks, 2012. – S. 211-218.

7. Ponomareva O.V. Vneorganizacionnye institucional'nye formy sotrudnichestva gosudarstv v sfere jenergetiki // *Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava: Materialy ezhegodnoj mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Moskva, 9-10 aprelja 2010. Chast' II. M.: RUDN, 2011. – S. 189-194.

8. Belockij S.D. Formirovanie institucional'nogo mehanizma mezhdunarodno-pravovogo regulirovanija jekologicheski orientirovannoj (al'ternativnoj) jenergetiki // *Rossijskij juridicheskij zhurnal*. 2013, № 4. – S. 34-40.

9. Urpelainen J., Van de Graaf T. The International Renewable Energy Agency: A Success Story in Institutional Innovation? // *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics*. 2015, Vol. 15. No. 2. – P. 159-177.

10. Lan'shina T.A., Barinova V.A. Global'noe upravlenie v sfere vozobnovljaemoj jenergetiki: mezhdunarodnye tendencii i Rossiya // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*. 2017, T. 12., № 1. – S. 110-126.

11. Sybille Roehrkasten. Global Governance on Renewable Energy: Contrasting the Ideas of the German and the Brazilian Governments. Potsdam, Germany: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2015. – 306 p.

12. Van de Graaf T. Obsolete or Resurgent? The International Energy Agency in a Changing Global Landscape // *Energy Policy*. 2012, Vol. 48. – P. 233-241.

13. Heubaum H., Biermann F. Integrating Global Energy and Climate Governance: The Changing Role of the International Energy Agency // *Energy Policy*. 2015, Vol. 87. – P. 229-239.

14. Akshalova R.D. Celi v oblasti ustojchivogo razvitija i vozobnovljaemye istochniki jenerгии: mezhdunarodno-pravovye aspekty // *Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava: materialy XV Mezhdunarodnogo kongressa «Blishhenkovskie chtenija»: v 3 ch. / otv. red. A.H. Abashidze, N.N. Emel'janova*. Moskva, 22 aprelja 2017 g. Chast' II. M.: RUDN, 2018. – S. 10 19.

СТАНОВЛЕНИЕ ИСЛАМСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕЕ ФУНКЦИИ

М.В. ГРЕБЕНЮК,
доцент, Руководитель
Межведомственного
научно-исследовательского
центра по проблемам борьбы
с организованной
преступностью (г. Киев,
Украина)

В статье рассмотрены правовые основы создания и функционирования международной институции – Исламской Организации по продовольственной безопасности (ИОПБ). Определены основные направления деятельности ИОПБ и её международно-правовое положение. Рассмотрены институциональные аспекты создания ИОПБ. Определен формат сотрудничества между ФАО и Казахстаном в сфере сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности. Проведен анализ уставной компетенции ИОПБ как современной международной организации, которая объединяет мусульманские страны с целью обеспечения продовольственной безопасности. Выделена основная функция деятельности ИОПБ – предоставление продовольственной гуманитарной помощи мусульманским государствам. Детализированы перспективные направления и пути усовершенствования деятельности ИОПБ как экономической платформы, которая позволит развивать сотрудничество и конструктивный диалог между странами исламского мира и авторитетны-

ми международными организациями с целью улучшения состояния региональной продовольственной безопасности.

Ключевые слова: международная организация, международное сотрудничество, региональная продовольственная безопасность, сельское хозяйство, сельскохозяйственная продукция, государственная аграрная политика, продовольствие, мировые продовольственные рынки, региональные резервные фонды, экспорт зерна.

Современный мир переживает период глубоких перемен, сущность которых заключается в эволюции международной системы в сторону большего полицентризма, при этом структура международных отношений продолжает усложняться.¹ В эпоху глобализации и актуализации мировой демографической проблемы, появления масштабных продовольственных кризисов и ухудшающихся климатических условий, своевременным и целесообразным заданием мирового сообщества

© М.В. Гребенюк, 2018

¹Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 года № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Гарант: информационно-правовой портал. 2016. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1033095/> Здесь и далее материалы из Интернета приводятся по состоянию на 22.12.2017 г.

является разработка согласованных на международном и региональном уровне концептов политики обеспечения продовольственной безопасности. Определение и реализация таковых мероприятий позволит повысить продуктивность мирового сельского хозяйства и решить проблему голода и бедности как основных пороков человечества в XXI веке.

Как справедливо констатирует Е.В. Аристов, защита личности, социума и всего населения в целом от бедности является одной из ключевых функций государства.² Поэтому международная политика обеспечения продовольственной безопасности формируется в первую очередь исходя из национальных приоритетов и результативности мероприятий государственной социально-экономической политики. Анализ современных международно-правовых документов, посвящённых проблематике обеспечения глобальной продовольственной безопасности, свидетельствует о том, что ее основная цель – проведение всеми странами мира, уполномоченными международными организациями согласованных и консолидированных мероприятий, направленных на:

- 1) увеличение объемов производства сельскохозяйственной продукции;
- 2) адекватное распределение продуктов питания, организацию предоставления международной гуманитарной помощи странам и регионам, которые в ней остро нуждаются.

Таким образом, глобальная продовольственная безопасность основывается на продовольственной безопасности отдельных стран и регионов, а также активной деятельности международных организаций (ФАО, ВПП, ИФАД), которые ставят первоочередной задачей своей деятельности борьбу с голодом и недоеданием, решение проблем продовольственного обеспечения в масштабах планеты.

В мировой практике вопросы обеспечения продовольственной безопасности тесно связаны с качеством, безопасностью и гигиеной пищевых продуктов. Нет сомнений, что проблема обеспечения безопасности пищевых продуктов также играет особо важную роль. В исламской юриспруденции чётко указаны продукты питания, которые являются «халальными» («законными») и «харамными» («запрещенными»)³ Фундаментальный Исламский закон, регулирующий вопросы питания, довольно прост и понятен, что позволяет делать его применение в мусульманских странах достаточно легким и оптимальным.⁴

Таким образом, необходимость консолидации усилий стран мусульманского мира в области сотрудничества в сфере обеспечения продовольственной безопасности неоднократно подчеркивалась и определялась как ключевая проблематика международных конференций, саммитов, встреч на высшем политическом уровне.

Целесообразно отметить, что с 1995 г. Казахстан стал полноправным членом крупнейшей межправительственной мусульманской международной организации – Организации Исламского Сотрудничества (ОИС). ОИС наиболее влиятельная официальная правительственная мусульманская организации, крупнейшая после

²Аристов Е. В. Бедность и нищета в правовом пространстве социального государства как его антагонисты // Право и государство. 2016. № 2 (71). – С. 82-85.

³M. Mufizur Rahman et al. Food safety issues in Islam. / Health, Safety and Environment (2014) 2 (6) 132-145 // URL: https://www.researchgate.net/publication/316471794_Food_safety_issues_in_Islam.

⁴Аляутдинов Ш.Р. Путь к вере и совершенству. М.: Фонд образования. 2001. С. 360.

Организации Объединённых Наций (ООН) международная организация, в которую входят 57 стран на четырех континентах.⁵

На сегодня площадь сельскохозяйственных угодий Республики Казахстан составляет более 200 млн га, а объем валовой продукции сельского хозяйства, например, только в 2015 г. увеличился на 4,4 % и составил 2,7 трлн тенге, при этом экспорт сельхозпродукции за последние 5 лет вырос в 1,3 раза и составляет 1,1 млрд долларов США. Согласно данным Министерства национальной экономики Республики Казахстан (РК), экспорт зерна по итогам 2016 г. составил 5454,8 тыс. тонн, при этом данный показатель превышает объёмы экспортных поставок зерновых в 2015 г. на 18,6 %.⁶ Это свидетельствует о том, что Казахстан имеет значительный потенциал в обеспечении продовольственной безопасности и на протяжении последних пяти лет занимает лидирующие позиции как мировой экспортер муки и зерна.

Как справедливо считает А.Ж. Рахимжанова, для Казахстана основным условием обеспечения продовольственной безопасности является интенсивное развитие отраслей сельского хозяйства и пищевой промышленности, которое позволит аграрному сектору стать ведущей отраслью экономики, что, в конечном итоге, должно содействовать росту уровня самообеспеченности страны продовольствием.⁷

Учитывая объёмы сельскохозяйственного товарного производства, земельно-ресурсный потенциал, а также результаты ежегодного рейтинга стран мира по уровню обеспечения продовольственной безопасности, в 2016 г. Казахстан занял 68-е место среди 113-ти стран мира (The Global Food Security Index),⁸ при этом Казахстан также входит в десятку крупнейших мировых экспортеров зерновых. Наличие зернового потенциала позволяет Казахстану оставаться лидером в вопросах обеспечения региональной продовольственной безопасности среди исламских государств.

Принимая во внимание быстрый демографический рост, который демонстрируют страны Центральной Азии и Ближнего Востока, для Казахстана открываются колоссальные возможности занять лидирующие позиции на соответствующих продовольственных рынках. Это стимулирует динамическое развитие ведущих отраслей агропромышленного комплекса (АПК) и сельского хозяйства РК, а также формирует перспективные рынки сбыта продукции аграрного производства Казахстана.

В контексте реализации активной внешней агропродовольственной политики Указом Президента Республики Казахстан от 14 февраля 2017 г. № 420 была утверждена Государственная программа развития агропромышленного комплекса Республики Казахстан на 2017 – 2021 гг.⁹ В этом стратегическом документе определены приоритеты государственной аграрной политики РК:

- обеспечение производства востребованной на рынках конкурентоспособной продукции АПК;
- насыщение внутреннего рынка и развитие экспортного потенциала отечественной продукции;
- вовлечение мелких и средних хозяйств в сельскохозяйственную кооперацию;
- эффективное использование финансовых средств государственной поддержки АПК;
- эффективное использование водных ресурсов для сельского хозяйства;
- создание благоприятных условий для эффективного использования земельных ресурсов и т.д.¹⁰

Геополитические реалии, негативные последствия мировых продовольственных кризисов, необходимость создания стратегических запасов продовольствия (экстренные или чрезвычайные ситуации на рынках продуктов питания, климатические изменения, постоянное увеличение спроса на продовольствие) провоцируют обострение социального аспекта в аграрной политике развивающихся стран, в том числе и мусульманских. Исходя из указанных рисков и угроз, именно Казахстан инициировал создание международной структуры, которая поможет решить продовольственную проблему в странах мусульманского мира.

Таким образом, инициатива о необходимости создания всеобъемлющей системы продовольственной безопасности в странах мусульманского мира под эгидой Казахстана была выдвинута еще в 2011 г. президентом Н. Назарбаевым на 38-й сессии Совета министров иностранных дел ОИС в Астане и стала одним из главных пунктов повестки дня председательства Казахстана в этой организации.

Устав Исламской Организации по продовольственной безопасности (ИОПБ) был принят в Конакри (Гвинея) 10 декабря 2013 г. на 40-й сессии Совета министров иностранных дел государств-членов ОИС полномочными представителями 19-ти государств. Правовым основанием для создания ИОПБ стало принятие Закона Республики Казахстан от 21 ноября 2014 г. № 256 «О ратификации устава Исламской Организации по продовольственной безопасности».¹¹ На сегодня устав Организации подписан 23-мя исламскими странами, но для полноценного функционирования необходимо, чтобы 10 государств ОИС ратифицировали подписанный устав, поскольку в настоящее время его ратифицировали только два государства – Казахстан и Республика Нигер.

Нормативно регламентировано, что создание ИОПБ позволит в дальнейшем организовать поставки казахстанского зерна и других видов продовольствия государствам-членам ОИС, реализовать крупные инвестиционные проекты, как в Казахстане, так и в других странах с целью увеличения объёмов экспорта

⁵Официальные источники ОИК // URL: http://www.acihl.org/articles.htm?article_id

⁶Министерство национальной экономики Республики Казахстан. 2016. Официальный сайт Министерства национальной экономики Республики Казахстана. 2016 // URL: <http://economy.gov.kz/ru/>

⁷Рахимжанова А.Ж. Вопросы обеспечения продовольственной безопасности: автореф. дис. к.ю.н. Новый экономический университет им. Т. Рыскулова. Республика Казахстан: Алматы. 2015. – 27 с.

⁸The Global Food Security Index. 2016 // URL: <http://foodsecurityindex.eiu.com>

⁹Об утверждении Государственной программы развития агропромышленного комплекса Республики Казахстан на 2017 – 2021 годы: Указ Президента Республики Казахстан от 14 февраля 2017 года № 420 // Egov: государственные услуги и информация онлайн. 2016. URL: <http://egov.kz/cms/ru/law/list/P1600000894>

¹⁰Rahman M.M., Kabir S.M.L. 2012. Developing awareness profiling force and activities linking safety and quality of foods of animal origin in Bangladesh. Review article. Sci. J. Rev. 1(3). – P. 84-104.

¹¹О ратификации Устава Исламской Организации по продовольственной безопасности: Закон Республики Казахстан от 21 ноября 2014 года № 256 // Egov: государственные услуги и информация онлайн. 2014. URL: https://egov.kz/cms/ru/law/list?branches%5B0%5D=1_032&types%5B0%5D=%D0%A3%D0%A1%D0%A2&mobile=no

¹²On Safety of Food Products Law of the Republic of Kazakhstan No. 301 of 21 July. 2007.

зерновых.¹² Также в соответствии с уставными задачами ИОПБ будет предоставлять государствам-членам ОИС технические «ноу-хау» в сфере различных аспектов эффективного развития сельского хозяйства, продовольственной безопасности и развития биотехнологий, проведение мониторинга ситуации в области продовольственной безопасности.

Также Казахстан является участником Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО). Партнерство между Казахстаном и ФАО осуществляется с целью развития кластеров сельского хозяйства, обеспечения продовольственной безопасности.

Помощь ФАО Казахстану организована в соответствии с Механизмом страновых программ на 2014 – 2017 гг. (МСП), который предусматривает такие направления: безопасность пищевых продуктов; здоровье сельскохозяйственных животных; рациональное использование природных ресурсов; рыболовство и аквакультура; информационные технологии в области сельскохозяйственной статистики. С учетом концептов сотрудничества между ФАО и Казахстаном техническая помощь ФАО ориентирована на обеспечение устойчивой интенсификации аграрного производства, реализацию мероприятий в области институционального обеспечения продовольственной безопасности.¹³

Формат сотрудничества определен в Стратегии «Казахстан-2050», в которой главными вызовами названы обеспечение глобальной продовольственной безопасности, предотвращение истощения природных ресурсов, а одной из ключевых задач – модернизация сельского хозяйства.¹⁴

В современных условиях это сотрудничество обретает стратегическое направление и имеет колоссальное значение, особенно когда перед сельским хозяйством Казахстана стоят перспективные задачи обеспечения региональной продовольственной безопасности мусульманского мира.¹⁵

Отметим институциональные аспекты создания ИОПБ. Так, 26-28 апреля 2016 г. в Астане состоялась 7-я сессия Конференции министров иностранных дел ОИС по вопросам продовольственной безопасности и развития сельского хозяйства.¹⁶ На учредительной сессии Генеральной Ассамблеи был заключен Договор о создании ИОПБ, который подписали представители 31-й страны этой структуры с целью содействия развитию сельского хозяйства, внедрения новых передовых технологий в аграрный сектор, реализации финансовых проектов в сфере АПК в государствах-

членах этой международной организации.

При инаугурационной сессии Генеральной Ассамблеи ИОПБ были определены все рабочие органы новой организации, а Казахстан был избран председателем Генеральной Ассамблеи на три последующих года, заместителями председателя стали Кот-д'Ивуар и Палестина. При этом Казахстан первым осуществил годовой взнос за 2016 г. в бюджет этой структуры в размере \$ 749 тыс. С целью финансирования перспективной деятельности ИОПБ правительство Казахстана планирует выделять 145 млн тенге ежегодно. На встрече было принято коллегиальное решение о ежегодном выделении 6 % национальных расходов государств-членов ИОПБ в интересах обеспечения региональной продовольственной безопасности. Генеральная Ассамблея ИОПБ будет собираться раз в год, а бюджет будет формироваться из членских и добровольных взносов стран-участниц.¹⁷ Учредительным собранием ИОПБ был определен размер бюджета на 2016-2018 гг. и составлен план перспективной работы этой организации на текущие 5 лет. Этот документ включает создание базы данных с целью проведения мониторинга ситуации с продовольственной безопасностью в странах ОИС, а также подготовку периодической отчетности и аналитических материалов.¹⁸

С учетом того, что в каждой стране-участнице ОИС существуют собственные специальные программы по развитию сельского хозяйства и продовольственной безопасности, одним из стратегических направлений деятельности ИОПБ является укрепление партнерских отношений в процессе их реализации. Кроме того, отдельным направлением является создание продовольственных фондов в рамках самой организации с целью осуществления взаимопомощи в вопросах поддержки сельскохозяйственного развития на национальном и региональном уровнях.

В рамках расширения международного сотрудничества, по итогам 31-го заседания Постоянного комитета по экономическому и торговому сотрудничеству, состоявшегося в Стамбуле 23-26 ноября 2015 г., Казахстан присоединился к Генеральному соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве между странами-членами ОИС.¹⁹ Вступление в силу Генерального соглашения придаст новый импульс развитию института ОИС – Исламской Организации по продовольственной безопасности. Присоединение Казахстана к данному соглашению позволит ускорить развитие тесных партнерских отношений со странами ОИС, активизировать сотрудничество с финансовыми и экономическими институтами.

Как объективно утверждают К.Г. Шерьязданова и Д.К. Смагулова, Казахстан, находясь в центре исламских государств, входящих в ОИС, заслужил доверие и пользуется определённым международным авторитетом за последовательную внешнюю

¹³Казахстан и ФАО. Партнерство в целях обеспечения устойчивости источников средств к существованию и продовольственной безопасности // Продовольственная сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. URL: <http://www.fao.org/3/a-ax406r.pdf>

¹⁴Послание Президента Республики Казахстан - лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Стратегия «Казахстан-2050» // URL: http://www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/participation_in_events/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-lidera-nacii-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazahstana-strategiya-kazahstan-2050-novyi-politicheskii-

¹⁵Food and agriculture organization. Official website // URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#home>

¹⁶В Казахстане создана Исламская организация по продовольственной безопасности // Казахстанская правда: информационный сайт. 2016. URL: <http://www.kazpravda.kz/news/politika/v-kazahstane-islamskaya-organizatsiya-po-prodovolstvennoi-bezopasnosti/>

¹⁷Итоговый документ. Всемирная Генеральная Ассамблея Мерида (Мексика) 1-4 июня 2016 г. // URL: http://www.inbo-news.org/IMG/pdf/inbo_ga_resolutions_merida_2016_rus-2.pdf

¹⁸Годовой обзор состояния экономики и основных направлений внешнеэкономической деятельности Республики Казахстан за 2016 год г. Астана, апрель 2017 года // URL: http://91.206.121.217/TrApi/Upload/62a26680-de4d-4310-8201-8e15e21562ee/obzor_economy_Kazahstan_2017.pdf.

¹⁹Власть – Интернет-журнал со своим именем: Новости.. 2016 // URL: <http://www.caspianenergy.net/ru/neft-i-qaz/tag/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD?start=110>

политику, направленную на развитие и углубление всестороннего сотрудничества с мусульманским миром. Это способствует обмену идеями и технологиями, открывает пути для дальнейшей интеграции, как на многосторонней, так и на двусторонней основе с акцентом на развитие торгово-экономических связей и защиту национальных экономических интересов.²⁰

Особая компетенция ИОПБ заключается в создании и развитии гуманитарного стратегического фонда в странах мусульманского мира и Ближнего Востока с целью закупки в странах-производителях зерна, пшеницы, мясомолочной продукции, других видов сельскохозяйственной продукции для дальнейшей её передачи мусульманским странам, нуждающимся в первоочередном обеспечении продовольствием.

Деятельность ИОПБ позволит организовать масштабные поставки казахстанского зерна и других видов продовольствия странам-участницам ОИС, реализовать инвестиционные проекты в сфере сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности. Таким образом, гуманитарный аспект деятельности ИОПБ позволит снизить уровень бедности, создаст благоприятные условия для развития АПК, в том числе, обеспечит гарантии для всех 57-ми стран-участниц ОИС относительно поставок доступного и качественного продовольствия в необходимых объёмах.

В настоящее время членами новой международной организации ИОПБ являются: Казахстан, Объединенные Арабские Эмираты, Турция, Иран, Афганистан, Палестина, Ливия, Буркина-Фасо, Гамбия, Гвинея, Гвинея-Биссау, Джибути, Мавритания, Мали, Нигер, Сомали, Союз Коморских островов, Сьерра-Леоне, Судан, Суринам, Уганда.

ИОПБ – полноправная международная организация, уполномоченная заключать контракты, приобретать и распоряжаться имуществом, штаб-квартира которой размещается в Астане. При этом именно Казахстан выступает координатором деятельности ИОПБ в рамках ОИС, оставаясь лидером-экспортером продовольственных ресурсов среди стран исламского мира.²¹

Уставом Исламской Организации по продовольственной безопасности, одобренным Постановлением Правительства Республики Казахстан от 9 декабря 2013 г.,²² органами ИОПБ определены: Генеральная Ассамблея, Исполнительный Совет и Секретариат.

Руководящий орган ИОПБ – Генеральная Ассамблея, в состав которой входят министры, ответственные за решение вопросов в рамках мандата организации или

²⁰Шеръязданова К.Г. Интеграционные институты: От Организации Исламской Конференции Организации Исламского сотрудничества // Евразийская Экономическая Интеграция. 2013. № 2 (19). С. 81-87.

²¹О подписании Соглашения о штаб-квартире между Правительством Республики Казахстан и Исламской Организацией по продовольственной безопасности: Постановление Правительства Республики Казахстан от 27 марта 2017 года № 139 // Egov: государственные услуги и информация онлайн. 2016. URL: <https://egov.kz/cms/ru/law/list/P1700000139>.

²²Проект Устава Исламской Организации по продовольственной безопасности // URL: <https://egov.kz/wps/poc?uri=mjnpa:document&language=ru&documentId=P1300001327#z6>

их представители, номинированные соответствующими государствами-членами. Генеральная Ассамблея созывает плановые сессии один раз в год, при этом в случае необходимости могут проводиться внеочередные сессии по просьбе пяти участников при условии, что 2/3 участников ИОПБ дают на это свое согласие, а голосование предусматривает принцип: один член – один голос. В рамках международной правосубъектности Председатель Генеральной Ассамблеи ИОПБ осуществляет такие функции: созывает, проводит и председательствует на сессиях Организации; представляет Организацию в период между проведением её сессий. Председателю при выполнении возложенных на него задач может оказываться помощь со стороны представителей государств-членов.

Рабочим органом ИОПБ выступает Исполнительный Совет, который должен состоять из 8 членов, включая Председателя. Члены избираются Генеральной Ассамблеей по принципу справедливого географического распределения. Страна, в которой располагается штаб-квартира Организации (Казахстан), должна являться перманентным членом. Кворум Исполнительного Совета должен составлять 2/3 количества членов, и резолюции должны приниматься также большинством (2/3).

Секретариат – постоянно действующий орган ИОПБ, который осуществляет планирование текущей и перспективной деятельности организации и включает в себя Генерального директора и официальный персонал, работающий в постоянной штаб-квартире и других учреждённых офисах. Генеральный директор назначается Генеральной Ассамблеей на четырехлетний период, с однократной пролонгацией. Генеральный директор обязан отчитываться перед Исполнительным Советом и Генеральной Ассамблеей, а также имеет прямые полномочия осуществлять руководство всеми сотрудниками Секретариата.

Таким образом, практическая деятельность ИОПБ, в которой председательствует Казахстан, позволит осуществлять координацию усилий и сотрудничество государств-членов ОИС в продовольственной сфере. ИОПБ, как международная организация, в рамках своей функциональности будет решать задачи по обеспечению населения в мусульманских странах экономически более доступным продовольствием. Функциональные направления деятельности ИОПБ также предусматривают создание максимально выгодных транспортно-логистических маршрутов, позволяющих минимизировать затраты на поставки продовольствия в страны-участницы ОИС, осуществление мероприятий по стабилизации продовольственных цен за счет формирования и управления совместными региональными продовольственными фондами. Данная инициатива основана на реализации последовательной внешней политики РК с целью необходимости значительно улучшить состояние региональной продовольственной безопасности в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в мусульманских странах Африки, а также гарантировать поставки гуманитарной помощи при возникновении чрезвычайных или экстренных ситуаций с продовольствием в этих регионах.

Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что Исламская Организация по продовольственной безопасности имеет статус специализированного учреждения Организации Исламского Сотрудничества, с такими основными характеристиками: 1) современная международная экономическая организация, которая объединяет страны мусульманского мира, и в первую очередь страны, входящие в ОИС; 2) основная

концепция её деятельности – предоставление продовольственной гуманитарной помощи мусульманским государствам за счет увеличения объёмов экспорта казахстанского зерна, гарантирование продовольственной безопасности в указанных регионах, стимулирование развития сельского хозяйства и его ведущих отраслей.

Таким образом, Казахстан уверенно занимает ведущие позиции в вопросах обеспечения региональной продовольственной безопасности, а ИОПБ имеет большие перспективы в вопросах борьбы с голодом. ИОПБ – экономическая платформа, которая позволит развивать и совершенствовать региональное сотрудничество и конструктивный диалог между странами мусульманского мира с целью обеспечения продовольственной безопасности, в том числе, активизировать торговлю сельскохозяйственной продукцией и гуманитарные поставки продуктов питания в рамках деятельности ОИС.

Реально предположить, что именно деятельность ИОПБ как новой международной институции позволит консолидировать усилия с целью решения продовольственной проблемы на региональном и глобальном уровнях, максимально использовать резервные фонды стратегических запасов продуктов питания и сельскохозяйственной продукции, исходя из производственных мощностей Казахстана. Считаем, что конструктивное сотрудничество ИОПБ с ФАО ООН в ближайшей перспективе должно способствовать установлению интеграционных и кооперативных связей с другими профильными международными организациями (ЮНИСЕФ, ВПП, ИФАД, ШОС), усилия которых направлены на борьбу с голодом в мире, развитие приоритетных отраслей мирового сельского хозяйства, обеспечение глобальной и региональной продовольственной безопасности.

М.В. Гребенюк: Халықаралық құқықтық ережелер Азық-түлік қауіпсіздігі жөніндегі Ислам ұйымы (АҚИҰ).

Мақалада халықаралық ұйым – Азық-түлік қауіпсіздігі бойынша ислам ұйымының құрылуы мен жұмыс істеуінің құқықтық негізі қарастырылады (IOFS). Қызметтің негізгі бағыттары IOFS. IOFS халықаралық құқықтық мәртебесі реттеледі. IOFS әрекетін талдау жүргізіледі. IOFS құрудың институционалдық аспектілері қарастырылды. Ауыл шаруашылығы және азық-түлік қауіпсіздігін қамтамасыз ету саласындағы ФАО мен Қазақстан арасындағы ынтымақтастық форматы анықталды. IOFS Ислам ынтымақтастығы ұйымы аясында азық-түлік қауіпсіздігін қамтамасыз ету (ауылшаруашылық өнімдерін саудалау, гуманитарлық азық-түлікпен қамтамасыз ету және т.б.) қамтамасыз ету мақсатында өңірлік ынтымақтастықты дамыту мен жетілдіруде ислам әлемінің елдерін біріктіретін заманауи халықаралық экономикалық ұйым. IOFS негізгі ұғымы – ислам мемлекеттеріне азық-түлік гуманитарлық көмек көрсету. Аймақтық азық-түлік қауіпсіздігін қамтамасыз ету мақсатында ислам әлемі елдерінің арасындағы ынтымақтастықты және сындарлы диалогты дамытуға мүмкіндік беретін экономикалық алаң ретінде IOFS қызметін жетілдірудің толық бағыттары мен бағыттары егжей-тегжейлі.

Түйінді сөздер: халықаралық ұйымдар, халықаралық ынтымақтастық, аймақтық азық-түлік қауіпсіздігі, ауыл шаруашылығы, ауыл шаруашылығы өнімдерін, үкіметтің ауыл шаруашылығы саясаты, азық-түлік, азық-түлік нарығы, өңірлік резервтік қорлар, астық экспорты.

M. Grebeniuk: International legal status of the Islamic organization for food security (iofs).

The article deals with the legal basis for establishment and functioning of the international institution - the Islamic Organization for Food Security (IOFS). The main activities of the IOFS have been determined. The international legal status of the IOFS was covered. The institutional aspects of the establishment of IOFS were considered. The format of cooperation between the Food and Agriculture Organization and Kazakhstan in the agriculture and provision of food security have been determined. The author analyzes the statutory competence of the IOFS as a modern international economic organization that unites the Muslim countries in order to ensure a food security. The main function of IOFS is highlighted which is to provide the food for humanitarian assistance to Muslim states. The prospective directions and ways of improving the activities of the IOFS as an economic platform are detailed. This platform will allow the developing cooperation and constructive dialogue between the countries of the Islamic world and authoritative international organizations in order to improve the state of regional food security.

Keywords: international organization, international cooperation, regional food security, agriculture, agricultural products, state agricultural policy, food, global food markets, regional reserve funds, export of grain.

Библиография:

1. Аристов Е.В. Бедность и нищета в правовом пространстве социального государства как его антагонисты // Право и государство. 2016. № 2 (71). – С. 82-85.
2. M. Mufizur Rahman et al. Food safety issues in Islam. / Health, Safety and Environment (2014) 2 (6). – P. 132-145 // URL: https://www.researchgate.net/publication/316471794_Food_safety_issues_in_Islam (22.12.2017).
3. Аляутдинов Ш.Р. Путь к вере и совершенству. М.: Фонд Образования. 2001. С. 360
4. Рахимжанова А.Ж. Вопросы обеспечения продовольственной безопасности: автореф. дис. к.ю.н. Новый экономический университет им. Т. Рыскулова. Республика Казахстан: Алматы. 2015. – 27 с.
5. Rahman M.M., Kabir S.M.L. 2012. Developing awareness profiling force and activities linking safety and quality of foods of animal origin in Bangladesh. Review article. Sci. J. Rev. 1 (3). – P. 84-104.
6. Шерьязданова К.Г. Интеграционные институты: От Организации Исламской Конференции к Организации Исламского сотрудничества // Евразийская Экономическая Интеграция. 2013. № 2 (19). – С. 81-87.

References (transliterated):

1. Aristov E.V. Bednost' i nishcheta v pravovom prostranstve social'nogo gosudarstva kak ego antagonisty // Pravo i gosudarstvo. 2016. № 2 (71). – S. 82-85.
2. M. Mufizur Rahman et al. Food safety issues in Islam. / Health, Safety and Environment (2014) 2 (6). – P. 132-145 // URL: https://www.researchgate.net/publication/316471794_Food_safety_issues_in_Islam (22.12.2017).
3. Alyautdinov Sh.R. Put' k vere i sovershenstvu. M.: Fond Obrazovaniya. 2001. S. 360

4. Rahimzhanova A.Zh. Voprosy obespecheniya prodovol'stvennoj bezopasnosti: avtoref. dis. k.yu.n. Novyj ehkonomicheskij universitet im. T. Ryskulova. Respublika Kazahstan: Almaty. 2015. – 27 s.
5. Rahman M.M., Kabir S.M.L. 2012. Developing awareness profiling force and activities linking safety and quality of foods of animal origin in Bangladesh. Review article. Sci. J. Rev. 1 (3). – P. 84-104.
6. Sher'yazdanova K. G. Integracionnye instituty: Ot Organizacii Islamskoj Konferencii k Organizacii Islamskogo sotrudnichestva // Ehkonomicheskaya Integraciya. 2013. № 2 (19). – S. 81-87.

НОВЫЕ КНИГИ

Караев А.А.
Конституционная безопасность Республики Казахстан: состояние, проблемы и механизм обеспечения: Монография. Алматы, 2017. – 602 с.
 ISBN 978-601-80694-0-6

Монография посвящена актуальным проблемам обеспечения конституционной безопасности. На основе изучения законодательства Республики Казахстан и зарубежных стран в работе анализируется понятие конституционной безопасности и ее состав, институционально-правовые и организационные механизмы защиты конституционного строя. В работе выявлены некоторые угрозы и риски конституционного развития, а также обозначены задачи государства по их минимизации.

Книга может быть интересна ученым, магистрантам и докторантам юридических вузов и факультетов, а также представителям органов государственной власти.

Монография издана на средства гранта Комитета науки МОН РК, выделенного по теме научного исследования: «Институционально-правовые механизмы обеспечения конституционной безопасности Республики Казахстан в свете Стратегии «Казахстан 2050: новый политический курс состоявшегося государства».

Рецензенты: д.ю.н., профессор К.К. Айтхожин; д.ю.н., профессор В.А. Малиновский; д.ю.н., профессор С.Ф. Ударцев.

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

С.В. САЯПИН,
 доктор права (Берлинский университет им. Гумбольдта), ассистент-профессор международного и уголовного права, директор программы бакалавриата по международному праву Школы права Университета КИМЭП (Алматы, Казахстан)

Принципы международного уголовного права составляют его Общую часть и формулируют основания и условия для привлечения лиц к уголовной ответственности за совершение преступлений по международному праву (геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений и преступления агрессии) и иных преступлений против мира и безопасности человечества. Принципы международного уголовного права в значительной степени имплементированы в уголовное законодательство Республики Казахстан. В статье анализируются пробелы в имплементации Общей части международного уголовного права и предлагаются пути дальнейшего совершенствования уголовного законодательства Республики Казахстан.

Ключевые слова: законность, имплементация, иммунитет, индивидуальная уголовная ответственность, международное уголовное право, Международный уголовный суд (МУС), принципы международного уголовного права, сроки давности, субъективная сторона, уголовная ответственность.

По мнению профессора И.И. Лукашука, принципы международного права «представляют собой наиболее общие нормы международного права, определяющие его главное содержание и характерные черты».¹ Следовательно, отраслевые принципы международного уголовного права (МУП) – это ключевые, системообразующие нормы Общей части МУП, формулирующие условия для реализации уголовной ответственности за совершение преступлений по международному праву. В наиболее концентрированной форме принципы современного МУП отражены в Части III Римского статута Международного уголовного суда (статьи 22 – 33), поскольку представляют собой общие принципы права и нормы международного обычного права. В силу этого Общая часть МУП в значительной мере уже отражена в уголовном законодательстве Республики Казахстан – даже при том, что Республика Казахстан не участвует в Римском статуте.

© С.В. Саяпин, 2018

¹См.: Лукашук И. И. Международное право: Общая часть, 3-е издание. М.: Wolters Kluwer, 2008. С. 298.

1. Принцип законности (*nullum crimen / nulla poena sine lege*)

Принцип законности, отраженный в статьях 22² и 23³ Римского статута МУС и в статье 4 Уголовного кодекса Республики Казахстан, означает, что преступлениями по международному праву являются только те деяния, преступность которых недвусмысленно сформулирована в источнике международного права, действующем на момент совершения этих деяний, и за совершение которых установлена индивидуальная уголовная ответственность с определенной санкцией. Так, МУС обладает юрисдикцией в отношении четырех категорий преступлений по международному праву (геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии), но, в соответствии со статьей 22(3) Римского статута, в иных источниках международного права может признаваться преступность и других деяний – и, соответственно, государства могут криминализовать и иные деяния, кроме перечисленных в статье 5 Римского статута. Казахский законодатель поступил именно так и включил составы преступлений по международному праву в главу 4 Уголовного кодекса («Преступления против мира и безопасности человечества»).

В свою очередь, деяния, которые прямо не сформулированы в качестве преступлений по международному праву в Уголовном кодексе (например, преступления против человечности), не влекут уголовной ответственности по законодательству Республики Казахстан. В целях приведения уголовного законодательства Республики Казахстан в полное соответствие с действующим международным правом казахский законодатель может рассмотреть вопрос о криминализации преступлений против человечности. Для объективности следует отметить, что экстремистские преступления (см. пункт 40 статьи 3 Уголовного кодекса Республики Казахстан) обладают некоторыми, но не всеми, характеристиками преступлений против человечности,⁴ и потому нельзя утверждать, что последние имплементированы в уголовное законодательство Казахстана.

2. Отсутствие обратной силы *ratione personae*

Статья 24 Римского статута МУС формулирует принцип отсутствия обратной силы уголовного закона.⁵ С учетом статьи 15 Международного пакта о гражданских и политических правах, этот принцип означает, что нормы международных

²См. статью 22 Римского статута МУС: «1. Лицо не подлежит уголовной ответственности по настоящему Статуту, если только соответствующее деяние в момент его совершения не образует преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда».

2. Определение преступления должно быть точно истолковано и не должно применяться по аналогии. В случае двусмысленности определение толкуется в пользу лица, которое находится под следствием, в отношении которого ведется судебное разбирательство или которое признано виновным.

3. Настоящая статья не влияет на квалификацию любого деяния как преступного по международному праву, независимо от настоящего Статута».

³См. статью 23 Римского статута МУС: «Лицо, признанное Судом виновным, может быть наказано только в соответствии с положениями настоящего Статута».

⁴См. статью 7 Римского Статута МУС («Преступления против человечности»).

⁵См. статью 24 Римского статута МУС: «1. Лицо не подлежит уголовной ответственности в соот-

договоров и национальных уголовных законов, имплементирующих МУП, которые устанавливают преступность деяний, не распространяются на деяния, совершенные до вступления в силу соответствующих международных договоров и / или национальных уголовных законов. В то же время, если в источник международного или национального уголовного права вносится изменение, улучшающее положение подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или осужденного, – например, происходит декриминализация деяния, либо за его совершение вводится менее суровое наказание, – то такая норма распространяет свое действие и на деяния, имевшие место в прошлом.⁶ Данный принцип отражен в статье 5 Уголовного кодекса Республики Казахстан и таким образом имплементирован в законодательство Казахстана.

3. Индивидуальная уголовная ответственность

Статья 25 Римского статута МУС⁷ является ключевой, фундаментальной для современной системы международной уголовной юстиции. В отличие, например, от

ветствии с настоящим Статутом за деяние до вступления Статута в силу.

2. В случае внесения изменения в закон, применимый к данному делу до вынесения окончательного решения, применяется закон, более благоприятный для лица, которое находится под следствием, в отношении которого ведется судебное разбирательство или которое признано виновным».

⁶См. статью 13 Уголовного кодекса Республики Казахстан.

⁷См. статью 25 Римского статута МУС: «1. Суд обладает юрисдикцией в отношении физических лиц в соответствии с настоящим Статутом».

2. Лицо, которое совершило преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, несет индивидуальную ответственность и подлежит наказанию в соответствии с настоящим Статутом.

3. В соответствии с настоящим Статутом лицо подлежит уголовной ответственности и наказанию за преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, если это лицо:

а) совершает такое преступление индивидуально, совместно с другим лицом или через другое лицо, независимо от того, подлежит ли это другое лицо уголовной ответственности;

б) приказывает, подстрекает или побуждает совершить такое преступление, если это преступление совершается или если имеет место покушение на это преступление;

с) с целью облегчить совершение такого преступления пособничает, подстрекает или каким-либо иным образом содействует его совершению или покушению на него, включая предоставление средств для его совершения;

д) любым другим образом способствует совершению или покушению на совершение такого преступления группой лиц, действующих с общей целью. Такое содействие должно оказываться умышленно и либо:

i) в целях поддержки преступной деятельности или преступной цели группы в тех случаях, когда такая деятельность или цель связана с совершением преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда; либо

ii) с осознанием умысла группы совершить преступление;

е) в отношении преступления геноцида, прямо и публично подстрекает других к совершению геноцида;

ф) покушается на совершение такого преступления, предпринимая действие, которое представляет собой значительный шаг в его совершении, однако преступление оказывается незавершенным по обстоятельствам, не зависящим от намерений данного лица. Вместе с тем лицо, которое отказывается

Уставов Нюрнберского и Токийского Международных военных трибуналов, которые допускали коллективное измерение уголовной ответственности, в частности, за членство в преступных организациях, или судебной практики Международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, которая произвела на свет так называемую доктрину «совместного преступного предприятия»,⁸ статья 25 Римского статута недвусмысленно допускает исключительно индивидуальную уголовную ответственности физических лиц в разнообразных формах соучастия.⁹ Таким образом исключается уголовная ответственность, например, юридических лиц. Статья 25 также оставляет за скобками ответственность государств по международному праву.¹⁰ Положения уголовного законодательства Республики Казахстан о соучастии,¹¹ а также об уголовной ответственности за неоконченные преступления,¹² на данный момент, в целом отражают действующее МУП.¹³

4. Исключение из юрисдикции для лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста

В соответствии со статьей 26 Римского статута, МУС не обладает юрисдикцией в отношении любого лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста на момент предполагаемого совершения преступления. В свою очередь, в соответствии со статьей 15 Уголовного кодекса Республики Казахстан, возраст наступления уголовной ответственности за совершение преступлений против мира и безопасности человечества¹⁴ – шестнадцать лет. Эта же статья предусматривает уголовную ответственность лиц, достигших ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, по статье 173 Уголовного кодекса (нападение на лиц или организации, пользующиеся международной защитой). Следовательно, уголовным законодательством Республики Казахстан охватывается более широкий круг потенциальных субъектов преступлений по международному праву, чем собственно международным уголовным правом. В то же время представляется, что возраст уголовной ответственности может быть снижен до четырнадцатилетнего возраста и за некоторые другие преступления против мира и безопасности

от попытки совершить преступление или иным образом предотвращает завершение преступления, не подлежит наказанию в соответствии с настоящим Статутом за покушение на совершение этого преступления, если данное лицо полностью и добровольно отказалось от преступной цели.

4. Ни одно положение в настоящем Статуте, касающееся индивидуальной уголовной ответственности, не влияет на ответственность государств по международному праву».

⁸См.: Верле Г. Принципы международного уголовного права. О.: Феникс – М.: ТрансЛит, 2011. С. 251 – 252.

⁹Там же. С. 224 – 252.

¹⁰Об ответственности государств см. в целом: Лукашук И.И. Право международной ответственности. М.: Wolters Kluwer, 2004.

¹¹См. статьи 27 – 31 Уголовного кодекса Республики Казахстан.

¹²См. статью 24 Уголовного кодекса Республики Казахстан.

¹³См. выше, прим. 8. С. 310 – 316.

¹⁴Преступления по международному праву включены в главу VIII Уголовного кодекса Республики Казахстан («Преступления против мира и безопасности человечества»).

человечества – военные преступления (статьи 163 – 165 Уголовного кодекса) и геноцид (статья 168).

5. Недопустимость ссылки на должностное положение

Статья 27 Римского статута¹⁵ предполагает, что лица, в отношении которых МУС осуществляет юрисдикцию, не имеют права ссылаться на личные или функциональные иммунитеты,¹⁶ которыми они могут обладать в соответствии с национальным или международным правом в качестве оснований для освобождения от уголовной ответственности или смягчения приговора. Связано это с тем, что личные или функциональные иммунитеты предоставляются высшим должностным лицам государств и дипломатам не для их личной пользы, а для облегчения осуществления ими государственных (внутриполитических и внешнеполитических) функций, которые им поручены, а совершение преступлений по международному праву не является нормальной функцией государств.¹⁷ Во исполнение статьи 27 Римского статута государства, участвующие в Статуте, посредством внесения изменений в конституционное, уголовное, уголовно-процессуальное и административное законодательство отменяют иммунитеты глав государств и правительств, членов законодательных органов, руководителей министерств и ведомств, судей, дипломатов и иных должностных лиц, – таким образом облегчая их уголовное преследование в рамках национальных систем уголовного судопроизводства. При этом следует иметь в виду, что наличие иммунитета у должностного лица не препятствует его уголовному преследованию международными судами: «[В] случае Международного уголовного суда это возможно даже тогда, когда лицо пользуется иммунитетом, предоставленным ему государством, не участвующим в Статуте МУС».¹⁸

Поскольку Республика Казахстан не участвует в Римском статуте, в части правового регулирования иммунитета от уголовного преследования она ориентируется не на Статут, а на соответствующие нормы международного обычного права. В международном обычном праве признается иммунитет от уголовного преследования дипломатических агентов, глав государств, правительств и министров иностранных дел (так называемый *личный* иммунитет),¹⁹ а также иммунитет некоторых

¹⁵См. статью 27 Римского статута МУС: «Настоящий Статут применяется в равной мере ко всем лицам без какого бы то ни было различия на основе должностного положения. В частности, должностное положение как главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности согласно настоящему Статуту и не является само по себе основанием для смягчения приговора.

2. Иммунитеты или специальные процессуальные нормы, которые могут быть связаны с должностным положением лица, будь то согласно национальному или международному праву, не должны препятствовать осуществлению Судом его юрисдикции в отношении такого лица».

¹⁶См. выше, прим. 8. С. 320 – 329.

¹⁷Там же. С. 324 – 325.

¹⁸Там же. С. 329.

¹⁹См.: Cassese A., Gaeta P., Baig L., Fan M., Gosnell C., and Whiting A. Cassese's International Criminal Law, 3rd edition. Oxford University Press, 2013. С. 240 – 248.

должностных лиц государств и международных организаций, обусловленный исполнением ими должностных функций (так называемый *функциональный* иммунитет). Порядок привлечения таких лиц к уголовной ответственности регулируется международными договорами Республики Казахстан.²⁰

6. Ответственность командиров и других начальников

Статья 28 Римского статута МУС²¹ устанавливает уголовную ответственность военных командиров или гражданских начальников за совершение их подчиненными преступлений по международному праву, если индивидуально-определенный начальник или командир знал или должен был знать о том, что их подчиненные совершают либо намерены совершить такие преступления, и не приняли всех необходимых и разумных мер в рамках их полномочий для пресечения их совершения либо для передачи данного вопроса в компетентные органы для расследования и уголовного преследования. В определенной мере правоотношение ответственности начальников или должностных лиц охватывается составом преступления, предусмотренного частью первой статьи 166 Уголовного кодекса («Бездействие либо дача преступного приказа во время вооруженного конфликта»), но этот состав преступления по обстоятельствам «привязан» к вооруженным конфликтам, и уголовная ответственность начальника или должностного лица наступает по этой статье толь-

²⁰См.: Борчашвили И. Ш. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан: Общая часть, том 1. А.: Жеті жарғы, 2015. С. 112 – 114.

²¹См. статью 28 Римского статута МУС: «В дополнение к другим основаниям уголовной ответственности по настоящему Статуту за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда:

а) Военный командир или лицо, эффективно действующее в качестве военного командира, подлежит уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, совершенные силами, находящимися под его эффективным командованием и контролем либо, в зависимости от обстоятельств, под его эффективной властью и контролем, в результате неосуществления им контроля надлежащим образом над такими силами, когда:

i) такой военный командир или такое лицо либо знало, либо, в сложившихся на тот момент обстоятельствах, должно было знать, что эти силы совершали или намеревались совершить такие преступления; и

ii) такой военный командир или такое лицо не приняло всех необходимых и разумных мер в рамках его полномочий для предотвращения или пресечения их совершения либо для передачи данного вопроса в компетентные органы для расследования и уголовного преследования.

б) Применительно к отношениям начальника и подчиненного, не описанным в пункте (а), начальник подлежит уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, совершенные подчиненными, находящимися под его эффективной властью и контролем, в результате неосуществления им контроля надлежащим образом над такими подчиненными, когда:

i) начальник либо знал, либо сознательно проигнорировал информацию, которая явно указывала на то, что подчиненные совершали или намеревались совершить такие преступления;

ii) преступления затрагивали деятельность, подпадающую под эффективную ответственность и контроль начальника; и

iii) начальник не принял всех необходимых и разумных мер в рамках его полномочий для предотвращения или пресечения их совершения либо для передачи данного вопроса в компетентные органы для расследования и уголовного преследования».

ко в случае совершения подчиненным военного преступления, но не других преступлений по международному праву. Следовательно, имеет смысл дополнить данную статью и установить уголовную ответственность начальников или должностных лиц за бездействие либо дачу преступного приказа о совершении и других преступлений против мира и безопасности человечества (также см. ниже, параграф 11).

7. Неприменимость срока давности

В соответствии со статьей 29 Римского статута МУС, в отношении преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, не устанавливается никакого срока давности. В целом эта норма отражает положения Конвенции от 26 ноября 1968 года о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества и соответствующие нормы международного обычного права. При этом следует отметить, что Конвенция 1968 года не затрагивает вопрос о неприменимости срока давности к преступлению геноцида и к преступлению агрессии. Для целей МУС срок давности не применяется ко всем четырем категориям преступлений по международному праву, в отношении которых МУС обладает юрисдикцией, – при этом вопрос о сроке давности в отношении преступления агрессии будет иметь смысл не ранее 17 июля 2018 года, когда юрисдикция МУС в отношении преступления агрессии будет активирована. В полном соответствии с международным правом, уголовное законодательство Республики Казахстан также не устанавливает срока давности в отношении преступлений против мира и безопасности человечества.²²

8. Субъективная сторона

Буквальное толкование статьи 30 Римского статута²³ предполагает, что субъективная сторона преступлений по международному праву, отнесенных к юрисдикции МУС, представляет собой прямой умысел.²⁴ Однако из практики Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии – которая, несомненно, влияет на практику МУС, – следует, что в отдельных случаях уголовная ответственность, например, за совершение военных преступлений или преступлений против человечности может наступать и при наличии у субъекта преступления

²²См. часть шестую статьи 71 Уголовного кодекса Республики Казахстан.

²³См. статью 30 Римского статута МУС: «1. Если не предусмотрено иное, лицо подлежит уголовной ответственности и наказанию за преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, только в том случае, если по признакам, характеризующим объективную сторону, оно совершено намеренно и сознательно.

2. Для целей настоящей статьи, лицо имеет намерение в тех случаях, когда:

а) в отношении деяния, это лицо собирается совершить такое деяние;

б) в отношении последствия, это лицо собирается причинить это последствие или сознает, что оно наступит при обычном ходе событий.

3. Для целей настоящей статьи, «сознательно» означает с осознанием того, что обстоятельство существует или что последствие наступит при обычном ходе событий. «Знать» и «знание» должны толковаться соответствующим образом».

²⁴См. статью 20(2) Уголовного кодекса Республики Казахстан.

косвенного умысла.²⁵ В свою очередь, умысел на совершение преступления геноцида или преступления агрессии может быть только прямым. В случае преступления геноцида умысел является специальным²⁶ – он направлен на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой. В случае преступления агрессии умысел специального субъекта (высокопоставленного должностного лица, обладающего политической и / или военной властью в государстве) направлен на применение государством военной силы против другого государства в нарушение международного права (так называемый *animus aggressionis*) – соответственно, в контексте преступления агрессии ни косвенный умысел, ни, тем более, неосторожность не являются возможными.²⁷

9. Основания для освобождения от уголовной ответственности

Основания для освобождения от уголовной ответственности, указанные в статье 31 Римского статута,²⁸ в целом отражены в уголовном законодательстве Республики

²⁵См. статью 20(3) Уголовного кодекса Республики Казахстан. Также См. выше, прим. 8. С. 202 – 203. Примером преступления против человечности, которое может быть совершено с косвенным умыслом, является насильственное исчезновение людей (см. статью 7(1)(i) Римского статута МУС). Примерами военных преступлений, которые могут быть совершены с косвенным умыслом, являются убийство или ранение комбатанта, который, сложив оружие или не имея более средств защиты, сдался (статья 8(2)(b)(vi) Римского статута МУС), а также перемещение, прямо или косвенно, оккупирующей державой части ее собственного гражданского населения на оккупируемую ею территорию, или депортация или перемещение населения оккупируемой территории или отдельных частей его в пределах или за пределы этой территории (статья 8(2)(b)(viii) Римского статута МУС).

²⁶См. выше, прим. 8. С. 202. Отличие так называемого специального (определенного, конкретизированного) умысла от общего (неопределенного, неконкретизированного) умысла заключается в том, что при специальном умысле у субъекта преступления имеется представление «о качественных и количественных показателях вреда, причиняемого деянием. См.: Уголовное право: Общая часть, под ред. А. И. Чучаева. М.: Проспект, 2015. С. 137. В контексте преступления геноцида требуемые показатели вреда, причиняемого деянием, заключаются в том, что умысел направлен на полное или частичное уничтожение расовой, национальной, этнической или религиозной группы как таковой.

²⁷См.: Sayapin S. *The Crime of Aggression in International Criminal Law: Historical Development, Comparative Analysis and Present State*. The Hague: T. M. C. Asser Press / Springer, 2014. С. 236 – 241, 293.

²⁸См. статью 31 Римского статута МУС: «1. В дополнение к другим основаниям для освобождения от уголовной ответственности, предусмотренным настоящим Статутом, лицо не несет уголовной ответственности, если в момент совершения им деяния:

a) это лицо страдает психическим заболеванием или расстройством, которое лишает его возможности осознавать противоправность или характер своего поведения или соотносить свои действия с требованиями закона;

b) лицо находится в состоянии интоксикации, которое лишает его возможности осознавать противоправность или характер своего поведения или соотносить свои действия с требованиями закона, если только это лицо не подверглось добровольно интоксикации при таких обстоятельствах, при которых это лицо знало, что в результате интоксикации, им может быть совершено деяние, представляющее собой преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, либо проигнорировало опасность совершения им такого деяния;

Казахстан,²⁹ что свидетельствует об их обычно-правовом характере. Важно подчеркнуть, что перечень оснований для освобождения от уголовной ответственности, включенных в статью 31 Статута, не является исчерпывающим, и МУС при наличии материально-правовых оснований (см. статью 21 Статута) может в ходе судебного разбирательства признать и иные обстоятельства достаточными для освобождения лица от уголовной ответственности. В силу обычно-правового характера оснований для освобождения от уголовной ответственности при их изучении рекомендуется обращаться к соответствующим источникам национального права и доктрине национального и международного уголовного права.³⁰

10. Ошибка в факте или ошибка в праве

В соответствии со статьей 32 Римского статута,³¹ ошибка в факте или праве может являться основанием для освобождения от уголовной ответственности, если она исключает необходимую субъективную сторону соответствующего преступления. В этом смысле статья 32 находится в тесной смысловой связи со статьей 31 Рим-

c) это лицо действовало разумно для защиты себя или другого лица или, в случае военных преступлений, имущества, которое является особо важным для выживания данного лица или другого лица, либо имущества, которое является особо важным для выполнения задачи военного характера, от неизбежного и противоправного применения силы способом, соразмерным степени опасности, угрожающей этому лицу или другому защищаемому лицу или имуществу. То обстоятельство, что лицо участвовало в операции по защите, проводившейся силами, само по себе не является основанием для освобождения от уголовной ответственности согласно этому подпункту;

d) деяние, которое предположительно представляет собой преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, является вынужденной ответной реакцией на угрозу неминуемой смерти либо неминуемого причинения тяжких телесных повреждений или продолжения причинения таких повреждений для него самого или для другого лица, и это лицо принимает необходимые и разумные меры для устранения этой угрозы, при условии, что это лицо не намерено причинить больший вред, чем тот, который оно стремилось предотвратить. Такая угроза может:

i) либо исходить от других лиц;

ii) либо быть создана другими обстоятельствами, не зависящими от этого лица.

2. Суд определяет применимость оснований для освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных в настоящем Статуте, в отношении рассматриваемого им дела.

3. В ходе судебного разбирательства Суд может рассмотреть какое-либо основание для освобождения от уголовной ответственности, иное, чем основания, указанные в пункте 1, если такое основание вытекает из применимого права, как это предусмотрено статьей 21. Процедуры, касающиеся рассмотрения такого основания, должны быть предусмотрены Правилами процедуры и доказывания».

²⁹См. статьи 65 – 71 Уголовного кодекса Республики Казахстан.

³⁰См. выше, прим. 8. С. 269 – 286, 291 – 310.

³¹См. статью 32 Римского статута МУС: «1. Ошибка в факте является основанием для освобождения от уголовной ответственности, только если она исключает необходимую субъективную сторону данного преступления.

2. Ошибка в праве относительно того, является ли определенный тип поведения преступлением, подпадающим под юрисдикцию Суда, не является основанием для освобождения от уголовной ответственности. Однако ошибка в праве может быть основанием для освобождения от уголовной ответственности, если она исключает необходимую субъективную сторону данного преступления, либо в порядке, предусмотренном в статье 33».

ского статута (см. параграф 9 настоящей статьи). Как указывает профессор Г. Верле, доктрина ошибки была привнесена в МУП из системы общего права, и содержание этой концепции в международном уголовном праве толкуется преимущественно в духе именно этой юридической традиции.³² Ошибка в факте – это ошибочное восприятие исполнителем преступления фактов, образующих материальные элементы (объективную сторону) состава преступления.³³

Примером такой ситуации может являться, например, открытие исполнителем преступления огня по транспортному средству Красного Креста, исходя из продиктованного плохой видимостью предположения о том, что это танк противника.³⁴

Плохая видимость, о которой идет речь в примере, может быть продиктована совокупностью, например, таких обстоятельств, как плохое зрение субъекта преступления, отсутствие у него в момент совершения деяния очков и визуальных приборов и существенное расстояние до транспортного средства, в результате чего он не различает особенности конфигурации транспортного средства, а лишь воспринимает его в целом как транспортное средство большого размера и ошибочно решает, что это танк. Можно предположить, что если бы исполнитель преступления рассмотрел, что транспортное средство являлось не танком противника, а автомобилем Красного Креста, то он не открыл бы огня по этому автомобилю, зная, что он находится под защитой международного гуманитарного права.

В свою очередь, ошибка в праве – это добросовестное заблуждение субъекта преступления (в данном случае – преступления по международному праву) относительно юридической квалификации объективных обстоятельств дела. Ошибки в праве могут быть нерелевантными (неприемлемыми) и релевантными (приемлемыми) для целей освобождения от уголовной ответственности. Например, лицо, открывающее огонь по автомобилю Красного Креста, может быть убеждено, что его действия допустимы, если Красный Крест заранее не уведомил о том, что его автомобиль проследует данным маршрутом.³⁵ Это – нерелевантная ошибка в праве, потому что в международном гуманитарном праве нет нормы, безусловно обязывающей МККК или другие гуманитарные организации, входящие в Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца, уведомлять воюющие стороны о маршрутах своих передвижений. Разумеется, такие уведомления предполагаются, но они не являются безусловными, – например, транспортное средство МККК может непредвиденно изменить ранее оговоренный маршрут именно по причине совершения на него непредвиденного нападения – либо в связи с наличием такого риска. Нерелевантная ошибка в праве не является основанием для освобождения от уголовной ответственности, поскольку не исключает необходимую субъективную сторону деяния.

Напротив, релевантная ошибка в праве исключает необходимую субъективную сторону и потому является основанием для освобождения от уголовной ответственности:

³²См. выше, прим. 8. С. 287.

³³Там же. С. 288.

³⁴Там же (примечания опущены).

³⁵Там же. С. 288 – 289.

Релевантная ошибка в праве становится явной, например, если лицо, осуществляющее судебное разбирательство в отношении военнопленного, считает объективно недостаточное судебное разбирательство в отношении подсудимого достаточным. В таком случае лицо не подлежит ответственности за военное преступление, предусмотренное статьей 8(2)(a)(vi) Статута МУС.³⁶

В уголовном законодательстве Республики Казахстан отсутствуют нормы об ошибках в факте или праве. Однако доктрина субъективных ошибок детально разработана в теории (национального и международного) уголовного права, и соответствующие положения этой доктрины должны учитываться при установлении вины лица и ее форм (см. параграф 8 настоящей статьи).

11. Приказы начальника и предписание закона

Статья 33 Римского статута³⁷ устанавливает режим уголовной ответственности за совершение преступлений по международному праву, когда такие преступления совершаются по приказу военного командира или гражданского начальника. Данная норма МУП является необходимой для избежания безнаказанности, поскольку подсудимые в международных уголовных процессах в свою защиту, как правило, ссылаются на то обстоятельство, что вменяемые им деяния были совершены по приказу начальников, которым исполнители преступлений были обязаны подчиняться в силу юридической или фактической иерархии.³⁸ По смыслу статьи 33, чтобы лицо, совершившее преступление по международному праву по приказу начальника, не было привлечено к уголовной ответственности, в наличии должны быть все три обстоятельства, отраженные в статье 33(1). При этом предполагается, что приказы о совершении преступления геноцида или преступлений против человечности являются явно незаконными, – то есть, преступный характер этих деяний настолько самоочевиден, что никакое оправдание их ссылкой на приказ начальника не может являться приемлемым.

В свою очередь, приказы о совершении военных преступлений и преступления агрессии, по смыслу статьи 33(2) Римского статута МУС, явно незаконными не являются. Это связано, в первую очередь, с юридико-технической сложностью норм международного гуманитарного и уголовного права, а также права международной безопасности, регулирующих соответствующие правоотношения. Нельзя ожидать

³⁶Там же. С. 291 (примечания опущены).

³⁷См. статью 33 Римского статута МУС: «1. Тот факт, что преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, было совершено лицом по приказу правительства или начальника, будь то военного или гражданского, не освобождает это лицо от уголовной ответственности, за исключением случаев, когда:

- а) это лицо было юридически обязано исполнять приказы данного правительства или данного начальника;
- б) это лицо не знало, что приказ был незаконным; и
- с) приказ не был явно незаконным.

2. Для целей настоящей статьи приказы о совершении преступления геноцида или преступлений против человечности являются явно незаконными».

³⁸См. выше, прим. 8. С. 253 – 262.

от неспециалистов, – а большинство потенциальных (военнослужащих и гражданских) субъектов военных преступлений и преступления агрессии не являются специалистами по международному и национальному уголовному праву, – что они обладают соответствующими профессиональными юридическими знаниями. Консультирование военных командиров и гражданских начальников по вопросам международного и национального права – задача специально подготовленных юридических советников.³⁹

В свою очередь, законодательство Республики Казахстан относит приказы о совершении военных преступлений, предусмотренных статьями 163 – 165 Уголовного кодекса, к категории явно незаконных, и часть вторая статьи 166 Уголовного кодекса устанавливает уголовную ответственность начальника или должностного лица, отдающего такой приказ. Отсюда также можно сделать вывод, что военнослужащие Республики Казахстан, отказывающиеся выполнять приказы о совершении военных преступлений, не должны привлекаться к уголовной ответственности за неповиновение на основании статьи 437 Уголовного кодекса Республики Казахстан.

С.В. Саяпин: Халықаралық қылмыстық құқықтың принциптерін Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасына енгізу.

Халықаралық қылмыстық құқықтың принциптері оның жалпы бөлімін құрайды және негіздерін, сондай-ақ халықаралық құқық бойынша қарастырылған қылмыстарды жасағаны үшін тұлғаларды қылмыстық жауапқа тартудың жағдаяттарын (геноцид, адамзатқа қарсы қылмыстар, әскери қылмыстар және агрессиялық қылмыстар) қалыптастырады. Халықаралық қылмыстық құқықтың принциптері басым бөлігінде Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасына енгізілген. Мақалада халықаралық қылмыстық құқықтың жалпы бөлімін енгізудің ақтаңдақтары сараланады және Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасын жетілдірудің жолдары ұсынылады.

Түйін сөздер: заңдылық, имплементация, иммунитет, жеке қылмыстық жауапкершілік, халықаралық қылмыстық құқық, Халықаралық қылмыстық сот (ICC), халықаралық қылмыстық құқықтың принциптері, ескіру мерзімдері, субъективтік жағы, қылмыстық жауапкершілік.

S. Sayapin: The Implementation of Principles of International Criminal Law in the Criminal Legislation of the Republic of Kazakhstan.

The principles of international criminal law constitute its General Part and formulate the foundations of and conditions for holding individuals criminally responsible for committing offenses under international law (genocide, crimes against humanity, war crimes and the crime of aggression) and other crimes against the peace and security of mankind. The principles of international criminal law have largely been implemented in the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan. This article analyses lacunae in the implementation of the General Part of international criminal law, and suggests further improvements to be made in criminal legislation of the Republic of Kazakhstan.

³⁹См. статью 82 Первого Дополнительного протокола от 8 июня 1977 года к Женевским конвенциям 1949 года.

Key words: criminal responsibility, immunity, implementation, individual criminal responsibility, International Criminal Court (ICC), international criminal law, legality, mens rea, principles of international criminal law, statutes of limitation.

Библиография:

1. Верле Г. Принципы международного уголовного права. О.: Феникс. М.: ТрансЛит, 2011.
2. Лукашук И.И. Международное право: Общая часть, 3-е издание. М.: Wolters Kluwer, 2008.
3. Лукашук И.И. Право международной ответственности. М.: Wolters Kluwer, 2004.
4. Cassese A., Gaeta P., Baig L., Fan M., Gosnell C., and Whiting A. Cassese's International Criminal Law, 3rd edition. Oxford University Press, 2013.
5. Sayapin S. The Crime of Aggression in International Criminal Law: Historical Development, Comparative Analysis and Present State. The Hague: T. M. C. Asser Press / Springer, 2014.
6. Werle G. and Jessberger F. Principles of International Criminal Law, 3rd edition. Oxford University Press, 2014.

References (transliterated):

1. Verle G. Principy mezhdunarodnogo ugolovnoogo prava. O.: Feniks. M.: TransLit, 2011.
2. Lukashuk I.I. Mezhdunarodnoe pravo: Obshchaya chast', 3-e izdanie. M.: Wolters Kluwer, 2008.
3. Lukashuk I.I. Pravo mezhdunarodnoj otvetstvennosti. M.: Wolters Kluwer, 2004.
4. Cassese A., Gaeta P., Baig L., Fan M., Gosnell C., and Whiting A. Cassese's International Criminal Law, 3rd edition. Oxford University Press, 2013.
5. Sayapin S. The Crime of Aggression in International Criminal Law: Historical Development, Comparative Analysis and Present State. The Hague: T. M. C. Asser Press / Springer, 2014.
6. Werle G. and Jessberger F. Principles of International Criminal Law, 3rd edition. Oxford University Press, 2014.

НОВЫЕ КНИГИ

Абашидзе, А. Х. Европейская система защиты прав человека : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / А. Х. Абашидзе, Е. С. Алисиевич ; под ред. А. Х. Абашидзе. М. : Издательство Юрайт, 2018. — 140 с. (Серия : Бакалавр и магистр. Модуль).

ISBN 978-5-534-04432-4.

В учебнике описана деятельность судебных учреждений, комиссий и специальных процедур, функционирующих в рамках региональных систем защиты прав человека Европы. Рассматриваются темы, посвященные европейской системе защиты прав человека. Учебник включает вопросы и задания для самоконтроля, которые позволят студентам лучше усвоить изученный материал.

ОСОБЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ В ПРЕДЕЛАХ ГОРОДА АСТАНЫ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Д.С. БАТЫРБЕКОВА,
магистр юридических наук,
докторант Костанайского
государственного университета
им. А. Байтурсынова
(Костанай)

В статье освещаются вопросы сосуществования в пределах города Астаны, где действует особый правовой режим в финансовой сфере, двух разнопорядковых правовых систем: правовой системы Республики Казахстан как составной части романо-германской правовой семьи и прецедентного права Англии и Уэльса. Авторы отмечают, что суд Центра не охватывается понятиями «специализированный суд», а также «специальный суд» и «чрезвычайный суд», учреждение которых не допускается Конституцией Республики Казахстан.

Ключевые слова: правовая система Республики Казахстан, принципы, нормы и прецеденты права Англии и Уэльса, суд Центра, судебная система Республики Казахстан, Международный финансовый центр, Конституция Республики Казахстан, конституционный закон.

В последнее время правотворческая практика в Республике Казахстан демонстрирует те или иные признаки попыток внедрения в правовую систему Казахстана элементов англо-американского общего права (англосаксонской правовой семьи). Об этом свидетельствуют как появляющиеся статьи научно-аналитического характера казахстанских авторов,¹ так и позиция самого законодателя.

© Д.С. Батырбекова, С.К. Укин, 2018

¹См., например, Сулейменов М.К. Гражданское законодательство Республики Казахстан: прошлое, настоящее, будущее // <https://www.zakon.kz/4826588-grazhdanskoe-zakonodatelstvo-respubliki.html>. Он же. Система права и система законодательства Казахстана: выбор пути // <http://www.zakon.kz/4466326-sistema-prava-i-sistema-zakonodatelstva.html>. Он же. Принципы и тенденции применения норм частного права Европейского Союза и Казахстана // <http://www.zakon.kz/4862382-principy-i-tendencii-primenenija-norm.html>. Ударцев С.Ф. Феномен английского права // Право и государство, № 3 (72), 2016. С. 6-9. Ешнуров С.Н. Туман в степи: о праве, применимом к частнопроводным отношениям в международном финансовом центре «Астана» // Право и государство, № 3 (72), 2016. С. 87-93. Все ссылки на источники в сети «Интернет» актуальны по состоянию на 14.12.2017 г.

С.К. УКИН,
к.ю.н., доцент,
и.о. заведующего кафедрой
теории государства и права
Костанайского
государственного
университета
им. А. Байтурсынова
(Костанай)

Так, еще 7 декабря 2015 года Президент Республики Казахстан подписал Конституционный закон Республики Казахстан «О Международном финансовом центре «Астана».² Данный Конституционный закон введен в действие по истечении десяти календарных дней после дня его первого официального опубликования, за исключением пункта 5 статьи 7 этого Закона, который введен в действие с 1 января 2017 года.

Конституционный закон Республики Казахстан «О Международном финансовом центре «Астана» в подпункте 2) пункта 1 статьи 4 устанавливает, что действующее право Центра основывается на Конституции Республики Казахстан и состоит из не противоречащих настоящему Конституционному закону актов Центра, которые могут быть основаны на принципах, нормах и прецедентах права Англии и Уэльса и (или) стандартах ведущих мировых финансовых центров, принимаемых органами Центра в пределах предоставленных настоящим Конституционным законом полномочий.

При этом отметим, что правовая система Республики Казахстан на современном этапе государственно-правового развития в отличие от стран общего права обладает практически всеми чертами и признаками, которые присущи правовым системам стран романо-германской правовой семьи, где первостепенным значением в качестве источников права выступают нормативные правовые акты.

Как правило, нормативные правовые акты в странах романо-германской правовой семьи как основной источник права построены по иерархическому принципу, и, соответственно, имеют разную юридическую форму, которые, тем не менее, в зависимости от юридической силы, объединены в две большие группы: законы и подзаконные акты. В свою очередь, законы в странах романо-германской правовой семьи также имеют различные правовые уровни в зависимости как от процедуры их принятия в правотворческом органе, так и от их юридической формы. При этом отметим, что конституции большинства стран романо-германской правовой семьи прямо указывают вопросы, предметы, регулирования которых отнесены либо только к конституционным законам, либо к органическим законам. Не исключение и Республика Казахстан.

Так, в соответствии с пунктом 4 статьи 62 Конституции Республики Казахстан 1995 года³ конституционные законы принимаются по вопросам, предусмотренным Конституцией, большинством не менее двух третей голосов от общего числа депутатов каждой из Палат. Иначе говоря, Конституция Республики Казахстан 1995 года устанавливает основания принятия и предметы регулирования конституционных законов.

Как правило, категория «конституционный закон» в правовой системе Республики Казахстан обладает теми или иными признаками, которые и отличают ее от других законов и иных нормативных правовых актов. Можно выделить следующие признаки конституционных законов Республики Казахстан:

- 1) принимаются по вопросам, предусмотренным Конституцией;
- 2) принимаются большинством не менее двух третей голосов от общего числа депутатов каждой из Палат Парламента;

²См. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39635390

³См. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029

3) возражения Президента Республики на конституционные законы преодолеваются Парламентом не менее чем тремя четвертями голосов от общего числа депутатов каждой из Палат;

4) по юридической силе выше кодексов, консолидированных законов, законов, но ниже Конституции и законов, вносящих изменения и дополнения в Конституцию Республики Казахстан, а также нормативных постановлений Конституционного Совета;

5) должны быть приняты в течение года со дня вступления Конституции в силу.

Принятие Конституционного закона Республики Казахстан от 7 декабря 2015 года «О Международном финансовом центре «Астана» до 10 марта 2017 года не предусматривалось Конституцией Республики Казахстан 1995 года именно в форме конституционного закона.

И чтобы устранить несоответствие между Конституцией и данным Конституционным законом, Законом Республики Казахстан от 10 марта 2017 года «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан»⁴ статья 2 Конституции была дополнена пунктом 3-1 следующего содержания: «В пределах города Астаны может быть установлен особый правовой режим в финансовой сфере в соответствии с конституционным законом». Получилось так, что Конституция Республики Казахстан 1995 года была приведена в соответствии с Конституционным законом «О Международном финансовом центре «Астана», а не наоборот.

Что же касается соотношения по юридической силе конституционных законов Республики Казахстан и международных договоров, ратифицированных Республикой Казахстан, то в свете принятия 7 декабря 2015 года Конституционного закона Республики Казахстан «О Международном финансовом центре «Астана» данный вопрос является дискуссионным и требует дополнительного исследования и юридического анализа.

Какова была цель введения конституционной нормы пункта 3-1 статьи 2, а также принятия Конституционного закона «О Международном финансовом центре «Астана»? На наш взгляд, одной из главных целей принятия Конституционного закона Республики Казахстан «О Международном финансовом центре «Астана» является постепенное внедрение в правовую систему Республики Казахстан элементов правовых систем стран общего права, или иначе говоря, англо-американского общего права, а затем и полное изменение правовой системы Казахстана в параметры англосаксонского права. Это связано с тем, что для дальнейшего привлечения иностранных инвестиций в экономику Республики Казахстан необходимым является создание соответствующего благоприятного правового режима в стране. На взгляд руководства Республики Казахстан, для создания такого правового режима более предпочтительным является не нынешняя правовая система Казахстана как составная часть семьи романо-германского права, а правовая система английского общего права.

Соответственно, 10 марта 2017 года Законом Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» статья 2 Конституции Казахстана была дополнена бланкетной нормой, которая и предусматривает

⁴См. URL: http://online.zakon.kz /Document/?doc_id=32937557

особый правовой режим в финансовой сфере в пределах города Астаны.

При этом следует отметить, что Конституция Республики Казахстан 1995 года в пункте 1 статьи 4 устанавливает, что действующим правом в Республике Казахстан являются нормы Конституции, соответствующих ей законов, иных нормативных правовых актов, международных договорных и иных обязательств Республики, а также нормативных постановлений Конституционного Совета и Верховного Суда Республики. В теории права известно, что категория «действующее право», иначе называемое позитивным (положительным) правом (от лат. *ius positivum*), в содержательном плане является результатом нормотворческой деятельности государства и, соответственно, включает только те нормы, которые установлены государством, исходят от государства и которые имеют правовой характер.

Кроме того, позитивным (положительным) правом называют право, действующее в данный момент. Основными чертами позитивного права являются выраженность в тех источниках права, которые установлены или признаны государственной властью и в целом государством, изменчивость и зависимость от воли законодателя. Кроме того, позитивное право – это по сути право, действующее в пределах границ государства и получившее закрепление именно в законодательстве, то есть это писаное право, выраженное в законодательстве.

Таким образом, содержащуюся в пункте 1 статьи 4 Конституции Республики Казахстан дефиницию «действующее право в Республике Казахстан» можно рассматривать как «источники права в Республике Казахстан» или как «формы права в Республике Казахстан». В перечисленных источниках права не указаны такие источники (формы) права, как судебный прецедент и правовой обычай (санкционированный обычай, обычаи делового оборота).⁵

Тем самым, перечень признаваемых Конституцией Казахстана 1995 года источников (форм) права в Республике Казахстан вполне соответствует характерным чертам и признакам романо-германской (континентальной) правовой семьи.

Что же касается конституционной формулировки пункта 3-1 статьи 2 Конституции Казахстана о том, что в пределах города Астаны может быть установлен особый правовой режим в финансовой сфере в соответствии с конституционным законом, то очевидно, что в таком особом правовом режиме тем или иным образом сосуществуют английское общее право и право Республики Казахстан.

Поэтому пункт 1 статьи 4 Конституционного закона Республики Казахстан «О Международном финансовом центре «Астана» устанавливает, что действующее право Центра основывается на Конституции Республики Казахстан и состоит из:

- 1) настоящего Конституционного закона (Конституционного закона Республики Казахстан «О Международном финансовом центре «Астана» - прим. авторов);
- 2) не противоречащих настоящему Конституционному закону актов Центра, ко-

⁵При этом в других отраслях права, например, в гражданском праве Республики Казахстан допускается такой источник (форма) права, как обычаи делового оборота. В частности, пункт 4 статьи 3 действующего Гражданского кодекса Республики Казахстан устанавливает: «Гражданские отношения могут регулироваться обычаями, в том числе обычаями делового оборота, если они не противоречат гражданскому законодательству, действующему на территории Республики Казахстан» // См. URL: http://online.zakon.kz /Document/?doc_id=100606 (прим. авторов).

торые могут быть основаны на принципах, нормах и прецедентах права Англии и Уэльса и (или) стандартах ведущих мировых финансовых центров, принимаемых органами Центра в пределах предоставленных настоящим Конституционным законом полномочий;

3) действующего права Республики Казахстан, которое применяется в части, не урегулированной настоящим Конституционным законом и актами Центра.

Как видно, данный Конституционный закон допускает действие права Республики Казахстан на территории особого правового режима в пределах города Астаны, наряду с правом Англии и Уэльса. Тем самым, в пределах города Астаны, где действует особый правовой режим, наряду с действием прецедентного права Англии и Уэльса допускается применение права Республики Казахстан, основанного на принципах романо-германского права, где основным источником права признается нормативный правовой акт. Можно сказать, что в пределах города Астаны создан своего рода «правовой анклав», где действуют две разнопорядковые правовые семьи.

В этой связи возникает следующий вопрос: как может действующее право Центра одновременно основываться на Конституции Республики Казахстан, которая как одна из форм нормативного правового акта является основным источником казахстанского права и в то же время основываться на принципах, нормах и прецедентах права Англии и Уэльса? Кроме того, возможно ли при осуществлении правосудия судом Центра при рассмотрении одного и того же, например, инвестиционного спора, применение двух разнопорядковых правовых систем: казахстанского права как составной части романо-германской правовой семьи и прецедентного права Англии и Уэльса?

При этом следует отметить, что еще в девяностых годах прошлого века М.К. Сулейменов и Ю.Г. Басин справедливо писали, что «...далеко не все законодательные правила, даже самые современные, могут быть перенесены в законы нашей Республики, отражающие особенности ее истории, традиций, экономики и других условий, пренебрегать которыми недопустимо».⁶ «К тому же и между правилами юридического регулирования однотипных отношений ряда современных государств» – далее продолжают авторы – «существуют весьма серьезные различия и даже противоречия. Особенно четко они проявляются при сравнении законов континентальных европейских государств с правовыми нормами Англии и Соединенных Штатов Америки» – заключают авторы.⁷

Кроме того, известно, что казахстанским законодательством также в девяностых годах прошлого века не воспринят институт траста – права доверительной собственности, в соответствии с которым первоначальный собственник передает свое имущество другому лицу в доверительную собственность, но с условием использовать строго по назначению в интересах третьего лица – выгодоприобретателя.⁸

⁶См. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть). Комментарий. В двух книгах. Книга 1. Ответственные редакторы: М.К. Сулейменов, Ю.Г. Басин. Алматы: «Жеті жарғы», 1997. – 416 с. С. 6.

⁷Там же.

⁸См. Жанаидаров И.У. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть). Комментарий. В двух книгах. Книга 2. Ответственные редакторы: М.К. Сулейменов, Ю.Г. Басин. Алматы: «Жеті жарғы», 1998. – 432 с. С. 6.

В то же время, несмотря на то, что в Конституции Республики Казахстан 1995 года статья 2 Законом от 10 марта 2017 года была дополнена пунктом 3-1, который допускает особый правовой режим в финансовой сфере в пределах города Астаны, само содержание, буква и дух Конституции Казахстана пока остаются отражением романо-германского права.

Особый правовой режим в пределах города Астаны предполагает помимо всего прочего и такую деятельность, как судебное рассмотрение споров.

При этом пункт 1 статьи 13 Конституционного закона Республики Казахстан «О Международном финансовом центре «Астана» устанавливает, что судебное рассмотрение споров, предусмотренных пунктом 4 настоящей статьи, осуществляется только судом Центра, который имеет своей целью защиту прав, свобод и законных интересов сторон, обеспечение исполнения действующего права Центра.

В свою очередь, пункт 4 статьи 13 данного Конституционного закона гласит, что суд Центра не осуществляет уголовное и административное судопроизводство и обладает исключительной юрисдикцией в отношении:

- 1) рассмотрения и разрешения споров, возникающих между участниками Центра, органами Центра и (или) их иностранными работниками;
- 2) рассмотрения и разрешения споров, касающихся любой операции, осуществленной в Центре и подчиненной праву Центра;
- 3) рассмотрения и разрешения споров, переданных суду Центра по соглашению сторон.

Что же касается вопросов осуществления правосудия на территории Казахстана, то пункт 1 статьи 75 Конституции Республики Казахстан устанавливает, что правосудие в Республике Казахстан осуществляется только судом. В Республике Казахстан, как известно, существует своя судебная система, представленная Верховным Судом Республики Казахстан, местными и другими судами, которые учреждены в соответствии с Конституцией Республики Казахстан и конституционным законом. В настоящее время таким конституционным законом является Конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года «О судебной системе и статусе судей».⁹ В Международном финансовом центре «Астана» функционирует иной суд, именуемый судом Центра (далее – суд Центра), учрежденный в соответствии с Конституционным законом «О Международном финансовом центре «Астана». Данный Конституционный закон выделил особый правовой статус суда Центра и определил его как самостоятельный, независимый орган, существующий вне судебной системы Республики Казахстан.

При этом отметим, что термин «правосудие», содержащийся в пункте 1 статьи 75 Конституции, как правило, относится к деятельности только государственных судов, которые осуществляют правосудие от имени государства, т.е. от имени Республики Казахстан. Разрешение правовых споров в судах, которые не входят в судебную систему Республики Казахстан, например, в арбитражных или третейских судах, не будет подпадать под понятие «правосудие», так как эти суды не могут осуществлять правосудие от имени государства и соответственно, деятельность таких судов носит негосударственный характер, хотя и может влечь определенные правовые последствия.

⁹См. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021164

Поэтому в соответствии с пунктом 1 статьи 76 Конституции Республики Казахстан судебная власть осуществляется от имени Республики Казахстан и имеет своим назначением защиту прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, обеспечение исполнения Конституции, законов, иных нормативных правовых актов, международных договоров Республики. При этом правосудие осуществляется в соответствующих процессуальных формах с применением как материально-правовых, так и процессуально-правовых норм действующего права Республики Казахстан.

Кроме того, пункт 2 статьи 76 Конституции закрепляет, что судебная власть распространяется на все дела и споры, возникающие на основе Конституции, законов, иных нормативных правовых актов, международных договоров Республики. Следует ли в данном случае под судом и судебной властью понимать исключительно и только суды судебной системы Республики Казахстан? Безусловно, да, поскольку в соответствии с пунктом 3 статьи 75 Конституции судами Республики являются Верховный Суд Республики, местные и другие суды, учреждаемые законом. Значит, суд Центра, который действует в пределах города Астаны, не подпадает под такие термины, как «правосудие», «суд», «судебная система», которые употребляются в соответствующих нормах Конституции Республики Казахстан.

В то же время, как было отмечено выше, если судебная власть распространяется на все дела и споры, возникающие на основе Конституции, законов, иных нормативных правовых актов, международных договоров Республики, означает ли это, что судебная власть может рассматривать дела и споры, возникающие на основе Конституционного закона Республики Казахстан «О Международном финансовом центре «Астана»?»

На наш взгляд, данный конституционный постулат, установленный в пункте 2 статьи 76 Конституции, не является абсолютным. Например, в соответствии с Постановлением Конституционного Совета Республики Казахстан от 29 марта 1999 года № 7/2¹⁰ следует иметь в виду, что не могут быть предметом рассмотрения в суде действия Президента Республики Казахстан. Кроме того, на основе норм Конституции Республики может осуществляться роспуск Парламента или Мажилиса Парламента Президентом Республики, прекращение полномочий Правительства по инициативе Президента Республики и другие правовые отношения, которые не могут быть предметом судебного разбирательства. Например, нельзя обжаловать в суд принятое на основе норм Конституции решение Президента Республики Казахстан в форме указа о роспуске им Парламента или Мажилиса Парламента либо его решение о прекращении полномочий Правительства, а также освобождение от должностей акимов, судей и т.д.

Соответственно, на наш взгляд, все дела и споры, возникающие на основе Конституционного закона Республики Казахстан «О Международном финансовом центре «Астана»», не могут рассматриваться судами судебной системы Республики Казахстан. Более того, судебная власть Республики Казахстан не может распространяться и на те международные договоры, ратифицированные Республикой Казахстан, которые заключены по вопросам особого правового режима в финансовой сфере в пределах города Астаны.

¹⁰См. URL: <http://ksrk.gov.kz/rus/resheniya/?cid=11&rid=165>

Кроме того, как было отмечено выше, судебная система Республики устанавливается Конституцией Республики и конституционным законом. Учреждение специальных и чрезвычайных судов под каким-либо названием не допускается (п.4 ст.75 Конституции). При этом Конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» в пункте 3 статьи 3 устанавливает, что в Республике Казахстан могут создаваться другие суды, в том числе специализированные суды (военные, финансовые, экономические, административные, по делам несовершеннолетних и другие). Соответственно, в Республике Казахстан запрещается создание специальных и чрезвычайных судов под каким-либо названием, но допускается создание других судов, в том числе специализированных.

Как правило, пункт 5 статьи 3 Конституционного закона Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан», устанавливает, что «Особый статус имеет суд Международного финансового центра «Астана», не входящий в судебную систему Республики Казахстан». Кроме того, как было отмечено выше, Конституционный закон Республики Казахстан «О Международном финансовом центре «Астана»» также закрепляет, что «Суд Центра независим в своей деятельности и не входит в судебную систему Республики Казахстан» (п. 2 ст. 13).

При этом вряд ли суд Центра, действующий в пределах города Астаны, является специализированным судом. Подпадает ли в таком случае суд Центра под такие понятия, как «другой суд», «специальный суд» либо «чрезвычайный суд», учреждение которых не допускается Конституцией Республики Казахстан?

Отличительные признаки специальных и чрезвычайных судов определены Нормативным постановлением Конституционного совета «Об официальном толковании пункта 4 статьи 75 Конституции Республики Казахстан» от 14 апреля 2006 года № 1 (далее – Постановление).¹¹ В соответствии с данным Постановлением, «пункт 4 статьи 75 Конституции Республики Казахстан следует понимать таким образом, что судебная система Республики устанавливается Конституцией и соответствующим ей конституционным законом. Конституционная норма о том, что учреждение специальных судов под каким-либо названием не допускается, означает запрет на учреждение судов, характеризующихся следующими признаками:

1) устройство, компетенция и порядок их создания регламентируются специальными нормативными правовыми актами, а не Конституцией и конституционным законом;

2) отправление правосудия осуществляется ими с изъятиями из порядка судопроизводства, установленного законом для других судов, что создает условия для ущемления конституционных прав и свобод человека и гражданина;

3) при их образовании и функционировании не соблюдается предусмотренный пунктом 4 статьи 3 Конституции принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви, что выражается в организационной подчиненности или зависимости специальных судов от органов исполнительной ветви власти.

¹¹См. URL: <http://ksrk.gov.kz/rus/resheniya/?cid=11&rid=123>

В обобщенном виде понятие «специальный суд», содержащееся в пункте 4 статьи 75 Конституции, используется для обозначения судов, обладающих хотя бы одним из этих признаков.¹²

Суд «Международного финансового центра «Астана» также не является чрезвычайным судом. Так, в соответствии с вышеназванным Постановлением Конституционного Совета Республики Казахстан чрезвычайные суды – (революционные трибуналы, органы ВЧК, «тройки» и «двойки» НКВД, военно-революционные и военно-полевые суды и др.) представляли собой специальные судебные либо квазисудебные органы, создаваемые в условиях тоталитарного режима, как правило, в связи с конкретными событиями политического характера.¹³

Вместе с тем суд «Международного финансового центра «Астана» не обладает и признаками специализированного суда и в первую очередь следующего основного признака: специализированные суды должны входить в единую судебную систему Республики Казахстан в качестве местных судов.¹⁴

В результате на территории Республики Казахстан, а Международный финансовый центр «Астана» располагается также на территории Республики Казахстан, самостоятельно существуют две судебные системы, которые функционируют как бы параллельно: судебная система Республики Казахстан, учрежденная в соответствии с Конституцией Республики Казахстан, и суд Центра, состоящий из первой и апелляционной инстанций, учрежденный в соответствии с Конституционным законом «О международном финансовом центре Астана». Об этом также говорится в «Плане Нации: 100 конкретных шагов»: «70 шаг. Создание независимой судебной системы с собственной юрисдикцией, которая будет функционировать на принципах английского права».¹⁵

Так как действующее право Центра основывается на Конституции Республики Казахстан, то возникает следующий вопрос: могут ли нормы Конституции Республики Казахстан о суде и правосудии применяться к деятельности суда Центра? На наш взгляд, вряд ли. В противном случае это не будет соотноситься с теми положениями Конституции, которые устанавливают структуру судебной системы Республики Казахстан (п.п. 3 и 4 ст. 75 и др.), общие и единые для всех судов и судей Республики Казахстан принципы отправления правосудия (п. 3 ст. 77), а также которые закрепляют отдельные нормы, посвященные правовому положению судей (ст. 79 и др.).

Кроме того, обязаны ли судьи суда Международного финансового центра «Астана» следовать требованиям статьи 78 Конституции Республики Казахстан при разрешении споров, согласно которому: «Суды не вправе применять законы и иные нормативные правовые акты, ущемляющие закрепленные Конституцией права и свободы человека и гражданина. Если суд усмотрит, что закон или иной нормативный правовой акт, подлежащий применению, ущемляет закрепленные Конституцией права и свободы человека и гражданина, он обязан приостановить производство

¹²См. URL: <http://ksrk.gov.kz/rus/resheniya/?cid=11&rid=123>

¹³Там же.

¹⁴Там же.

¹⁵См. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000100>

по делу и обратиться в Конституционный Совет с представлением о признании этого акта неконституционным»? Либо данная конституционная норма относится только к судам судебной системы Республики Казахстан? Этот вопрос является предметом толкования Конституционного Совета Республики Казахстан.

В заключение отметим, что вопросы функционирования в пределах города Астаны особого правового режима в финансовой сфере, где одновременно сосуществуют две разнопорядковые правовые системы: действующее право Республики Казахстан и право Англии и Уэльса, безусловно, будут предметом дальнейших исследований и научного анализа.

Д.С. Батырбекова, С.К. Укин: Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесі контекстінде Астана қаласының аумағында арнайы құқықтық режим.

Бұл мақалада авторлармен Астана қаласы шегіндегі екі түрлі тәртіп құқықтық жүйедегі, яғни қаржы саласында әрекет ететін ерекше құқықтық режимде өмір сүру мәселелері қарастырылады: романо-германдық құқықтық отбасының және Англия мен Уэльстің прецедент құқығының құрамдас бөлігі ретіндегі Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесі. Сонымен қатар, авторлар атап өткендей, Орталық сот Қазақстан Республикасы Конституциясымен құруға жол берілмейтін «мамандандырылған сот», сондай-ақ «арнаулы сот» пен «төтенше сот» ұғымдарын қамтымайды.

Түйінді сөздер: Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесі, Англия және Уэльс құқығының қағидалары, нормалары және прецеденттері, Орталық соты, Қазақстан Республикасының сот жүйесі.

D. Batyrbekova, S. Ukin: A special legal regime within the city of Astana in the context of legal system of the Republic of Kazakhstan.

In this article the authors cover some issues of coexistence within the city of Astana, which has a special legal regime in the financial sector, two multi-ordinal legal systems: the legal system of the Republic of Kazakhstan as a part of the Romano-Germanic legal family and the case law of England and Wales. In addition, the authors note that the Center Court is not covered by the concepts of «specialized court» and «special court» and «extraordinary court», the establishment of which is prohibited by the Constitution of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: legal system of the Republic of Kazakhstan, the principles, rules and case law of England and Wales, the court of the Center, the judicial system of the Republic of Kazakhstan.

Библиография:

1. Сулейменов М.К. Гражданское законодательство Республики Казахстан: прошлое, настоящее, будущее // URL: <https://www.zakon.kz/4826588-grazhdanskoe-zakonodatelstvo-respubliki.html>.

2. Сулейменов М.К. Система права и система законодательства Казахстана: выбор пути // URL: <http://www.zakon.kz/4466326-sistema-prava-i-sistema-zakonodatelstva.html>.

3. Сулейменов М.К. Принципы и тенденции применения норм частного права Евро-

пейского Союза и Казахстана // URL: <http://www.zakon.kz/4862382-principy-i-tendencii-primeneniya-norm.html>.

4. Ударцев С.Ф. Феномен английского права // Право и государство, № 3 (72), 2016. С. 6-9.

5. Ешниязов С.Н. Туман в степи: о праве, применимом к частноправовым отношениям в международном финансовом центре «Астана» // Право и государство, № 3 (72), 2016. С. 87-93.

6. Жанайдаров И.У. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть). Комментарий. В двух книгах. Книга 2. Ответственные редакторы: М.К. Сулейменов, Ю.Г. Басин. Алматы: «Жеті жарғы», 1998. – 432 с. С. 6.

References (transliterated):

1. Sulejmenov M.K. Grazhdanskoe zakonodatel'stvo Respubliki Kazahstan: proshloe, nastoyashchee, budushchee // URL: <https://www.zakon.kz/4826588-grazhdanskoe-zakonodatel'stvo-respubliki.html>.

2. Sulejmenov M.K. Sistema prava i sistema zakonodatel'stva Kazahstana: vybor puti // URL: <http://www.zakon.kz/4466326-sistema-prava-i-sistema-zakonodatel'stva.html>.

3. Sulejmenov M.K. Principy i tendencii primeneniya norm chastnogo prava Evropejskogo Soyuzha i Kazahstana // URL: <http://www.zakon.kz/4862382-principy-i-tendencii-primeneniya-norm.html>.

4. Udartsev S.F. Fenomen anglijskogo prava // Pravo i gosudarstvo, № 3 (72), 2016. S. 6-9.

5. Eshniyazov S.N. Tuman v stepi: o prave, primenimom k chastnopravovym otnosheniyam v mezhdunarodnom finansovom centre «Astana» // Pravo i gosudarstvo, № 3 (72), 2016. S. 87-93.

6. Zhanajdarov I.U. Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan (Obshchaya chast'). Kommentarij. V dvuh knigah. Kniga 2. Otvetstvennyye redaktory: M.K. Sulejmenov, Yu.G. Basin. Almaty: «Zhety zhargy», 1998. – 432 s. S. 6.

НОВЫЕ КНИГИ

Африканская система защиты прав человека и народов : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / А. Х. Абашидзе [и др.] ; под ред. А. Х. Абашидзе. М. : Издательство Юрайт, 2018. — 118 с. (Серия : Бакалавр и магистр. Модуль). ISBN 978-5-534-04433-1.

В учебнике описана деятельность судебных учреждений, комиссий и специальных процедур, функционирующих в рамках региональных систем защиты прав человека Африки. Рассматриваются темы, посвященные африканской системе защиты прав человека. Издание включает вопросы и задания для самоконтроля, а также кейсы, которые позволят студентам лучше усвоить изученный материал.

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА: О РАТИФИКАЦИИ КАЗАХСТАНОМ ПРОТОКОЛА О ПРАВЕ, ПРИМЕНИМОМ К АЛИМЕНТНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ 2007 Г.

Н.С. ЕШНИЯЗОВ,
PhD, старший преподаватель
кафедры международного права
Университета КАЗГЮУ
им. М.С. Нарикбаева,
Астана, Казахстан

Для Казахстана перевод ратифицируемых международных договоров обычно не представляет собой большую проблему – в республике официально употребляется русский язык, являющийся аутентичным для многих международных актов. Если договор составлен на других языках, часто можно воспользоваться переводом России, ставшей участником договора ранее. Однако, пример Протокола о праве, применимом к алиментным обязательствам 2007 г. показывает, что к самостоятельному переводу Казахстан не готов. В статье указаны многочисленные ошибки, допущенные при переводе Протокола и приведены рекомендации по их устранению и недопущению в дальнейшем.

Ключевые слова: юридический перевод, Протокол о праве, применимом к алиментным обязательствам, Гагская Конференция по международному частному праву, коллизионное право, международное частное право.

Введение

9 апреля 2016 г. Казахстан ратифицировал Конвенцию о международном порядке взыскания алиментов на детей и других форм содержания семьи (далее – Конвенция) и Протокол о праве, применимом к алиментным обязательствам (далее – Протокол), разработанные Гагской Конференцией по международному частному праву в 2007 г.¹ Не беремся утверждать наверняка, но, по-видимому, это первый случай, когда страна вступает в многосторонние договоры, не имеющие аутентичного текста на русском языке, раньше России. Это обстоятельство обнажает проблему, с которой нам придется сталкиваться каждый раз при ратификации договора раньше РФ – необходимость самостоятельного перевода текста на русский язык. Перевод Протокола показывает, что к такой задаче республика объективно не готова.

Данная статья освещает недостатки перевода текста Протокола на русский язык, *якобы* (см. далее) осуществленного компетентными органами РК в связи с его ратификацией. Казахский текст не будет предметом скрупулезного рассмотрения, поскольку плачевность ситуации в этом плане общеизвестна даже в отношении актов националь-

© Н.С. Ешниязов, 2018

¹Закон РК от 09.04.2016 г. № 492-V «О ратификации Конвенции о международном порядке взыскания алиментов на детей и других форм содержания семьи и Протокола о праве, применимом к алиментным обязательствам» // URL: <http://www.zan.gov.kz/#!/doc/101247/rus>. Все ссылки на источники в сети «Интернет» актуальны на 11.06.2018 г.

ного законодательства. Перевод на казахский, очевидно совершённый с русского текста, будет использован главным образом для уточнения смысла, вкладываемого отечественным законодателем в содержание норм Протокола при возможных разночтениях.

В качестве исходного материала были использованы:

– русскоязычный текст Закона от 9 апреля 2016 года № 492-V, содержащий в виде приложений тексты Конвенции и Протокола, опубликованный в Эталонном контрольном банке нормативных правовых актов РК в электронном виде.² Достоверность источника не вызывает сомнений – согласно сайту Республиканского центра правовой информации Министерства юстиции, «эталонный банк включает нормативные правовые акты Республики Казахстан в контрольном состоянии. Является источником официального опубликования НПА».³ К сожалению, «Егемен Қазақстан»⁴ и «Казахстанская правда»⁵ ограничились публикацией только текстов Закона без приложений; сайт Министерства иностранных дел⁶ данных по Протоколу не содержит. Как бы то ни было, текст из эталонного банка полностью соответствует тексту из не менее авторитетной Информационно-правовой системы «Әділет» того же Республиканского центра правовой информации (РЦПИ);⁷

– аутентичные английский⁸ и французский⁹ тексты Протокола, опубликованные на сайте Гаагской Конференции;

– казахский текст Закона из эталонного банка и системы «Әділет».¹⁰

I. Авторство перевода

В тексте Приложения 2 к Закону содержится запись следующего содержания: «настоящим удостоверяю, что данный перевод Протокола на казахском и русском языках соответствует тексту Протокола о праве, применимом к алиментным обязательствам. Директор департамента Международного права и сотрудничества Министерства юстиции Республики Казахстан А. Ахметова». В Пояснительной записке к проекту постановления Правительства «О проекте Закона Республики Казахстан

²Там же.

³Паспорт проекта «Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов Республики Казахстан» // URL: <http://www.rkao.kz/ru/node/4172>

⁴Егемен Қазақстан. 19.04.2007. №73 (28801).

⁵Казахстанская правда. 19.04.2017. №73 (28199).

⁶Список многосторонних международных договоров Республики Казахстан // URL: <http://mfa.kz/ru/content/mnogostoronnie-mezdunarodnye-dogovory-respubliki-kazahstan>

⁷Закон Республики Казахстан от 9 апреля 2016 года № 492-V О ратификации Конвенции о международном порядке взыскания алиментов на детей и других форм содержания семьи и Протокола о праве, применимом к алиментным обязательствам // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000492>

⁸Protocol of 23 November 2007 on the Law Applicable to Maintenance Obligations // URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=133>

⁹Idem.

¹⁰Балаларға алименттерді және отбасын күтіп-бағудың басқа да нысандарын өндіріп алудың халықаралық тәртібі туралы конвенцияны және Алименттік міндеттемелерге қолданылатын құқық туралы хаттаманы ратификациялау туралы Қазақстан Республикасының 2016 жылғы 9 сәуірдегі № 492-V Заңы // URL: <http://www.zan.gov.kz/#!/doc/101247/kaz>. См также: URL: <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1600000492>

«О ратификации Конвенции о международном порядке взыскания алиментов на детей и других форм содержания семьи и Протокола о праве, применимом к алиментным обязательствам»», указано, что научно-правовая экспертиза проекта проведена Консалтинговой группой «Болашак» (№ 62 от 15 мая 2012 г.), а лингвистическая – ГУ «Институт законодательства» (№ 18-07/2416 от 19 декабря 2013 г.).¹¹

Определить лицо, которому формально приписывается собственно перевод, автору не удалось, зато не составило особого труда найти первоисточник, откуда почти дословно заимствован текст – публикация И.А. Орловой в российском «Журнале международного частного права».¹²

Связь между текстом Закона и переводом И.А. Орловой очевидна не столько по объективному совпадению, сколько по тому, что скан последнего выставлен на сайте Гаагской Конференции в разделе «Русские переводы Гаагских Конвенций».¹³ По-видимому, ответственные лица не стали утруждать себя не только переводом, но и элементарным анализом «готового» текста – его качество не выдерживает никакой критики. При этом, сайт Конференции не утверждает авторитетность и тем более аутентичность данного перевода, выставляя его, по-видимому, только в ознакомительных целях. Следует также отметить, что заимствование перевода казахстанскими властями можно расценивать, как нарушение авторских прав, поскольку он сопровождается текстом «© Перевод Орловой И.А.».

Разработчики Закона не смогли не ухудшить и без того неидеальный перевод – в статье 8 нарушен принцип нумерации подпунктов: «1 – 1; 2; 3; 4; 1. 2. 3. 4.» в Законе вместо «1 – a; b; c; d; 2. 3. 4. 5.» в оригинале. Получается, что п. 5 ст. 8 в оригинале Протокола соответствует п. 4 ст. 8 в изложении Закона РК (sic!), а еще, в нашем варианте статья имеет два пункта 1. Таким же образом, в ст. 11 оригинальная последовательность «a; b; c; d; e; f» приведена, как «a; 1; 2; 3; 4; 5». При этом, ошибка отсутствует в казахском переводе, таким образом, противоречие возникает уже между текстами Протокола на русском и государственном языке.

Необходимо отметить, что «перевод» ратифицированной этим же Законом Конвенции, являющийся таким же копипастом с материала,¹⁴ выставленного на том же сайте,¹⁵ выглядит не в пример лучше в связи с объективно лучшим качеством оригинала.

¹¹Пояснительная записка к проекту постановления Правительства «О проекте Закона Республики Казахстан «О ратификации Конвенции о международном порядке взыскания алиментов на детей и других форм содержания семьи и Протокола о праве, применимом к алиментным обязательствам»» // URL: www.adilet.gov.kz/sites/default/files/prilozhenie_0.docx

¹²Протокол о праве, применимом к алиментным обязательствам. Перевод И.А. Орловой // Журнал международного частного права. 2008. № 3 (31). – С. 94-103.

¹³Протокол о праве, применимом к алиментным обязательствам. Перевод И.А. Орловой // URL: https://assets.hcch.net/upload/text39_ru.pdf

¹⁴Конвенция о международном порядке взыскания алиментов на детей и других форм содержания семьи. Перевод К.Д. Шестаковой // Журнал международного частного права. 2008. № 3 (31). – С. 37-67.

¹⁵Конвенция о международном порядке взыскания алиментов на детей и других форм содержания семьи. Перевод К.Д. Шестаковой // URL: https://assets.hcch.net/upload/text38_ru.pdf

II. Общие недостатки перевода

Мы далеки от того, чтобы обвинить в недостатках нашего Закона непосредственного переводчика – по-нашему, если бы г-жа Орлова предполагала, что ее труд будет принят за основу официальной ратификации в каком-либо государстве, она бы отнеслась к переводу с большей обстоятельностью, а может, и вовсе отказалась бы от публикации. Ситуация полностью на совести казахстанских ответственных лиц. Тем более, нельзя возложить на И.А. Орлову повтор ошибок в казахском тексте. Но как бы то ни было, в тексте прослеживаются упущения, свидетельствующие об отсутствии навыков профессионального юридического перевода.

Так, повсеместно обнаруживается непоследовательность перевода одних и тех же выражений. Например, выражение «*shall not apply*» / «*ne s'applique pas*» в ст. 15.2 и ст. 16.3 переведено как «не применяется» и «не должна применяться». «*Law of the forum*» / «*loi du for*» в ст. 4.2 обозначено как «закон суда», а в ст. 4.3 – как «право суда». Здесь же прослеживается невладение устоявшейся терминологией международного частного права – общепринятым в отношении *lex fori* считается оборот «право страны суда». ¹⁶ Примечательно, что в тексте Конвенции, составляющем первое Приложение к Закону (заимствованном с перевода К.Д. Шестаковой), «*law*» / «*loi*» переведено и вовсе как «законодательство».

Невладение общепринятой терминологией заметно и в использовании оборотов «более тесные отношения», «развод», «соединяющий фактор», «собрание правовых норм» вместо, соответственно, «более тесная связь», «расторжение брака», «коллизийная привязка», «совокупность правовых норм». Но если применение данных терминов в целом не искажает смысл предмета, в ряде других случаев машинное калькирование не столь безобидно, особенно в контексте дальнейшего некачественного перевода на казахский язык.

Так, в названии ст. 15 «*internal conflicts*», означающее «внутренние (интерлокальные) коллизии», ¹⁷ переведено как «внутренние конфликты», и, далее – «*ішкі жанжалдар*». Между тем, «*жанжалдар*» в казахском имеет смысл «распри, раздоры» и при максимальной натяжке может означать конфликт исключительно между субъектами, но не нормами права. Эта тенденция усугублена в названии ст. 17, где «*inter-personal conflicts*» вместо устоявшегося оборота «интерперсональные коллизии» ¹⁸ переведены как «межличностные конфликты». На казахском это звучит уже как «жеке адамдар арасындағы жанжалдар», т.е. «раздоры между отдельными людьми». Если термин «интерперсональные коллизии» выглядит излишне доктринально, следовало бы взять за основу название статьи на французском языке – «*systèmes juridiques non unifiés à caractère personnel*» и перевести, как «неунифицированные правовые системы персонального характера».

Во многих местах сохранена последовательность слов английского текста, на-

¹⁶См., например, ст.ст. 1085, 1095, 1096, 1111 ГК РК.

¹⁷Т.е., коллизии между нормами отдельных систем права, действующих в одном и том же государстве.

¹⁸Коллизии между подсистемами права одной и той же страны, устанавливающими различное регулирование для разных категорий лиц по этническому, религиозному, кастовому и др. признаку.

пример, в ст. 16: «в отношении государства, в котором две или больше правовые системы или собрания правовых норм относительно любого вопроса, затронутого в этом Протоколе, применяются в различных территориальных единицах...». С точки зрения русского языка, более удачной была бы формулировка «В отношении государства, в различных территориальных единицах которого к любому вопросу, затрагиваемому настоящим Протоколом, применяются две или более системы права или совокупности правовых норм...».

Совсем не красят текст грамматические ошибки вроде «право, применимое к алиментным обязательствам, определяет... сроки или исковая давность» (ст. 11.4), «настоящий статья» (ст. 15.2), «возраст» (ст. 4.1.b); в статьях 6 и 14 пропущены запятые перед словом «так», в Преамбуле – в обороте «о праве применимом к алиментным обязательствам» (дважды).

III. Критические ошибки перевода

В переводе очень много неточностей «на грани фола», когда буквальное толкование делает текст бессмысленным, но общая мысль все же остается понятной. Так, согласно ст. 16.1.a, касающейся интерперсональных коллизий, «любое указание на право государства считается при ссылке на него... действующим правом в соответствующей территориальной единице». Выходит, что действующим правом считается указание на право, а не само право. Мы не будем заострять внимание на подобных случаях – достаточно квалифицированному лицу понятно, что речь идет о том, что «любая ссылка к праву государства... относится к праву, действующему в затронутой территориальной единице».

Однако в ряде мест беспечность переводчика не так простительна. Например, непрофессионал в области международного частного права не поймет ст. 12 «Исключение обратной отсылки»: «в Протоколе термин «право» означает право, действующее в государстве, ином, чем предусмотренное его коллизийными нормами». В каком государстве, ином, чем какое? Предусмотренное чьими коллизийными нормами?

Обращение к казахскому тексту и вовсе превратит толкование статьи в игру «испорченный телефон»: «Хаттамада «құқық» термині мемлекетте, оның басқа коллизиялық нормаларда көзделгеннен өзге де құқықты білдіреді». Нарушены элементарные правила грамматики – нет слова, согласующегося с «оның», поскольку в слове «нормаларда» отсутствует суффикс *-ын*; обратно на русский предложение переводится, как «в Протоколе термин «право» в государстве означает право, также иное, чем предусмотренное в других коллизийных нормах его».

Правильным был бы следующий перевод: «термин «право» в Протоколе означает право, действующее в государстве, за исключением его коллизийных норм». Название статьи переведено также половинчато, поскольку «*renvoi*» означает как обратную отсылку, так и отсылку к праву третьей страны, ¹⁹ «*кері жөнелту*» из ка-

¹⁹Подробнее см.: Ешниязов Н.С. О термине «обратная отсылка и отсылка праву третьей страны» в международном частном праве // *Materiály XII Mezinárodní vědecko-praktická konference «Dny vědy - 2016»*. Praha: Education and Science s.r.o, 2016. P. 32-35.

захского текста более соответствует «обратной отправке» и расходится с принятым в Гражданском Кодексе оборотом «кері сілтеме».²⁰

Статье 4.2 придан диаметрально противоположный смысл: «если кредитор в состоянии в силу права, упомянутого в статье 3, получить алименты от должника, то применению подлежит закон суда». Получается, что Протокол нацелен на лишение кредитора алиментов, иначе зачем применять закон суда, когда претензия основана на иностранном праве? В оригинале закон суда должен применяться субсидиарно, «если кредитор не в состоянии получить алименты в силу права, упомянутого в ст. 3» – «if the creditor is unable... to obtain maintenance» / «lorsque le créancier ne peut pas obtenir d'aliments».

Аналогичная ошибка допущена в переводе ст. 8: «если во время выбора стороны были полностью проинформированы и осведомлены о последствиях их выбора, право, определенное сторонами, не применяется, если его применение привело бы к явно несправедливым или необоснованным последствиям для любой из сторон». Какой смысл не применять определенное сторонами право, если стороны были проинформированы и осведомлены о последствиях выбора? В оригинале же значится «unless... the parties were fully informed and aware of the consequences of their designation...» - выбранное право не применяется «за исключением случаев, когда стороны были полностью проинформированы и осведомлены о последствиях их выбора». Взяв за основу французский текст – «à moins que les parties n'aient été pleinement informées et conscientes des conséquences de leur choix.. la loi désignée ne s'applique pas», получаем ту же мысль, но через двойное отрицание: «если стороны не были полностью проинформированы и осведомлены о последствиях их выбора, право, определенное сторонами, не применяется».

Наверно, невнимательностью переводчика объяснимо также упущение слова «habitual» / «habituelle» в переводе ст. 8.1.b, таким образом, «государство обычного места жительства» превращено в «государство места жительства», игнорируя нетождественность этих понятий. Здесь же причастие прошедшего времени в выражении «the law designated by the parties as applicable» / «la loi désignée par les parties pour régir» переведено на русский в настоящем времени – как «право, определяемое сторонами как применимое», а на казахский – и вовсе в форме будущего времени, «тапантар айқындайтын құқық». Юридическое значение времени заключения соглашения в объявлении не нуждается.

Существенна ошибка в ст. 4.3: «если кредитор находится в компетенции властей государства, где должник имеет обычное место жительства, то применяется право суда». В оригинале применены обороты «if the creditor has seised the competent authority» / «lorsque le créancier a saisi l'autorité compétente» – «если кредитор обратился к компетентной власти». Между тем, кредитор может обращаться к компетентной власти, не находясь в ее компетенции, более того, создание такой возможности и является одной из целей Конвенции (ст. 10), приложением к которой является Протокол.

Во втором предложении этого же пункта пропущено ключевое слово: «если кредитор в силу закона не может получить алименты от должника, то подлежит

применению право государства обычного места жительства кредитора». Создается впечатление, что указанное в статье право применяется, если кредитор не может получить алименты в силу любого закона, в то время, как английский текст предусматривает «by virtue of this law» – «в силу этого права», а французский и вовсе однозначное «en vertu de la loi du for» – «в силу права [страны] суда». Обращаем внимание и на то, что в первом предложении «law» / «loi» переведено как «право», а во втором – как «закон».

Грубо искажен смысл статьи 10: «право государственного органа требовать компенсации содержания, предусмотренного кредитору в месте выплаты алиментов, регулируется правом, которому подчинен данный орган» и 11: «Право, применимое к алиментным обязательствам, определяет... 5. размер алиментного обязательства должника, если государственный орган требует компенсацию, предусмотренную для кредитора в месте уплаты алиментов». В оригинале речь идет о содержании, предусмотренном не в месте выплаты, а вместо алиментов – «in place of maintenance», данный смысл точнее выражен во французском тексте – «en lieu et place d'aliments». Между тем, указанные обороты переведены верно в ст. 14: «...потребности кредитора и средства должника так же как любая компенсация, которую кредитору предоставляли вместо периодических алиментных платежей, принимаются во внимание при определении размера алиментов».

По всему тексту неправильно переведены термины «extent» / «measure». В ст. 11, определяющей сферу действия применимого права, п. «а» гласит: «whether, to what extent and from whom the creditor may claim maintenance» / «si, dans quelle mesure et à qui le créancier peut demander des aliments», что переведено, как «может ли, в каком размере и от кого кредитор требовать алименты». Между тем, «extent» / «measure» имеют более широкое значение, чем «размер» и могут также охватывать основания, временные рамки выплаты алиментов, условия зачета встречных требований и т.д. Таким образом, лучше бы звучал вариант «в какой мере (или «в каких пределах») кредитор может требовать алименты».

В п. «b» ст. 11 (п. 2 по нумерации русского текста) эта ошибка сопровождается другой: «размер выплаты задолженности, которую может требовать кредитор». В оригиналах – «the extent to which the creditor may claim retroactive maintenance» / «la mesure dans laquelle le créancier peut demander des aliments rétroactivement». Слово «задолженность» искажает суть вопроса – согласно КоБ(С)С, задолженность, при отсутствии соглашения об уплате алиментов, определяется судебным исполнителем и исчисляется с момента вступления в силу решения суда (ст. ст. 169, 171), тогда как в Протоколе речь идет об алиментах, начисляемых судом ретроактивно, «задним числом». Задолженность по алиментам звучала бы как «maintenance debt / dette des aliments». Если термин «ретроактивные алименты» представляется чуждым, уместен вариант «в какой мере кредитор может требовать алименты за срок, предшествующий обращению в суд». В любом случае, в целях пункта ключевое значение имеет не размер, а срок требования алиментов «задним числом», что подтверждает неправильность перевода терминов «extent» / «measure».

Перевод п. «f» (в русской нумерации – 5) ст. 11 можно номинировать в книгу рекордов Гиннеса в категории «максимум ошибок перевода в одной фразе». То, что должно было звучать, как «f. пределы обязательства должника по алиментам, если

²⁰Ст. 1087 ГК РК.

государственный орган требует выплаты компенсации, предусмотренной для кредитора вместо алиментов», выглядит следующим образом: «5. размер алиментного обязательства должника, если государственный орган требует компенсацию, предусмотренную для кредитора в месте уплаты алиментов». Здесь вместо буквенной нумерации допущена цифровая; «пределы» сужены до «размера»; обязательство, касающееся компенсации вместо алиментов, названо алиментным; «вместо алиментов» указано, как «в месте уплаты алиментов».

Необходимость расширительного толкования «*extent*» / «*mesure*» подтверждается тем, что Протокол, однозначно имея в виду только размер алиментов, оперирует терминами «*amount*» / «*montant*» (стст. 11.b, 14), впрочем, также переведенными, как «размер».

В ст. 13 «*extent*» / «*mesure*» переведены в другом контексте, но опять же неправильно: «в применении права... может быть отказано только в том случае, если последствия его применения будут явно противоречить публичному порядку суда». Здесь «*extent*» / «*mesure*» указывает не на случай противоречия иностранного права праву суда, но на меру отказа в его применении, иначе пришлось бы отказать в применении всего иностранного права, если бы публичному порядку противоречила лишь одна его норма. Таким образом, положение должно читаться, как «в той мере, в какой последствия будут противоречить публичному порядку». Обороту «в том случае» на аутентичных языках протокола соответствует «*in the case*» / «*dans ce cas*».

Искажен смысл п. d (в русской нумерации – 3) ст. 11 – «право, применимое к алиментным обязательствам, определяет... кто имеет право возбуждать процесс об алиментных обязательствах». Здесь имеется в виду не право возбуждения процесса, являющееся по ст. 150 ГПК РК прерогативой суда, а право подачи иска. И если английское «*to institute proceedings*» звучит слегка неоднозначно, французское «*intenter l'action*» не допускает какой-либо двусмысленности.

Пожалуй, ярче всего иллюстрирует некачественность переводчика и нерадивость ответственных лиц перевод статьи 7, в оригинале предоставляющей сторонам право договориться о применении права суда в целях конкретного производства («*a particular proceeding*» / «*une procédure particulière*»). Перевод говорит об «особом производстве», чем уничтожает возможность соглашения о применимом праве как таковую: в смысле ГПК РК «особое производство» является одним из видов судопроизводства, применяемым в отношении 18 категорий дел,²¹ не охватывающих взыскание алиментов.

Напоследок хотелось бы обратить внимание на ошибку, которую можно было бы избежать, будь допущен к экспертизе перевода хотя бы один специалист в области международного частного права. В ст. 9 «*domicil*» / «*domicile*», которое было бы уместно перевести как «домицилий», переведено как «постоянное место жительства»: «государство, которое имеет понятие «постоянного места жительства» как соединяющий фактор в семейных делах, может сообщить Постоянному бюро Гаагской конференции по международному частному праву, что для дел, которые возникают перед их органами, слово «гражданство» в статьях 4 и 6 заменено «постоянным местом жительства» как определено в том государстве».

²¹Ст. 302 ГПК РК.

Несмотря на то, что в континентальном праве «домицилий» в смысловом плане отождествляется с «постоянным местом жительства», очевидно, что в рамках универсального договора ему придается смысл, охватывающий понимание системы общего права. В статье говорится о «домицилии» как альтернативе «гражданству» – а именно в странах общего права, где отсылка к праву гражданства не решает коллизий ввиду множественности юрисдикций, основной коллизионной привязкой личного и брачно-семейного статута является *lex domicilii*. Тем более, что оговорку по указанной ст. 9 сделала только Ирландия – единственная страна *common law* из 31 участника Протокола.²²

Если «постоянное место жительства» повсеместно является вопросом факта, англо-американский «домицилий» требует также и намерения субъекта остаться в данной стране постоянно или на неопределенный срок²³ (т. н. домицилий выбора). Ключевым элементом является воля, а не факт – домицилием душевнобольного навсегда остается его домицилий до возникновения расстройства. В некоторых случаях для домицилия необязательно даже и проживание на территории, когда речь идет о домицилии происхождения, наследуемом от родителей (отца – для законнорожденного или матери – для незаконнорожденного). К тому же, в Ирландии сохранился «домицилий зависимости», по которой лицо, не достигшее 21 года и замужняя женщина имеют домицилий, соответственно, родителя и мужа.²⁴

Практический эффект указанной ошибки для Казахстана невелик, поскольку оговорка касается только дел, возникающих перед органами государства, сделавшего такую оговорку (на данный момент – только Ирландии). При этом, нельзя отрицать возможность неосновательного отказа в признании и приведении в исполнение ирландского решения, основанного на привязке к домицилию, не совпадающему с постоянным местом жительства. При всей сложности категории домицилия, даже если это была бы единственная ошибка во всем переводе, она неумолимо свидетельствует об игнорировании участия специалистов в законодательном процессе.

Заключение

Автор ни в коей мере не претендует на обнаружение всех дефектов перевода Протокола; более того, 10 студентов 4 курса отделения международного права Университета КАЗГЮУ в рамках факультативного задания по предмету «Практикум по международному частному праву» нашли ряд ошибок, не указанных в данной статье из соображений академической честности. Хотелось бы выразить им признательность – С. Абдумановой, А. Артуровой, К. Калиевой, К. Жұмабек, А. Мурат, А. Омаровой, О. Орынбасарову, Р. Рахметовой, М. Сакенову, А. Сапашевой – их работы убедили автора, что недостатки перевода очевидны даже для недипломированного специалиста. Удручает и одновременно вселяет надежду тот факт, что

²²Notification of Ireland to the Protocol on the Law Applicable to Maintenance Obligations // URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/notifications/?csid=1261&disp=resdn>

²³North P.M., Fawcett J.J. Cheshire and North's Private International Law. 13-th edition. London, Edinburg, Dublin: The Bath Press, 1999. P. 137.

²⁴Domicile and Habitual Residence // Irish Law Reform Commission. URL: http://www.lawreform.ie/_fileupload/consultation%20papers/wpHabitualResidence.htm

студенты 4 курса бакалавриата оказались более компетентны, чем вся законодательная номенклатура страны.

Принятие Закона РК от 9 апреля 2016 г. в нынешней редакции – результат халатного отношения, приближающегося к преступному (нарушение авторского права), могущий нанести существенный урон имиджу Казахстана в профессиональных кругах зарубежья. Закон, а точнее, приложения к нему необходимо подвергнуть изменениям, сопоставимым с пересадкой головы к новому телу. С последующим уведомлением об этом Гаагской Конференции, что не добавит нам авторитета перед этой уважаемой организацией, и дальнейшим уведомлением государств-участников.

До исправления перевода, во избежание неправомерных решений, судам и иным органам необходимо придерживаться изначального смысла Протокола на аутентичных языках по следующему алгоритму: 1) согласно ст. 4.3 Конституции, международные договоры, ратифицированные РК, имеют приоритет перед ее законами, порядок и условия их действия определяются законодательством; 2) по ст. 20 Закона «О международных договорах Республики Казахстан», действующий международный договор РК подлежит обязательному и добросовестному выполнению; 3) согласно ст. 1.15 того же Закона, аутентичный текст международного договора имеет преимущественную силу в случае расхождения между текстами, составленными на разных языках; 4) в заключительном положении Протокола его аутентичными языками указаны английский и французский языки.

Исходя из норм законодательства, суд применяет не акт о ратификации договора, а сам договор; кроме того, Закон о международных договорах прямо предписывает преимущественную силу аутентичного текста. Поскольку расхождение переводов с оригиналами очевидно, добросовестное выполнение договора, предусмотренное ст. 20 Закона, предполагает его толкование в оригинальном изложении.

Для недопущения таких ситуаций впредь, с учетом того, что ответственные лица даже не обременили себя попыткой самостоятельного перевода, автор считает необходимым *создание пула или реестра переводчиков* из ведущих научных центров с указанием отраслей профессиональной компетенции и владения языками. Обращение за их содействием должно быть обязательным и публичным, оплата – достойной в контексте общей суммы финансирования. Автор считает крайне нежелательным возложение перевода на филологов и вообще лиц, не имеющих юридического образования и опыта работы в юридической сфере.

Абстрагируясь от обстоятельств и последствий принятия Закона, можно сделать несколько выводов касательно методологии перевода.

Нет худа без добра – в тексте радуется применение, с легкой руки И.А. Орловой, латинского выражения «*inter alia*» без перевода. Таким же образом можно было бы отказаться от перевода краткого и емкого французского «*renvoi*» (обратная отсылка и отсылка к праву третьей страны). Можно надеяться, что этот прецедент даст импульс для прямой рецепции в отечественный правовой лексикон общепризнанных терминов и устойчивых выражений на иностранных языках.

Вместе с тем, перевод обнажает общераспространенную проблему кальки с английского на русский («*inter-personal conflicts*» – «*межличностные конфликты*») и дальнейшей кальки с русского на казахский («*межличностные конфликты*» – «*жеке адамдар арасындағы жанжалдар*»). В отношении международных до-

говоров не столь важно формальное соответствие лексических оборотов, сколько передача смысла положения, о чем свидетельствует нередкое текстуальное (но не содержательное) расхождение между английским и французскими текстами Протокола. С этой позиции, за основу перевода необходимо брать максимальное количество аутентичных текстов на разных языках. Здесь непереоценимы преимущества юридически более точного французского языка, к тому же, принадлежащего к континентально-правовому блоку.

Расхождения между переводами Конвенции (К.Д. Шестаковой) и Протокола (И.А. Орловой) указывают на необходимость отказа от пагубной практики перевода отдельных частей документа разными людьми. Если расхождения в текстах на русском языке, имеющем устоявшуюся единообразную терминологию – случай разовый, для текстов на казахском языке они давно стали бичом. Так, в одной лишь Общей Части ГК 1994 г. в отношении недвижимости 53 раза применен оборот «*жылжымайтын*» и 15 раз – «*қозғалмайтын*», причем различные обороты применены даже в названии и тексте единой статьи (стст. 236, 255). Очевидно, что один и тот же человек не стал бы переводить один и тот же термин двойко. Это увеличивает требования к переводчику – в идеале он должен уметь переводить с французского на казахский – однако, нельзя сказать, что казахстанская наука здесь и сейчас не обладает профессионалами такого уровня.

В общем, решение проблемы перевода юридических текстов не требует серьезных вложений государства. Необходимо лишь форматирование системного подхода, что представляется вопросом не средств, а ответственности и политической воли. Автор надеется, что неудачный перевод Протокола о праве, применимом к алиментным обязательствам 2007 г., останется единичным досадным упущением, и выражает готовность к сотрудничеству в данном направлении.

Н.С. Ешниязов: Аударма қиындықтары: Қазақстанның 2007 ж. алименттік міндеттемелерге қолданбалы құқық туралы Хаттаманы ратификациялауы туралы.

Қазақстан үшін ратификацияланатын халықаралық шарттарды аудару мәселесі әдетте қиындық туғызбайды – республикада көптеген халықаралық құжаттардың аутентті тілдерінің бірі – орыс тілі ресми қолданылады. Шарт басқа тілде жасалса, көп жағдайда шартқа бұрынырақ қосылған Ресейдің аудармасын пайдалануға болады. Бірақ, 2007 ж. Алименттік міндеттемелерге қолданбалы құқық туралы Хаттаманың мысалы Қазақстанның өз күшімен аударма жасауға дайын еместігін аңғартады. Мақалада Хаттама аударылғанда орын алған көптеген қателер көрсетілген және оларды жою мен болашақта болдырмауға байланысты ұсыныстар келтірілген.

Тірек сөздер: құқықтық аударма, алименттік міндеттемелерге қолданылатын құқық туралы Хаттама, халықаралық жеке құқық жөніндегі Гааг Конференциясы, коллизиялық құқық, халықаралық жеке құқық.

N.S. Yeshniyazov: Lost in Translation: About Kazakhstan's Ratification of the 2007 Protocol on the Law Applicable to Maintenance Obligations.

Translation of ratified international treaties usually does not create a problem for Kazakhstan as Russian is the authentic language for a great number of international

documents which is officially used in the Republic. If a treaty is written in the other languages, it is typical to use the already translated document of Russia which entered it earlier. But the example of the 2007 Protocol on the Law Applicable to Maintenance Obligations illustrates that the Republic is not yet ready for independent translation. The article discovers an array of mistakes of the Protocol's translation and provides some recommendations for their elimination and anticipation in the future.

Keywords: legal translation, Protocol on the law applicable to maintenance obligation, the Hague Conference on private international law, conflict of laws, private international law.

Библиография:

1. Протокол о праве, применимом к алиментным обязательствам. Перевод И.А. Орловой // Журнал международного частного права. 2008. № 3 (31).
2. Ешниязов Н.С. О термине «обратная отсылка и отсылка праву третьей страны» в международном частном праве // Материалы XII Mezinárodní vědecko-praktická konference «Dny vědy – 2016». Praha: Education and Science s.r.o, 2016. – P. 32-35.
3. Конвенция о международном порядке взыскания алиментов на детей и других форм содержания семьи. Перевод К.Д. Шестаковой // Журнал международного частного права. 2008. № 3 (31).
4. North P.M., Fawcett J.J. Cheshire and North's Private International Law. 13-th edition. London, Edinburg, Dublin: The Bath Press, 1999.

References (transliterated):

1. Protokol o prave, primenimom k alimentnym obyazatel'stvam. Pervod I.A. Orlovoy // Zhurnal mezhdunarodnogo chastnogo prava. 2008. № 3 (31).
2. Yeshniyazov N.S. O termine «obratnaya otsylka i otsylka k pravu tretyey strany» v mezhdunarodnom chastnom prave // Materiály XII Mezinárodní vědecko-praktická konference «Dny vědy – 2016». Praha: Education and Science s.r.o, 2016. – P. 32-35.
3. Konvenciya o mezhdunarodnom poryadke vzyiskaniya alimentov na detej i drugih form sodержaniya sem'i. Perevod K.D. Shestakovej // Zhurnal mezhdunarodnogo chastnogo prava. 2008. № 3 (31).
4. North P.M., Fawcett J.J. Cheshire and North's Private International Law. 13-th edition. London, Edinburg, Dublin: The Bath Press, 1999.

THE INSTITUTE OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) IN SOME FOREIGN COUNTRIES: BASIC ELEMENTS

V.S. BELYKH,
Director of the European-Asian
Scientific and Research Centre of
Comparative and International
Business Law, Distinguished
Scientist of the RF, Doctor of
Law, Professor, Head of the
Entrepreneurial Law Department
of the Ural State Law University
(Yekaterinburg, Russia)

The article focuses on some basic elements of the institute of insolvency in industrially developed countries. First of all, the author makes a review of acts on insolvency in England, the U.S. and in continental Europe, and secondly, of subjects of insolvency (bankruptcy): both physical and legal entities (companies). The article analyses the main systems of regulating insolvency (bankruptcy): pro-creditors and pro-debtors regulation.

Keywords: the institute of insolvency (bankruptcy), legislation on insolvency, acts (statutes), acts of delegated legislation, judicial precedents, subjects of insolvency (bankruptcy), main systems of regulating insolvency (bankruptcy).

1. Legal regulation of bankruptcy proceedings abroad. In countries with developed economies, the market is rather saturated with goods and services, with competition being a driving force of economic development and social progress. Bankruptcy, in its turn, is considered a part (an element) of ordinary operation of the market economy. These countries have developed and successfully applied the *general concept of bankruptcy* under which entrepreneurial activity is viewed as useful, desirable and socially important. Any entrepreneur, found bankrupt, is entitled to a fair and objective assessment of their efforts and actions. Therefore those entrepreneurs who have acted diligently and in good faith - though in the conditions of fierce competition they have become bankrupt – are not deprived of an opportunity to continue their entrepreneurial activity.¹

Different countries have their own legal regime in case of bankruptcy. First of all, such a distinction is based on the type of a legal system that a country belongs to: it is either a common-law country or a civil-law country, or a Muslim country, etc.² Thus, English law is primarily case law, with an increased role of laws (statutes) and acts of delegated legislation in regulating public relations. Conversely, the law of continental Europe is characterized by a significant influence and development of legislation.

However, civil-law countries face some difficulty in balancing the current legislation and their judicial practice. In many countries of continental Europe, judicial practice and

© V.S. Belykh, 2018

¹Reshetnikov F., Ignatova M. Bankrotstvo v dorevoliutsionnoi Rossii i na Zapade [Bankruptcy in pre-Revolutionary Russia and in the West] // Zakon. 1993. No. 7. Pp. 53-59.

²See: Legea Raymond. Velikie pravovye sistemy sovremennosti: sravnitel'no-pravovoi podkhod [Great Law Systems: a Comparative Law Approach] translated from French by A.V.Gryadov. M., 2009. – 584 p.

its form – a judicial decision – is not formally considered a source of law. So, the French Civil Code (Art.5) prohibits judges adjudicating certain cases to adopt generally worded judgments. Formally speaking, judicial practice is not a source of law in Germany as well as in some other countries. For example, decisions of the Federal Court of Germany are not binding for lower courts. The Federal Court of Germany has the right to refer a case to a lower court in the cassation proceedings. The review of a case by the Federal Court of Germany is reduced to considering a question whether the lower court has rightly applied the law.

Let us briefly analyze major acts related to insolvency (bankruptcy) in England and the U.S. – in common-law countries. England regulates matters of insolvency (bankruptcy) of legal entities by statutes, and in particular, by the 1986 Insolvency Act and the 1986 Company Director Disqualification Act.³ The source of law on insolvency is case law.⁴

The U.S. has federal legislation on bankruptcy which is mostly statutory. In 1978, the U.S. adopted Law No.95-598 (Bankruptcy Reform Act of 1978), which is well-known as the Bankruptcy Code. The new Act (preceded by the Act on Bankruptcy of 1898) came into force on 1 October 1979. The Bankruptcy Code is a complex and fundamental law; however, while analyzing and applying it, special attention is to be paid to Chapters 7 and 11 related to the liquidation of a bankrupt and its reorganization.⁵ The use of a form of a code is rather conditional. In fact, the federal legislation of the U.S. is stipulated in the Restatement of Laws which includes 50 sections separated by a branch of law or an institute of law, or a type of activity (for example, Section 1 “General Conditions”, Section 11 “Bankruptcy”, Section 12 “Banks and Banking Activity”, Section 15 “Commerce and Trade”, Section 45 “Railways”, Section 46 “Sea Navigation”, Section 49 “Transportation”, etc.).⁶ The Reinstatement of Laws in the U.S. is reissued every six years. At the same time, rules on bankruptcy are stipulated in legal acts of states, though the principle of supremacy of federal laws prohibits state legislatures to adopt laws on bankruptcy. At the same time, the Bankruptcy Code provides for a possibility either to apply the rules of a state or refer to the general concepts of common law developed in a particular state. It is quite interesting!

Among the countries of continental Europe let us consider legal acts on insolvency (bankruptcy) in Austria, Belgium, Germany, France, and Sweden. So, in the Austrian law on insolvency, a leading role belongs to the Bankruptcy Proceedings Act adopted in 1914 with further amendments. Bankruptcy proceedings in Belgium are regulated by

³Butterworth’s Commercial and Consumer Law. Third edition / ed. by Gwyneth Pitt. London, Edinburgh, Dublin, 1999. Pp. 745-854.

⁴English common law is not a source of law for the whole Great Britain; it is applied only in the territory of England and Wales, while Scotland, Northern Ireland, the Isle of Man and islands in the English Channel do not belong to the system of common law. For example, Scotland follows not English but Scottish law which has some distinctive features. See: Romanov A.K. Pravovaia sistema Anglii [The Legal System of England] M., 2000. P. 79.

⁵See: Bankruptcy Code and Related Legislation, Legislative History, Editorial Commentary. 2000-2001 ed. / William L. Norton. New York: West Group, 2001.

⁶See: URL: <http://www.gpoaccess.gov/uscode/browse.html>

the relevant Act passed on 18 April 1851, amended but still effective.⁷ On 2 December 1877, Germany passed the Bankruptcy Ordinance (in the redaction of 1898), however, the XX century saw more than 20 laws adopted to alter or complement the current Ordinance.⁸ In 1994, the German Parliament adopted a new bill on insolvency which came into force on 1 January 1999.⁹ Such a time gap was necessary for interested subjects to study the bill to be passed and prepare the necessary ground for its application.

The authors of the course “Bankruptcy Proceedings” say that France has the following effective laws: Act No. 84-148 passed on 1 March 1984 on preventing and solving financial problems of an enterprise; Act No.85-98 passed on 25 January 1985 on rehabilitation and liquidation of enterprises (a more often term to be used: on recovery of enterprises and elimination of property in court proceedings); Act No. 94-475 passed on 10 June 1994 and Decree No. 94-910 passed on 21 October 1994 on executing the Act.¹⁰ However, another source of information says that these laws were included into Book VI of the French Commercial Code of 1999 and became ineffective.¹¹ In fact, such information is confirmed by Book VI of the French Commercial Code.¹²

In its turn, Sweden has passed a series of normative acts: Act on Bankruptcy Proceedings passed on 1 June 1987 and Bankruptcy Discharge Act which became effective on 1 July 1994 which scope of application is limited by citizens, Act on the state-guaranteed salary in bankruptcy proceedings, Act on the preferential right in bankruptcy proceedings.

2. Subjects of insolvency (bankruptcy) are individuals as well as legal entities. In Germany, such a status can be acquired by a person regardless of their activity and commercial status that are “unable to pay”. Exceptions are public legal entities as well as federation and its constituent entities (lands). Proceedings in cases of insolvency can be initiated in respect of any entity without the rights of a legal entity (for example, an open trade company, a limited partnership, etc.). Physical entities – consumers – are found insolvent if they and their creditors have failed to reach a corresponding agreement.¹³ An individual can be declared insolvent only if such a person has been engaged in some entrepreneurial activity (business).

⁷See: Konkursnoe proizvodstvo: uchebno-prakticheskii kurs: Uchebnik [Bankruptcy Proceedings: Theoretical and Practical Course: a Course Book] / ed. by V.V. Yarkov. – Pp. 427 – 432.

⁸Grazhdanskoe i torgovoe pravo kapitalisticheskikh gosudarstv: Uchebnik [Civil and Trade Law of Capitalist States: a Course Book] / ed. by E.A. Vasiliev. M., 1993. Pp.442-443.

⁹Stepanov V.V. Nesostoiatel’nost’ (bankrotstvo) v Rossii, Anglii, Frantsii, Germanii [Insolvency (Bankruptcy) in Russia, England, France, Germany] M., 1999. – Pp. 33-34.

¹⁰Konkursnoe proizvodstvo: uchebno-prakticheskii kurs: Uchebnik [Bankruptcy Proceedings: Theoretical and Practical Course: a Course Book] / ed. by V.V. Yarkov. M. P. 494.

¹¹See: Kommercheskoe pravo zarubezhnykh stran: Uchebnik [Commercial Law of Foreign Countries: a Course Book] / ed. by V.F. Popondopulo. St.P., 2005. P. 119; Grazhdanskoe i torgovoe pravo zarubezhnykh stran: Uchebnoe posobie [Civil and Trade Law of Foreign Countries: a Course Book] / ed. by V.V. Bezbakh, V.K. Puchinsky. M., 2004. P. 470.

¹²Kommercheskii kodeks Frantsii [Commercial Code of France] / foreword, transl. from French, with additions and comments by V.N. Zakhvataev. M., 2008. – Pp. 1035-1097.

¹³Kommercheskoe pravo zarubezhnykh stran: Uchebnik [Commercial Law of Foreign Countries: a Course Book] / ed. by V.F. Popondopulo. St. P., 2005. P. 122.

France has a **similar** regulation on the subjects of bankruptcy. In accordance with Article L. 631-2 of the FCC, the procedure of recovery is applicable to any vendor, craftsman, farmer, or any other individual involved in independent professional activity, including any freelance work, or to any physical entity of private law. There is also a simplified procedure of bankruptcy for physical and legal entities if their staff includes not more than 50 employees and their turnover does not exceed the established volume (limit).

In England, the 1986 Act on Insolvency covers not only individuals but also companies incorporated following the order established by the 1989 Act on Companies (at present – the 2000 Act on Companies) (excluding insurance companies, banks and other credit organizations the legal status of which is regulated by special statutes). The latter include: Banking Acts of 1979 and 1987, and the 1906 Marine Insurance Act. Subjects of insolvency (bankruptcy) can be non-registered companies acting under the English law. However, in respect of such subjects the procedure of voluntary liquidation shall not be applied under the current insolvency procedures.

After the 1979 reform, the U.S. has considerably expanded the list of subjects of bankruptcy. Not only individuals and traders, but any private persons can be subject to the Code on Bankruptcy. For example, in 1992 there were 900,874 cases of bankruptcy of individuals amounting to 42% of all bankruptcy cases. Such a trend is still obvious. The U.S. legislation differentiates between cases of insolvency of individuals with steady income, banks, insurance companies, brokers of stock and trade exchanges, railways, municipalities, family (farming) business with regular annual income. State formations (like states) cannot be found insolvent.¹⁴

Court proceedings in cases of insolvency (bankruptcy) are initiated by the motion of creditors, a debtor, and other persons by the decision of the court or at the request of the prosecutor. In the U.S., only the creditor and the debtor can initiate such proceedings. France and England have an expanded list of subjects who can initiate such proceedings. The law of such states provides for a possibility to initiate proceedings by the court to protect public interests. The French legislation vests such a right with the prosecutor of the Republic.¹⁵

The status of courts which adjudicate insolvency (bankruptcy) cases is different. In England and the U.S., cases of bankruptcy are tried by special courts. For example, such courts exist in 90 U.S. judicial circuits, with more than 300 judges administering justice. In France, such cases are tried by commercial courts, while in Germany there are civil courts adjudicating such cases.

3. Main systems of regulating insolvency. *Systems of insolvency (bankruptcy)* existing in industrially developed countries can formally be divided into pro-debtors and pro-creditors systems. Within the first model, we analyze different types of laws on insolvency, and namely moderate pro-debtors and radical pro-debtors systems.

¹⁴Kommercheskoe pravo zarubezhnykh stran: Uchebnik [Commercial Law of Foreign Countries: a Course Book] / ed. by V.F. Popondopulo. Pp. 122-123.

¹⁵See: Belykh V.S., Dubinchin A.A., Skuratovsky M.L. Pravovye osnovy nesostoiatel'nosti (bankrotstva): uchebno-practicheskoe posobie [Legal Foundations for Insolvency (Bankruptcy): a Theoretical and Practical Course]. Pp. 15-19.

A similar classification is available with the second (pro-creditors) system of insolvency (bankruptcy): moderate pro-creditors and radical pro-creditors legislation.¹⁶ There is the so-called “neutral legislation” which equally takes into account the interests of both the creditor and the debtor. Let us briefly consider these systems.

Radical pro-creditors legislation is effective in Australia, England, Hong Kong, Israel, India, Ireland, Pakistan, etc. It is applied in Europe (except for France). Its main focus is on the protection of creditors' interests in a way of fully satisfying their claims and under the strict control over the maintenance of the debtor's assets and its timely liquidation. At the same time, there is no possibility to sue any third parties. The debtor's status as well as their economic interests are being ignored.

Moderate pro-creditors legislation takes into account the interests of other participants of bankruptcy proceedings (apart from creditors). This type of legal regulation of bankruptcy (insolvency) exists in Germany, Holland, Indonesia, Canada, Norway, Sweden, South Korea, Japan, and in resource-rich African states.

Pro-debtors legislation is also heterogeneous (both radical and moderate). It is focused on the protection of debtors' interests who for this or that reason have found themselves in a difficult financial situation. The state tries to create all the necessary conditions for such a subject to escape a critical situation, including a possibility to get rid of their debts and get a chance of a fresh start. The pure pro-debtors (radical) system of bankruptcy is known to exist in the U.S., taking into account the following facts: a) the debtor has acted within effective legislation and justice; b) entrepreneurial activity (business) is a risky activity; c) entering into the contract with the bankrupt-debtor, the creditor has the discretion to choose a partner and, therefore, the creditor bears all the risks of such a decision.

For the recent years, bankruptcy proceedings in France have acquired a “pro-debtors” bias, i.e. their purpose is to protect the interests of an insolvent debtor to the maximum extent (including the sole trader). The European Commission has recently stated that bankruptcy legislation of France tends to use the procedure of bankruptcy as a means of protecting the debtor from their creditors and render assistance in reorganization to financially recover the enterprise.¹⁷

Moderate pro-debtors legislation on insolvency makes a preference primarily towards the debtor's protection. But a series of legislative acts connected with the interests of the creditor and balancing this model of regulation make a sort of priority to a creditor as well. Such legislation is effective in Belgium, Greece, Spain, Portugal, Thailand as well as northern-western African countries.

As stated above, there is “neutral legislation” which harmoniously combines the interests of the creditor and the debtor. The states which “preach the principle of neutrality” in the

¹⁶See: Rosijskoe predprinimatel'skoe pravo: Uchebnik [Russian Entrepreneurial Law: a Course Book] / ed. by I.V. Ershov, G.D. Otnikov. 4th edition. M., 2012. Pp. 288-289; Vitrianskij V.V. Reforma zakonodatel'stva o nesostoiatel'nosti (bankrotstve) [The Reform of Legislation on Insolvency (Bankruptcy)] Bulletin of the RF Supreme Commercial Court. Special Attachment to No. 2. 1998. Pp.80–81; Belykh V.S. Conceptual Foundation of the 2002 Russian Insolvency Law // Russian Law: Theory and Practice. 2007. No. 2. Pp. 164-165.

¹⁷Legal Consequences of Bankruptcy. France // URL: http://ec.europa.eu/enterprise/policies/sme/files/sme2chance/doc/report_fra_en.pdf

legal regulation of insolvency (bankruptcy) include: Denmark, Italy, Slovakia, and the Czech Republic. Some commentators argue that the U.S. can also be considered as a state with neutral legislation on insolvency.¹⁸ In our view, it does not correspond to reality. The American legislation is a product of an obvious pro-debtors system of legal regulation of insolvency.¹⁹

The Act on Insolvency of 1998 (as well as the Act on Insolvency of 1992) combined elements of both legal systems in regulating bankruptcy, that, in the view of V.V. Vitryansky, makes the national system on insolvency flexible, which enables to fully consider the conditions of insolvency of the debtor on a case-to-case basis.²⁰ The 1998 Act on Insolvency made a considerable breakthrough towards the pro-creditors system of insolvency. How reasonable the 'golden middle' is we can see in judicial and economic practice.

In our view, Federal Law on Insolvency of 2002 (Federal Law No.53-FZ redacted on 7 March 2018) is a type of *moderate pro-debtors act*. Such a bias is reflected in the **following factors**: To protect the debtors' interests the Law (Art.42) establishes the order of filing and accepting an application to find the debtor bankrupt, including an individual. Therefore the procedure of supervision over legal entities and sole practitioners shall be introduced upon the successful justification of claims by the applicant to the debtor, except for cases stipulated in p.2 of Art.62 of the Law. At the stage of filing an application, a conservative function of legal regulation of insolvency (bankruptcy) is exercised.

Further, the new Law adds to the list of pro-debtors judicial procedures. Alongside with institutions of supervision, external management and settlement, there has appeared *financial recovery* – a procedure applied to the debtor to restore their solvency and pay off their debts in accordance with the debt repayment schedule (Chapter V of the 2002 Insolvency Act). The emergence of this procedure can be explained in the following way: the legislator seeks to provide the debtor with expanded opportunities to protect their interests. The 1998 Insolvency Act contained a rule under which such a judicial measure as external management (judicial sanation) is applied to the debtor to restore their solvency, with the management powers being transferred to the external manager. **Thus**, at different stages of insolvency (bankruptcy), restoration of the debtor's solvency is a priority aim of the new Law on insolvency.

In our view, one of the reasons for pro-debtors policy is, first of all, connected with the economic situation in our country, especially under the crisis conditions. By experts' estimates, more than 40% of Russian enterprises are loss-making. In Russia, productivity of labour as a major factor contributing to competitiveness is five times lower than in the U.S. Nowadays we see that Russian technical and technological facilities are degrading.²¹

¹⁸See: Federal Law on Insolvency (Bankruptcy)/ ed. by V.V. Vitryansky. P. 7.

¹⁹See: Belykh V.S. Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoj deiatel'nosti v Rossii: monografiia [Legal Regulation of Entrepreneurial Activity in Russia: Monograph] M., 2008. P. 291.

²⁰Vitryansky V.V. Reforma zakonodatel'stva o nesostoiatel'nosti (bankrotstve) [Reforming Legislation on Insolvency (Bankruptcy)] // Bulletin of the RF Supreme Commercial Court. Special Edition to No. 2. 1998. P. 85.

²¹See: Belykh V.S. Natsional'naia i ekonomicheskaja bezopasnost' Rossii – osnovnoj natsional'nyj proekt [National and Economic Security of Russia – the Major National Project] // Business, Management and Law. 2007. No.1. – Pp.16-25.

If under such a social and economic situation, preference is given to the protection of the interests of creditors, very soon we can see a major default with many enterprises in debt ceasing to exist as a result of mass bankruptcies.

Consequently, priority trends in the development of legislation on insolvency include: **a)** modernization of rules on criteria, features and elements of bankruptcy; **b)** review of provisions determining the status of the bankruptcy manager; **c)** elimination of a certain imbalance of interests of different subjects (creditors, the debtor, the owner, etc.) in regulating some stages of bankruptcy proceedings. But it is a subject for further independent research.

В.С. Белых: кейбір Еуропа елдерінде және Америка Құрама Штаттарында дәрменсіздікті (банкроттықты) құқықтық реттеу.

Мақалада индустриалды елдерде дәрменсіздік институтының негізгі элементтері қарастырылады. Біріншіден, Англияда, Америка Құрама Штаттарында және континенттік Еуропадағы дәрменсіздік туралы заңдарға шолу жасалады. Содан кейін дәрменсіздік субъектілері (банкроттық) субъектілері қарастырылады: жеке және заңды тұлғалар (компаниялар). Мақалада дәрменсіздік (банкроттық) реттеудің негізгі жүйелері несиелік берушілік пен борышқорлық талданады.

Тірек сөздер: дәрменсіздік (банкроттық) институты, дәрменсіздік туралы заңнама, заңдар (статуттар), берілген заңнама актілері, сот прецеденттері, дәрменсіздік (банкроттық) субъектілері, дәрменсіздік (банкроттық) реттейтін негізгі жүйелер.

В.С. Белых: Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) в некоторых европейских странах и в США.

В статье рассматриваются основные элементы института несостоятельности в промышленно развитых странах. Во-первых, дан обзор законодательства о несостоятельности в Англии, США, странах континентальной Европы. Далее, рассмотрены субъекты несостоятельности (банкротства): физические и юридические лица (компании). В статье проанализированы основные системы регулирования несостоятельности (банкротства): прокредиторская и продолжниковская.

Ключевые слова: институт несостоятельности (банкротства), законодательства о несостоятельности, законы (статуты), акты делегированного законодательства, судебные прецеденты, субъекты несостоятельности (банкротства), основные системы регулирования несостоятельности (банкротства).

Библиография:

1. Reshetnikov F., Ignatova M. Bankrotstvo v dorevoliutsionnoi Rossii i na Zapade [Bankruptcy in pre-Revolutionary Russia and in the West] // Zakon. 1993. No. 7. – Pp. 53-59.
2. Legea Raymond. Velikie pravovye sistemy sovremennosti: sravnitel'no-pravovoi podkhod [Great Law Systems: a Comparative Law Approach] translated from French by A.V. Gryadov. M., 2009. – 584 p.
3. Butterworth's Commercial and Consumer Law. Third edition / ed. by Gwyneth Pitt. London, Edinburgh, Dublin, 1999. – Pp. 745-854.

4. Romanov A.K. Pravovaia sistema Anglii [The Legal System of England] M., 2000. P. 79.
5. Bankruptcy Code and Related Legislation, Legislative History, Editorial Commentary. 2000-2001 ed./William L. Norton. New York: West Group, 2001.
6. Stepanov V.V. Nesostoiatel'nost' (bankrotstvo) v Rossii, Anglii, Frantsii, Germanii [Insolvency (Bankruptcy) in Russia, England, France, Germany] M., 1999. Pp. 33-34.
7. Belykh V.S., Dubinchin A.A., Skuratovsky M.L. Pravovye osnovy nesostoiatel'nosti (bankrotstva): uchebno-practicheskoe posobie [Legal Foundations for Insolvency (Bankruptcy): a Theoretical and Practical Course]. – Pp. 15-19.
8. Belykh V.S. Conceptual Foundation of the 2002 Russian Insolvency Law // Russian Law: Theory and Practice. 2007. No. 2. Pp. 164-165.
9. Belykh V.S. Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoj deiatel'nosti v Rossii: monografiia [Legal Regulation of Entrepreneurial Activity in Russia: Monograph] M., 2008. P. 291.
10. Vitryansky V.V. Reforma zakonodatel'stva o nesostoiatel'nosti (bankrotstve) [Reforming Legislation on Insolvency (Bankruptcy)] // Bulletin of the RF Supreme Commercial Court. Special Edition to No. 2. 1998. P. 85.
11. Belykh V.S. Natsional'naia i ekonomicheskaia bezopasnost' Rossii – osnovnoj natsional'nyj proekt [National and Economic Security of Russia – the Major National Project] // Business, Management and Law. 2007. No.1. – Pp. 16-25.

НОВЫЕ КНИГИ

[Колл. авторов] Гражданское законодательство. Статьи. Комментарии. Практика / Главный редактор и составитель – д.ю.н., профессор Диденко А.Г. Алматы: Каспийский университет, 2018. Вып. 55. – 344 с. ISBN 978-601-06-4991-0

Настоящее издание представляет собой очередной, 55-й сборник статей по различным проблемам гражданского права под редакцией д.ю.н., профессора А.Г. Диденко. Предназначен для практических и научных работников, а также студентов и магистрантов юридических вузов и факультетов.

ЗАҢДЫ ТҰЛҒАНЫ БАСҚАРУ ОРГАНДАРЫНЫҢ ШЕШІМДЕРІН ДАУЛАУ ЖӨНІНДЕГІ ҚАТЫСУШЫ ҚҰҚЫҒЫ

М.А. ЕСТЕМИРОВ,
M.S. Narikbaev atyndagi
KAZGUU Universiteti
Азаматтық, кәсіпкерлік және
азаматтық іс жүргізу құқығы
кафедрасының аға оқытушысы
(Астана)

Бұл мақалада қатысушылардың заңды тұлғаны басқару органдарының шешімдерін даулау құқығының жекелеген қырларына назар аударылады. Автор мақалада басқару органдарының шешімдерін даулаудың коммерциялық және коммерциялық емес заңды тұлғалардың ұйымдық-құқықтық нысандарының басым бөлігіне тән екендігін атап өтеді. Басқару органдарының шешімдері мен осы шешімдердің негізінде жасалынатын мәмілелердің өзара байланысы мәселесіне де мақалада көңіл бөлінген.

Түйінді сөздер: заңды тұлға, жауапкершілігі шектеулі серіктестік, қатысушы құқығы, басқару органының шешімі, мәміле, жалпы жиналыс, басқару органының шешімін даулау, талап қою мерзімі, ұсақ акционер.

Заңды тұлғаның қатысушысының (мүшесінің, акционерінің) осы заңды тұлғадағы басқару органдарының шешімдерін даулай алатындығы отандық заңнамада бекітілген. Атап айтқанда, «Шаруашылық серіктестіктер туралы» Қазақстан Республикасы Заңының 11-бабының 1-тармағы б)-тармақшасына сәйкес толық серіктестіктің қатысушылары заңда және (немесе) серіктестіктің жарғысында көзделген өз құқықтарын бұзатын серіктестік органдарының шешімдеріне сот тәртібімен дау айтуға құқығы бар екендігі бекітілген.¹ Осыған ұқсас ереже жоғарыда аталған заңның 27-бабында сенім серіктестігіне қатысты да бекітілген.

Заңды тұлғаны басқару органдарының шешімдеріне қатысушылардың дау айту құқығы өзге елдердің де ұлттық заңнамасынан көрініс тапқан. Мысалы, көрші Ресей Федерациясының 1998 жылдың 08 ақпанындағы № 14-ФЗ «Жауапкершілігі шектеулі қоғамдар жөніндегі» заңының 43-бабы, «Қоғамды басқару органдарының шешімдерін даулау» деп аталады.²

«Жауапкершілігі шектеулі және қосымша жауапкершілігі бар серіктестіктер туралы» Қазақстан Республикасының 1998 жылғы 22 сәуірдегі N 220 Заңының (бұдан әріде – ЖШС туралы заң) 11-бабының 1-тармағының б)-тармақшасына сәйкес

© М.А. Естемиров, 2018

¹«Шаруашылық серіктестіктері туралы» Қазақстан Республикасының 1995 жылғы 2 мамырдағы №2255 Заңы // URL: http://adilet.zan.kz/kaz/docs/U950002255_ (26.06.2018).

²Федеральный закон РФ «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 N 14-ФЗ (последняя редакция) // URL: // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/911e3e7bcfeaf9428a5b7a5521f8b26d33ba8345/ (26.06.2018).

заңда және (немесе) серіктестіктің жарғысында көзделген олардың құқықтарын бұзған серіктестік органдарының шешімдеріне ЖШС қатысушыларының сот тәртібімен дау айтуға құқылы екендігі бекітілген.³ Ал, ЖШС туралы заңның 50-бабында келесідей мазмұндағы ереже бекітілген: «Жалпы жиналысты өткізу мен шешімдер қабылдаудың осы Заңмен, серіктестік жарғысымен немесе серіктестіктің ішкі қызметін реттейтін ережелермен және өзге құжаттармен белгіленген тәртібін бұза отырып қабылданған жауапкершілігі шектеулі серіктестікке қатысушылардың жалпы жиналысының шешімін, сол сияқты жалпы жиналыстың заңға не серіктестік жарғысына қайшы келетін шешімін, соның ішінде серіктестікке қатысушының құқықтарын бұзатын шешімін, дауыс беруге қатыспаған немесе дау туғызған шешімге қарсы дауыс берген серіктестікке қатысушының арызы бойынша сот толық немесе ішінара заңсыз деп тануы мүмкін. Мұндай арыз серіктестікке қатысушы қабылданған шешім туралы білген немесе білуге тиіс болған күннен бастап алты ай ішінде, ал егер ол шешім қабылдаған жалпы жиналысқа қатысса, онда жалпы жиналыстың бұл шешімді қабылдаған күнінен бастап алты ай ішінде берілуі мүмкін».

Алдымен, жоғарыда аталған даулау мерзіміне көңіл бөлелік. Бұл тұста құқығы бұзылған қатысушы, жалпы жиналыстың шешімін жарамсыз деп тану талабымен жүгінуге арналған алты айлық мерзімді өткізіп алған ретте, аталған мерзімді қайта қалпына келтіруге болады ма, деген сауал туындайды. Сот практикасы аталған мерзімді қалпына келтіруге болады, деген ұстанымды басшылыққа алуда. Мысалы, Алматы облыстық сотының кассациялық сот алқасының 2011 жылдың 16 маусымындағы № 2к-303/2011 қаулысы.

Келесі кезекте, жарғылық капиталдың ұсақ мөлшеріне ие қатысушының осы құқықты жүзеге асыра алу мүмкіндігіне тоқталсақ. Бұл тұста, үлесі аз қатысушының жалпы жиналыстың шешімін даулай алу мүмкіндігіне қатысты отандық сот практикасында орын алған мына бір іске назар аударалық. Атап айтқанда, Алматы облыстық мамдандырылған ауданаралық экономикалық сотының (*бұдан әріде – экономикалық сот*) 2009 жылдың 10 тамызындағы № 2-826/2009 шешімінде «Талдықорған жолдары» ЖШС жарғылық капиталының 2% үлесін иеленетін қатысушының жалпы жиналыстың шешімін даулаған талабы сипатталады. Бұл істе сот, аталған қатысушының талабын қанағаттандыру жайлы байламға келеді. Дегенмен, бұл сауалға қатысты отандық сот практикасын зерделеу өзге де байламдардың жасалғандығын көрсетуде. Мысалы, Астана қаласындағы экономикалық соттың 2011 жылдың 05 қыркүйегіндегі N 02-4337-11 шешімінде 4% акцияны иеленетін акционердің келмеуінің не қарсы дауыс беруінің шешімді қабылдау барысында елеулі ықпалы болмағандығына сілтеме жасап, талапты қанағаттандырудан бас тартады. Ұсақ үлеске ие қатысушының (акционердің) басқару органдарының шешімдерін даулай алу мүмкіндігіне қатысты жоғарыда сипатталған қос істе, әралуан екі байламның жасалғандығын көреміз. Сол себепті, бұл мәселеде ортақ ұстаным қалыптастырылып, отандық құқыққолдану тәжірибесіне ұсынылғаны жөн.

³«Жауапкершілігі шектеулі және қосымша жауапкершілігі бар серіктестіктер туралы» Қазақстан Республикасының 1998 жылғы 22 сәуірдегі № 220 Заңы // URL: http://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z980000220_ (26.06.2018).

Сонымен бірге, соңғы сипатталған істен басқару органдарының шешімдерін даулай алу мүмкіндігінің акционерлік қоғам акционеріне де берілгендігін аңғарамыз. Шындығында, «Акционерлік қоғамдар туралы» ҚР заңының 14-бабының 1-тармағы б)-тармақшасына сәйкес акционердің қоғамның органдары қабылдаған шешімге сот тәртібімен дау айтуға құқылы екендігі бекітілген.

Өндірістік кооператив мүшесі де осы кооперативті басқару органдарының шешімдеріне дау айту туралы құқықты қолдана алады. Мысалы, «Өндірістік кооператив туралы» ҚР заңының (*бұдан әріде – ӨК туралы заң*) 19-бабының 5-тармағында «Өндірістік кооператив мүшелері кооперативтің басқару органдарының шешімдеріне сотқа шағым жасауға құқылы» екендігі бекітілген. Алайда, өндірістік кооператив мүшелерінің кооперативті басқару органдарының қабылдаған шешімдерін жарамсыз деп тану туралы талаптарымен қандай мерзім аралығында жүгінуге тиістігі жайлы сауалға ӨК туралы заңда жауап берілмеген. Сол себепті, отандық сот практикасында аталған мәселені ҚР Азаматтық Процесстік Кодексінің 29-тарауын қолданып, атап айтқанда 294-бабының 1-тармағында бекітілген үш ай мерзімі ішінде талап қоюы тиіс деген ережеге сілтеме жасап, мәселені шешу талпыныстары орын алуда. Мысалы, Алматы қаласының экономикалық сотының 2017 жылдың 10 сәуіріндегі № 7527-17-00-2/32, Маңғыстау облысының экономикалық сотының 2017 жылдың 24 қазанындағы № 4712-17-00-2/1979 шешімдері. Бұл ретте, тараудың атауындағы «ұйымдар» сөзінің коммерциялық және коммерциялық емес ұйымдарды да қамтитындығы жайлы пікірлерде білдірілуде. Алайда, ҚР АПК 293-бабының 2-тармағының 5)-тармақшасына сәйкес корпоративтік дауларға қатысты 29-тараудың ережелерінің қолданылмайтындығы бекітілген еді. Сол себепті, бұл тұста талап қоюдың жалпы мерзімі қолданылуы тиіс.

Ендігі кезекте, өндірістік кооперативтегі басқару органдарының шешімдерін даулау мерзімінің басталу сәтін сипаттайтын мына іске назар аударалық. Атап айтқанда, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2014 жылдың 29 қаңтарындағы № 3 гп-41-14 қаулысында «Юнчи» ӨК мүшелерінің осы кооператив мүшелерінің 2008 жылдың 17 қарашасындағы жалпы жиналысының хаттамасын және кепіл шартын жарамыз деп тану туралы талаптарымен жүгінген. Төменгі сатыдағы соттар талапты қанағаттандырғанымен, ҚР ЖС төменгі сатыдағы соттардың байламымен келіспей, талапты қанағаттандырмау жайлы қорытындыға келеді. Өз байламын, ҚР ЖС кооперативтің атқарушы органының қолданыстағы заңнама талаптарына сәйкес кез-келген мәміле жасаса алатындығына және мұның шекті мөлшерінің кооператив жарғысында көрсетілмегендігіне сілтеме жасай отырып, негіздеген. Сондай-ақ талап қою мерзімінің де өтіп кеткендігіне назар аударған. Бұл істе кооператив мүшелерінің ақпарат алу құқығының бар екендігіне және сол себепті, талап қою мерзімін кепіл шарты жасалған 2008 жылдан бастап есептеу керектігі жайлы пікір білдірілген.

Отандық сот практикасына жүргізілген талдау, басқару органдарының шешімдерін даулаудың коммерциялық ұйымдармен қатар, коммерциялық емес ұйымдардың жекелеген ұйымдық-құқықтық нысандарында да аса өзекті екендігін көрсетуде. Енді, осы пікірімізді қуаттай түсу үшін бірнеше істерге тоқталсақ.

Ақтау қаласының № 2 сотының 2011 жылдың 18 наурызындағы № 2-429/15-11 шешімінде сипатталған істе «Собственник» пәтер иелерінің тұтыну кооперативі

мүшелері осы кооперативтің 2009 жылдың 18 наурызында өткізілген жалпы жиналысының шешімін жарамсыз деп тану мәселесін көтереді. Алайда, «Тұтыну кооперативі туралы» ҚР заңының 24-бабына сәйкес басқару органдарының шешімдеріне дау айтудың алты айлық мерзімінің өтіп кеткендігіне сілтеме жасап, сот талапты қанағаттандырусыз қалдырады.

Павлодар облыстық сотының апелляциялық сот алқасының 2012 жылдың 17 тамызындағы № 3а-1499-12 қаулысында М.Ж. Жумалин есімді тұлғаның «Иртыш-4» пәтер иелерінің тұтыну кооперативі жалпы жиналысының шешімін жарамсыз деп тану талабы сипатталады. Талапты қанағаттандырудан бас тарту барысында сот сілтеме жасаған дәйектердің бірі, мұнда талап қоюшының ғана мүддесі емес, сонымен бірге өзге көптеген тұрғындардың да мүддесі қозғалатындығы және олардың хабарсыз қалғандығы болды.

«Казахстанский ПЕН-центр» қоғамдық бірлестігіндегі дауға байланысты 2013 жылдың 2 сәуіріндегі Алматы қаласындағы мамандандырылған ауданаралық экономикалық сотының № 2-882/13 шешіміне тоқталсақ. Бұл дауда талап қоюшылар «Казахстанский ПЕН-центр» қоғамдық бірлестігіне тиесілі ғимараттың жеке кәсіпкерге сыйға тарту жайлы қоғамдық бірлестіктің шешімін және осы шешімнің негізінде жасалынған сыйға тарту шартын жарамсыз деп тану туралы талаптарымен сотқа жүгінген. Осы ретте, сот қоғамдық бірлестікке тиесілі мүлікке билік етудің тәртібінің бұзылғандығына сүйеніп бірлестік мүшелерінің шешімін және осы шешімнің негізінде жасалынған сыйға тарту шартында ҚР АҚ 159-бабының 10-тармағына сілтеме жасай отырып, жарамсыз деп таниды.

Сипатталған бұл істерден басқару органдарының шешімдерін даулау мәселесінің коммерциялық емес ұйым санатына жататын жекелеген ұйымдық-құқықтық нысандарда да өзекті екендігін және бұл құқықты жүзеге асырудың бірқатар тұстарының реттелмегендігін көреміз. Мысалы, басқару органының шешімін қатысушылардың бірі ғана даулауға талпыныс білдіргенде, өзге қатысушылардың талапқа қосылатындығы не қосылмайтындығы жайлы сауал басы ашық күйінде қалуда.

Жекелеген авторлар, құқықтар мен заңи мүдделерді қорғауда, құқықтық тұрақтылықты нығайтуда неміс заң шығарушысы нотариат институтының қуатын ұтымды қолданып жатқандығына назар аударады.⁴

Басқару органдарының шешімі мен осы шешімнің негізінде жасалған мәміле ұғымдарының өзара байланысы да аса қызықты мәселе. Атап айтқанда, шешімді мәміле ретінде тануға болады ма, деген сауалға қатысты әралуан ұстанымдар бар. Мысалы, С.С. Вилкин өзінің зерттеу еңбегінде заңды тұлғаны басқаратын алқалы органның шешімін біржақты мәміле ретінде қарастыру қажеттілігін айтады.⁵ Атап

⁴Шмиткель В. «Функции нотариуса в рамках корпоративного законодательства ФРГ на примере торгового реестра» // Сборник статей о праве Германии, выпуск № 1 (август 2015 г.). URL: www.dfv.org (26.06.2018).

⁵Вилкин С.С. Гражданско-правовая природа волевых актов коллегиальных органов юридического лица: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. М., 2009. – 30 с. URL: http://www.law.msu.ru/doc/vilkin.pdf (25.10.2017).

айтқанда, 2017 жылдың ақпан айынан бастап отандық Азаматтық кодекске жарамсыз мәмілелердің маңызсыз және даулы деген жіктелуінің енгізілгендігі мәлім. Басқару органдарының шешімдерін мәміле деп алсақ, жоғарыда аталған маңызсыз және даулы мәміле жіктелуін шешімге қатысты қолдануға болады ма? Зерттеушілер арасында бұлған қатысты әралуан пікірлер бар. Кезінде В.И. Добровольский аталған жіктелуді басқару органдарының шешімдеріне де қатысты ендіруді ұсынған еді.⁶ Ал, А.В. Габов болса, шешім мен мәміле ұғымдарының ара қатынасы мәселесіне талап қою мерзімі тұрғысынан қараса, бұл сауалдың өзекті кейіпке енетіндігіне назар аударады.⁷ Сонымен бірге, аталған автор шешімді жарамсыз деп тану туралы талаппен жүгінуді мерзімі мен мәмілені жарамсыз деп тану туралы талап қою мерзімдерін теңестіруді ұсынады.⁸ А.А. Маковская болса, акционерлердің жалпы жиналысының шешімін даулауға қатысты акционерлердің құқығы жайлы заң актілерінде бекітілгенімен, аталған шешімді жарамсыз деп танудың құқықтық салдарының назардан тыс қалғандығымен бөліседі.⁹

Отандық сот практикасында шешімді жарамсыз деп танумен бірге, қосымша осы шешімнің негізінде жасалған мәмілені де жарамсыз деп тану туралы талабымен жүгінген жағдайлар кездеседі. Мысалы, Алматы облыстық экономикалық сотының 2009 жылдың 10 тамызындағы № 2-826/2009 шешімі, Алматы облыстық апелляциялық сот алқасының 2010 жылдың 04 мамырындағы № 2а-649/2010 қаулысы. Сондай-ақ шешімнің жарамсыздығының мәміленің де жарамсыздығына ұласқан істер кездеседі. Мысалы, СҚО экономикалық сотының 2009 жылдың 07 желтоқсанындағы № 2-2291/09 шешімі. Дегенмен, шешімнің жарамсыздығының мәмілеге әсер етпейтіндігі жайлы да жасалған байламдар кездеседі. Мысалы, Алматы қаласындағы экономикалық соттың 2014 жылдың 28 шілдесіндегі № 02-9565/14 шешімі. Басқару органының шешімін жарамсыз деп танымай, бірден осы шешімнің негізінде жасалған мәмілені жарамсыз деп тануға болады ма? Отандық сот практикасы шешімді жарамсыз деп танымай тұрып, бірден шешімнің негізінде жасалған мәмілені жарамсыз деп тануға болмайтындығы жайлы жауап берген. Атап айтқанда, ҚР ЖС 2015 жылдың 30 қыркүйегіндегі № 3гп-508 қаулысында кассациялық сатының шешімді жарамсыз деп танымай тұрып, мәміленің жарамсыздығы мәселесіне ауыса алмайтындығы жайлы пікір білдіргендігі келтіріледі. Жоғарыда сипатталған бөліктен, заңды тұлғаны басқару органының шешімі мен осы шешімнің негізінде жасалынған мәміленің ара қатынасының бүгінгі құқыққолдану тәжірибесі үшін аса өзекті болып тұрғандығын және құқыққолдану тәжірибесінде бірқатар сауалдар бойынша ортақ бір ұстанымды қалыптастыру керектігін көреміз.

⁶Добровольский В.И. Проблемы корпоративного права в арбитражной практике. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 95-96.

⁷Габов А.В. Сделка с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005. С.136.

⁸Габов А.В. Там же. С. 182.

⁹Маковская А.А. Правовые последствия недействительности решений общего собрания акционеров и совета директоров акционерного общества // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: сб. ст. / под ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 351.

М.А. Естемиров: Права участника на оспаривание решений органов управления юридического лица.

В статье освещаются отдельные аспекты оспаривания решений органов управления участниками юридических лиц. Автор отмечает, что право на оспаривание решения органов управления присуще большинству организационно-правовых форм юридических лиц, как коммерческих, так и некоммерческих. Уделено внимание вопросам соотношения решений органов управления и сделок, совершаемых на основании этих решений.

Ключевые слова: юридическое лицо, товарищество с ограниченной ответственностью, права участника, решение органов управления, сделка, общее собрание, оспаривание решений органов управления, срок исковой давности, миноритарный акционер.

M. Yestemirov: Rights of the shareholder to challenge the decisions of the management of the legal entity.

This article highlights some aspects of challenging the decisions of the management bodies in a legal entity. The author of the article noted that the right to challenge the decision of the management bodies is inherent to the majority of legal forms of both commercial and non-commercial legal entities. Moreover, some attention was paid to the relationship between the decisions of management and transactions made on the basis of these decisions.

Key words: legal entity, limited liability partnership, rights of shareholder, decision of the management, the transaction, the General meeting, challenging the decisions of the management, the Statute of limitations, minority shareholder.

Пайдаланылган әдебиеттер тізімі:

1. Шмиткель В. «Функции нотариуса в рамках корпоративного законодательства ФРГ на примере торгового реестра» // Сборник статей о праве Германии, выпуск № 1 (август 2015 г.). URL: www.drjv.org (26.06.2018).

2. Вилкин С.С. Гражданско-правовая природа волевых актов коллегиальных органов юридического лица: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. М., 2009. – 30 с. URL: <http://www.law.msu.ru/doc/vilkin.pdf> (25.10.2017).

3. Добровольский В.И. Проблемы корпоративного права в арбитражной практике. М.: Волтерс Клувер. 2006. – 448 с.

4. Габов А.В. Сделка с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005. – 412 с.

5. Маковская А.А. Правовые последствия недействительности решений общего собрания акционеров и совета директоров акционерного общества // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: сб. ст. / под ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006. – С. 351-385.

References (transliterated):

1. Shmitkel' V. «Funkcii notariusa v ramkah korporativnogo zakonodatel'stva FRG na primere

torgovogo reestra» // Sbornik statej o prave Germanii, vypusk № 1 (avgust 2015 g.). URL: www.drjv.org (26.06.2018).

2. Vilkin S.S. Grazhdansko-pravovaya priroda volevyh aktov kollegial'nyh organov yuridicheskogo lica: avtoref. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03 – grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo. M., 2009. – 30 s. URL: <http://www.law.msu.ru/doc/vilkin.pdf> (25.10.2017).

3. Dobrovol'skij V.I. Problemy korporativnogo prava v arbitrazhnoj praktike. M.: Volters Kluver. 2006. – 448 s.

4. Gabov A.V. Sdelka s zainteresovannost'yu v praktike akcionerных obshchestv: problemy pravovogo regulirovaniya. M.: Statut, 2005. – 412 s.

5. Makovskaya A.A. Pravovye posledstviya nedejstvitel'nosti reshenij obshchego sobraniya akcionerov i soвета direktorov akcionernogo obshchestva // Nedejstvitel'nost' v grazhdanskom prave: problemy, tendencii, praktika: sb. st. / pod red. M.A. Rozhkova. M.: Statut, 2006. – S. 351-385.

НОВЫЕ КНИГИ

Назмутдинов Б. В. Законы из-за границы: Политико-правовые аспекты классического евразийства: монография. М.: Норма, 2016. – 272 с.

ISBN 978-5-91768-776-6 (Норма)
ISBN 978-5-16-105315-7 (ИНФРА-М, online)

Автор работы впервые на теоретическом уровне исследует правовые и политические взгляды классиков евразийства (Н.С. Трубецкого, Н.Н. Алексева, Л.П. Карсавина и др.) в их взаимосвязи, проводит анализ правовых и политических понятий, использованных евразийцами, – «идеократия», «правообязанность», «демотия». Ключевое значение придается концептуальному аспекту политико-правовых воззрений евразийцев, а не их историософской, общеисторической, историко-правовой оценке развития Российского государства.

Работа адресована интересующимся историей политических и правовых учений, теорией государства и философией права, иными социальными и гуманитарными науками.

Сведения об авторе: Булат Венерович Назмутдинов – к.ю.н., доцент кафедры теории и истории права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Специалист в области изучения правовых и политических учений, евразийства 1920-1930-х гг.

ПРАВО НА РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПРОИЗВЕДЁННЫЕ ЮНИТОМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

П.М. МОРХАТ,
судья Арбитражного суда
Московской области,
преподаватель Института
повышения квалификации
Московского государственного
юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
к.ю.н.

В статье на практических примерах разных стран рассмотрены вопросы правового регулирования искусственного интеллекта, технологические новинки в области искусственного интеллекта, а также анализ правового регулирования сферы искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, интернет-пространство, право интеллектуальной собственности, ресурс, прогресс, концепция, революция, авторское право, юнит.

Искусственный интеллект представляет собой одну из важнейших технологий нынешней эпохи,¹ способную существенно изменить окружающий нас мир.

Технологические прорывы в сфере искусственного интеллекта радикально ускорились за последние два десятилетия, подпитываемые достижениями в алгоритмах машинного обучения, экспоненциальным ростом в доступности данных и усовершенствованными и более дешёвыми вычислительными ресурсами. Впечатляющий технологический прогресс последнего десятилетия в особен-

ности привёл к возможности и способности юнитов искусственного интеллекта «выполнять виды деятельности, которые раньше были предоставлены в основном и исключительно человеку», а также развивать «определённые автономные и когнитивные особенности – например, способность учиться на опыте и принимать квази-независимые решения». В настоящее время искусственный интеллект революционизирует то, как люди живут, работают, учатся, открывают для себя новое и общаются, что ставит их на порог такой эпохи, в которой постоянно усложняющиеся роботы, боты, андроиды и прочие воплощения искусственного интеллекта вот-вот готовы вызвать новую индустриальную революцию. Юниты искусственного интеллекта больше не занимаются «всего лишь перемалыванием цифр», но генерируют произведения такого разряда, которые традиционно получали защиту

© П.М. Морхат, 2018

¹Artificial Intelligence Collides with Patent Law [Искусственный интеллект в столкновении с патентным правом]: White Paper / Center for the Fourth Industrial Revolution. – Geneva (Switzerland): World Economic Forum, 2018. – 23 p. P. 4. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_48540_WP_End_of_Innovation_Protecting_Patent_Law.pdf. Материалы Интернета в статье приводятся по состоянию на 08.06.2018 г.

как «творческие» или как нечто, требующее человеческой выдумки.²

Цель работы обратить внимание на то, что новые сложнейшие и очень быстро возникающие и развивающиеся вызовы современности, такие, как трансформация и усложнение гетерогенности и энтропийности интернет-пространства,³ интенсивное развитие робототехники,⁴ технологий и юнитов искусственного интеллекта,⁵ не могут не отражаться на состоянии и развитии законодательства в самых разных сферах общественных отношений.

Одной из таких сфер, требующих пристального научного внимания, является сфера интеллектуальной собственности. Технология лучше развивается и эволюционирует, когда предоставляется достаточно данных и времени для анализа, а также для проб и ошибок.⁶ Но право уже безнадежно отстало от развития науки и технологий в сфере искусственного интеллекта.

Необходимо сокращать этот разрыв. Игнорировать развитие рассматриваемой сферы уже невозможно.

Учитывая, что одной из основных целей постановления об интеллектуальной собственности является поддержка творчества, что в настоящий момент имеет сильное влияние на экономику, то в случае если произведения, создаваемые юнитами искусственного интеллекта, не попадают под действие защиты права интеллектуальной собственности, какую же мотивацию получают создатели юнитов и их математического обеспечения и программного оснащения, при помощи чего были созданы эти произведения? Произведения, созданные юнитами искусственного интеллекта, являются незащищёнными и не попадают под действие законодательства об интеллектуальной собственности. У программистов не будет стимула генерировать программные алгоритмы, способные создавать художественные произведения, если эти программисты не будут иметь исключительных прав на своё произведение так же, как и писатель или музыкальный композитор.⁷

Как показывают И.В. Понкин и А.И. Редькина, искусственный интеллект способен (может) создавать (при непосредственном участии или без участия человека), в числе прочих, следующие уникальные результаты интеллектуальной деятельно-

²Idem. P. 5, 6.

³Понкин И.В. Особенности сети Интернет в свете выявления и доказывания нарушений авторского права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2015. № 7. – С. 5–16.

⁴Bossmann J. Top 9 ethical issues in artificial intelligence [Топ 9 этических вопросов в сфере искусственного интеллекта] // URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/10/top-10-ethical-issues-in-artificial-intelligence/>.

⁵Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд / Институт государственно-конфессиональных отношений и права. М.: Буки Веди, 2017. – 257 с.

⁶Gürkaynak G., Yılmaz I., Doygün T., İnce E. Questions of Intellectual Property in the Artificial Intelligence Realm [Вопросы интеллектуальной собственности в сфере искусственного интеллекта] // Robotics Law Journal. 2017, September-October. – P. 9–11. P. 11. URL: <http://www.gurkaynak.av.tr/docs/8b791-rlj-september-october-2017-.pdf>

⁷Ruipérez C., Gutiérrez E., Puente C., Olivás J.A. New Challenges of Copyright Authorship in AI [Новые проблемы, связанные с авторством применительно к искусственному интеллекту в авторском праве] // Proceedings of the 2017 International Conference on Artificial Intelligence. Las Vegas, 2017. – P. 291–296. P. 294–295.

сти: научное открытие; патентоспособное изобретение; оригинальное музыкальное (аудио-) произведение или оригинальное исполнение музыкального произведения; произведение (статическое) изобразительного или скульптурного (при использовании 3D-принтера) искусства; оригинальное видео- или фото-произведение; виртуальная, в том числе дополненная, реальность; результат интеллектуального перевода сколь-нибудь значительного текста (с языка на язык); текстовое произведение (художественное произведение, аналитический научный текст, рерайт-текст новости и пр.); архитектурный проект; топология интегральной микросхемы; программное обеспечение для электронных вычислительных машин; сложный (многоуровневый, многоэтапный, многовекторный, многосценарный) стратегический план.⁸ Перечень, понятно, не исчерпывающий, но уже заставляющий серьёзно задуматься, учитывая почти полную пробельность законодательства в этой сфере.

В настоящее время, когда прогресс в технологиях искусственного интеллекта растёт в геометрической прогрессии, идея об авторском праве (в той или иной форме и мере) для машин кажется, по мнению Джашандипа Каура, оправданной. Пока ещё законы, регулирующие творческое новаторство, не учитывают возможность защиты ценностей негуманоидного (не человеческого) новаторства. Цель авторского права – «содействовать развитию наук и полезных ремесел»⁹ и защищать от воспроизведения и распространения произведений без санкций их авторов. Мотивы, стоящие за законом, заключаются в том, чтобы более побудить к творческой работе, нежели воспрепятствовать ей через перекрывание творческого капитала.¹⁰

Рассмотрим далее следующие выделяемые в нашей авторской концепции основные релевантные концепты разрешения вопроса относительно носителя прав на результаты интеллектуальной деятельности, произведённые при фактически или юридически существенном участии юнита искусственного интеллекта или произведённые полностью автономно непосредственно самим юнитом искусственного интеллекта:

– машиноцентрический концепт (юнит искусственного интеллекта как полноправный автор создаваемых им произведений – результатов интеллектуальной деятельности);

– концепт гибридного авторства (юнит искусственного интеллекта как своего рода соавтор человека в создании результатов интеллектуальной деятельности);

– концепт служебного произведения (юнит искусственного интеллекта как наёмный работник, создающий результаты интеллектуальной деятельности, презюмируемые и позиционируемые как служебное произведение);

⁸Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. авторское право и смежные права. 2018. № 2. – С. 35–44. С. 37.

⁹U.S. Constitution, art. 1, sec. 8, cl. 8.

¹⁰Kaur J. Intellectual Property Law in times of artificial intelligence: is it a misnomer to consider the Bot a possible IP right holder? [Закон об интеллектуальной собственности в эпоху искусственного интеллекта: правильно ли считать Бот возможным обладателем права интеллектуальной собственности?] // Journal of legal studies and research. 2016, December. Vol. 2. Issue 6. – P. 45–47. P. 47. Karjala D.S. Copyright and Creativity [Авторское право и творчество] // UCLA Entertainment Law Review. 2008. № 15. P. 169, 172.

– антропоцентрический концепт (юнит искусственного интеллекта просто как инструмент человека в создании результатов интеллектуальной деятельности);

– концепт «исчезающего» (нулевого) авторства;

– контаминационный концепт, отражающий особо сложные ситуации интерсекциональности (пересекаемости) вышеуказанных концептов (в разных сочетаниях и с разными весовыми характеристиками).

Невозможно решить мета-проблему определения места и значения юнита искусственного интеллекта в контексте права интеллектуальной собственности, если не рассмотреть подробно эти (вышеуказанные) концепты. Следует рассмотреть (и ниже будут рассмотрены) аргументы за и против каждого из этих концептов.

При этом контаминационный концепт далее подробно разбираться не будет и зарезервирован исходя из прогнозируемой возможности появления ситуаций, им отражаемых. Юниты искусственного интеллекта становятся и оказываются всё более и более способными, нежели изначально ожидалось, приобретая всё более продвинутое и прогрессирующие способности моделировать и эмулировать человеческие коммуникации и отношения, создавать произведения (в том числе – и очень сложные, высокотворческого характера), которые, с точки зрения права интеллектуальной собственности, отражают свойства далеко уже не только создателей юнитов искусственного интеллекта или исходных произведений, подвергающихся творческой переработке юнитом искусственного интеллекта, но уже и свойства самого юнита искусственного интеллекта.

По мнению Джейн Гинзбург, если вмешательство человека в создание этих результатов работ не превышает запросы к компьютеру сгенерировать литературные, художественные или музыкальные произведения определённого стиля или жанра, кто-то может обоснованно и справедливо считать эти произведения «сгенерированными компьютерами», потому что пользователи-люди не вносят достаточно «интеллектуального творчества» для соблюдения минимальных стандартов авторства в соответствии с Бернской конвенцией. В режиме «оффлайн» простое отдание команды ещё не делает кого-то «автором».¹¹

Как обращают внимание Гённанч Гюркайнак, Иллай Йылмаз, Тюркер Дойгун и Экин Инс, «кто-то может спросить, чем искусственный интеллект отличается от обычного программного обеспечения или компьютерных систем? Понятно, что произведение, созданное с помощью такого программного обеспечения или системы, на законных основаниях принадлежит тому, кто использовал это программное обеспечение или систему. Это использование и контроль человеком во время процесса создания произведения обозначает соответствующее программное обеспечение или систему как инструмент, который отсылает к соответствующему человеку для её обработки. Однако в случае искусственного интеллекта в процессе создания отсылка происходит к самому искусственному интеллекту. Искусственный интеллект действует, скорее, как независимый источник интеллекта, нежели как простой

¹¹Ginsburg J.C. People Not Machines: Authorship and What It Means in the Berne Convention [Люди не машины: авторство – что это значит в Бернской конвенции] // IIC; international review of industrial property and copyright law. 2018. № 2 (49). – P. 131–135. P. 133–134.

инструмент. Самое главное, процесс создания не требует управления или даже участия человеческого интеллекта. Таким образом, разработчик искусственного интеллекта не может считаться собственником произведения, созданного искусственным интеллектом без его участия».¹²

В.А. Дозорцев указывал, что «творческий результат интеллектуальной деятельности носит следы личности автора».¹³ Но два одинаковых юнита искусственного интеллекта, набравшие необходимые и достаточный опыт самообучения, выдадут совершенно разные произведения при отдании им одинаковых команд на производство такового, если предполагается хотя бы малейшая доля автономного творчества при выполнении этого задания.

Уже известна судебная практика, косвенно поддерживающая этот концепт.

В Решении Федерального суда Австралии от 02.02.2012 по делу «Acohs Pty Ltd v Ucorp Pty Ltd»¹⁴ была высказана позиция, что в отношении результата интеллектуальной деятельности, произведённого при задействовании компьютерной техники и программных алгоритмов, не может быть выстроена авторско-правовая охрана, поскольку это произведение не было создано человеком и не является оригинальным произведением по смыслу авторского права (пункт 57 и др.).

Следует отметить, что исследователи подразделяют искусственный интеллект на 2 большие категории – «ограниченный» («слабый») искусственный интеллект и «общий» («сильный») искусственный интеллект. Общий искусственный интеллект основан на работе нейронных сетей мозга, указывает Джашандип Каур. Эта система включает в себя способности к творческому и логическому мышлению. Эти системы адаптивно показывают, что могут изменять структуру в ответ на получаемые входные сигналы, получаемую вводимую информацию. Недавно спрограммированный общий искусственный интеллект – словно любопытный новорожденный ребенок. Он выходит в свет, учится на собственном опыте, приобретает навыки и развивает чувство индивидуальности, пока растёт. Общий искусственный интеллект – это то, что можно назвать настоящим искусственным интеллектом. Ближайшим примером общего искусственного интеллекта является последняя версия «творческой машины» (впервые сконструированной в 1994 году Стивеном Талером), которую американская армия использует для проектирования нового оружия. Эта машина самообучаема и требует минимального вмешательства человека, за исключением первоначального проектирования для «создания» выходной информации. В подобной ситуации вопрос, кому же, если

¹²Gürkaynak G., Yılmaz I., Doygun T., İnce E. Questions of Intellectual Property in the Artificial Intelligence Realm [Вопросы интеллектуальной собственности в сфере искусственного интеллекта] // Robotics Law Journal. 2017, September-October. – P. 9–11. P. 9. URL: <http://www.gurkaynak.av.tr/docs/8b791-rlj-september-october-2017-.pdf>

¹³Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. М.: Статут, 2005. С. 145.

¹⁴Решение Федерального суда Австралии от 02.02.2012 по делу «Acohs Pty Ltd v Ucorp Pty Ltd» [Acohs Pty Ltd v Ucorp Pty Ltd [2012] FCAFC 16 / Judgment of the Federal Court of Australia, 02.02.2012] URL: <http://www8.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/cth/FCAFC/2012/16.html>

таковой найдется, следует приписать права интеллектуальной собственности, остаётся открытым.¹⁵

Соответственно, одной из популярных среди исследователей концепций авторства произведений, создаваемых юнитами искусственного интеллекта, является та, в рамках которой авторские права принадлежат непосредственно самому этому юниту.

Данная концепция до настоящего времени пока не нашла отражения на практике. В основном она позволяет в целом поднимать и переосмысливать вопросы правосубъектности систем искусственного интеллекта.

При этом при рассмотрении проблемы авторства произведений, создаваемых юнитами искусственного интеллекта, можно провести, как и при рассмотрении общих вопросов правосубъектности искусственного интеллекта, аналогию с другими негуманоидными агентами – животными.

И здесь целесообразно привести нашумевшее дело, связанное с определением авторских прав на фотографии, сделанные дикой обезьяной по имени Наруто на камеру, которую она взяла у фотографа.

Последнее судебное решение по данному спору датируется 2018 годом и, в целом, судебные органы придерживаются позиции невозможности наделения животного авторскими правами на произведения, им созданные.

Апелляционный суд США по девятому федеральному апелляционному округу в своём Решении по делу «Наруто против Слэйтера» от 2018 года¹⁶ подтвердил Решение окружного суда, в котором чётко было указано, что законодательство об авторском праве не распространяет своё действие на животных, и обезьяна по имени Наруто не может быть автором по смыслу его положений.¹⁷

Апелляционный суд США по девятому федеральному апелляционному округу отметил, что животное не имеет конституционной возможности подавать иски о нарушении авторских прав на фотографии, придя к выводу о том, что законодательство об авторском праве не разрешает животным обращаться с подобными исками. Однако проблема в данном случае также заключалась и в том, что, как пришёл к выводу данный судебный орган, организация, которая выступала в суде на стороне обезьяны, не имела права представлять её, так как не могла выступать для неё в качестве «заступника» (дословно – ближайшего друга, *next friend*).

Если экстраполировать данную ситуацию на возможные потенциальные споры об авторских правах на произведения, создаваемые юнитами искусственного интеллекта, то проблема невозможности применения к представительству юнита кон-

¹⁵Kaur J. Intellectual Property Law in times of artificial intelligence: is it a misnomer to consider the Bot a possible IP right holder? [Закон об интеллектуальной собственности в эпоху искусственного интеллекта: правильно ли считать Бот возможным обладателем права интеллектуальной собственности?] // Journal of legal studies and research. – 2016, December. Vol. 2. Issue 6. – P. 45–47. P. 46–47.

¹⁶Naruto v. Slater / Opinion of the United States Court of Appeals for the Ninth Circuit № 16-15469 of 2018 // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/16-15469/16-15469-2018-04-23.html>

¹⁷ Naruto v. David John Slater et al / Decision of the United States District Court of Northern District of California of 2016 // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/california/candce/3:2015-cv-04324/291324/45/>

цепции *next friend* является не столь значительной, если ни вообще неактуальна.

Несмотря на невозможность возникновения авторских прав непосредственно, в прямом смысле у юнита искусственного интеллекта многие авторы сходятся во мнении о том, что фактическим автором произведения в таких ситуациях является именно указанный юнит.

На настоящий момент исследователи, в основном, указывают на нецелесообразность наделения юнита искусственного интеллекта правосубъектностью в целях права интеллектуальной собственности.

На наш взгляд, также стоит учитывать, что наделение юнита искусственного интеллекта соответствующей правосубъектностью, возможно, приведёт к ещё большему усложнению существующих проблем. Поскольку в любом случае такой юнит не может существовать полностью автономно во всех аспектах своей деятельности, соответственно, отношения между юнитом и его разработчиком, владельцем или пользователем, которому он принадлежит, должны быть урегулированы с помощью дополнительных правовых конструкций.

Создание необходимых референтных правовых конструкций не является таким уж невозможным.

При всём этом следует учитывать, что идея о том, что только человек может являться создателем результата автономной творческой деятельности юнита искусственного интеллекта, так же сама по себе выражается юридической фикцией¹⁸, как и (возможное) наделение юнита искусственного интеллекта частичной правосубъектностью.

В настоящее время как на уровне отдельных частных исследований в области технологий и юнитов искусственного интеллекта, так и на уровне органов публичной власти ряда государств всё чаще высказывается мысль относительно возможности и целесообразности внесения некоторых изменений в законодательство об интеллектуальной собственности в поддержку рассматриваемого концепта, то есть таким образом, чтобы за юнитом искусственного интеллекта могли признаваться права на создаваемые им произведения или изобретения.

Здесь представляет существенный научный интерес пример Японии.

В Японии в 2016 году был утверждён документ «Стратегическая программа по интеллектуальной собственности 2016».¹⁹

Стратегическая программа Японии по интеллектуальной собственности 2016 года построена на 4-х основных концепциях, первая из которых называется «Продвижение инноваций в области интеллектуальной собственности для Четвёртой промышленной революции» и включает в себя «создание системы интеллектуальной собственности нового поколения, адаптированной к диджитализации («цифро-

¹⁸Abbott R.B. Patenting the Output of Autonomously Inventive Machines [Патентование изобретений, создаваемых автономными изобретательскими машинами] // *Landslide*. 2017. Vol. 10. № 1. – P. 1–11. P. 6. URL: <https://www.americanbar.org/content/dam/aba/publications/landslide/2017-sept-oct/patenting-output-autonomously-inventive-machines.authcheckdam.pdf>

¹⁹Intellectual Property Strategic Program 2016 [Стратегическая программа Японии по интеллектуальной собственности 2016] // URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/titeki2/kettei/chizaikeikaku20160509_e.pdf 2016. – 79 p.

визации») и сетевому взаимодействию». Данная концепция предполагает, в частности, необходимость создания новой системы авторского права, а также изучения характера защиты в соответствии с правом интеллектуальной собственности новых информационных товаров, таких, как произведения, создаваемые юнитом искусственного интеллекта независимо от человека.²⁰

В Стратегической программе Японии по интеллектуальной собственности 2016 года отмечается, что создаваемые юнитами искусственного интеллекта произведения обладают существенным потенциалом для создания новых инноваций и продвижения новой культуры, которая обогатит общество, и необходимо, чтобы Япония обеспечивала поддержание творчества, основанного на искусственном интеллекте. В рамках существующей системы интеллектуальной собственности что-либо, автономно творчески создаваемое юнитом искусственного интеллекта, как правило, не получает соответствующей правовой защиты, несмотря на то что зачастую внешне трудно отличить произведение, созданное человеком, от произведения, созданного юнитом искусственного интеллекта, что влечёт за собой одинаковое к ним отношение.²¹

Для того чтобы адаптироваться к изменениям, порождаемым самостоятельным созданием юнитами искусственного интеллекта произведений, необходимо изучить, каким образом возможно адаптировать систему права интеллектуальной собственности к появлению таких произведений, например, посредством изучения необходимости и практической возможности обеспечения правовой защиты таких работ. А также необходимо исследовать меру того влияния, которое создание таких произведений оказывает на существующую систему права интеллектуальной собственности. Также отмечается, что, возможно, распространение правовой защиты вообще на все произведения, создаваемые юнитом искусственного интеллекта или с помощью юнита искусственного интеллекта, может быть излишним и нецелесообразным.²²

В Стратегической программе Японии по интеллектуальной собственности 2016 года отмечается необходимость определения критериев, на основании которых произведениям, создаваемым юнитом искусственного интеллекта, может быть предоставлена соответствующая правовая защита, а также отмечается необходимость создания среды, более адаптированной к распространению данных – для облегчения использования больших данных как незаменимого инструмента для продвижения творческой деятельности, основанной на искусственном интеллекте.²³

С учётом всего сказанного выше, в нашей авторской концепции, предлагается учитывать все возможные варианты режимов правового регулирования прав интеллектуальной собственности на результаты интеллектуальной деятельности, произведённые при фактически и юридически существенном участии юнита искусственного интеллекта или произведённые полностью автономно непосредственно самим юнитом искусственного интеллекта. Считаем, что все известные концепты имеют

²⁰Idem. P. 6.

²¹Idem. P. 10.

²²Idem. P. 11.

²³Idem.

свои положительные и отрицательные стороны, ни одну из них нельзя назвать полностью подходящей или полностью некорректной, и полноценное воплощение в жизнь каждой из них потребует определённого (вплоть до серьёзного) реформирования законодательства, в том числе, об интеллектуальной собственности.

Однако именно такой мультимодальный подход, когда презюмируется возможность задействия любой из позиций вышеуказанной линейки концептов – в зависимости от ситуации и функционально-целевой нагрузки, в достаточно релевантной мере соответствует нашему концептуальному подходу к дефинитивному описанию и объяснению сути правосубъектности искусственного интеллекта именно через концепт её мультимодальности.

Законодательство о патентно-правовой охране изобретений и в целом законодательство о праве интеллектуальной собственности, не обнаруживающее реагирования на все описанные в настоящем исследовании серьёзнейшие новации и вызовы, связанные с интенсивным развитием и внедрением технологий и юнитов искусственного интеллекта, практикой их применения, уже безнадежно устарело, нуждается в существенном усовершенствовании.

Право интеллектуальной собственности должно подвергнуться определённым существенным изменениям с учётом развития новых технологий (в том числе – их потенциально возможного и прогнозируемого развития), однако нет насущной необходимости спешно и кардинально менять всю систему и принципы данной отрасли права для того, чтобы обеспечить признание соответствующей правосубъектности юнитов искусственного интеллекта. По крайней мере, с учётом актуального уровня программно-технического и математического обеспечения развития искусственного интеллекта, нет насущной необходимости (во всяком случае – сейчас и в обозримом будущем) признания юнитов искусственного интеллекта субъектом авторских и патентных прав, в целом прав интеллектуальной собственности.

П.М. Морхат: Жасанды интеллект бірлігімен туындаған зияткерлік қызметтің нәтижелеріне құқық: азаматтық-құқықтық мәселелер.

Мақалада әртүрлі елдердің тәжірибелік мысалдары негізінде жасанды интеллектті құқықтық реттеу, жасанды интеллект саласындағы технологиялық инновациялар, сондай-ақ жасанды интеллект саласын құқықтық реттеу мәселелері қарастырылады.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект, құқықтық реттеу, интернет кеңістігі, зияткерлік меншік құқығы, ресурс, прогресс, тұжырымдама, революция, авторлық құқық, бірлік.

P. Morkhat: The right for intellectual property produced by a unit of artificial intelligence: civil issues.

Artificial intelligence is one of the most important technologies of this era, which can significantly change the world around us.

Technological breakthroughs in the field of artificial intelligence have radically accelerated over the past two decades, fueled by advances in machine learning algorithms, exponential growth in data availability and improved and cheaper computing resources. The impressive technological progress of the last decade in particular led to the ability

and ability of artificial intelligence units to “perform activities that were previously provided primarily and exclusively to humans” and also to develop “certain autonomous and cognitive characteristics - for example, the ability to learn from experience and take quasi-independent solutions. “ At present, artificial intelligence revolutionizes the way people live, work, study, discover new things and communicate, which puts them on the threshold of an era in which ever-increasing robots, bots, androids and other incarnations of artificial intelligence are about to evoke a new industrial revolution. Units of artificial intelligence are no longer engaged in “just grinding numbers”, but generate works of this kind that have traditionally been protected as “creative” or as something that requires human invention. The purpose of the work is to draw attention to the fact that new complex and very rapidly emerging and evolving challenges of the present, such as the transformation and complexity of heterogeneity and entropy of the Internet space, the intensive development of robotics, technologies and artificial intelligence units can not but affect the state and development legislation in various fields of public relations. One of these areas, which require close scientific attention, is the scope of intellectual property. Technology evolves better and evolves when enough data and time is available for analysis, as well as for trial and error. But the right already hopelessly lagged behind the development of science and technology in the field of artificial intelligence.

It is necessary to reduce this gap. It is already impossible to ignore the development of the sphere in question.

The article considers the international examples of some issues of legal regulation of artificial intelligence, technological innovations in the field of artificial intelligence. Moreover, the analysis of the legal regulation in the sphere of artificial intelligence is presented.

Keywords: Artificial intelligence, legal regulation, Internet space, intellectual property right, resource, progress, concept, revolution, copyright, unit.

Библиография:

1. Понкин И.В. Особенности сети Интернет в свете выявления и доказывания нарушений авторского права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2015. № 7. С. 5–16.
2. Bossmann J. Top 9 ethical issues in artificial intelligence [Топ 9 этических вопросов в сфере искусственного интеллекта] // URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/10/top-10-ethical-issues-in-artificial-intelligence/>
3. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд / Институт государственно-конфессиональных отношений и права. М.: Буки Веди, 2017. – 257 с.
4. Gürkaynak G., Yılmaz I., Doygün T., İnce E. Questions of Intellectual Property in the Artificial Intelligence Realm [Вопросы интеллектуальной собственности в сфере искусственного интеллекта] // Robotics Law Journal. 2017, September-October. – P. 9–11. URL: <http://www.gurkaynak.av.tr/docs/8b791-rlj-september-october-2017-.pdf>
5. Ihalainen J. Computer creativity: artificial intelligence and copyright [Компьютерное творчество: искусственный интеллект и авторское право] // Journal of Intellectual Property Law & Practice. P. 5. URL: <https://academic.oup.com/jiplp/advance-article-abstract/doi/10.1093/jiplp/jpy031/4922708?redirectedFrom=fulltext>

6. Ginsburg J.C. People Not Machines: Authorship and What It Means in the Berne Convention [Люди не машины: авторство – что это значит в Бернской конвенции] // IIC; international review of industrial property and copyright law. 2018. № 2 (49). – P. 131–135.

7. Ruipérez C., Gutiérrez E., Puente C., Olivas J.A. New Challenges of Copyright Authorship in AI [Новые проблемы, связанные с авторством применительно к искусственному интеллекту в авторском праве] // Proceedings of the 2017 International Conference on Artificial Intelligence. Las Vegas, 2017. – P. 291–296. P. 294–295.

8. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. авторское право и смежные права. 2018. № 2. – С. 35–44.

9. Kaur J. Intellectual Property Law in times of artificial intelligence: is it a misnomer to consider the Bot a possible IP right holder? [Закон об интеллектуальной собственности в эпоху искусственного интеллекта: правильно ли считать Бот возможным обладателем права интеллектуальной собственности?] // Journal of legal studies and research. 2016, December. Vol. 2. Issue 6. – P. 45–47.

10. Karjala D.S. Copyright and Creativity [Авторское право и творчество] // UCLA Entertainment Law Review. 2008. № 15.

11. Ginsburg J.C. People Not Machines: Authorship and What It Means in the Berne Convention [Люди не машины: авторство – что это значит в Бернской конвенции] // IIC; international review of industrial property and copyright law. 2018. № 2 (49). – P. 131–135.

12. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. М.: Статут, 2005.

13. Naruto v. Slater / Opinion of the United States Court of Appeals for the Ninth Circuit № 16-15469 of 2018 // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/16-15469/16-15469-2018-04-23.html>

14. Naruto v. David John Slater et al / Decision of the United States District Court of Northern District of California of 2016 // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/california/candce/3:2015cv04324/291324/45/>

15. Abbott R.B. Patenting the Output of Autonomously Inventive Machines [Патентование изобретений, создаваемых автономными изобретательскими машинами] // Landslide. 2017. Vol. 10. № 1. – P. 1–11. URL: <https://www.americanbar.org/content/dam/aba/publications/landslide/2017-sept-oct/patenting-output-autonomously-inventive-machines.authcheckdam.pdf>

References (transliterated):

1. Ponkin I.V. Osobennosti seti Internet v svete vyavleniya i dokazyvaniya narushenij avtorskogo prava // Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2015. № 7. – S. 5–16.

2. Bossmann J. Top 9 ethical issues in artificial intelligence [Top 9 ehlicheskih voprosov v sfere iskusstvennogo intellekta]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/10/top-10-ethical-issues-in-artificial-intelligence/>

3. Morhat P.M. Iskusstvennyj intellekt: pravovoj vzglyad / Institut gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij i prava. M.: Buki Vedi, 2017. – 257 s.

4. Gürkaynak G., Yılmaz I., Doygün T., İnce E. Questions of Intellectual Property in the Artificial Intelligence Realm [Voprosy intellektual'noj sobstvennosti v sfere iskusstvennogo intellekta] // Robotics Law Journal. 2017, September-October. – P. 9–11. URL: <http://www.gurkaynak.av.tr/docs/8b791-rlj-september-october-2017-.pdf>

gurkaynak.av.tr/docs/8b791-rlj-september-october-2017-.pdf

5. Ihalainen J. Computer creativity: artificial intelligence and copyright [Komp'yuternoe tvorcestvo: iskusstvennyj intellekt i avtorskoe pravo] // Journal of Intellectual Property Law & Practice. P. 5. URL: <https://academic.oup.com/jiplp/advance-article-abstract/doi/10.1093/jiplp/jpy031/4922708?redirectedFrom=fulltext>

6. Ginsburg J.C. People Not Machines: Authorship and What It Means in the Berne Convention [Lyudi ne mashiny: avtorstvo – chto ehto znachit v Bernskoj konvencii] // IIC; international review of industrial property and copyright law. 2018. № 2 (49). – P. 131–135.

7. Ruipérez C., Gutiérrez E., Puente C., Olivas J.A. New Challenges of Copyright Authorship in AI [Novye problemy, svyazannye s avtorstvom primenitel'no k iskusstvennomu intellektu v avtorskom prave] // Proceedings of the 2017 International Conference on Artificial Intelligence. Las Vegas, 2017. – P. 291–296.

8. Ponkin I.V., Red'kina A.I. Iskusstvennyj intellekt i pravo intellektual'noj sobstvennosti // Intellektual'naya sobstvennost'. avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2018. № 2. – S. 35–44.

9. Kaur J. Intellectual Property Law in times of artificial intelligence: is it a misnomer to consider the Bot a possible IP right holder? [Zakon ob intellektual'noj sobstvennosti v ehpohe iskusstvennogo intellekta: pravil'no li schitat' Bot vozmozhnym obladatalem prava intellektual'noj sobstvennosti?] // Journal of legal studies and research. 2016, December. Vol. 2. Issue 6. – P. 45–47.

10. Karjala D.S. Copyright and Creativity [Avtorskoe pravo i tvorcestvo] // UCLA Entertainment Law Review. 2008. № 15.

11. Ginsburg J.C. People Not Machines: Authorship and What It Means in the Berne Convention [Lyudi ne mashiny: avtorstvo – chto ehto znachit v Bernskoj konvencii] // IIC; international review of industrial property and copyright law. 2018. № 2 (49). – P. 131–135.

12. Dozorcev V.A. Intellektual'nye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikacii. M.: Statut, 2005.

13. Naruto v. Slater / Opinion of the United States Court of Appeals for the Ninth Circuit № 16-15469 of 2018 // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/16-15469/16-15469-2018-04-23.html>

14. Naruto v. David John Slater et al / Decision of the United States District Court of Northern District of California of 2016 // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/california/candce/3:2015cv04324/291324/45/>

15. Abbott R.B. Patenting the Output of Autonomously Inventive Machines [Patentovanie izobretenij, sozdavaemyh avtonomnymi izobretatel'skimi mashinami] // Landslide. 2017. Vol. 10. № 1. – P. 1–11. URL: <https://www.americanbar.org/content/dam/aba/publications/landslide/2017-sept-oct/patenting-output-autonomously-inventive-machines.authcheckdam.pdf>

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ КАЗАХОВ И ИНСТИТУТУ СТЕПНЫХ СУДЕЙ-БИЕВ

Ж. ДАУКЕТОВА,
докторант Университета
КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева
(Астана)

В статье осуществлен обзор основных историко-правовых источников по обычному праву казахов, в том числе в сфере уголовного правосудия, об институте степных судей-биев, существовавших в досоветский период развития Казахстана. Дана классификация научных трудов, раскрывающих сущность обычного права казахов и степного правосудия в тесной связи с историческими, социально-экономическими, политическими и духовными факторами того времени. Особо оговаривается важность использования потенциала наследия степных судей прошлого в современном уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: Казахское ханство, древний мир права казахов, обычное право казахов, адат, суд биев, обычное уголовное право казахов, Жеты жаргы, Касым хан, Есим хан, Тауке хан, Толе би, Казыбек би, Айтеке би.

В настоящее время наука Казахстана располагает значительным количеством научных трудов, главным образом, исторического и правового характера, в которых описывается осуществлявшаяся на основе норм обычного права казахов деятельность степных судей-биев, в том числе в области уголовного правосудия. В данной статье нами предпринята попытка систематизации и обобщения исследований и основных источников по теме, рассмотрения их научной значимости.

Прежде всего, в Казахстане все письменные работы, в которых содержится определенный объем информации об обычном праве казахов и степных судьях, можно условно разбить на следующие группы: национальная энциклопедия; труды исторического характера; труды юридического характера; собрания сочинений в области права; диссертации историко-правового характера; отдельные монографии; учебники, учебные пособия по истории государства и права Республики Казахстан; множество различных научных статей.

В соответствии с Государственной программой «Культурное наследие», которая была утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 13 января 2004 г. № 1277 «О Государственной программе «Культурное наследие» на 2004–2006 годы»,¹ команда видных ученых, писателей, работников культуры, государственных и общественных деятелей разработала *новую Национальную энциклопедию*

на казахском и русском языках, в том числе в течение 2004–2006 гг. – на русском языке в пяти томах.

Главный редактор Национальной энциклопедии **Б. Аяган** в предисловии от Главной редакции в ее первом томе отметил, что при отборе фактического материала учитывались его научная актуальность, соответствие современному уровню изучения данного вопроса, основательность приводимых выводов и обобщений.²

В плане нашего исследования необходимо отметить, что в Национальной энциклопедии нашли отражение темы, связанные с правовыми реформами и правосудием в Казахском ханстве.

Так, в третьем томе описан Свод законов казахского хана Касыма (1445/6–1521) – «Касыма праведный путь» (1511–1521). Это был Свод законов адата, в основу которого легли прежние традиционные нормы права, распространенные в кочевом обществе в древности и средневековье, которыми руководствовались в ходе рассмотрения дел и споров степные судьи – бии. Наиболее известным предшественником Свода Касыма являлась «Яса» Чингиз хана, введенная в Монгольской империи в начале XIII века.³

Во втором томе размещены статьи о Есим хане (год рождения неизвестен. – 1645), который правил Казахским ханством в период 1598–1645 гг., он уточнил и развил положения Свода законов Касым хана, дошедшего до него без особых изменений, в соответствии с практическими потребностями военно-политической и социальной жизни общества. Благодаря Есиму положения Свода законов Касым хана получили широкое распространение среди казахского народа под названием «Есима исконный путь».⁴

В пятом томе изложены деяния Тауке хане (1680–1718), который систематизировал и ввел Свод норм обычного права казахов – «Жеты Жаргы» («Семь установлений», «Законы хана Тауке») – нормативный источник и законодательный памятник казахского обычного права. Это более усовершенствованная форма систематизации существовавших ранее традиционных норм права, а также Сводов законов, принятых ханами Касы-

²Казахстан. Национальная энциклопедия / Гл. ред. Б. Аяган. Т. 1. Алматы: Главная редакция «Қазақ энциклопедиясы», 2004. – С. 7. Статьи по истории обычного права содержатся также в других энциклопедических изданиях, в частности, в первой и наиболее крупной универсальной энциклопедии на казахском языке, изданной в Казахской ССР: «Қазақ Совет Энциклопедиясы» в 12 т. (Алматы, 1973–1978, главный ред. Мухамеджан Каратаев). С начала 1980-х гг. издавались дополнительные тома данной энциклопедии. В 2011 г. издательство «Қазақ энциклопедиясы», которому принадлежат права на энциклопедию, разрешило её свободное распространение. В 1985 г. на основе «Қазақ Совет энциклопедиясы» были изданы краткие четырёхтомные энциклопедии «Казахская ССР» на казахском и на русском языках. С учетом опыта подготовки первой энциклопедии, по инициативе Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева была издана 10-томная энциклопедия на казахском языке «Қазақстан: Ұлттық энциклопедия» (Алматы, 1998–2007, гл. ред. первых четырех томов – А.Н. Нысанбаев, последующих – Б.Г. Аяган). – Ред.

³Касыма праведный путь // Там же. Т. 3. Алматы: Главная редакция «Қазақ энциклопедиясы», 2005. – С. 183.

⁴Есима исконный путь // Там же. Т. 2. Алматы: Главная редакция «Қазақ энциклопедиясы», 2005. – С. 260–261.

⁵Тауке // Там же. Т. 5. Алматы: Главная редакция «Қазақ энциклопедиясы», 2006. – С. 177.

мом и Есимом. В его разработке приняли участие видные представители трех казахских жузов, в том числе видные степные судьи – бии того времени. Опираясь на Жеты Жаргы, казахские бии разрешали как внутренние споры и конфликты, так и важные политические проблемы. Новый Свод законов охватывал практически все стороны жизни казахского народа, благодаря этому период правления Тауке хана был отмечен расцветом Казахского ханства. После Жеты Жаргы никакие другие Своды законов не создавались, поскольку он удовлетворял все потребности народа и правосудия, многие его положения применялись вплоть до начала XX в. К сожалению, в подлиннике Жеты Жаргы не сохранился и дошел до нас в форме кратких изречений и пословиц, частично в записях, произведенных в начале XIX в. Г. Гавердовским (1806), П. Шангиным, А. Левшиным (1832). Эти записки в значительной степени основаны на сообщениях казахского старшины К. Шукралиева, представленных им в 1804 году на татарском языке.⁶

В качестве отдельных статей выделены статьи о суде биев, как государственном институте традиционного казахского общества и одном из способов регулирования правовых отношений. В состав суда биев входили один или несколько биев, которые рассматривали споры и преступления в рамках подвластных им родов и племен. Разногласия между жузами, родами и племенами, дела государственного значения рассматривались советом султанов и наиболее известных биев при хане. Суд биев проходил с участием всех заинтересованных сторон и свидетелей.⁷

Статьи об известных исторических биях – отдельная тема Национальной энциклопедии.

Например, Толе би Алибекулы был главным бием Старшего жуза, известен как справедливый судья (би) (1663–1756). В 15-20 лет участвовал в спорных делах рода. Был одним из разработчиков Жеты Жаргы. С именем Толе бия связывают многочисленные изречения, афоризмы и судебные решения.⁸

Казыбек би Келдибекулы (1667–1764) являлся главным бием Среднего жуза казахов, был мудрым и справедливым бием, смелым и отважным батыром, прекрасно знал народный фольклор, традиции, обычаи, законы предков, уже с молодости участвовал в политической жизни казахского общества. Принимал активное участие в разработке Свода законов «Жеты Жаргы». Всю свою жизнь не прерывал судебной деятельности, разрешал споры султанов и родоправителей. В 1748 году инициировал бийский суд над султаном Бараком, убившим Абилхаир хана, и мн. др.⁹

В истории Великой степи в качестве Главного бия Младшего жуза выделен Айтеке би Байбекулы (1644–1700). Им он стал в 25 лет, владел несколькими языками. Внес, как и предыдущие Главные бии, большой вклад в объединение казахского народа и борьбу против жонгар. Вместе с другими великими биями создавал Свод законов «Жеты Жаргы».¹⁰

⁶Жеты Жаргы // Там же. Т. 2. Алматы: Главная редакция «Қазақ энциклопедиясы», 2005. – С. 317-318.

⁷Суд биев // Там же. Т. 1. Алматы: Главная редакция «Қазақ энциклопедиясы», 2004. – С. 415.

⁸Толе би // Там же. Т. 5. Алматы: Главная редакция «Қазақ энциклопедиясы», 2006. – С. 220.

⁹Казыбек Келдибекулы // Там же. Т. 3. Алматы: Главная редакция «Қазақ энциклопедиясы», 2005. – С. 89-90.

¹⁰Айтеке Байбекулы // Там же. Т. 1. Алматы: Главная редакция «Қазақ энциклопедиясы», 2004. – С. 127.

Следующим ценным источником сведений о деятельности степных судей-биев является *История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах*. Первый том охватывает период с древнейших времен, от палеолита до монгольского нашествия в XIII веке, второй – XIV-начало XVIII веков, то есть время формирования и развития Казахского ханства как национального государства и сложения казахского этноса, третий – с 30-х годов XVIII века до 1917 года, четвертый и пятый – с 1917 года и до наших дней. Каждый том содержит разделы более подробных периодов.¹¹

Цель труда заключалась в попытке по-новому осмыслить исторический процесс, найти новые подходы к объяснению исторических явлений прошлого казахского народа с объективных научных позиций. Коллективный труд «История Казахстана» содержит то, что наработано исторической наукой на сегодня, показывает «узкие места» в исследовании отдельных проблем истории Казахстана, то есть дает ученым ориентиры того, над чем еще надо работать.¹²

Ценность этого капитального труда наряду с прочими моментами заключается и в том, что в нем довольно подробно описан Свод законов «Жеты Жаргы» – кодифицированные и дополненные нормы обычного права казахов и отмечена роль его составителей во главе с Тауке ханом. При этом приведены сохранившиеся 33 нормы данного Свода, взятые из трудов русских исследователей казахского обычного права в начале 19 века. В этих фрагментах права есть совокупность норм, регламентирующих деятельность степных судей, порядок исполнения приговоров суда и т.д.¹³

Вне всякого сомнения, фундаментальным научным трудом, в котором сосредоточен огромный массив сведений об обычном праве казахов, в том числе в сфере правосудия и процессуальной деятельности степных судей-биев, является *10-томное издание «Древний мир права казахов»*. Его появление стало возможным благодаря выдающемуся ученому-юристу Казахстана, академику НАН РК, общественному деятелю, доктору юридических наук, профессору *С.З. Зиманову*, под руководством которого были собраны и систематизированы многочисленные материалы, в том числе правовые, исторические, редкие архивные по истории обычного права казахов. Нам оставлены «следы живого прошлого», которые мы просто обязаны дальше исследовать, чтобы лучше понять наше историческое юридическое наследие и использовать его уроки в современной правовой системе Казахстана. «Древний мир права казахов» был разработан в период с 2004 по 2009 годы и издан в издательстве «Жеты Жаргы».

В предисловии к первому тому С.З. Зиманов написал следующие глубоко патристические и нравственные слова: «Давая себе отчет в том, что подготовка предлагаемого труда будет трудной в научно-исследовательском, организационном и

¹¹История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 1. Алматы: Атамур, 2010. – 544 с.; Т. 2. Алматы: Атамур, 2010. – 624 с.; Т. 3. Алматы: Атамур, 2010. – 768 с.; Т. 4. Алматы: Атамур, 2010. – 768 с.; Т. 5. Алматы: Атамур, 2010. – 672 с.

¹²Вступление // История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 1. Алматы: Атамур, 2010. С. 10.

¹³Кумеков Б.Е. Укрепление верховной власти при Тауке-хане. «Жеты Жаргы» // История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 2. Алматы: Атамур, 2010. С. 424-433.

материально-финансовом планах, мы, тем не менее, пошли на этот шаг, будучи твердо убежденными, **что исполняем долг перед своим народом и его историей**.¹⁴

Далее он продолжает: «Самая большая трудность заключалась, однако, в самой теме, в новизне ее постановки, **по сути своей равнозначной открытию**: показать и доказать уникальность казахского права в его «древней форме» как права, приверженного ценностям изначальной свободы и идеалам естественного права человека, проникнутого духом мира, коллективизма и рыцарской морали общества, находящегося на феодальном этапе своего развития. Тут не надо было заниматься сочинительством, не надо придумывать факты, которых не было в действительности.

Надо было всего-навсего раскопать их, извлечь из под вековых руин, очистить от наслоений и воссоздать хотя бы в основных качествах и чертах. Мы сознавали, что сама постановка вопроса об уникальности средневековой правовой культуры казахов, пережившей свою эпоху и дошедшей в определенной степени в своей функциональной сохранности до новейшего времени, приходила в противоречие с представлением, ставшим традиционным в колониальной, буржуазной и советской историографии, о том, что Казахстан был в прошлом «диким краем, отсталым и патриархально-феодальным».¹⁵

На наш взгляд, «Древний мир права казахов» – не только уникальное научно-политическое явление и крупный научный труд, это еще и современный памятник создателям казахской государственности и его правовой системы. Все это еще раз указывает на то большое место, которое занимает данное издание в истории нашего общества и государства, его правовой системы.

Итак, вкратце о содержании каждого тома.¹⁶

¹⁴Зиманов С.З. Предисловие к первому изданию // Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования. Алматы: Жеты Жаргы, 2004. Т. 1. С. 10.

¹⁵Там же.

¹⁶Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования / Гл. ред. С.З. Зиманов. Т. 1. Алматы: Жеты Жаргы, 2004. – 632 с.; Т. 2. Алматы: Жеты Жаргы, 2004. – 672 с.; Т. 3. Алматы: Жеты Жаргы, 2004. – 616 с.; Т. 4. Алматы: Жеты Жаргы, 2005. – 552 с.; Т. 5. Алматы: Жеты Жаргы, 2005. – 544 с.; Т. 6. Алматы: Жеты Жаргы, 2005. – 568 с.; Т. 7. Алматы: Жеты Жаргы, 2006. – 604 с.; Т. 8. Алматы: Жеты Жаргы, 2006. – 424 с.; Т. 9. Алматы: Жеты Жаргы, 2008. – 568 с.; Т. 10. Алматы: Жеты Жаргы, 2009. – 592 с.

Первый том посвящен судебной системе казахов в древней форме и по казахскому обычному праву, а также родоначальнику всех казахских биев Майке бию, трем законодателям и легендам – Толе бию, Казыбек бию, Айтеке бию, их жизнеописанию, словам мудрости и судебным решениям.

Второй том – это, собственно, исследовательские работы разных авторов о древнем мире обычного права казахов, в том числе об его оценке в истории мысли, его понятии, форме судопроизводства, участниках правосудия, видах наказания (айып, кун) и многом другом.

Третий том, который начинается со статьи Зиманова С.З.: «Был ли «Золотой век» правосудия на древней земле казахов» посвящен, прежде всего, Абаю – поэту и мыслителю, интеллектуалу, знатоку и реформатору казахского права. Кроме того, в этом томе приведена галерея известных биев, как живая летопись народа, юристы и законоведы его, их судебные решения, мысли, в том числе их роль в утверждении в обществе морали человеколюбия, мира и справедливости.

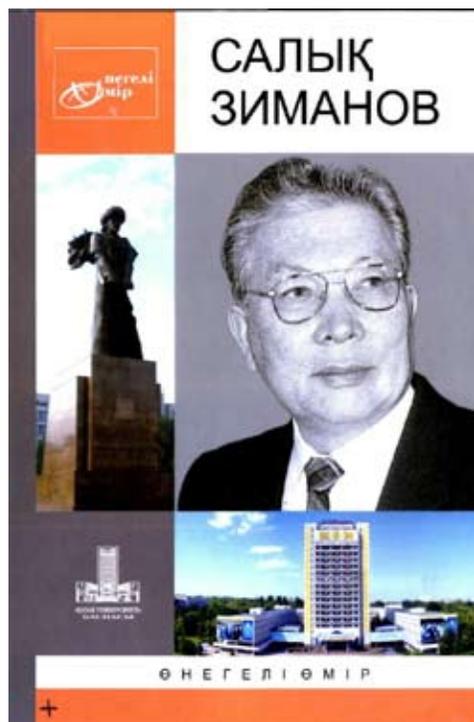
Четвертый том содержит бесценную информацию и материалы о правовых основах Казахского ханства и законодательной деятельности казахских ханов – Касым хана, Есим хана, Тауке хана. Показано общее и особенное в их законодательной деятельности, а также истоки и источники казахского обычного права «Жеты Жаргы». В отдельном разделе тома приведены постановления известных биев, имеющие значение судебных прецедентов, являвшихся одним из основных источников казахского обычного права «Жеты Жаргы».

Пятый том следует рассматривать как собрание постановлений чрезвычайных съездов биев (узаконены царским правительством во второй половине XIX века), именуемым ереже, имеющим большое значение и занимающим особое место в летописи и историографии казахского права «Жеты Жаргы». Ереже представляли собой по содержанию и форме краткое изложение норм казахского права, составляемое для каждого чрезвычайного съезда биев накануне, до его заседания, которым должны были руководствоваться судьи при рассмотрении конкретных уголовных и гражданских дел, выносимых на заседания съезда.¹⁷ Иначе говоря, это были малые кодексы обычно-правовых норм, которые содержали нормы права и действовали на территории одного или нескольких уездов, вплоть до их отмены. В практике бийских судов ереже стали сводом обычного права казахов, кодифицированным на основе изучения судебной практики и приспособленным к изменившимся условиям казахского общества, как модернизированный вариант «Жеты Жаргы».¹⁸

Шестой том, и в этом его непреходящая научная ценность, включает размышления видных ученых-востоковедов XIX – начала XX вв. о правосудии биев и судебных реформах 1864 г. Кроме того, в него включены русские литературные источники XIX – начала XX вв. о нормах обычного права казахов, в том числе таких авторов, как А.И. Левшин, Д.Я. Самоквасов, С.Б. Броневский, Л.Ф. Баллюзек, Г. Загряжский, И. Ибрагимов, П.Е. Маковецкий и многие другие.

¹⁷Зиманов С.З. Предисловие // Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования. Алматы: Жеты Жаргы, 2005. Т. 5. С. 9.

¹⁸Зиманов С.З. Ереже — малые кодексы обычно-правовых норм // Там же. С. 119-120; Сартаев С., Созакбаев С. Постановления чрезвычайных съездов биев // Там же. С. 161-162.

Седьмой том – это отражение казахского права, правосудия, деятельности биев – судей в исторической художественной литературе, в том числе в произведениях Ч. Айтматова, М. Ауезова, И. Есенберлина, М. Шаханова, А. Кекилбаева и многих других писателей. Семейное обычное право казахов в трактовке работ разных авторов XIX и XX вв. – также часть материалов этого тома.

Мудрые изречения и размышления казахских биев-златоустов в их политической и юридической деятельности – тема восьмого тома рассматриваемого труда.

Новые материалы о казахском праве «Жеты Жаргы», мудрости и правосудии биев положены в основу издания девятого тома вышеуказанного труда.

С учетом той большой работы, которая была проделана в части сбора публикации материалов в труде «Древний мир права казахов», в 2008 г. в Алматы была проведена Международная научная конференция «Казахский суд биев – уникальная судебная система», доклады на которой составили основу 10 тома этого издания.

В предисловии к нему С.З. Зиманов написал о том, что «... весьма важно и престижно, на обсуждение Конференции выносилась новая научная концептуальная гипотеза в области гуманитарного знания, обоснованная и сформированная нами в ходе подготовки и разработки «Десятитомника» о том, что казахский суд биев, утвердившийся в недрах гражданской и правовой культуры кочевого общества казахов, имеет общекультурную ценность и является институциональной политико-правовой структурой общецивилизационного значения. Суд биев провозгласил и воплотил в своей реальной деятельности фундаментальные принципы моральных и организационных ценностей, столь необходимых для судебной власти без различия исторических эпох. Речь идет о том, что в силу этногенетических (вольность, свободолюбие) и особо благопри-

ятных природно-географических (огромное и раздольное пастбищное пространство), регионально-политических (в стороне от военных потрясений и деспотических, клерикальных режимов), социальных (общность и преобладание племенных и улусных интересов), этнокультурных (сила добра, справедливости и искусство красноречия) особенностей, казахский суд биев, воспитанный и выращенный в такой идентичной историко-этнической и нравственной среде, сумел вобрать и выразить ценностное духовное и материальное начало этих условий и таким образом подняться выше этих условий».¹⁹

В ряду крупных юридических трудов, в которых получила отражение деятельность степных судей – биев, безусловно, следует назвать *Полное собрание сочинений академика С.З. Зиманова (далее – ПСС)*, изданных в Алматы, издательством «Медиа-корпорация «Зан» в 2009 г.

Первый том ПСС содержит его научные труды периода 1950-1960 гг., а также его монографию «Общественный строй казахов первой половины XIX века» (1958 г.). В монографии в главе пятой в контексте классового строения казахского общества социальная роль и деятельность биев была охарактеризована им тремя моментами: во-первых, это представители крупной феодальной знати; во-вторых, бии стоят во главе кочевых коллективов и ведают их делами; в-третьих, они являются судьями.²⁰

Второй том содержит научные труды С.З. Зиманова, вышедшие в 1962-1965 гг., а также его книгу «Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков», в которой исследуется организация местной власти в периоды до и после правления ханов. В этом плане Глава третья данной монографии во втором томе ПСС «Реформа 1822 года в Среднем жузе» описывает организацию суда в этом жузе (постепенное усиление роли общих судов и имперских законов, сохранение бийских судов по исковым делам, тенденция к слиянию частных бийских судов с официальными органами).²¹

Третий том содержит научные труды С.З. Зиманова, в том числе изданные в соавторстве с другими учеными-правоведами, а также написанную им в соавторстве с А. Атишевым книгу: «Политические взгляды Чокана Валиханова» (1965). В частности, ими отмечено, что Ч. Валиханов стоял за «суд биев в древней форме», то есть за такую судебную систему, в которой судьи избирались бы самими тяжущимися и были бы свободны от влияния, как он выражался, «киргизских чиновников и богатых табуновладельцев».²²

Четвертый и пятый тома представляют собою совокупность научных трудов С.З. Зиманова, а также монографий, в том числе в соавторстве на разные исторические политико-правовые темы, вышедших в семидесятых годах прошлого столетия.²³

Шестой том содержит монографии С.З. Зиманова, в том числе в соавторстве, вышедшие в восьмидесятые годы прошлого столетия. В частности, в Главе третьей

¹⁹Зиманов С.З. Предисловие // Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования. Алматы: Жеты Жаргы, 2009. Т. 10. С. 12.

²⁰Зиманов С. Полн. собр. соч. 10 томов. Алматы: Медиа-корпорация «ЗАН», 2009. Т. 1. – С. 330-331.

²¹Зиманов С. Полн. собр. соч... Т. 2. С. 253-261.

²²Зиманов С. Полн. собр. соч... Т. 3. С. 259.

²³Зиманов С. Полн. собр. соч... Т. 4. – 440 с.; Зиманов С. Полн. собр. соч... Т. 5. – 456 с.

монографии «Россия и Букеевское ханство» есть описание Совета 12 биев, как части политической системы данного ханства.²⁴

Седьмой-девятые тома ПСС – это научные труды С.З. Зиманова, в том числе монографии, статьи, конца восьмидесятых годов прошлого столетия и начала нового столетия, наряду с отзывами о нем коллег по перу.²⁵

В качестве консолидированного научного труда необходимо рассматривать и десятый том ПСС С.З. Зиманова, который вобрал в себя все о судах биев, законодательной деятельности известных ханов, обычном праве казахов и его источниках. Отдельно представлена в нем его работа касательно Казахского академического университета и состояния государственно-правовой науки в Казахстане, о высших юридических учебных заведениях в истории страны, Научно-исследовательском институте философии и права АН КазССР, Институте государства и права Академии наук и его судьбе.²⁶

Обычное право казахов, в том числе виды наказаний за правонарушения и институт степных судей-биев – тема ряда диссертационных исследований 1990-х гг. – начала XXI в. в области права и историографии.

Так, в своей кандидатской диссертации в области теории права **К.А. Алимжан** впервые в Казахстане исследовал вопросы теории обычного права, рассмотрел обычное право казахов как самостоятельную форму права, включающую такие источники, как обычай, предание, судебное решение, договор, а также пословицы и поговорки.²⁷

Институт «айыпа» в обычном праве казахов – тема кандидатской диссертации **Н.С. Айткуловой**, в которой дано его понятие и сформулирован ряд определений; раскрыты основные этапы и особенности развития данного института; структура и анализ его частей; установлены основные виды айыпа и особенности исполнения. Ценность работы заключается в постановке вопросов процессуального применения отдельных элементов айыпа в современном праве Казахстана.²⁸

Институт присяги в системе казахского обычного права – тема докторской диссертации **Г.Б. Ахмеджановой**, в которой рассматривается судебная присяга как процессуальное действие, совершение которого создавало, развивало или завершало определенный юридический факт, являлось средством доказывания в ходе судебного процесса для подтверждения правдивости притязаний истца и ответчика путем дачи присяги представителями той и другой стороны, участвующих в деле, то есть выполняло в судебной практике роль своеобразного нравственно-этического фактора в регулировании общественных отношений.²⁹

²⁴Зиманов С. Полн. собр. соч... Т. 6. С. 133-137.

²⁵Зиманов С. Полн. собр. соч... Т. 7. – 440 с.; Зиманов С. Полн. собр. соч... Т. 8. – 480 с.; Зиманов С. Полн. собр. соч... Т. 9. – 464 с.

²⁶Зиманов С. Полн. собр. соч... Т. 10. – 496 с.

²⁷Алимжан К.А. Обычное право как форма права: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Алматы, 1999. С. 8.

²⁸Айткулова Н.Л. Институт «айып» в обычном праве казахов: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Алматы, 2002. С. 34.

²⁹Ахмеджанова Г.Б. Институт присяги в системе казахского обычного права: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 2010. С. 9.

Культелев Т.М.

Фукс С.Л.

Сравнительный историографический анализ литературы, направленный на раскрытие позиций и взглядов ученых и исследователей на зарождение и трансформацию института биев, его характерных особенностей и роли в казахском обществе, постановке основных проблем по дальнейшему исследованию института биев – тема диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук **Ж.С. Мажитовой**. Значительное место в ее капитальном и системном научном труде занимает тема суда биев как инструмента урегулирования конфликтов в степи, в том числе описаны следствие и судебный процесс, а также виды доказательств.³⁰

Тема обычного права казахов и института степных судей-биев – основные объекты исследований монографического уровня.

Прежде всего, это цельные работы прошлого столетия **С.Л. Фукса** «Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века», «Очерки истории государства и права казахов в XVIII – первой половине XIX века», а также **Т.М. Культелева** «Уголовное обычное право казахов».³¹

При этом в монографии С.Л. Фукса (1981 г.) получила отражение часть его боль-

³⁰Мажитова Ж.С. Институт биев в российской и казахстанской историографии: компаративный анализ (XVIII-XXI вв.): Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2016. – С. 168-203.

³¹Фукс С.Л. Обычное право казахов в XVII – первой половине XIX века. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. – 224 с.; Фукс С.Л. Очерки истории государства и права казахов в XVIII – первой половине XIX века / Под общ. ред. С.Ф. Ударцева. Астана / Спб.: ТОО «Юридическая книга Республики Казахстан»..., 2008. – 816 с.; Культелев Т.М. Уголовное и обычное право казахов. Алматы: ТОО РПИК «Дәуір», 2004. – 311 с.

шого исследования (первой диссертации доктора юридических наук, защищенной в 1948 г., впервые полностью изданной в 2008 г.), как-то важнейшие объекты права собственности и преступление и наказание в обычном праве казахов XVIII – первой половины XIX века.

В свою очередь, в работе Т.М. Культелеева были описаны основные черты общественно-политического строя феодального Казахстана, источники уголовного права в Казахстане, общие представления об уголовном праве в казахском обычном праве, вопросы особенной части в казахском обычном праве.

Однако при всех несомненных достоинствах данных трудов обе работы не рассматривали в качестве специального объекта исследования процессуальное обычное право казахов.

В числе работ нынешнего столетия необходимо назвать, прежде всего, работы **М.С. Нарикбаева** «От наших великих биев до Верховного Суда» и **С.З. Зиманова** «Казахский суд биев – уникальная правовая судебная система».

Так, в качестве цели своей работы М.С. Нарикбаев определил напоминание о том, что «... на нескончаемом степном просторе издавна существовали свои юридические институты, свое судопроизводство, что родословная нашего государственного законодательства возникла еще до нашей эры и теряется в глубинах времени, что существовала отлаженная преемственность судебной власти, власти биев, возможно, единственной реальной власти в те времена и в тех исторических условиях».³²

В свою очередь, С.З. Зиманов отметил, что «понятие «суд биев» в эпоху его общественного признания и расцвета ассоциировалось с понятием поиска правды в любом конкретном тяжёлом деле и со справедливостью, составляющей основу судебного решения. Бием-судьей мог стать только такой человек, который воспринимал эти идеи не как установки, навязываемые извне, а как естественные нормы должного его поведения. Такое представление незыблемо существовало в народном сознании и в сознании самих судей. И сколько было нужно веков направленного развития, и через какие стадии общественного трансформации нужно было пройти, чтобы воспитать, вырастить людей с такой идейной ориентацией?».³³

Обычное право казахов, суд и судебный процесс, институт бийства – неотъемлемые разделы курсов лекций, учебных, учебно-методических пособий авторских работ по истории государства и права Республики Казахстан.³⁴

Безусловно, часть исследований об обычном праве казахов и судебной деятельности степных биев приходится на многочисленные статьи по данным темам. Достаточно

³²Нарикбаев М. От наших великих биев до Верховного суда. Алматы: Атамұра, 2000. С. 188.

³³Зиманов С.З. Казахский суд биев – уникальная судебная система. Алматы: Атамұра, 2008. С. 6.

³⁴Абиль Е.А. История государства и права Казахстана: Курс лекций. 3-е изд. перераб. и доп. Караганда: ТОО «Учебная книга», 2005. – 256 с.; Абиль Е.А. История государства и права Республики Казахстан с древнейших времен до начала XX века: Курс лекций. Астана: ИКФ «Фолиант», 2000. – 188 с.; Кудайбергенов К.Ч. История государства и права Республики Казахстан: Учебн.-метод. пособ. Астана: Филиал Ун-та «Туран», 2003. – 272 с.; Тлепина Ш. Эволюция государственно-правовой науки Казахстана (1930-е – 1991 гг.) / Вступ. ст. – д.ю.н., проф. С.Ф. Ударцев. Алматы, 2005. – 540 с.; Сатанова Л.М. История государства и права Республики Казахстан: Учеб. пособ. Алматы: КазНПУ им. Абая, 2008. – 272 с.

полно они представлены в 10-томном научном труде «Древний мир права казахов», характеристика которого приведена выше.

Краткие выводы

Первое. Объективно, что после распада СССР появилось значительное количество научных исследований и трудов по обычному праву казахов, институту степных судей-биев как общекультурного и общецивилизационного достояния и опыта человечества в досоветское время. Сложилась теория данного права и института степного бийства.

Второе. Впервые на теоретическом уровне основательно обращено внимание правоприменителей Казахстана на учет культурно-исторических и национальных особенностей норм обычного права казахов, в том числе в сфере уголовного правосудия в современном правотворческом процессе.

Третье. Можно выделить разработанные и опубликованные крупные общественно-политические, исторические, юридические, художественные и другие труды, в которых заложены основы описания обычного права казахов, суда и судебного процесса в Казахстане досоветского периода.

Четвертое. Среди имеющихся работ правового характера следует выделить капитальные труды по обычному праву казахов и уголовному праву, в частности, в описании системы их источников, содержания норм.³⁵

Пятое. В системе научных трудов прошлого и настоящего по обычному праву казахов слабо представлены научные изыскания по обычному уголовному судопроизводству казахов, уголовно-процессуальной форме судебного процесса, о доказательствах и доказывании, что вызывает настоятельную потребность в изучении этого сегмента правовой системы прошлого в истории казахского народа. Среди работ данного направления можно указать только диссертационное исследование **Г.Б. Шакаева** «Процессуальное обычное право казахов второй половины XIX – начала XX веков».³⁶

Шестое. Исключительно по идеологическим причинам в отдельных научных трудах прошлого столетия чрезмерно преувеличивалась роль классовых начал в обычном праве казахов, в том числе в обычном уголовном праве, его зависимость от социально-экономических факторов в ущерб общечеловеческим, нравственным началам его норм, их соответствия объективным потребностям общественного развития того периода.

Ж. Даукетова: Қазақтардың әдет-ғұрыптық заңы мен дала билерінің институтын зерттеу.

Мақалада қазақтардың дәстүрлі заңдары, оның ішінде қылмыстық сот төрелігі саласында, Қазақстанды дамытудың кеңестік дәуіріне дейінгі болған дала билерінің институттарына қатысты негізгі тарихи және құқықтық көздер қарастырылған. Қазақ халқының әдет-ғұрыптық заңының, дала әділеттілігінің мәнін және сол уақыттағы тарихи, әлеуметтік-экономикалық, саяси, рухани факторлармен тығыз байланыста ететін ғылыми жұмыстардың жіктелуі келтірілген. Заманауи қылмыстық сот төрелігіндегі

³⁵Подробнее см.: Ударцев С.Ф. Академик С.З. Зиманов (К 90-летию со дня рождения ученого, педагога, государственного и общественного деятеля) // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия «Юридические науки». 2011, № 1 (7). – С. 157 – 216.

³⁶Шакаев Г.Б. Процессуальное обычное право казахов второй половины XIX – начала XX веков: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1966. – 21 с.

өткен кезеңдегі дала билерінің әлеуетін пайдаланудың ерекше маңызы бар екені айтылады.

Түйінді сөздер: Қазақ хандығы, қазақтардың әдет-ғұрыптық құқығы, қазақтардың әдеттегі құқығы, әдет, билер соты, қазақтардың дәстүрлі қылмыстық құқығы, Жеті жарғы, Қасым хан, Есім хан, Тәуке хан, Төле би, Қазыбек би, Әйтеке би.

Zh. Dauketova: Studies on the customary law of Kazakhs and the Institute of Steppe Judges-Biys.

The article reviews the main historical and legal sources on the customary law of the Kazakhs, criminal justice, on the institute of steppe judges-biys that existed in the pre-Soviet period of Kazakhstan's development. Classification of scientific works revealing the essence of customary law of Kazakhs and steppe justice in close connection with the historical, social and economical, political and spiritual factors of that time is given. The importance of using the potential of the steppe judges of the past in modern criminal justice is discussed.

Key words: The Kazakh Khanate, the ancient world of the rights of the Kazakhs, the customary law of the Kazakhs, adat, biys court, the ordinary criminal law of the Kazakhs, Zhety zhargy, Kasim Khan, Esim Khan, Tauke Khan, Tole bi, Kazybek bi, Aiteke bi.

Библиография:

1. Абиля Е.А. История государства и права Республики Казахстан с древнейших времен до начала XX века: Курс лекций. Астана: Фолиант, 2000. – 188 с.
2. Абиля Е.А. История государства и права Казахстана: Курс лекций. 3-е изд. перераб. и доп. Караганда: ТОО «Учебная книга», 2005. – 256 с.
3. Айтқұлова Н.Л. Институт «айып» в обычном праве казахов: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Алматы, 2002. – 30 с.
4. Алимжан К.А. Обычное право как форма права: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Алматы, 1999. – 29 с.
5. Ахмеджанова Г.Б. Институт присяги в системе казахского обычного права: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 2010. – 52 с.
6. Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования / Гл. ред. С.З. Зиманов. Т. 1-10. Алматы: Жеты Жарғы, 2004-2009.
7. Зиманов С.З. Казахский суд биев – уникальная судебная система. Алматы: Атамұра, 2008. – 224 с.
8. Зиманов С. Полное собрание сочинений. 10 томов. Алматы: Медиа-корпорация «ЗАҢ», 2009.
9. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Алматы: Атамұра, 2010. Т. 1. – 544 с.; Т. 2. – 624 с.; Т. 3. – 768 с.; Т. 4. – 768 с.; Т. 5. – 672 с.
10. Казахстан. Национальная энциклопедия / Гл. ред. Б. Аяган. Т. 1-5. Алматы: Главная редакция «Казак энциклопедиясы», 2004-2006.
11. Кудайбергенов К.Ч. История государства и права Республики Казахстан: Учебн.-метод. пособ. Астана: Филиал Ун-та «Туран», 2003. – 272 с.
12. Культелеев Т.М. Уголовное и обычное право казахов. Алматы: ТОО РПИК «Дәуір», 2004. – 311 с.
13. Мажитова Ж.С. Институт биев в российской и казахстанской историографии: компаративный анализ (XVIII-XXI вв.): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2016. – 500 с.

14. Нарикбаев М. От наших великих биев до Верховного суда. Алматы: Атамұра, 2000. – 192 с.
15. Сатанова Л.М. История государства и права Республики Казахстан: Учеб. пособ. Алматы: КазНПУ им. Абая, 2008. – 272 с.
16. Тлепина Ш. Эволюция государственно-правовой науки Казахстана (1930-е -1991 гг.) / Вступ. ст. – д.ю.н., проф. С.Ф. Ударцев. Алматы, 2005. – 540 с.
17. Фукс С.Л. Обычное право казахов в XVII – первой половине XIX века. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1981. – 224 с.
18. Фукс С.Л. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. / Под общей ред. С.Ф. Ударцева / Предисл. – С.Ф. Ударцев и Н.О. Дулатбеков (на русс. и каз. языках). Вступит. ст. – Ш.В. Тлепина. Комментар. и подгот. текста – К.А. Алимжан, Ш.В. Тлепина, С.Ф. Ударцев / Приложение к Ежегоднику истории права. Астана / СПб.: ТОО «Юридическая книга Республики Казахстан» / ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2008. – 816 с.
19. Шакаев Г.Б. Процессуальное обычное право казахов второй половины XIX – начала XX веков: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1966. – 21 с.
20. Ударцев С.Ф. Академик С.З. Зиманов (К 90-летию со дня рождения ученого, педагога, государственного и общественного деятеля) // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия «Юридические науки». 2011, № 1 (7). – С. 157 – 216.

References (transliterated):

1. Abil' E.A. Istoriya gosudarstva i prava Respubliki Kazahstan s drevnejshih vremen do nachala XX veka: Kurs lekcij. Astana: Foliant, 2000. – 188 s.
2. Abil' E.A. Istoriya gosudarstva i prava Kazahstana: Kurs lekcij. 3-e izd. pererab. i dop. Karaganda: TОО «Uchebnaya kniga», 2005. – 256 s.
3. Aitkulova N.L. Institut «ajyp» v obychnom prave kazahov: Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. Almaty, 2002. – 30 s.
4. Alimzhan K.A. Obychnoe pravo kak forma prava: Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. Almaty, 1999. – 29 s.
5. Ahmedzhanova G.B. Institut prisyagi v sisteme kazahskogo obychnogo prava: Avtoref. diss. ... d-ra yurid. nauk. Almaty, 2010. – 52 s.
6. Drevnij mir prava kazahov. Materialy, dokumenty i issledovaniya / Gl. red. S.Z. Zimanov. T. 1-10. Almaty: Zhety Zhargy, 2004-2009.
7. Zimanov S.Z. Kazahskij sud biev – unikal'naya sudebnaya sistema. Almaty: Atamura, 2008. – 224 s.
8. Zimanov S. Polnoe sobranie sochinenij. 10 tomov. Almaty: Media-korporaciya «ZAH», 2009.
9. Istoriya Kazahstana (s drevnejshih vremen do nashih dnei). V pyati tomah. Almaty: Atamura, 2010. T. 1. – 544 s.; T. 2. – 624 s.; T. 3. – 768 s.; T. 4. – 768 s.; T. 5. – 672 s.
10. Kazakhstan. Nacional'naya ehnciklopediya / Gl. red. B. Ayagan. T. 1-5. Almaty: Glavnaya redakciya «Kazak ehnciklopediyasy», 2004-2006.
11. Kudajbergenov K.Ch. Istoriya gosudarstva i prava Respubliki Kazahstan: Uchebn.-metod. posob. Astana: Filial Un-ta «Turan», 2003. – 272 s.

12. Kul'teleev T.M. Ugolovnoe i obychnoe pravo kazahov. Almaty: TOO RPIK «Dəuir», 2004. – 311 s.
13. Mazhitova Zh.S. Institut biev v rossijskoj i kazahstanskoj istoriografii: komparativnyj analiz (XVIII-XXI vv.): Avtoref. diss. ... d-ra ist. nauk. M., 2016. – 500 s.
14. Narikbaev M. Ot nashih velikih biev do Verhovnogo suda. Almaty: Atamyra, 2000. – 192 s.
15. Satanova L.M. Istoriya gosudarstva i prava Respubliki Kazahstan: Ucheb. posob. Almaty: KazNPU im. Abaya, 2008. – 272 s.
16. Tlepina Sh. Ehvoljuciya gosudarstvenno-pravovoj nauki Kazahstana (1930-e -1991 gg.) / Vstup. st. – d.yu.n., prof. S.F. Udartsev. Almaty, 2005. – 540 s.
17. Fuks S.L. Obychnoe pravo kazahov v XVII – pervoj polovine XX veka. – Alma-Ata: Nauka KazSSR, 1981. – 224 s.
18. Fuks S.L. Oчерки istorii gosudarstva i prava kazahov v XVIII i pervoj polovine XX v. / Pod obshchej red. S.F. Udartseva / Predisl. – S.F. Udartsev i N.O. Dulatbekov (na russ. i kaz. yazykah). Vstupit. st. – Sh.V. Tlepina. Komment. i podgot. teksta – K.A. Alimzhan, Sh.V. Tlepina, S.F. Udartsev / Prilozhenie k Ezhegodniku istorii prava. Astana / SPb.: TOO «Yuridicheskaya kniga Respubliki Kazahstan» / OOO «Universitetskij izdatel'skij konsorcium «Yuridicheskaya kniga», 2008. – 816 s.
19. Shakaev G.B. Processual'noe obychnoe pravo kazahov vtoroj poloviny XIX – nachala XX vekov: Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. Alma-Ata, 1966. – 21 s.
20. Udartsev S.F. Akademik S.Z. Zimanov (K 90-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo, pedagoga, gosudarstvennogo i obshchestvennogo deyatelya) // Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2011, № 1 (7). – S. 157 – 216.

НОВЫЕ КНИГИ

Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Европейский союз. Настоящее и будущее. Сравнительное теоретико-правовое исследование. М.: Издательство: Проспект, 2018. – 528 с.
ISBN: 978-5-392-28292-0

В работе рассматривается широкий круг вопросов, касающихся настоящего и будущего Европейского союза. Особое внимание уделяется проблемам определения конституционно-правового статуса Европейского союза, рассмотрению его социально-экономических, политических и правовых основ, гражданства Союза, места и роли судебной системы Европейского союза в жизнедеятельности европейского общества. Значительное внимание в работе уделяется также рассмотрению вопросов, касающихся различных концепций и взглядов на перспективы развития Европейского союза, основных тенденций его развития и факторов, предопределяющих будущее Европейского союза.

Законодательство приводится по состоянию на 1 августа 2016 г. Работа рассчитана на студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, а также на политологов, социологов и юристов-практиков, связанных в своей деятельности с европейским правом.

ОДИН ИЗ ЗАБЫТЫХ. ЗЕЛИКСОН ЭЛИАЗАР СЕМЕНОВИЧ (1910-1975)¹

К. АЛИМЖАН,
к.ю.н., TOO «Kaz Minerals
Management» (Алматы)

Статья посвящена Зеликсону Элиазару Семеновичу, одному из малоизвестных сегодня ученых-юристов послевоенного Казахстана, его вкладу в развитие высшего юридического образования и юридической науки. Автор статьи пытается восстановить биографию Э.С. Зеликсона и дает обзор его деятельности и научного творчества в период формирования в Казахстане юридических научно-исследовательских и образовательных учреждений.

Ключевые слова: Элиазар Семенович Зеликсон, КазГУ, советский уголовный процесс, университет, учебное пособие, ученый, юридический институт, юридический факультет, юридическое образование, юридическая наука.

Зеликсон Э.С. – одна из значительных, хотя и малоизвестных сейчас фигур в высшем юридическом образовании и юридической науке послевоенного Казахстана. После смерти он был практически забыт, а труды его по существу преданы забвению. Интересно, что несмотря на то, что большинство его работ опубликовано в Казахстане, отечественные ученые-юристы практически не используют их сейчас в своих исследованиях, хотя, к примеру, в соседней России на работы Э.С. Зеликсона до настоящего времени ссылаются, в том числе в новейших трудах по юриспруденции, прежде всего в области теории уголовного процесса. Жизнь и научное творчество ученого мало изучены, биография его известна фрагментарно, особенно период до 2-й мировой войны. Настоящая статья является первым шагом к тому, чтобы внести посильный вклад в освещение роли и значения забытого ученого в истории юридического образования и юридической науки Казахстана.

Зеликсон Элиазар Семенович родился 22 февраля 1910 г. Скоропостижно скончался в феврале 1975 г. в Алма-Ате.

В 1934 г. поступил и в 1938 г. закончил полный курс Московского государственного юридического института (Москва) (далее – МГЮИ) по специальности «юрист». Решением Государственной экзаменационной комиссии от 29 июня 1938 г. ему была присвоена квалификация «юрист». Примечательно, что диплом о высшем образовании его законному владельцу был выдан лишь 28 января 1940 г. Скорее всего, после завершения учебы в МГЮИ молодой выпускник остался в альма-матер для

© К. Алимжан, 2018

¹Автор статьи выражает искреннюю благодарность Р.П. Альманскому за предоставленные сведения и документы, касающиеся Э.С. Зеликсона.

продолжения образования и написания кандидатской диссертации.

В 1941 г. Элиазар Семенович представил для защиты диссертацию на тему «Предварительное расследование в советском уголовном процессе».²

Судя по выданному диплому кандидата наук, решением Совета МГЮИ от 23 июня 1941 г. (протокол № 17) молодому соискателю была присуждена ученая степень кандидата юридических наук. Как видно, защита состоялась либо решение Совета о присуждении было принято на второй день начавшейся войны между СССР и Германией.

Характерно, что Высшая аттестационная комиссия Всесоюзного комитета по делам высшей школы Совнаркома СССР выдала молодому ученому диплом кандидата наук серии ЮР № 000098 лишь 17 сентября 1945 г., т.е. после завершения 2-й мировой войны. Исходя из номера диплома, можно предположить, что на день

Зеликсон Э.С. 1955 г.

²Зеликсон Э.С. Предварительное расследование в советском уголовном процессе: [Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук.] М.: Московский гос. юридич. институт, 1941. – 217 с. – Библиография – 7 стр.

Глава I. Предварительное расследование в эксплуататорском обществе.

1. Предварительное расследование в эпоху рабовладельческого Рима периода императоров.
2. Предварительное расследование в эпоху абсолютизма.
3. Организация предварительного расследования в эпоху буржуазной французской революции 1789 года.

Глава II. Предварительное расследование в буржуазном уголовном процессе.

1. Предварительное расследование в современном буржуазном государстве:
 - а) особенности предварительного производства в английском уголовном процессе,
 - б) предварительное расследование в Германии,
 - в) предварительное расследование во Франции.
2. Предварительное расследование в дореволюционной буржуазно-помещичьей России.
3. Вопросы реформы предварительного расследования в буржуазной науке и практике.

Глава III. Предварительное расследование в советском уголовном процессе на различных этапах социалистического строительства.

Глава IV. Предварительное расследование в советском уголовном процессе по действующему законодательству.

1. Анализ действующего уголовно-процессуального законодательств.
2. Недостатки действующего порядка предварительного расследования:
 - а) дознание и предварительное следствие,

выдачи Зеликсон Э.С. оказался 98-м обладателем степени кандидата юридических наук в СССР с того времени, как соответствующие дипломы начал выдавать ВАК СССР.

Непременное условие успешного продвижения по социальной лестнице советского общества и примета времени – в 1940 г. Зеликсон Э.С. стал членом ВКП(б) СССР.

Известно, что с июля 1941 г. по август 1949 г. он служил в военных трибуналах на транспорте – в Поволжье, Сибири, в военном трибунале Московской окружной железной дороги и, наконец, завершил службу на должности председателя линейного суда Восточно-Сибирского бассейна.³

После завершения военной и гражданской службы в Сибири⁴ Зеликсон Э.С. с семьей уезжает в Казахстан, вернувшись на научно-педагогическую стезю, которой уже не изменял до конца жизни.

1 сентября 1949 г. он принят старшим преподавателем кафедры советского уголовного процесса Алма-Атинского государственного юридического института (АГЮИ).

В фокусе научной и преподавательской деятельности ученого и преподавателя, конечно, были проблемы теории, практики и истории уголовного процесса. Так, согласно «Отчету о работе Алма-Атинского государственного юридического института за 1949-1950 учебный год», старший преподаватель Зеликсон Э.С. «вел практические занятия по уголовному процессу на III-м курсе и спецсеминар по уголовному процессу на IV курсе».⁵ Что касается первоначальных научных изысканий, то в 1949-1950 учебном году он совместно с доцентом Ермагамбетовым М.К. (1914-?)⁶ занимался научно-исследовательской работой по теме «Возникновение и развитие судебных органов и уголовного процесса Казахской ССР». В частности, они совместно составили указатели литературы и архивных источников.⁷ Продолжилось ли это сотрудничество и имели ли оно какой-либо результат, нет сведений.

- б) объективность расследования,
- в) полнота расследования.
3. К вопросу о реформе предварительного расследования.
 1. Дознание и предварительное следствие.
 2. Защита и предварительное следствие.

(См.: Рахлевский В.А., Борисов К.Г. Библиографический справочник диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук. Душанбе: Ирфон, 1965. С. 264).

³Гринберг И.Э. Евреи в Алма-Ате. Краткий ист. очерк. Алматы: Искандер, 2005. – С. 180-181.

⁴Подробнее о работе правосудия на водном транспорте в Восточной Сибири в годы 2-й мировой войны в СССР см., напр.: Печерский В.А. Линейные суды и военные трибуналы водных бассейнов Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. История. 2014. № 5. С. 57-64.

⁵Центральный государственный архив РК (далее – ЦГА РК). Ф. 1694, оп. 1, д. 548, л. 17.

⁶Тлепина Ш. Ермагамбетов Муртагаллим Каиршинович // Видные ученые-юристы Казахстана XX – начала XXI веков. Энциклопедич. справочник. В трех частях / Под общей ред. д.ю.н., проф. С.Ф. Ударцева. Ч. 2. Е – Н. Астана: Типография «Дэме»; ТОО «КазГЮУ Consulting», 2017. С. 20-21.

⁷ЦГА РК. Ф. 1694, оп. 1, д. 548, л. 114.

Кроме работы в АГЮИ, согласно отрывочным сведениям, известно, что в 1952-1953 гг. новоиспеченный преподаватель читал лекции по уголовному процессу в Алма-Атинской юридической школе министерства юстиции Казахской ССР.⁸

Также в 1953 г. кандидат юридических наук Зеликсон Э.С., наряду с другими учеными, привлекался недавно созданным Сектором права АН Казахской ССР к работе в качестве научного руководителя соискателей и аспирантов Сектора.⁹

Зеликсон Э.С. за рабочим столом. Конец 1960-х – нач. 1970-х гг.

Элиазар Семенович проработал на кафедре советского уголовного процесса до мая-июня 1955 г., когда АГЮИ был реорганизован и присоединен к КазГУ им. С.М. Кирова в качестве юридического факультета. В первом штате профессорско-преподавательского и учебно-вспомогательного состава юрфака КазГУ кандидат юридических наук доцент Зеликсон Э.С. (переводом из АГЮИ) занял должность доцента кафедры советского уголовного процесса и криминалистики.

Незадолго до этого решением Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования СССР от 8 января 1955 г. он был утвержден в ученном звании доцента по кафедре «Уголовный процесс». Соответствующий аттестат был выдан 11 мая 1955 г.

Во время работы в КазГУ Зеликсон Э.С. активно участвовал в качестве одного из наставников в работе научного студенческого общества (НСО) юридического факультета КазГУ. Примечательно, что рефераты лучших студенческих научных работ в то время регулярно публиковались в специальном бюллетене НСО.

Время ученого было заполнено чтением лекций в университете, практически занятиями со студентами, написанием многочисленных статей и учебных пособий, напряженной работой над докторской диссертацией. Возможно, это черта того

⁸В личном архиве автора настоящей статьи есть сохранившаяся «Стенограмма лекции старшего преподавателя Зеликсона Э.С. на II курсе Юридической школы», датированная 29 декабря 1952 г. (на 40 листах машинописного текста). Судя по содержанию, лекция была продолжением предыдущей лекции на тему «Судебное разбирательство». Кстати, можно отметить, что в то время стенографирование лекций было обычной практикой, по крайней мере, в АГЮИ. К примеру, в фонде АГЮИ в ЦГА РК хранятся стенограммы лекций по целому ряду предметов учебного цикла.

⁹Тлепина Ш.В. Эволюция государственно-правовой науки в Казахстане (1930-е – 1991 гг.). Алматы, 2005. – С. 111-112, 333-334.

времени, может быть, особенность творчества именно Элиазара Семеновича, что он писал или участвовал в написании пособий учебно-теоретического характера, т.е. для студентов, и учебно-прикладного характера для практических работников – следователей, прокуроров, судей. При этом даже в своих учебно-теоретических пособиях для студентов ученый широко использовал конкретные примеры из текущей судебно-следственной практики, иллюстрируя таковыми примерами анализ применения конкретных норм уголовного-процессуального законодательства. Очевидно, что такое было возможно лишь при тесном и постоянном сотрудничестве с работниками судебных и следственно-прокурорских работников.

Слева направо – Ургеншбаев К.С., через одного – Дюков Л.В., Зеликсон Э.С. Конец 1950-х – нач. 1960-х гг.

Одним из первых пособий для студентов стал, в частности, «Сборник задач по советскому уголовному процессу».¹⁰ Позднее на базе своих лекций по уголовному процессу Элиазар Семенович публикует еще два пособия – «Проверка законности и обоснованности приговоров, определений и постановлений, вступивших в законную силу»¹¹ и «Процессуальный порядок применения принудительных мер медицинского характера».¹² Среди пособий для практических работников можно назвать написанное в соавторстве «Применение дактилоскопической экспертизы в практике следственных и судебных органов Казахской ССР».¹³

В 1967 г., судя по грифу на обложке, скорее всего, по заказу и по инициативе министерства охраны общественного порядка (МООП) Казахской ССР была опубли-

¹⁰Сборник задач по советскому уголовному процессу: Пособие для практических занятий со студентами юридических вузов / Сост. Э.С. Зеликсон, Е. У. Кириенко; Под ред. В. А. Хвана. Алма-Ата: Казгосиздат, 1954. – 128 с.;

¹¹Зеликсон Э.С. Проверка законности и обоснованности приговоров, определений и постановлений, вступивших в законную силу: Учебное пособие по советскому уголовному процессу / Отв. ред. Я. Д. Жоров. Алма-Ата, КазГУ, 1957. – 43 с.

¹²Зеликсон Э.С. Процессуальный порядок применения принудительных мер медицинского характера: Учеб. пособие по советскому уголовному процессу. Алма-Ата, 1957. – 36 с.

¹³Зеликсон Э.С., Мукашев Б. М. Применение дактилоскопической экспертизы в практике следственных и судебных органов Казахской ССР: Пособие для следователей и судей / Под ред. В.А. Хвана. Алма-Ата, 1959. – 59 с.

кована книга «Предварительное расследование»,¹⁴ в написании которой деятельное участие в качестве соавтора принял и Э.С. Зеликсон. По содержанию издание представляло собой научно-методическое и теоретико-прикладное пособие, охватывающее различные аспекты предварительного расследования и предназначенное в первую очередь для работников правоохранительных органов, хотя авторы отмечали, что оно «также может быть рекомендовано курсантам, слушателям и студентам учебных заведений».¹⁵ Особенностью публикации было то, что довольно большая группа соавторов состояла из преподавателей юридического факультета КазГУ, Алма-Атинского факультета Высшей школы МООП СССР и работников Следственного управления МООП Казахской ССР, т.е. как из практиков, так и теоретиков. В частности, в коллектив авторов входили: кандидат юридических наук, доцент А.М. Агушевич (1922-2016);¹⁶ старший преподаватель И.К. Ботанов; кандидат юридических наук подполковник милиции А.Я. Гинзбург (р. 1929);¹⁷ кандидат юридических наук, доцент Э.С. Зеликсон; кандидат юридических наук, доцент К.М. Карацев;¹⁸ кандидат юридических наук, доцент Ю.Д. Лившиц (1929-2003);¹⁹ кандидат юридических наук, доцент Ш.М. Мажитов; кандидат юридических наук, старший преподаватель Б.М. Мукашев; доктор юридических наук, доцент В.И. Попов (1907-1998);²⁰ кандидат юридических наук, полковник милиции В.Е. Розенцвайг (1919-1992);²¹ кандидат юридических наук, доцент И.А. Сапожников; майор милиции В.С. Соколов.

Интересно, что на издании нет грифа «для служебного пользования», характерного для многих «закрытых» публикаций в советское время, однако, возможно, в силу того, что это книга была распространена в основном среди практических работников

¹⁴Предварительное расследование: (По УПК Казахской ССР). Пособие для оперативных и следственных работников МООП. Алма-Ата: Казахстан, 1967. – 248 с.

¹⁵Там же. С. 4.

¹⁶См. о нем: Ким К.В. Агушевич Аркадий Михайлович // Видные ученые-юристы Казахстана XX – начала XXI веков. Энциклопедический справочник. В 3-х ч. / Под общей ред. С.Ф. Ударцева. Ч. 1. А – Д. Астана: Типография «Дәме»; ТОО «КазГЮУ Consulting», 2017. – С. 59-60.

¹⁷См. о нем: Ким К.В. Гинзбург Александр Яковлевич // Там же. – С. 252-255.

¹⁸Карацев Казбек Муссаевич – в 1960-е гг. преподавал на кафедре советского уголовного процесса и криминалистики юридического факультета КазГУ. В период работы на кафедре опубликовал ряд учебных пособий (Вопросы методики написания дипломных работ по криминалистике. Алма-Ата, 1968. – 43 с.; Привлечение специалистов в расследовании автотранспортных происшествий. Алма-Ата, 1969. – 34 с.; Основные процессуальные и криминалистические положения допроса обвиняемого / Под ред. Ш.М. Мажитова. Алма-Ата, 1969. – 178 с.). В 1970-80-е гг. работал в Северо-Осетинском государственном университете им. К.Л. Хетагурова (г. Орджоникидзе РСФСР). В 1974 г. защитил докторскую диссертацию (см.: Теоретические и практические проблемы профилактики транспортных правонарушений. Автореферат ... доктора юрид. наук. Тбилиси, 1974. – 43 с.).

¹⁹См. о нем: Ким К.В. Лившиц Юрий Данилович // Видные ученые-юристы Казахстана XX – начала XXI веков. Энциклопедический справочник. В 3-х ч. / Под общей ред. С.Ф. Ударцева. Ч. 2. Е – Н. Астана: Типография «Дәме»; ТОО «КазГЮУ Consulting», 2017. – С. 204-206.

²⁰См. о нем: Ким К.В. Попов Владимир Иванович // Видные ученые-юристы Казахстана XX – начала XXI веков. Энциклопедический справочник. В 3-х ч. / Под общей ред. С.Ф. Ударцева. Ч. 3. О – Я. Астана: Типография «Дәме»; ТОО «КазГЮУ Consulting», 2017. – С. 28-29.

²¹См. о нем: Бисенгалиева Д.М. Розенцвайг Владимир Евсеевич // Там же. С. 41-42.

правоохранительных органов, несмотря на довольно значительный тираж (5000 экземпляров), она почему-то не попала в основные библиотеки Казахстана.²²

Возвращаясь к Э.С. Зеликсону, следует отметить, что он, как и другие преподаватели, привлекался к популяризаторской работе, т.е. участвовал в пропаганде знаний о законодательстве, государстве и праве в массах, читал лекции в рамках мероприятий общества «Знание».²³

Можно сказать, что доцент Зеликсон был хорошо известен и пользовался заслуженным авторитетом не только в Казахстане, но и за его пределами. О его научном авторитете свидетельствует география статей в периодических изданиях и специальных сборниках: не только Алма-Ата, но и Москва, Ленинград, Баку, Таллинн.

Показательный факт. 14 ноября 1974 г. Л.В. Франк (1920-1978), один из основоположников виктимологии как самостоятельной науки в СССР, работавший тогда на юридическом факультете Таджикского государственного университета, подарил ему одну из своих книг,²⁴ написав в дарственной надписи: «Глубокоуважаемому Элиазару Семеновичу Зеликсону – известному всей стране процессуалисту – от одного из его почитателей».

Венцом научной деятельности Элиазара Семеновича стала диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук, защищенная на заседании ученого совета КазГУ 28 сентября 1973 г.²⁵

²²Ни в Национальной библиотеке Республики Казахстан, ни в бывшей центральной научной библиотеке Академии наук, ни даже в библиотеке КазНУ автору настоящей статьи эту книгу найти не удалось. Возможно, поэтому она не указана в библиографиях А.М. Агушевича, А.Я. Гинзбурга, Ю.Д. Лившица, В.И. Попова и В.Е. Розенцвайга в справочном издании «Видные ученые-юристы Казахстана XX – начала XXI веков».

²³См., напр.: Зеликсон Э.С., Платунов А.Д. Порядок выборов народных судов. Алма-Ата: Казгосиздат, 1960. – 31 с.; Зеликсон Э.С., Платунов А.Д. Халық соттарының сайлауын өткізу тәртібі. Алматы: Қазмембас, 1960. – 30 б.; Зеликсон Э.С. Народный суд на страже интересов и прав граждан (Материал в помощь лектору). Алма-Ата: О-во «Знание», 1971. – 19 с.

²⁴Франк Л.В. Виктимология и виктимность: (Об одном новом направлении в теории и практике борьбы с преступностью). Учеб. пособие для студентов юридического факультета. Душанбе: РИСО ТГУ им. В.И. Ленина, 1972. – 112 с.

²⁵Зеликсон Э.С. Доказывание как деятельность субъектов уголовного судопроизводства: Дис. на соиск. учен. степ. д-ра юрид. наук / КазГУ им. С. М. Кирова. Алма-Ата: [Б. и.], 1972. – 386 с.

Зеликсон Э.С. с группой студентов КазГУ. Первая половина 1970-х гг.

Тема докторской диссертации – «Доказывание как деятельность субъектов уголовного судопроизводства» (Алма-Ата, КазГУ им. С.М. Кирова, 1973). Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор А.В. Дулов, доктор юридических наук Т.Н. Добровольская, первый заместитель прокурора Казахской ССР, государственный советник юстиции III класса И.В. Кацай. Ведущее учреждение – кафедра уголовного процесса юридического факультета Ташкентского государственного университета.

Не удалось установить, была ли утверждена эта защита ВАК СССР, однако, на наш взгляд, это не снижает научной значимости этой работы, которая до настоящего времени используется в качестве авторитетного источника в сфере уголовного процесса, в частности, российскими исследователями. Судя по всему, это была первая докторская диссертация по уголовному процессу, защищенная в Казахстане.²⁶

Элиазар Семенович также внес вклад в подготовку и развитие научных кадров Казахстана, был научным руководителем четырех кандидатских диссертаций (среди соискателей: Ж.И. Каратабанов,²⁷ Т.У. Уразалиев,²⁸ Е.Я. Лопушной,²⁹ А.И. Новиков³⁰).

²⁶Зеликсон Э.С. Доказывание как деятельность субъектов уголовного судопроизводства: Автореферат дис. на соиск. уч. степ. доктора юридич. наук. Специальность 12.00.08 – Уголовное право и процесс; Исправительно-трудовое право / Мин-во высшего и среднего специального образования КазССР. КазГУ им. С. М. Кирова. Юридический факультет. Алма-Ата, 1973. – 25 с.

Попов В.И. защитил докторскую диссертацию по уголовному процессу чуть раньше (в 1965 г.), однако его защита состоялась в Москве (см.: Ким К.В. Попов Владимир Иванович // Видные ученые-юристы Казахстана XX – начала XXI веков...).

²⁷Каратабанов Жуманияз Ибрашевич (1916-1988) – участник 2-й мировой войны, окончил Военно-юридическую академию Советской Армии (1950), работал в органах военной прокуратуры, позднее в КГБ КазССР, заслуженный юрист КазССР. Во 2-й половине 1950-х гг., будучи прокурором войск МВД КазССР, под руководством Зеликсона Э.С. занимался диссертационным исследованием на тему «Ленинско-сталинская национальная политика в советском уголовном процессе» (см.: Тлепина Ш.В. Эволюция государственно-правовой науки в Казахстане. С. 333-334, 353). Сведений о защите диссертации найти не удалось. URL: <http://www.knb.kz/ru/article/zumaniaz-ibrasevic-karatabanov>.

²⁸Уразалиев Токкожа Уразалиевич (1913 – не ранее 1974) – окончил Институт советского строительства при КазЦИК (1937), работал преподавателем в этом же институте (1937-38), позднее – директор Юридической школы НКЮ КазССР (1940-41), член Верховного суда КазССР (1941-42), в конце 1940-х гг. – зам. прокурора КазССР по кадрам. Защитил в КазГУ канд. дис. на тему «Организация и деятельность товарищеских судов (на материалах Казахской ССР)» (1966). В 1960-70-х гг. – зам. председателя юридической комиссии при Совете министров КазССР. Соавтор и сост. ряда книг (Народный суд на страже прав советских граждан. Алма-Ата: Казгосиздат, 1960. – 30 с. (в соавт.); Сб. важнейших нормативных актов о несовершеннолетних. Алма-Ата: Казахстан, 1969. – 298 с.; Хозяйственная реформа и права предприятий: (Сб. решений правительства СССР и правительства КазССР, а также указаний ведомств. органов о хоз. реформе) / Под ред. Т. Уразалиева. Т. 3. Алма-Ата: Казахстан, 1974. – 412 с.). URL: <http://www.centrasia.ru/person2.php?st=1455959954>.

²⁹Лопушной Ефим Яковлевич (род. в 1936 г.) под руководством Э.С. Зеликсона защитил в КазГУ канд. дис. на тему «Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях: По УПК Казахской ССР» (1971). В 1962-95 гг. работал на каф. советского уголовного процесса и криминалистики юрфака КазГУ, КазНИИСЭ, АССШМ МВД СССР. В 1995 г. эмигрировал в Израиль.

³⁰Новиков Анатолий Илларионович (род. в 1936 г.) – защитил кандидатскую диссертацию на тему

Помимо научных штудий и педагогических занятий, ученый принимал активное участие в систематизации и кодификации уголовно-процессуального законодательства Казахской ССР, за что был награжден почетной грамотой Верховного Совета Казахской ССР. Он стал одним из авторов первого Уголовно-процессуального кодекса Казахской ССР (принятого 22 июля 1959 г. и действовавшего до 1 января 1998 г.). Логично, что доцент Зеликсон позднее был одним из основных авторов комментария к этому законодательному акту.³¹

Элиазар Семенович зарекомендовал себя достаточно плодовитым ученым и известен как автор более 60 научных, научно-популярных, научно-практических, учебных и научно-методических публикаций. Как это нередко бывает, многие написанные им индивидуально или в соавторстве работы, в том числе довольно крупные, не были опубликованы. К примеру, 27 октября 1965 г. кафедра советского уголовного процесса и криминалистики юрфака КазГУ рекомендовала к печати учебное пособие «Советское уголовное судопроизводство (по уголовно-процессуальному кодексу Казахской ССР). Часть первая. Общие положения» (объем – 241 стр. машинописного текста). Одним из авторов и ответственным редактором пособия был Э.С. Зеликсон. По неизвестной причине это пособие не было издано.

В архиве ученого сохранился проспект монографии на тему «Производство уголовных дел в суде первой инстанции». Однако, насколько нам известно, среди опубликованных работ Элиазара Семеновича такой книги также нет.

Что касается научной ценности и актуальности трудов ученого, то можно сказать, что, как уже было отмечено выше, несмотря на то, что его работы практически забыты в Казахстане, российские ученые до сих пор помнят и используют его труды и идеи. Так, С.Б. Россинский отмечает, что в России до настоящего времени в гражданском и уголовном процессе продолжают дискуссии по поводу соотношения познания и доказывания, хотя факт тесной взаимосвязи этих категорий ни у кого не вызывает сомнений. По этой проблеме существует несколько точек зрения. Согласно одной, эти категории по существу отождествляются. Согласно другой, доказывание является разновидностью познания. Есть и третья, «достаточно интересная точка зрения, в определенной степени разводящая познание с доказыванием». К представителям этой третьей точки зрения российские исследователи относят, среди прочих, к примеру, М.С. Строговича (1894-1984) и Э.С. Зеликсона. Предста-

«Приостановление уголовных дел в стадии предварительного расследования» (1971). Работал в органах прокуратуры, позднее на преподавательской работе – доцент КазГУ им. С.М. Кирова, в Алма-Атинской высшей партийной школе, в наст. время – проф. кафедры уголовно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Евразийской юридической академии им. Д.А. Кунаева. Автор ряда книг (Следственная практика: (Из опыта работы следователей по раскрытию преступлений прошлых лет). Вып. 1. Алма-Ата, 1967. – 49 с. (в соавт.); Практикум по уголовно-процессуальному праву Республики Казахстан: Учеб.-метод. пособие. Алматы: Жеті жарғы, 2002. – 256 с. (в соавт.); Теория доказательств в уголовном процессе: от прошлого к современности: Учеб. пособие. Т. 1. Алматы: Данекер, 2002. – 269 с.; Т. 2. Алматы: Жеті жарғы, 2007. – 264 с. (в соавт.).

³¹Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Казахской ССР. Офиц. текст по состоянию на 1 марта 1968 г. / Под общей ред. доц. Э.С. Зеликсона, Ю.Д. Лившица и В.А. Хвана. Алма-Ата: Казахстан, 1969. – 656 с.

вители этой третьей позиции еще в советское время отмечали, что доказыванием следует считать процесс формирования и изложения различных доводов и аргументов, позволяющих обосновать правильность своей позиции перед субъектом правоприменения. Наибольшее развитие эта концепция приобрела в связи с переходом российского уголовного судопроизводства к состязательным механизмам.³²

Согласно определению Э.С. Зеликсона, *доказыванием является регламентируемая законом деятельность органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, а также осуществляемая при их решающей роли и под их руководством деятельность других участников процесса, участвующих в доказывании, по установлению путем собирания, проверки и оценки доказательств фактических обстоятельств дела, объективной истины; по обоснованию выводов и решений, принимаемых по отдельным вопросам в ходе расследования и рассмотрения, а также по существу всего дела, как органом, обязанным доказывать, так и участниками процесса, обязанными или имеющими право на участие в доказывании тех утверждений, к которым они пришли в ходе и в результате производства по делу.*³³

В заключение можно добавить, что Элиазар Семенович был счастливо женат на Романовой Ольге Никитичне, с которой прожил до старости, хотя и пережил ее. Супруги воспитали дочь Лилию (родилась в г. Москве) и сына Бориса (родился в г. Иркутске). Дочь – Лилия Элиазаровна Альманская (урожденная Зеликсон) (1940-2011) – закончила юридический факультет КазГУ и практически всю жизнь проработала адвокатом Алма-Атинской городской коллегии адвокатов.

Қ. Әлімжан: Ұмытылғандардың бірі. Зеликсон Элиазар Семенович (1910-1975).

Мақала соғыстан кейінгі Қазақстанда онша танымал емес заңгер ғалымдардың бірі Зеликсон Элиазар Семеновичке және оның жоғары заң білім беру саласы мен заң ғылымының дамуына қосқан үлесіне арналған. Мақала авторы Э. С. Зеликсонның өмірбаянын қалпына келтіруге тырысып Қазақстандағы заң ғылыми зерттеу мен жоғары заң білім беру мекемелерінің қалыптасу кезеңіне сәйкес келген оның қызметі мен ғылыми шығармашылығын шолып өтеді.

Түйінді сөздер: Элиазар Семенович Зеликсон, ҚазМУ, советтік қылмыс процесі, университет, оқу құралы, ғалым, заң институты, заң факультеті, заң білім беру, заң ғылымы.

K. Alimzhan: One of the forgotten. Zelickson Eliazar Semenovich (1910-1975).

The Article is dedicated to Zelickson Eliazar Semenovich, one of the little known post-war Kazakhstan law scholars and his contribution to the development of higher legal education and legal science. The author tries to restore the biography of Eliazar Zelickson and gives an overview of his scholarly works and activities during the formation of legal

³²См. подробнее: Россинский С.Б. Механизм формирования результатов “невербальных” следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Проспект, 2015. – С. 10-18 и др.

³³Зеликсон Э.С. Доказывание как деятельность субъектов уголовного судопроизводства: Автореф. ... С. 12.

educational and scientific institutions of Kazakhstan.

Key words: Eliazar Semionovich Zelickson, Kazakh State University, soviet criminal proceedings, a university, a study manual, a scholar, a law institute, a law school, legal education, legal science.

Библиография:

1. Бисенғалиева Д.М. Розенцвайг Владимир Евсеевич // Видные ученые-юристы Казахстана XX – начала XXI веков. Энциклопедический справочник. В 3 ч. / Под общей ред. д.ю.н., проф. С.Ф. Ударцева. Ч. 3. О – Я. Астана: Типография «Дәме»; ТОО «КазГЮУ Consulting», 2017. – С. 41-42.
2. Гринберг И.Э. Евреи в Алма-Ате. Краткий исторический очерк. Алматы: Искандер, 2005.
3. Зеликсон Э.С. Предварительное расследование в советском уголовном процессе: [Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук.] М.: Московский гос. юридич. институт, 1941. – 217 с.
4. Зеликсон Э.С. Проверка законности и обоснованности приговоров, определений и постановлений, вступивших в законную силу: Учебное пособие по советскому уголовному процессу / Отв. ред. Я. Д. Жоров. Алма-Ата, КазГУ, 1957. – 43 с.
5. Зеликсон Э.С. Процессуальный порядок применения принудительных мер медицинского характера: Учеб. пособие по советскому уголовному процессу. Алма-Ата, 1957. – 36 с.
6. Зеликсон Э.С., Мукашев Б. М. Применение дактилоскопической экспертизы в практике следственных и судебных органов Казахской ССР: Пособие для следователей и судей / Под ред. В.А. Хвана. Алма-Ата, 1959. – 59 с.
7. Зеликсон Э.С., Платунов А.Д. Порядок выборов народных судов. Алма-Ата: Казгосиздат, 1960. – 31 с.
8. Зеликсон Э.С., Платунов А.Д. Халық соттарының сайлауын өткізу тәртібі. Алматы: Қазмембас, 1960. – 30 б.
9. Зеликсон Э.С. Народный суд на страже интересов и прав граждан (Материал в помощь лектору). Алма-Ата: О-во «Знание», 1971. – 19 с.
10. Зеликсон Э.С. Доказывание как деятельность субъектов уголовного судопроизводства: Дис. на соиск. учен. степ. д-ра юр. наук / КазГУ им. С. М. Кирова. Алма-Ата: [Б. и.], 1972. – 386 с.
11. Зеликсон Э.С. Доказывание как деятельность субъектов уголовного судопроизводства: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. доктора юр. наук. Специальность 12.00.08 - Уголовное право и процесс; Исправительно-трудовое право / Мин-во высшего и среднего специального образования КазССР. Казахский государственный ун-т им. С. М. Кирова. Юр. фак-т. Алма-Ата, 1973. – 25 с.
12. Ким К.В. Агушевич Аркадий Михайлович // Видные ученые-юристы Казахстана XX – начала XXI веков. Энциклопедический справочник. В 3 ч. / Под общей ред. С.Ф. Ударцева. Ч. 1. А – Д. Астана: Типография «Дәме»; ТОО «КазГЮУ Consulting», 2017. – С. 59-60.
13. Ким К.В. Гинзбург Александр Яковлевич // Видные ученые-юристы Казахстана XX – начала XXI веков. Энциклопедический справочник. В 3 ч. / Под общей ред. С.Ф. Ударцева. Ч. 1. А – Д. Астана: Типография «Дәме»; ТОО «КазГЮУ Consulting», 2017. – С. 252-255.

14. Ким К.В. Лившиц Юрий Данилович // Видные ученые-юристы Казахстана XX – начала XXI веков. Энциклопедический справочник. В 3 ч. / Под общей ред. С.Ф. Ударцева. Ч. 2. Е – Н. Астана: Типография «Дәме»; ТОО «КазГЮУ Consulting», 2017. – С. 204-206.
15. Ким К.В. Попов Владимир Иванович // Видные ученые-юристы Казахстана XX – начала XXI веков. Энциклопедический справочник. В 3 ч. / Под общей ред. С.Ф. Ударцева. Ч. 3. О – Я. Астана: Типография «Дәме»; ТОО «КазГЮУ Consulting», 2017. – С. 28-29.
16. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Казахской ССР. Офиц. текст по состоянию на 1 марта 1968 г. / Под общей ред. доц. Э.С. Зеликсона, Ю.Д. Лившица и В.А. Хвана. Алма-Ата: Казахстан, 1969. – 656 с.
17. Рахлевский В.А., Борисов К.Г. Библиографический справочник диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук. Душанбе: Ирфон, 1965.
18. Россинский С.Б. Механизм формирования результатов “невербальных” следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Проспект, 2015.
19. Сборник задач по советскому уголовному процессу: Пособие для практических занятий со студентами юридических вузов / Сост. Э.С. Зеликсон, Е. У. Кириенко; под ред. В. А. Хвана. Алма-Ата: Казгосиздат, 1954. – 128 с.
20. Печерский В.А. Линейные суды и военные трибуналы водных бассейнов Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. История. 2014. № 5. – С. 57-64.
21. Предварительное расследование: (По УПК Казахской ССР). Пособие для оперативных и следственных работников МООП. Алма-Ата: Казахстан, 1967. – 248 с.
22. Тлепина Ш. Ермагамбетов Муртагаллим Каиршинович // Видные ученые-юристы Казахстана XX – начала XXI веков. Энциклопедич. справочник. В трех частях / Под общей ред. С.Ф. Ударцева. Ч. 2. Е – Н. Астана: Типография «Дәме»; ТОО «КазГЮУ Consulting», 2017. С. 20-21.
23. Тлепина Ш.В. Эволюция государственно-правовой науки в Казахстане (1930-е – 1991 гг.). Алматы, 2005. – 540 с.
24. Франк Л.В. Виктимология и виктимность: (Об одном новом направлении в теории и практике борьбы с преступностью). Учеб. пособие для студентов юридического факультета. Душанбе: РИСО ТГУ им. В.И. Ленина, 1972. – 112 с.

References (transliterated):

1. Bisengalieva D.M. Rozencvajg Vladimir Evseevich // Vidnye uchenye-yuristy Kazahstana XX – nachala XXI vekov. Ehnciklopedicheskij spravochnik. V 3 ch. / Pod obshchej red. d.yu.n., prof. S.F. Udarceva. Ch. 3. O – Ya. Astana: Tipografiya «Dәme»; ТОО «KazGYUU Consulting», 2017. – S. 41-42.
2. Grinberg I.Eh. Evrei v Alma-Ate. Kratkij istoricheskij ocherk. Almaty: Iskander, 2005.
3. Zelikson Eh.S. Predvaritel'noe rassledovanie v sovetskom ugovnom processe: [Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk.] M.: Moskovskij gos. yuridich. institut, 1941. – 217 s.
4. Zelikson Eh.S. Proverka zakonnosti i obosnovannosti prigovorov, opredelenij i postanovlenij, vstupivshih v zakonnyu silu: Uchebnoe posobie po sovetskomu ugovnomu processu / Otv. red. Ya. D. Zhorov. Alma-Ata, KazGU, 1957. – 43 s.
5. Zelikson Eh.S. Processual'nyj poryadok primeneniya prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera: Ucheb. posobie po sovetskomu ugovnomu processu. Alma-Ata, 1957. – 36 s.

6. Zelikson Eh.S., Mukashev B. M. Primenenie daktiloskopicheskoj ehkspertizy v praktike sledstvennyh i sudebnyh organov Kazahskoj SSR: Posobie dlya sledovatelej i sudej / Pod red. V.A. Hvana. Alma-Ata, 1959. – 59 s.
7. Zelikson Eh.S., Platunov A.D. Poryadok vyborov narodnyh sudov. Alma-Ata: Kazgosizdat, 1960. – 31 s.
8. Zelikson Eh.S., Platunov A.D. Halyk sottarynyн sajlauyn otkizu tәrtibi. Almaty: Kazmembas, 1960. – 30 b.
9. Zelikson Eh.S. Narodnyj sud na strazhe interesov i prav grazhdan (Material v pomoshch' lektoru). Alma-Ata: O-vo «Znaniye», 1971. – 19 s.
10. Zelikson Eh.S. Dokazyvanie kak deyatel'nost' sub»ektov ugovnogo sudoproizvodstva: Dis. na soisk. uchen. step. d-ra yur. nauk / KazGU im. S. M. Kirova. Alma-Ata: [B. i.], 1972. – 386 s.
11. Zelikson Eh.S. Dokazyvanie kak deyatel'nost' sub»ektov ugovnogo sudoproizvodstva: Avtoref. diss. na soisk. uch. step. doktora yur. nauk. Special'nost' 12.00.08 – Ugovnoe pravo i process; Ispravitel'no-trudovoe pravo / Min-vo vysshego i srednego special'nogo obrazovaniya KazSSR. Kazahskij gosudarstvennyj un-t im. S. M. Kirova. Yur. fak-t. Alma-Ata, 1973. – 25 s.
12. Kim K.V. Agushevich Arkadij Mihajlovich // Vidnye uchenye-yuristy Kazahstana XX – nachala XXI vekov. Ehnciklopedicheskij spravochnik. V 3 ch. / Pod obshchej red. S.F. Udarceva. Ch. 1. A – D. Astana: Tipografiya «Dәme»; ТОО «KazGYUU Consulting», 2017. – S. 59-60.
13. Kim K.V. Ginzburg Aleksandr YАkovlevich // Vidnye uchenye-yuristy Kazahstana XX – nachala XXI vekov. Ehnciklopedicheskij spravochnik. V 3 ch. / Pod obshchej red. S.F. Udarceva. Ch. 1. A – D. Astana: Tipografiya «Dәme»; ТОО «KazGYUU Consulting», 2017. – S. 252-255.
14. Kim K.V. Livshic Yuriy Danilovich // Vidnye uchenye-yuristy Kazahstana XX – nachala XXI vekov. Ehnciklopedicheskij spravochnik. V 3 ch. / Pod obshchej red. S.F. Udarceva. Ch. 2. E – N. Astana: Tipografiya «Dәme»; ТОО «KazGYUU Consulting», 2017. – S. 204-206.
15. Kim K.V. Popov Vladimir Ivanovich // Vidnye uchenye-yuristy Kazahstana XX – nachala XXI vekov. Ehnciklopedicheskij spravochnik. V 3 ch. / Pod obshchej red. S.F. Udarceva. Ch. 3. O – Ya. Astana: Tipografiya «Dәme»; ТОО «KazGYUU Consulting», 2017. – S. 28-29.
16. Kommentarij k Ugovno-processual'nomu kodeksu Kazahskoj SSR. Ofic. tekst po sostoyaniyu na 1 marta 1968 g. / Pod obshchej red. doc. Eh.S. Zeliksona, Yu.D. Livshica i V.A. Hvana. Alma-Ata: Kazahstan, 1969. – 656 s.
17. Rahlevskij V.A., Borisov K.G. Bibliograficheskij spravochnik dissertacij na soiskanie uchenoj stepeni kandidata i doktora yuridicheskikh nauk. Dushanbe: Irfon, 1965.
18. Rossinskij S.B. Mekhanizm formirovaniya rezul'tatov “neverbal'nyh” sledstvennyh i sudebnyh dejstvij v ugovnom sudoproizvodstve: monografiya. M.: Prospekt, 2015.
19. Sbornik zadach po sovetskomu ugovnomu processu: Posobie dlya prakticheskikh zanyatij so studentami yuridicheskikh vuzov / Sost. Eh.S. Zelikson, E. U. Kirienko; pod red. V. A. Hvana. Alma-Ata: Kazgosizdat, 1954. – 128 s.
20. Pecherskij V.A. Linejnye sudy i voennye tribunaly vodnyh bassejnov Vostochnoj Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Ser. Istoriya. 2014. № 5. – S. 57-64.
21. Predvaritel'noe rassledovanie: (Po UPK Kazahskoj SSR). Posobie dlya operativnyh i sledstvennyh rabotnikov MOOP. Alma-Ata: Kazahstan, 1967. – 248 s.
22. Tlepina Sh. Ermagambetov Murtagallim Kairshinovich // Vidnye uchenye-yuristy Kazahstana XX – nachala XXI vekov. Ehnciklopedich. spravochnik. V trekh chastyah / Pod obshchej red.

S.F. Udartseva. Ch. 2. E – N. Astana: Tipografiya «Dәme»; TOO «KazGYUU Consulting», 2017. S. 20-21.

23. Tlepina Sh.V. Eholvuciya gosudarstvenno-pravovoj nauki v Kazahstane (1930-e – 1991 gg.). Almaty, 2005. – 540 s.

24. Frank L.V. Viktimologiya i viktimnost': (Ob odnom novom napravlenii v teorii i praktike bor'by s prestupnost'yu). Ucheb. posobie dlya studentov yuridicheskogo fakul'teta. Dushanbe:

НОВЫЕ КНИГИ

Шаяхметова Е.А., Возняк О.А.
Функционирование и эффективность дистанционного обучения:
Монография / Шаяхметова Е.А., Возняк О.А. под общ. ред. доктора РНД, профессора Ө.С. Қыстаубай. Астана, 2016. – 120 с.

ISBN 978-601-7538-33-0

Монография посвящена проблемам становления и развития дистанционного обучения в Казахстане. Включает в себя исследование рынка образовательных услуг, зарубежный опыт реализации системы дистанционного обучения; исследуются перспективы развития электронного обучения в Казахстане.

Предназначена для руководителей ВУЗов, реализующих дистанционное обучение, широкого круга читателей.

Рецензенты: д.ю.н., профессор К.А. Жиренчин; к.ю.н. С.Н. Сарсенова.

МАЗМҰНЫ

- *С.Ф. Ударцев.* Мықты құқықтық мемлекет және қауіпсіздіктің жаңа сын-тегеуріндері: теория мәселелері. Б. 20.
- *А.В. Малько, В.А. Затонский.* Мықты құқықтық мемлекет қалыптастыру саласындағы құқықтық саясат. Б. 32.
- *Б. Мелкевик.* Мықты құқықтық мемлекет: заманауи жойғыш күшке ие авторитарлыққа қалай қарсы тұруға болады. Б. 41.
- *Ж.Р. Темірбеков.* Саяси құқықтар, құқық үстемдігі және экономикалық өсім. Б. 51.
- *И.В. Понкин.* Мықты мемлекет. Б. 66.
- *Н.К. Шаптала.* Сот үдерісіндегі дәлелдеу субъектілері: салыстырмалы талдау және философиялық-құқықтық өлшемдер. Б. 78-79.
- *А.Ф. Мухаметов.* Мемлекеттің ұлттық қауіпсіздігінің заңнамалық қолдауын қалыптастыру үдерісі: оларда қалай? Б. 95-96.
- *Э.К. Утяшов.* Қазақстан Республикасында және Ресей Федерациясында әскери ережелер режимін құқықтық реттеу: салыстырмалы-құқықтық талдау. Б. 106-107.
- *А.Т. Карипова, Е.А. Омаров, Б.Ж. Шотқин, Т.Г. Маханов.* Қазақстан Республикасы прокуратура органдарының өтініштерді қарау саласындағы мәселелері туралы. Б. 118.
- *Р.Т. Нуртаев.* Экологиялық қылмыстық құқық бұзушылық субъектісі туралы. Б. 128.
- *Р.Д. Ақшалова.* Жаңартылатын энергия көздері жөніндегі халықаралық агенттік мамандандырылған халықаралық ұйым ретінде. Б. 139.
- *М.В. Гребенюк.* Халықаралық-құқықтық ережелер Азық-түлік қауіпсіздігі жөніндегі Ислам ұйымы (АҚИҰ). Б. 150.
- *С.В. Саятин.* Халықаралық қылмыстық құқықтың принциптерін Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасына енгізу. Б. 164.
- *Д.С. Батырбекова, С.К. Укин.* Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесі контекстінде Астана қаласының аумағында арнайы құқықтық режим. Б. 175.
- *Н.С. Еш尼亚зов.* Аударма қиындықтары: Қазақстанның 2007 ж. Алименттік міндеттемелерге қолданбалы құқық туралы Хаттаманы ратификациялауы туралы. Б. 178.
- *В.С. Белых.* кейбір Еуропа елдерінде және Америка Құрама Штаттарында дәрменсіздікті (банкроттықты) құқықтық реттеу. Б. 195.
- *М.А. Естемиров.* Заңды тұлғаны басқару органдарының шешімдерін даулау жөніндегі қатысушы құқығы. Б. 197-201.
- *П.М. Морхат.* Жасанды интеллект бірлігімен туындаған зияткерлік қызметтің нәтижелеріне құқық: азаматтық-құқықтық мәселелер. Б. 212.
- *Ж. Даукетова.* Қазақтардың әдет-ғұрыптық заңы мен дала билерінің институтын зерттеу. Б. 227.
- *Қ. Әлімжан.* Ұмытылғандардың бірі. Зеликсон Элиазар Семенович (1910-1975). Б. 239.

CONTENTS

• *S.F. Udartsev.* strong law-based state and new security challenges: theory questions. P. 20. • *A.V. Mal'ko, V.A. Zatoniskij.* legal policy in the sphere of formation strong state. P. 32. • *B. Melkevik.* Strong Rule of Law: To stand-up against contemporary destructive authoritarianism. P. 41-42. • *Zh. Temirbekov.* Political rights, rule of law and economic growth. P. 51-52. • *I.V. Ponkin.* Strong state. P. 66. • *N.K. Shaptala.* Subjects of evidence in the judicial process: comparative analysis and philosophical. P. 71-78. • *A. Mukhametov.* The process of forming the legislative security of the national security of the state: how do we have? P. 96. • *E.K. Utashov.* Legal regulation of martial law in the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation: comparative-legal analysis. P. 107. • *A.T. Karipova, E.A. Omarov, B.Zh. Shotkin, T.G. Makhanov.* Appeals reviewing problems by the Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan. P. 118. • *R.T. Nurtaev.* About the subject of environmental criminal offenses. P. 128. • *R.D. Akshalova.* International Renewable Energy Agency as a specialized international organization. P. 139. • *M. Grebeniuk.* International legal status of the Islamic organization for food security (iofs). P. 151. • *S. Sayapin.* The Implementation of Principles of International Criminal Law in the Criminal Legislation of the Republic of Kazakhstan. P. 164-165. • *D. Batyrbekova, S. Ukin.* A special legal regime within the city of Astana in the context of the legal system of the Republic of Kazakhstan. P. 175. • *N.S. Yeshniyazov.* Lost in Translation: on Kazakhstan's Ratification of the 2007 Protocol on the Law Applicable to Maintenance Obligations. P. 178-179. • *V.S. Belykh.* The Institute of Insolvency (Bankruptcy) in Some Foreign Countries: Basic Elements. P. 189-195. • *M. Yestemirov.* Rights of the shareholder to challenge the decisions of the management of the legal entity. P. 202. • *P. Morkhat.* The right to the results of intellectual activity made by a unit of artificial intelligence: civil problems. P. 212-213. • *Zh. Dauketova.* Studies on the customary law of Kazakhs and the Institute of Steppe Judges-Biys. P. 227. • *K. Alimzhan.* One of the forgotten. Zelickson Eliazar Semenovich (1910-1975). P. 239-340.

В журнале «Право и государство» публикуются научные статьи, заметки, сообщения о результатах исследований в различных областях юриспруденции, рецензии на новые научные юридические издания, статьи о значимых научных конференциях по проблемам государства и права.

Представленные для опубликования материалы должны отвечать следующим требованиям:

- Содержать результаты оригинальных научных исследований в области государства и права, ранее неопубликованных и не предназначенных для публикации в других изданиях. Автор обязан сообщить редколлегии при представлении статьи и других материалов — были ли они опубликованы или представлены в иные издания.
- Статьи публикуются на казахском, русском, английском языках. В начале статьи помещаются инициалы и фамилия автора, ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, иная информация о месте работы автора, город, страна. После фамилии автора — название статьи, три аннотации (5-8 строк) на русском, казахском и английском языках (с переводом фамилии, инициалов автора, места его работы и названия статьи). После каждой аннотации — 10 ключевых слов на соответствующем языке.
- Статья объемом 7-10 страниц формата А4 должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, размером 14, через один интервал. Статьи объемом более 10 страниц согласовываются с главным редактором.
- Сноски в статье – постраничные, со сквозной нумерацией. Обязательны ссылки на источники опубликования приводимых статистических данных, нормативных актов, в том числе международных и зарубежных. В конце статьи дается библиография – основной научной литературы по данной теме, в том числе новейшей (на языке оригинала и отдельно с латинской транслитерацией). Редакция журнала «Право и государство» рекомендует использовать сравнительно-правовой материал, изучить публикации по смежным темам в нашем журнале (см. архив на сайте журнала) и включить полезные из них для Вашей работы в пристатейную библиографию. Библиография и примечания оформляются в соответствии с ГОСТом. При ссылках на Интернет-ресурсы указывается автор, название текста, сайт/портал, полный электронный адрес материала, дата его открытия.
- В конце статьи должна быть запись: «статья публикуется впервые», ставится дата и подпись автора (авторов). Здесь же помещаются сведения об авторе (авторах): фамилия, имя и отчество полностью, электронный адрес, контактные телефоны.
- В редакцию представляются: электронная версия статьи, фото автора (желательно — художественный, не документальный портрет). Последняя страница присылается также и в сканированном варианте.
- Статьи проходят внутреннее рецензирование в редколлегии без направления рецензии авторам статей. Редколлегия вправе отклонять статьи, которые по ее мнению не соответствуют требованиям журнала. За ошибки, неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы). В случае переработки статьи по просьбе редакционной коллегии журнала, датой поступления считается дата получения редакцией окончательного варианта. Если статья отклонена, редакция сохраняет за собой право не вести дискуссию по мотивам отклонения. Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.
- Соискатели, магистранты, аспиранты и докторанты, если статья не была специально им заказана, представляют статью для рассмотрения в редколлегию с рецензиями не менее чем двух независимых ученых по тематике статьи (не из числа членов редколлегии и редсовета), в т.ч. желательно, — научного руководителя или доктора наук.
- Отгиски статей не выдаются, гонорар авторам не выплачивается. Плата за публикацию с авторов не взимается. Автор опубликованной статьи вправе получить в редакции один экземпляр журнала бесплатно.
- Ссылки на наше издание при перепечатке обязательны.

Адрес и контактные данные редакции:

010000, г. Астана, шоссе Қорғалжын, 8, Университет КАЗГЮУ, тел. 8 (7172) 70 30 54, 8 (7172) 70 17 55,
www.km.kazguu.kz. e-mail: pravoigos@kazguu.kz

ҚҰРЫЛТАЙШЫ:

«M.S. NARIKBAEV ATYNDAGI KAZGUU UNIVERSITETI» АҚ

Журнал Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігінің Ақпарат және мұрағаттар комитетінде тіркеліп, 25.09.2006 жылы №7742-Ж кәуәлігі берілген.

Таралымы 500 дана.

Журнал ғылыми қызметтің негізгі нәтижелерін жариялау үшін ҚР БЖҒМ ұсынған ғылыми басылымдардың тізімдемесіне және РФҚД халықаралық ғылыми өлшем жүйесіне енген.

ЖУРНАЛ РЕДАКЦИЯСЫ:

С. Ф. Ударцев (бас редактор);
Р. А. Жакина (жауапты хатшы);
В. С. Арсеньева (компьютерлік беттеу және әрлендіріме);
Ө. С. Қыстаубай қазақ тіліндегі мәтіннің редакторы;
Р. С. Фаизова, Е. П. Целенко (ағылшын тіліндегі мәтіннің редакторлары).

РЕДАКЦИЯНЫҢ МЕКЕНЖАЙЫ:

010000, Астана қ.,
Қорғалжын тас жолы, 8,
«M.S. Narikbaev atyndagi KAZGUU Universiteti»,
тел. 8 (7172) 70 30 54
web-site: www.km.kazguu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

ЖАЗЫЛУ ИНДЕКСІ:

жеке жазылушылар үшін 75762,
мекемелер мен ұйымдар үшін 25762,
ISSN 2307-521X.

Материалдарды қолдану кезінде «Құқық және мемлекет» журналына сілтеме жасалу міндетті.

Журналдың материалдарында білдірілген пікірлер редакцияның көзқарасымен сәйкес келе бермейді.

Қолжазба қайтарылмайды.

«КазГЮУ Consulting» ЖШС-нде басылды,
Астана қ., Қорғалжын тас жолы, 8,
тел. +7 701 806 0303
e-mail: a_zhaguparov@kazguu.kz
Басуға 30.08.2018. қол қойылды.

© «M.S. Narikbaev atyndagi KAZGUU Universiteti», 2018
© «Құқық және мемлекет» журналы, 2018.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

АО «УНИВЕРСИТЕТ КАЗГЮУ ИМЕНИ М.С. НАРИКБАЕВА»

Государственный регистрационный №7742-Ж выдан 25.09.2006 г. Комитетом информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан.

Тираж 500 экз.

Журнал включен в перечень научных изданий рекомендуемых МОН РК для публикации основных результатов научной деятельности и в международную наукометрическую систему РИНЦ.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА:

С. Ф. Ударцев (главный редактор);
Р. А. Жакина (ответственный секретарь);
В. С. Арсеньева (компьютерная верстка и дизайн);
Ө. С. Қыстаубай (редактор текста на казахском языке);
Р. С. Фаизова, Е. П. Целенко (редакторы текста на английском языке).

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

010000, г. Астана,
Кургальджинское шоссе, 8,
«Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева»,
тел. 8 (7172) 70 30 54
web-site: www.km.kazguu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС:

для индивидуальных подписчиков 75762,
для предприятий и организаций 25762,
ISSN 2307-521X.

При использовании материалов ссылка на журнал «Право и государство» обязательна.

Мнения, высказываемые в материалах журнала не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Рукописи редакцией не возвращаются.

Отпечатано в ТОО «КазГЮУ Consulting»
010000, г. Астана,
Кургальджинское шоссе, 8
Тел.: +7 701 806 0303
e-mail: a_zhaguparov@kazguu.kz
Подписано в печать: 30.08.2018..

© АО «Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаев», 2018
© Журнал «Право и государство», 2018.

CHAIRMAN:

M.S. NARIKBAEV ATYNDAGI KAZGUU UNIVERSITETI

The state registration №7742-ZH was given on 25.09.2006 by Committee of information and archive of Ministry of culture and information of the Republic of Kazakhstan.

Edition of 500 copies.

The journal is included in a list of scientific publications recommended by the Ministry of Education and Science of Republic of Kazakhstan for publication of the results of scientific research and also included in international RSCI (Russian Science Citation Index) system.

THE EDITORS OF THE JOURNAL:

S. F. Udartsev (Chief Editor);
R. A. Zhakina (executive secretary);
V. S. Arsenyeva (Technical and design manager);
O. S. Kystaubai (Text editor of the Kazakh version);
R. S. Faizova, E. P. Tselenko (Text editors of the English version).

EDITORIAL ADDRESS:

010000, Astana,
Korgaljin highway, 8,
M.S. Narikbaev atyndagi KAZGUU Universiteti,
tel. 8 (7172) 70 30 54
web-site: www.km.kazguu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

INDEX

for private subscribers 75762
for organizations 25762,
ISSN 2307-521X.

The quotation of materials from the journal should obligatory have reference to the journal «Law and State».

Editor in chief ensures that the reviewers act independently and have no conflict of interest in the paper.

Printed by «КазГЮУ Consulting» LLP
010000 Astana, Korgaljin highway, 8,
Tel.: +7 701 806 0303
e-mail: a_zhaguparov@kazguu.kz
Passed for printing: 30.08.2018..

© M.S. Narikbaev atyndagi KAZGUU Universiteti, 2018
© Journal «Law and state», 2018.

ОСНОВАН

M. NARIKBAEV
KAZGUU
UNIVERSITY

В 1994 Г.

БАКАЛАВРИАТ

- Менеджмент ★
FIBAA, IQAA
- Экономика ★
FIBAA, IQAA
- Финансы ★
FIBAA, CIMA, ACCA, IQAA
- Учет и аудит ★
FIBAA, CIMA, IQAA
- Туризм ★
FIBAA, IQAA
- Переводческое дело ★
IQAA
- Психология ★
FIBAA, IQAA
- Юриспруденция
FIBAA, IQAA
- Международное право ★
FIBAA, IQAA
- Правоохранительная деятельность
FIBAA, IQAA

МАГИСТРАТУРА

- Юриспруденция
FIBAA, IQAA
- Международное право ★
FIBAA, IQAA
- Экономика
FIBAA, IQAA
- Переводческое дело
IQAA
- Финансы ★
FIBAA, CIMA, ACCA, IQAA

ДОКТОРАНТУРА

- Юриспруденция
FIBAA, IQAA
- Международное право ★
FIBAA, IQAA

★ обучение на английском языке

БИЗНЕС ШКОЛА

Аккредитационные агентства

FIBAA ГЕРМАНИЯ
Фонд международной аккредитации программ в области бизнес-администрирования.

CIMA ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
Международная ассоциация специалистов по управленческому учету Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

ACCA ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
Ассоциация Дипломированных Сертифицированных Бухгалтеров.

IQAA КАЗАХСТАН
Независимое казахстанское агентство по обеспечению качества в образовании, входит в реестр рекомендованных агентств Европейской ассоциации гарантии качества высшего образования.

Преимущества

Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева лидер образования по подготовке гуманитарно-юридических кадров в Казахстане, выпустивший свыше 30 тысяч высококвалифицированных специалистов.

Более 70 крупнейших стратегических вузов партнеров в США, Германии, Италии, Великобритании, Польше, Японии, Южной Кореи и др.

Корпоративный Фонд «Эндаумент КАЗГЮУ» с 2016 года привлек более 186 млн. тенге для финансирования социальных и инфраструктурных программ и проектов университета.

Военная кафедра на базе Университета готовит лейтенантов запаса по следующим специальностям: «Воспитательная и социально-правовая работа», «Организация специальной пропаганды», «Организация идеологической работы», «Юрисконсультская работа».

© Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева
Республика Казахстан, 010000, город Астана,
район Есиль, шоссе Коргалжын, 8
+7 (7172) 70 30 30, info@kazguu.kz

